

**ЭКСПЕДИЦИЯ.
Туда, но не
обратно...**

Советский Союз, 1990 год, город Гомель Белорусская ССР. Большая археологическая экспедиция готовится исследовать неизведанное и добавить фактов об истории Древней Руси в учебники будущих поколений. Молодые историки-студенты, их больше волнуют межличностные отношения, чем, вероятно, сама археология. Но... экспедиция пропадает после или во время неких событий. Неизвестные силы переносят археологический лагерь, как и часть деревни, возле которой тот располагался... Куда? Как там выжить?

Экспедиция. Туда, но не обратно

Археологический комплекс в деревне Мохов Лоевского района Республики Беларусь существует в действительности. Первые исследования городища и большого курганного могильника проводились в конце XIX века, после продолжились в 2003-м и далее до 2020-го года. Памятник датируется второй половиной X — серединой XI веков. Там жили торговцы (найденные весы), там жили воины (найденное многочисленное оружие в захоронениях), там были и ремесленники. Впрочем, эти люди могли быть и теми, и другими, занимаясь и торговлей и войной, контролируя и племена радимичей и дреговичей, будучи погостом для сбора дани. Но это не точно, ибо слишком много еще остается дискуссионных вопросов и об этом археологическом комплексе и в истории Древней Руси в целом.

Между тем, на протяжении семнадцати лет место собирало, там, у озера в подножии холмов, огромное количество увлекающихся стариной и наукой людей. Разные по своему социальному статусу, политическим взглядам, отношению к жизни, они были объединены общей идеей, смыслами, которые оказывались выше любых различий и мнимых предрассудков.

Описанная же в книге география, частью совпадает, меньшей долей, является фантазией автора. Есть и яблоневый сад, отдельно растущие вишни, березки и даже поле на месте средневекового поселения, болота и протоки от озера к Днепру. А с самой высокой точки на холме прекрасно видно место впадения реки Сож в Днепр. Дубрава так же некогда была у деревни, оставив после себя лишь несколько вековых дубов, хранящих, как и по-житейски мудрые пожилые моховцы, память предков. Отдается по кромке холмов эхом и Великая война, в виде траншей и окопов. Есть и магазин и его пристройки, с почти таким же описанием, как в книге, и с волейбольной площадкой за ним. Была и школа с гаражами и складами, ныне же от нее только память в виде небольшого пустыря. Есть и дома с огородами, на территории которых возвышаются несколько курганов. Места там душевно красивые и наполненные особой энергетикой положительных эмоций.

Герои, за очень редким исключением, вымышленные и совпадения случайны. Да, некоторые моховцы имеют имена реально живших людей, к сожалению, покинувших этот бренный мир. Но может они ушли туда, в туман прошлого? И строят свой город, изменяя историю?..

Пусть автора не винят некоторые ветераны моховского археологического движения за то, что он описал их образы, безусловно, достойнейших людей, в сатирической манере. Мы там все были немного сатирами.

Главным же мотиватором поднять околмоховскую тему, разбавленную попаданчеством, стала память о хорошем человеке и выдающемся ученом-археологе, докторе исторических наук, неизменном шефе экспедиции, Олеге Анатольевиче Макушникове.

Светлая память, УЧИТЕЛЬ!

Эпиграф

«Приехав в Мохов, потеряешь ВСЕ!»

Слова Дмитрия Шимковича (Шимы) — ветерана-волонтера моховского археологического движения, приехавшего в Мохов в 2009 году, потерявшего там деньги,

обручальное кольцо и совесть.

Глава 1

Город Гомель. Белорусская Советская Социалистическая Республика. 1990 год. Во дворе второго корпуса Гомельского государственного университета царил суета. Проходящие мимо люди с интересом, до хруста шейных позвонков, выкручивали свои головы по сторонам, где на газонах, асфальте, у крыльца старого здания университета, мило прозванного студентами «конюшня», творилась суцья вакханалия. До сотни палаток были разложены во всевозможных местах, не вникая в подробности — клумба это или асфальтированная дорожка. В разы больше было разбросанных по кучкам рюкзаков и новомодных спортивных сумок, которые могли себе позволить скорее студенты-юристы, или экономисты, но не историки, так как достать такие вещи можно было только у фарцы и за очень большие деньги.

Сильно разнились между собой и снующие вокруг молодые люди. Большинство студентов были одеты в советского производства спортивные штаны с обвисшей на коленях тканью. Обувь так же была разная вьетнамки, туфли, но преобладали, отличающиеся однообразием, кеды, разной степени изношенности, белорусского производства, обувной фабрики в Лиде. Были и те, кто, в более чем теплую и ясную погоду, мариновал свои ноги в резиновых сапогах.

Отдельно выделялась «группа в джинсе». Это была местечковая «золотая молодежь», надменно взирающая с вершины своего выдуманного Олимпа на остальных молодых людишек. Между тем, до столичных франтов им было очень далеко, а некоторые фасоны джинсов в высших кругах рождающейся советской буржуазии уже и не носили, в моду входили «трубы». Но пока что у дочурок и сыночков гомельских «хозяев жизни» неизменно преобладали «варенки», чаще всего сделанные кустарным способом из джинсов советской марки «Тверь». Однако, стоявшие в сторонке молодые люди держали носы поверху и всячески демонстрировали свое превосходство, не предполагая, что в Минске, тем более в Ленинграде и Москве, уже именно они стали бы предметом для проявления брезгливости и нисхождения. Дети элиты, городской, местечковой, но все же, элиты.

Группа молодежи в вареных джинсах суетилась меньше всего, примеряя роль статистов в хаосе, больше походившем на муравейник. Возле них лежали спортивные сумки «Адидас», несколько красочных туристических рюкзаков, явно заграничного производства, скорее всего польского, или югославского. Они единственные, кто не раскладывал свои палатки на просушку и проверку, так как были уверены в качестве недавно приобретенных изделий, сшитых в соседней с БССР Польшей. Опять же польские и ГДРовские палатки были сложены в аккуратные чехлы и пестрели цветами, которые на фоне унылой однотонности вокруг, бросались в глаза и притягивали взор, чаще всего, завистливый.

Вокруг этих шести парней и двух девушек крутились и заискивающе заглядывали в глаза еще три девчушки и один парень. Эти завистники из простых рабочих советских семей были готовы на многое, чтобы только вот так общаться с теми, чьи родители являются городскими нуворишами. Над ними явно потешались, девчонкам делали даже не намеки, а недвусмысленные предложения, которые заставляли девиц краснеть, смущаться, пряча глаза, но ни одна из трех девушек не спешила отказываться, из-за чего высокомерные взгляды модно одетых студенток из компании буржуа, искрились молниями высокомерного презрения. Кроме того, сквозь показное смущение, ниспровергая советскую мораль и этику,

три девицы все больше осваивались в компании и уже сами начинали отвечать парням смехом и томными, немного наивными, неумелыми, но уже многообещающими взглядами, от чего на лицах, переглядывающихся между собой, парней появлялись победные гримасы. Им скорее нужно было потешить свое самолюбие перед такими же подростками, кому не посчастливилось родиться в семье предприимчивых родителей.

— Ребята, ребята! — на крыльцо здания выбежала взбудораженная, с признаками эйфории, Лида Горбач — главная комсомолка-активистка исторического факультета ГГУ. Вид этой, можно сказать, даже красивой девушки был неопрятный, взъерошенные волосы, полное отсутствие косметики, спортивный костюм уже вымазанный и светлыми и темными пятнами. Однако природная стройность, вполне себе увлекательные формы и округлости, правильные черты лица, пробивались сквозь безразличие к своей внешности, которое сейчас проявляла Лида.

— Горбач, чего кричишь, гласность тут поднимаешь? — пошутил Витька Акулич — главный балагур, шутник и вечный актер университетской самодеятельности, от чего за год обучения на факультете не только не приобрел знаний, но и забыл те, с которыми поступал. Но он был прирожденным культоргом и уже на первом курсе тянул всю самодеятельность факультета, занимая постоянно призовые места в разных конкурсах. Вот и держали парня, как и некоторых спортсменов, рисуя «уд» в зачетной книжке.

В этот раз шутка про гласность до увлеченных своими делами студентов дошла не сразу. Нужно было соединить понятия «гласность» и «горбач», определить степень допустимой антисоветчины, но неуверенные смешки все же раздалась, особенно искрометно смеялись те, кому вообще не стоило винить советскую власть хоть в чем, так как они то, как раз, живут по местным советским мерилам, богато. Однако, как это не парадоксально, «джинсовая группа» и состояла их тех, кто больше всего ругал и Советский Союз и высмеивал главу государства — Михаила Сергеевича Горбачева.

Страна доживала свои последние годы, берлинская стена уже рухнула, первый Макдональдс в бывшем столичном кафе «Лира» уже открыт, советская Западная группа войск уже отправляется на так называемое «временное место жительства» — в поля пока еще необъятной Родины. В этих условиях, когда власть все больше слабеет, становилось модным критиковать ее уже не на кухнях, а в полный голос. Вот только инерция умирающей страны создавала полярность взглядов, как то модное отрицание заостенелой идеологии, но были и те, кто еще верил в идею строительства коммунизма, доверял партии, кому в корку головного мозга все же вбили марксистско-ленинскую методологию. Примерами одних могли быть отпрыски наварившей, верившие сейчас только в силу денег и связей своих родителей, многие, если не все, молодые преподаватели так же составляли когорту возмутителей советского строя. Но были и такие, как Лида Горбач, свято верившая в ленинские идеалы и неминуемую победу над «прогнившим Западом».

— Лидия, что нужно сделать? — к старосте факультета подошел рослый парень.

Называть парнем этого молодого мужчину было бы неправильным. Он резко контрастировал со всеми собравшимися тут студентами. Взрослый и на вид и по годам, Игорь Посталовский возвышался над всей суетой, как мудрец возвышается в своем понимании бытия над нерадивыми учениками. Боец — Старший сержант секретного подразделения ГРУ, прослужил в Афганистане три года, был спортсменом в прошлом и даже чемпионом области по стрельбе и призером республики по самбо. После вывода советских войск из азиатской страны, ставшей полигоном для советско-американского

противостояния, парень никак не мог себя найти в жизни. Руки были на месте, училище на слесаря было закончено некогда «на отлично», полгода работы на заводе, где был на хорошем счету, можно его считать и неплохим плотником, спасибо отцу за науку, как и за то, что научил и пристрастил к охоте. Однако, пристрастие к изучению истории для Игоря оказалось не в силах проигнорировать. Парень читал «в запой» как художественную историческую литературу, любил и выделял Пикуля, так и научную. Вот и решил он, устроившись на Гомельский Завод Литья и Нормалей, пойти на заочную форму обучения, на исторический факультет.

— Игорь, пожалуйста, э... это... помогите организовать парней для помощи. Нужно уже выносить продукты, инвентарь и оборудование, — стусевавшись, произнесла Лида, поправляя растрепавшиеся волосы и спешно оттряхивая свою одежду.

Несмотря на свою неумную энергию, Лида была девушкой и стоит брать в расчет, что под небрежность к внешности, нелепой одеждой и постоянной серьезностью, скрывалась молодая женщина, которая так же хотела быть любимой. Вот только Лида очень терялась и боялась отношений с парнями, была уже сильно обманута, потом имела неоднозначные отношения с молодым преподавателем, которые вроде, как и недавно закончились, но иногда встречи были. Поэтому девушка играла роль неприступной и деловой активистки, показательно критикуя любую вольность в отношениях других. Однако, система девичьей защиты сдала сбой, как и тогда, на первом курсе. Лида еще на собраниях по вопросам организации экспедиции пригляделась к строгому, нелюдимому, но мужественному и сильному Игорю. И непонятные эмоции захлестнули девушку.

— Лида, мне с Вами так же на «Вы» разговаривать, неужели я такой старый? — неожиданно для себя начал флирт Игорь.

— Нет, нет, что Вы, — запротестовала Лида.

— Ну, Вы, так Вы, — сказал Игорь и зычно закричал. — Парни, нужно принести пайку и лопаты, айда!

Многие юноши, как и девчонки с энтузиазмом рванули в здание корпуса, где в музее было уже все готово для новой археологической экспедиции. Эти ребята были теми вдохновлёнными энтузиастами, которым не терпелось быстрее окунуться в процесс поиска артефактов и познания через них истории. Они жаждали деятельности, участия хоть в чем, пусть и в роли грузчиков.

Уже через пару минут шупленький парень классического вида «заучки» тянул на себе большой мешок с макаронами. Низкого роста, худощавый, в очках с большой оправой, он пыхтел, кряхтел, но тянул-таки мешок в сторону уже подъехавшего грузовика. Пухленький парень с нескладной шевелюрой и прыщавым лицом нес коробку с тушенкой. Большая половина всех студентов рванула на помощь, как будто там, в одной из аудиторий действительно сотни тонн продовольствия и оборудования. Поэтому некоторые сделали только по две ходки, другим повезло больше, и они утолили свою жажду деятельности, трижды поднявшись на второй этаж корпуса за необходимыми вещами в экспедиции.

— Спасибо, Игорь! — пролепетала Лида.

Девушка явно постаралась обратить внимание парня на себя, который отвлекся на удержании входных дверей в здание, так как нескончаемым потоком муравьи-студенты сновали с экспедиционной поклажей, где было почти все для праздника и науки. «Почти», так как в личных сумках всех, без исключений студентов то и дело что-то позвякивало, и это было не молоко, или лимонад, а то, чего именно не хватало для окончательной подготовки к

будущим археологическим свершениям.

— Лида, ты не тушуйся, обращайся, — с улыбкой сказал Игорь.

Парня забавляла картина развернувшейся трудовой деятельности. Он-то за свою службу перетягал столько железа, на такие расстояния, что все потуги будущих историков вызывали скорее умиление. Нет, и среди них были спортивные парни, даже, как узнал Игорь трое отслуживших в армии, но многие представители мужского пола были рохлями, скорее «книжными червями» и ходячими историческими энциклопедиями, чем рабочими-капателями.

— Игорек, а когда будут автобусы, эти сборы уже изрядно затянулись? — проворковала Светлана Кручинина, игнорируя злобный взгляд от Лиды, которая единственная, кто мог ответить на поставленный «джинсовой» девушкой вопрос.

Самая красивая девушка не только первого курса, но и всего факультета — так считала сама Светка, так считали и все ее многочисленные воздыхатели. Про девушку ходили разные сплетни, которые распространяли прыщавые пубертатные мальчуганы, что стремились объяснить себе отсутствие внимания со стороны объекта их влажных мечтаний продажностью Светы. «Да она только за деньги и с богатенькими. Вот накоплю, и она будет моей!» — утверждали одни неудачники под одобрительные кивки других.

Общество еще только привыкало к такому образу девушки, когда она напоказ вела себя раскованно. Ранее, при доминировании советской морали, даже, действительно, продажная деваха, а такие были во все времена, скрывала свои намерения, пусть об ее образе жизни и знали все заинтересованные парни. Однако, у Светы не было никаких объективных причин для того, чтобы продаваться за деньги, пусть она и не являлась блюстительницей моральных ценностей. Отец девушки являлся директором одной из трех станций технического обслуживания автомобилей города, причем самой крупной из них. Все машины наиболее влиятельных людей Гомеля прошли через «договорняки» с Владимиром Мироновичем Кручининим. Семья не знала недостатка в купюрах. Если было нужно, то казначейские билеты государственного банка СССР лежали в каждой комнате, на видном месте, и Света привыкла к тому, что деньги — не проблема.

— Кручинина, а ты джинсу не замараешь в полевых условиях? — пошла в атаку Лида, встряв между Игорем и Светой, заграждая собой парня.

— Горбач, — Светка акцентировала внимание именно на фамилии Лиды. — У меня этой джинсы все шкафы забиты, не волнуйся. А девушка должна выглядеть всегда хорошо: и в лесу, и с утра в постели с любимым мужчиной.

Лида налилась краской, не ожидая такой откровенности от однокурсницы. Колкости и красноречивые ответы никак не приходили в голову к девушке-комсомолке, которой, почему-то представилось, как она просыпается рядом с Игорем. Нет, Лида не блюла мораль и уже познала плод любви, но разговоры на такие темы были для активистки табу. Запунцелая Лида после неловкой паузы сделала вид, что ей срочно нужно пойти посмотреть, как идет погрузка экспедиционного имущества и ретировалась, не поднимая глаз.

— Вот тебе и номер, а наша комсомолка влюбилась! — рассмеялась Светка, ища глазами поддержку своему веселью со стороны Игоря, растерявшемуся при неловкой ситуации.

— Зачем ты так? — выдавил из себя Игорь.

Так получилось, что парень не был искушен в любовных утехах, которые с каждым

годом становятся все более публичными, как, к примеру, в современном кино и подпольных видеосалонах. Женщины у него были, но эмоций, кроме тех, что испытывает парень пубертатного возраста, когда все равно где и кого, не испытал. Потом служба, работа... А тут сразу две привлекательных девушки и как будто соревнуются за него.

— Игорек, — маниакально сексуально, по крайней мере, так показалось Игорю, обратилась к нему Света. — Ты мне нравишься. Ты мужичок, пусть и такой вот глуповатый. Я же женщина, я чувствую сильного мужчину. Приходи после отбоя в палатку к Арнольду, мы там будем отмечать приезд.

Брюнетка с мутно зелеными глазами и идеальной фигурой, как и удивительно красивым лицом, которое только портил яркий и вызывающий макияж, грациозно развернулась и пошла назад к своей «джинсовой группе». Ну а Игорь пошел к машине, чтобы помочь грузить вещи. Если ты не знаешь, что делать, когда психологически сбит с ног, найди тяжелую физическую работу и все пройдет.

— Акулич, а ты почему не работаешь? — грозным голосом спросила уже пришедшая в себя Лида у Витька, который сидел своих вещах и крутил колки на любимой гитаре с наклеенными фотографиями полуголых девиц.

— Лид, так я следую курсу нашей партии — нам сказали перестройка, вот я и перестраиваю свою гитару, — с самым что ни на есть серьезным видом произнес Виктор.

— Вот схожу к университетскому комсоргу и расскажу про твои шуточки — так и на сцену больше никто не пустит. Придется учиться, — сказала Лида и с удовольствием стала наблюдать, как Витька Акулич отставил гитару и показательно ретиво устремился к грузовику.

— А ну, ребята, поднажмем! — послышалось у машины — Витька принялся за дело, и теперь молчаливая погрузка превращалась в спектакль.

— Зачем столько казанов и котлов, если Сашок обещал полноценные полевые кухни? — спросил кто-то в толпе «грузчиков».

— Не Сашок обещал, а ответственные партийные лидеры нашей области, — решила Лида поправить парня.

— Ага, дедушка Сашки — первый секретарь Обкома — самый ответственный лидер. Мог бы и экскаватор подогнать, а то умаемся землю лопатами раскидывать, — сказал еще один из «говорунов» — двоечник Ленька, у которого после второй сессии осталось два хвоста и большая вероятность отправиться в армию после отчисления еще до нового учебного года.

— Нам и так оказали значительную помощь. Такой большой и организованной экспедиции я не припомню, — ответствовала Лида.

— Ага, а ты в двадцатую экспедицию едешь, или всего-то в третью? — подхватил разговор неугомонный Витька.

— Договорись! — прикрикнула на балагура Лида.

— Все, все, моя госпожа, — ёрничал Витек, но натолкнувшись на действительно раздраженный взгляд девушки, решил немного помолчать.

Грузовик ЗИЛ загрузили под завязку очень быстро, и настала очередь трех автобусов ПАЗ и выделенного одного туристического Экаруса. И даже в эти транспортные средства не смогли бы все необходимое вместить и во дворе стояли еще пять автомобилей — родители, прежде всего «джинсовых сыновей и дочерей» выразили желание помочь в переброске десанта к месту отдыха, ну или археологических раскопок — у всех своя мотивация.

— Лидочка, все вынесли из музея? — спросила Анна Кондратьевна, подходя к одному из автобусов, очередь на погрузку которого как раз пришла.

Только в конце суетной, даже стихийной организации погрузки, руководство решило-таки принять участие в отъезде. Первой из массивных дверей здания второго корпуса университета вышла Анна Кондратьевна Бережная — официально начальница всей экспедиции. Женщина выходила в сопровождении своих миньонов — трех лаборантов и еще трех молодых мужчин — преподавателей университета, назначенных руководителями археологической практикой и одной симпатичной преподавательницы, которая везла двенадцать девушек-филологов для сбора фольклора в деревнях рядом с археологическим комплексом. Эти девушки пришли на место сбора самыми последними и держались в стороне, живо обсуждая происходящее и задорно хихикая.

Вышедшая процессия руководителей сразу же определила вектор в предстоящей экспедиции, так как глаза блестели у всех явно не из-за изучения нормативных документов, а от того, что звенит в студенческих рюкзаках. Видимо, Анна Кондратьевна, несмотря на свой скромный рост могущая пить алкоголь наравне с любым мужчиной, «проставилась» за начало большого мероприятия. Но не у всех руководителей экспедицией была такая сноровка иметь достойный вид при любом количестве выпитого. Так, один из молодых преподавателей — Андрей Климович Бургас даже заплетался в своих ногах и поспешил присесть на единственную во дворе лавочку, потеснив трех студентов, занявших места ранее.

— Гулька пришла, — пронеслось по толпе студентов, пока Лида сверялась со своим списком оборудования.

Анну Кондратьевну студенты называли «Гулька». Конечно же в глаза строгую и искренне уважаемую преподавательницу никто так не назовет, но вот ее постоянная прическа не оставляла шанса для Бережной остаться без прозвищасделал свое дело. Женщина лет пятидесяти постоянно носила ту самую. Скорее всего, неизменная прическа была причиной комплексов из-за малого роста даже для женщины, а гулька визуально прибавляла сантиметров пять точно, как и туфли с толстой платформой и каблуком. Между тем в этой маленькой женщине была огромная внутренняя сила, которая могла подчинить другого человека, заставить себя уважать и быть действительным лидером даже более чем для двух сотен студентов в полевых условиях.

— Анна Кондратьевна, — обратилась, наконец, Лида к своему кумиру. — Не хватает овощей, нивелира, еще двадцати лопат и бензопилы. В списке они есть, а в музее археологии в нашем корпусе нет, или я плохо проверила.

— Все правильно, Лидочка, Вы правы. Все недостающее, как, надеюсь и что-то еще должны доставить из Лоевского райкома по личной просьбе товарища Колосова, — Анна Кондратьевна одобрительно посмотрела на свою «приказчицу» Лиду и взглядом помещицы осмотрела крепостных и территорию вокруг. — Ничего не забудьте. Я поеду на автомобиле впереди, буду показывать дорогу. Итак! Экспедиция, о которой целый год говорили на всем факультете, начинается!

Это были традиционные слова, объявляющие, что началась совсем другая жизнь, приключение, которое не забудется никогда.

Студенты под выкрики Лиды начали рассаживаться по автобусам, Светка с некоторым неудовольствием отправилась с тремя еще девушками к новомодной Ладе девятой модели, в которой уже прогрел мотор ее отец, демонстративно громко слушая на магнитоле «Ласковый май».

— Игорь, садись во второй Пазик, — командовала Лида, остановив свой взгляд на парне, и удовлетворительно продолжила командовать, как только поняла, что Игорь отправился к указанному транспорту.

— Витек, ты туда же, а то еще ляпнешь чего при преподавателях, — Лида взяла под локоть штатного балагура и задала тому вектор движения.

В маленький автобус набилось больше тридцати человек. И все бы ничего, если не сумки, рюкзаки, даже доски на всех проходах и сиденьях. Так что Игорь поспешил присесть в кучу вещей, не глядя на что именно, что бы дать возможность расположиться другим студентам.

— Гитаристу самое удобное место! — провозгласил Витек, без зазрения совести залезая на самый верх горы рюкзаков и сумок, топчась по ним.

— Так, перекличка! — провозгласила Лида и попросила называть фамилии, после чего достаточно долго искала каждого по списку и делала пометки.

Неуемная организаторша, удостоверившись, что никого, согласно спискам, в нашем автобусе не упустила, побежала к другим.

— Вот егоза! — воскликнул пожилой водитель, с усмешкой крутя головой.

Потребовалось еще с полчаса томления в раскаленном от жары автобусе — если ранее можно говорить о теплой погоде, то сейчас, в 10 часов, уже о жаре — пока, наконец, автобус не тронулся с места. Зарычал громче предполагаемого мотор, в салоне запахло бензином, но студентам было нипочем. Почти все сияли лицами в предвкушении чего-то необычного, интересного. Многие вырвались от родительской опеки и потаенно даже для себя были готовы на поступки, о которых можно будет позже жалеть, но вспоминать с усладой. Игорь же испытывал противоречивые эмоции. Парню некогда представился один из полевых выходов на границу с Пакистаном, когда их группу накрыли спецназ «черные лебеди». Из того боя получилось уйти только троим бойцам, пусть размен был численно и в пользу советских спецов. Так что на лице парня появилась злобная гримаса, а кулаки невольно сжались. Их тогда вот на таком же пазике, под видом местных жителей везли через советские блок-посты.

— Эй, мужик, все нормально? — как-то опасно спросил Витек, расположившийся рядом с Игорем.

— Да! — выжал из себя бывший, хотя бывших не бывает, боец ГРУ.

Игорь взял себя в руки и рассмотрел молодежь в автобусе, зацепившись взглядом за того самого «рохлю», которого заметил ранее, когда он нес мешок с макаронами на погрузку. Парень не подвергся всеобщей эйфории и просто читал. Да, он достал откуда-то книгу и, явно неудобно расположившись, стал читать.

В целом, в автобусе преобладали пассажиры женского рода, именно сюда присели девушки-филологи со своей сопровождающей, которую очень навязчиво звали другие молодые преподаватели-историки с собой, но она нашла силы отвязаться от ухажеров, несмотря на свои игривые с блеском глазки, «по соточке на дорогу» у Анны Кондратьевны не прошли мимо молодой преподавательницы.

— Лидия Владимировна, позволено ли мне будет исполнить песню? — наигранно саркастично спросил Витек у активистки-Лиды, перехватывая удобно гитару.

— Только коллективные, Витя, и думай, что именно поешь, — Лида погрозила гитаристу кулаком.

Девушка сидела на самом комфортном месте рядом с водителем. Даже

преподавательнице-филологу пришлось ютиться с двумя девушками на двухместном диванчике.

— О'кей, — провозгласил Витек и завел песню. — Вот они денечки, наступила летняя пора, испорчены зачетки, да и в экспедицию пора. Вещи собираем, время фляги водкой наполнять, круто погуляем, все равно не хватит. Твою мать!

— Виктор, прекрати, — попыталась урезонить парня Лида, но того несло...

— Вечером в палатках раздается лишь стаканов звон. Килька и тушенка — основной вечерний рацион. И посты охраны комары минуют стороной. Мощным перегаром всех сразит охраны плотный строй, — увлекся исполнитель, а его песню робко, с оглядкой на единственную преподавательницу в автобусе, стала подпевать часть студентов.

— Да пойте, уже, историки, я никому не скажу о вашем творчестве, — смеясь от текста песни, сказала сопровождающая филологов, чем только раззадорила студентов и уже большая часть автобуса орали слова из студенческого фольклора. Пожилой водитель одобрительно улыбался, такое творчество было ему близко.

— Гоблины в деревне не умеют водку так бухать, как студент истфака. Здравствуй, милый Мохов, твою мать... — экспрессивно пел Витек.

Да, мы ехали в Мохов — деревню в семи километрах от маленького районного города Лоев Гомельской области БССР. Именно там находился уникальный археологический комплекс конца X — начала XI века, как и ряд памятников бронзового века и даже неолита. Уже три года именно сюда ездят историки-практиканты на раскопки, и находки поражают. Это и уникальные славянские захоронения, и некие курганы представителей северных культур, может и тех самых викингов. Комплекс кроме курганного могильника включал огромной площади поселение, предполагаемую пристань, которую пока так и не локализовали. Этот памятник почти вплотную подходит к озеру, которое в свою очередь соединено протоками с Днепром, как раз в месте, где в него впадает река Сож. Уникальное, красивое место. Игорь был здесь с Анной Кондратьевной весной, когда подготовка к большой экспедиции вошла в финальную фазу.

— Так, выпьем за гуляющих, за ничего не знающих и сессию сдающих наобум. Так выпьем за гуляющих, за ничего не знающих, историков студентов ГГУ... — уже пел припев очередной песни Витек, а Лида прикрыла руками уши и даже закрыла глаза.

Песни понравились Игорю. Он знал, что такое армейский юмор, и догадывался о студенческом, но впервые видел и слышал проявление подобного творчества, людей с высшим образованием, пусть еще только получаемого. Многие историки пробивались и по партийной линии и служили в милиции, в идеологических отделах на предприятиях. И вот эти будущие идеологи СССР сейчас исполняют творчество на грани приличия и продолжают провокационные песни с политическим подтекстом — Витек самозабвенно исполнял «Перемен» популярного ныне певца Виктора Цоя и его группы «Кино». Песня была условно разрешена к исполнению, тем более во времена гласности. Каких именно перемен требуют «наши сердца» было не сложно догадаться.

— А ты чего не поешь? — к Игорю подползла, а иначе передвижение поверх по горе вещей и не назовешь, незнакомая девушка.

В принципе, Игорю было проще назвать тех с десятков студентов, которых он знал, в числе их эта девчонка не значилась. Парень был единственным заочником, который отправился в экспедицию, удачно подгадав с отпуском на производстве. И знал он только тех, с кем удалось познакомиться на трех общих собраниях в процессе организации

экспедиции, да и во время выезда на место предполагаемой экспедиции весной.

— Так я слов не знаю, — ответил Игорь, мельком взглянув на нарушительницу его личного пространства.

— А... — философски произнесла девушка, как будто в лаконичном ответе парня было много смысла.

Симпатичная девчонка, девушкой Игорь ее не воспринял. Еще детские черты лица, наивные, но любознательные глаза. И все, больше ничего и сказать, если только не считать двух косичек русых волос.

— А ты на каком курсе учишься, а то выглядишь взрослым? — спросила назойливая собеседница.

Слух парня зацепился за слово «взрослым» и это окончательно расставило все приоритеты. Игорь стал уже думать, как отвязаться от девочки, но грубить не хотел и собирался ответить вежливо, однако, в разговор вклинилась Лида:

— Он перешел на второй курс заочного отделения, а сам работает на заводе. А еще служил в Афганистане и мастер спорта.

— Ты мое личное дело читала? — удивился Игорь.

Лида замялась и немного съёжилась. Голос парня был металлическим. Игорю не понравилась такая назойливость и излишний интерес со стороны комсомолки, по сути чужого человека, так как до сегодняшнего дня у них была лишь одна встреча, когда парень поехал в разведку на будущее место раскопок. У Игоря был свой автомобиль — «шестерка», и его вместе с личным транспортом использовали в научных и организационных целях при подготовке к выезду. Но машина сейчас у отца, который занялся очередным ее ремонтом с мужиками в гараже, так как папочка Светы Кручининой требует немалых денег за малую работу, да и записываться на СТО простым советским гражданам нужно за месяц.

— Молодежь, сейчас будет трясти, — громко провозгласил водитель автобуса и поймал первую яму на дороге, подтверждая делом свои слова.

— Мы уже в деревне, вот поворот направо, там школа и магазин, в школе могут проводить танцы, особенно, если мы об этом попросим, — стала «исполнять» экскурсовода Лида, уходя от ответа на неудобный вопрос о ее всезнайстве об Игоре.

Кирпичное здание мало походило на школу, ну или на очень маленькую, кабинетов на пятнадцать, не больше, и еще либо актовый зал, либо спортивный, что-то одно могло поместиться в небольшом здании, правда, к нему были какие-то пристройки.

Магазин так же не производил особого впечатления, обычный небольшого размера дом, но возле его была прямо таки очередь из грузовых машин с надписями и «хлеб» и «мясо», было видно, что разгружают ящики с колбасой и молочными продуктами. Даже водитель автобуса чуть ли не остановился напротив такой нереалистичной для советского общества и государства картины, позволив и студентам рассмотреть в подробностях разгружаемый товар. Игорь был уверен, что на обратном пути извозчик обязательно остановится, и, если, конечно, магазин будет открыт, оставит все имеющиеся деньги тут, в глухой деревне, на радость жене, закупившись дефицитом.

Недолгие размышления обескураженных студентов о причинах такого нерядового события, как наполнение сельского магазина редкими продуктами, сменилось пониманием в глазах многих. Дело в том, что в экспедицию с республиканским телевидением собирается приехать первый секретарь Обкома партии Иосиф Антонович Колосов, вот и устраивают «потемкинскую деревню». Ну, это советским людям привычно и понятно, главное успеть к

такому празднику жизни. Малодоступную даже в областном городе колбасу можно купить в деревне! Нонсенс, но приятный, многие студенты побегут за покупками уже завтра, если сегодня запретят это делать, хотя самоволку никто не запретит.

— Ой, ей! — дружно закричали все пассажиры, когда автобус в метрах ста от магазина повернул налево, и закончилась разбитая дорога, началось абсолютно непроезжее направление, так как дорогой, сплошь изрытую ямами и покрытыми глубокими лужами, это назвать категорически невозможно.

Недавно прошедшие дожди размыли грунт, но не это стало главной причиной полностью разбитой проселочной дороги, а тяжелые трактора и комбайны, которые проезжали тут в сторону поля, что в трех километрах у Днепра. Так что даже передвигаясь с черепашьей скоростью, пассажиров трясло, а два раза чуть было не перевернуло автобус, по крайней мере, так казалось по ощущениям Игорю.

— Все, баста! Вон и Икарус встал. Шабашь, детишки, разгружайся! — скомандовал разозленный водитель.

Действительно автобусы, как и легковые автомобили, заехали на поле с рожью, расположенное практически в деревне по правую сторону от направления движения к месту будущего лагеря. Слево уже начинался курганный могильник прямо на территории огородов и домов.

Маневр транспорта был вынужденным, так как колосившееся поле оказалось больше приспособлено для перемещения, чем сама дорога. Тем более, что только так смог бы разъехаться весь тот ассортимент советского автопрома, который попал в затор. Игорю подумалось, что во время становления Советского Союза, вот так ехать по засеянному полю никто бы и не подумал. И дело не только в жестких наказаниях за подобные проступки, но и в отношении людей. Сейчас же машины с пробуксовкой пытались по ржи объехать затор из грузовика и автобусов, особо не сокрушаясь от килограммов несобранного с поля зерна.

Все матерились и сыпали проклятиями, как в сторону небесной канцелярии, так и советской власти, которую обвиняли уже просто по инерции. В какофонии звуков и нецензурщины даже и не скажешь, что тут собрались в основном либо люди с высшим образованием, либо стремящиеся к оному, а скорее многоэтажные конструкции по своему антуражу подошли бы каторжанам на пересылке.

Игорь улыбнулся, вспомнив своего капитана — комроты, который говорил матом, даже не задумываясь о том, что именно он говорит. Когда его однажды комбат попросил обойтись без мата, капитан был способен только растерянно мычать. Между тем, комроты был профессионалом, которых в мире мало и умел и людьми управлять и правильные решения принимать, пусть и с матерным огоньком.

Лида, уже чуть ли не по пояс вымазавшаяся в грязи, стала раздавать команды и студенты, пыхтя и бормоча в полголоса, скорее себе, чем для чужих ушей, двинулись вниз с холма в сторону места лагеря. Метров шестьсот, или чуть меньше, по прямой, через высоченную траву и кусты — это ерунда, но для человека, подготовленного и физически и морально, а не для тех, кто на уроках физкультуры получал тройки, а от пятнышка грязи впадал в депрессию.

Игорю и его спутникам повезло. Уже, когда первая партия студентов выдвинулась в сторону лагеря, появилось два трактора с большими прицепами, и уже на них было не сложно перекинуть вещи из автобусов, в том числе и свои. Грузовая же машина рискнула и таки удачно преодолела все препятствия, устремляясь к месту будущего полевого лагеря.

Пользуясь всеобщей сумятицей, нашлись и несколько шустряков, которые быстро, через тысячелетние курганы, побежали к магазину, пораженные ранее увиденным разгружаемым товаром. Самоволок и после предполагалось много — студенты активно обсуждали процесс приобретения местной самогонки, да под колбаску из магазина.

Часть студентов, которые решили идти по размокшей дороге, а не дожидаться транспорта, сподобного отвезти их тушки, вертели головой на все 360 градусов, охали и ахали. То месиво, что раньше дорогой звалось, было уже частью большого археологического комплекса Мохов-1. Справа от дороги было городище с еще просматриваемыми контурами рва и вала, именно там располагалось то самое поле ржи, которое помяли груженные автобусы и автомобили.

Слева же возвышались величественные волаты-курганы, выглядывающие из зарослей травы, каких-то кустов, берез, ютящихся посреди бурелома. Насыпи были и большие и приплюснутые, чуть удлинненные и, как сказала одна студентка «пимпочки».

Однако, человеческая деятельность вносила свою ложку дегтя в общее идеалистическое впечатление. Несколько курганов были разрушены, из них местные для собственных нужд брали песок, чем нарушали целостность объекта археологических исследований и делали их малоинтересными для науки. С десятков курганов были на территории огородов сельчан. Говорить о том, что при строительстве школы и магазина были уничтожены больше сотни насыпей, до этого сохранявшихся тысячу лет, никому из посвященных не хотелось, чтобы не портить настроение.

— Смотрите, керамика! Это же керамика? А вот тут рисунок, — громогласно заявила о своей находке одна из представительниц филологического факультета, чем внесла еще большую сумятицу среди студентов и не только.

Все, даже водители автобусов, начали ковыряться в грязи в поисках своего артефакта.

— Товарищи, товарищи! — пыталась урезонить эту «керамическую лихорадку» Лида, которая осталась, после отъезда Анны Кондратьевны с лаборантами на Ниве председателя колхоза в лагерь. Как самый опытный ветеран археологического движения, она тоном лектора произнесла. — В пойме есть места, где очень много подъемного материала и не должно быть так грязно. Там и венчики, и доньшки есть, я покажу, но пока нужно в лагерь спешить.

Между тем, два тракторных прицепа были под завязку нагружены вещами, и большая часть студентов отправилась пешком в сторону лагеря, пересекая курганный могильник по диагонали, обходя водное препятствие. Внизу у подошвы возвышенности, на которой находился археологический комплекс, была не лужа, а целое озеро, поэтому пришлось огибать дорогу и пройти по курганам.

Взору молодых людей, большинство из которых были городскими и на природу выбирались только в сентябре, при поступлении в университет, на уборку картофеля, открылась необычайно гармоничная и увлекающая панорама.

Стоя на возвышенности можно было увидеть и величественный Днепр, по дуге опоясывающий видимое пространство. Там, вдали, великая река была и прямо и правее, а вот в левой стороне в главную артерию торгового пути «из варяг в греки» впадал Сож, и в этом месте Днепр был вдвое шире. Внизу большого холма, с которого студенты и рассматривали окрестности, в метрах двухстах начиналось озеро, которое простиралось практически параллельно Днепру. Оно, вероятно, было некогда старым руслом реки. Справа, где по прямой в пяти километрах был районный город Лоев, начинались болотистые места с

большим количеством уток и протоками со снующими щуками и карасями. А еще в кустах, на склонах и террасе холмов было много куропаток и зайцев.

Ну, и вишенкой на всем этом великолепии была, внизу возвышенности слева, в метрах ста, небольшая дубрава из вековых дубов. В период оккупации нацисты срубили большую часть этих ценных деревьев, но не успели выкосить все, одинокий, но величественный десяток вековых дубов, придавал этому месту еще больше тайн и мистификаций.

Сердцем же местности и одновременно его душой была крыничка с удивительно чистой водой, с холма уже просматривалась выкошенная тропа к источнику. Еще два года назад санитарные службы делали забор воды из этого члюча и проверяющие опешили — жидкость была практически минеральная, содержала много микроэлементов, полезных для человека. Место облагородили, обкосили и теперь в лагере всегда отличного качества вода. Да и само расположение лагеря было продиктовано больше близостью к источнику, чем по иным соображениям.

Несмотря на то, что Игорь вылез из автобуса одним из последних, именно он закрывал борта крайнего тракторного прицепа. Привыкший к ходьбе, да и к горам, а не то, что холмикам, он быстро нагнал большинство ребят. К слову, те не особо и спешили, наслаждаясь видами с возвышенности и бурно их обсуждая под щелчки фотоаппаратов. Самым же эпичным для спецназовца с горной подготовкой было наблюдать, как каждый второй студент, спускающийся с небольшой поклажей вниз, к лагерю, падал и кубарем и летел по склону. Умение держать равновесие и распределять точки опоры дается только с опытом. Игорь же без напряжения и особенных усилий пошел вниз, прихватывая по дороге сумку одного из свалившихся парней.

— Ой! — вскрикнула девушка со знакомым голосом и начала бесконтрольный бег по склону, который неминуемо должен был закончиться болезненным падением.

— Куда? — Игорь выронил сумку и ловко подхватил уже заваливающуюся девушку.

Это была Света, не узнать ее было невозможно. Игорь сноровисто подтянул красотку к себе и погасил инерцию падения. Красивые испуганные девичьи глаза встретились с сосредоточенным взглядом Игоря, и Света подарила спасителю самую обворожительную улыбку, на которую только смогла наскрести из своего богатого источника женской магии. Однако, выразительные, глубокие матовые глаза девушки встретили холодные и отстраненные темно-карие зрачки парня.

Игорь Посталовский был крайне восприимчив к волшебству женских чар, или долгое воздержание, но сосредоточенность парня быстро таяла от теплоты женского тела и частого, томного дыхания девушки. Сколько вот так молча стояли два разнополых человека, ни Света, ни Игорь не поняли. Однако, взгляд Игоря начал преображаться и замутненность в нем отступала, парень понял, что стоит обнявшись с секс-символом факультета и уже контролировал себя. Поцелую, на чем больше настаивала девушка, приближаясь своими губами к Игоревым, который сам не сделал последнее усилие и не преодолел те несколько сантиметров до губ девушки, не было суждено сегодня произойти. Игорь ощутил чей-то взгляд, пронзительный, эмоциональный. Подобное проявление чуйки пару раз спасло парня от пули снайпера. И только сейчас, после ощущения чужого взгляда, все гормоны в теле молодого мужчины, не избалованного постоянными встречами с девушками, с трудом, но уступили место рассудку.

— Все! Дальше сама! — спокойным, уверенным тоном сказал парень и, оставив ошарашенную Свету, пошел в лагерь.

В это время злобным взглядом, до сегодняшнего дня невозможного для ее характера, Лида уничтожала, как могло показаться, свою соперницу. Она видела, что Света ищет встречи с Игорем, что соперница, да, именно, соперница, даже спровоцировала свой неудачный спуск с холма прямо в руки, пожалуй, единственного настоящего мужчины среди всех подростков-студентов. Но долго предаваться рефлексии Лида себе не позволила — вот уже и будущий лагерь и работы до захода солнца не много, а очень много.

Насколько слышал Игорь, все студенты обсуждали, что сейчас надо будет хорошенько так работнуть, чтобы хоть как — то оборудовать лагерь, однако место предполагаемого расположения членов экспедиции было уже удивительным образом обжито. Первоначально планировалось потратить минимум два дня на обустройство всех необходимых столов, скамей, кострищ, навесов для кухни, дров, умывальников, навесов над столами руководящего состава, выкосить везде траву, вырыть глубокую яму для мусора и оборудовать ямы под туалеты, соорудить помывочные, по крайней мере, для девочек, и не только это, еще очень много разной работы. Однако, взору студентов, настроенных на серьезный и изнурительный труд, открылся прямо таки образцово-показательный полевой лагерь. Это и расслабляло студентов, оторвавшихся и от родительской опеки и, как после оказалось, и от руководителей экспедиции.

В огороженной самой природой кустарниками с трех сторон и болотистой местностью с еще одной, было достаточно места для расположения более трех сотен человек с кухней и местами для собраний и приема пищи. Тут, на отлично скошенном таинственными доброжелателями поле уже стояли сбитые из отличных досок столы и скамьи рядом с ними, в центре лагеря так располагалось и вовсе что-то вроде резной беседки. Вместо кустарного навеса, над прекрасно оборудованным костром с расположенными вокруг обтесанными бревнами, была сооружена целая конструкция, позволяющая прятаться от дождя, может, и сотне человек. Наличествовали, уже поставленные рядом, две огромные армейские палатки, внутри которых можно было и жить, и устраивать конференции. Самым же главным, чего действительно могло не хватать, если бы студенты сами занялись своим бытом, было сооружение мужского и женского туалетов для одномоментного посещения до четырнадцати человек. Кто был в экспедициях, поймет, насколько качественные помывочная и туалет преобразуют быт. Да остальные неудобства уже абсолютно не важны, если есть места для гигиены.

Причиной такого отношения к экспедиции власть имущих была связана, конечно, не с искренним желанием помочь будущим Шлиманам, не тягой к изучению краеведения своего региона, а с прибытием хозяина области и телевидения, о чем все заинтересованные люди уже давно знали, чему свидетельство и резко налаженное снабжение отдельно взятой деревни товарами в магазине. В советское время каждая неожиданная проверка готовилась за недели.

— Вы, ты, Игорь? — чуть заплетающимся голосом спросил один из лаборантов, когда парень вошел на территорию лагеря и примерялся где именно поставить свою палатку.

— Так точно! — по-армейски ответил Игорь.

— Отлично! Я... ну, в смысле, мы, будем сейчас работать с документацией. И... это, я как бы охрану на сегодня должен выставить. Там ничего серьезного, но местные воровать могут, они ох и шустрые на это дело... — входил в состояние «нашел свободные уши» молодой парень-аспирант БГУ, который приехал лаборантом в экспедицию.

— Понял, прослежу, — улыбнулся Игорь. — Идите, изучайте документацию.

«А ведь он моложе меня, да и слабак, но я подчиненный! И это он идет «изучать документацию», которая так призывно звенела в некоторых ящиках, что студенты понесли к командирскому столу, а не я...» — подумал воин-афганец, принимая свой статут по-философски и с улыбкой.

Приезд первого секретаря Обкома с телевидением был назначен на следующий день, именно тогда и предполагалось прибытие и медика и милиции, да и полевые кухни с самого утра подвести должны, как и многое другое. Заранее было сложно, местные обязательно бы что-нибудь умыкнули. А пока нужно было как-то сориентироваться и самоорганизоваться. Потому как многие, или даже все, кроме только что Анны Кондратьевны, призванные следить за порядком, уже «отлично изучили документацию» Гулька собиралась, напротив, уехать в город, понадевшись на своих гвардейцев-аспирантов и других преподавателей. Хорошо, что хоть смогли организовать студентов, дабы те поставили им командирские палатки. Вот и залегли «изучающие документацию» в своих жилищах, не раздеваясь, оставив вещи снаружи. Главная же руководительница всего этого околонаучного бедлама вскоре уехала обратно в Гомель, улаживать вопросы с остатками продовольствия, которого изрядно не доложили, подсовывая на подпись накладные с завышенными цифрами.

Пусть руководство и было утомленное солнцем и документами, но присутствовала неумная Лида. Девушка порхала по лагерю, раздавая команды, и многие студенты ее слушали. Даже «джинсовая команда» была занята делом. Вот только девушка-командир не успевала замечать, как уже четвертая тройка студентов устремилась через кусты в сторону холма и, видимо, оттуда в магазин, ну или за местной самогонкой. Да и кто уследит таких диверсантов, тут блокпосты нужно ставить с БТР и колючей проволокой и то найдутся умельцы обойти заслоны. Мощнейшая штука эта мотивация, а она была существенной — дефицит и выпивка на природе.

Незаметно за заботами начало смеркаться, и народ повалил к костру. Отбой сегодня объявить было некому, лаборанты и молодые преподаватели явно не рассчитали свои объемы документов, а может и местных нормативных актов с сивушными маслами, или даже с добавлением димедрола испробовали. Ответственные молодые преподаватели все спали спокойным и безмятежным сном. Могла еще Лида выказать требование разойтись по своим палаткам, но командирша этого не делала. Девушка прекрасно понимала, где нельзя перегибать палку. Объявление отбоя ей бы не простил никто: ни активно пьющие по палаткам и кустам студенты, ни любители кострово-гитарной романтики, ни те, кто уже с первой минуты начал активный поиск любовных приключений.

— Игорь, я могу тебя попросить? — обратилась к парню Лида, уличив момент, когда тот достал сигарету и стал крутить ее в руках.

Игорь не курил, как ни странно, бросил именно в армии. До попадания в Афганистан, как ни ругался тренер, отец, парень покуривал. Сейчас же сигарета в руках стала привычным атрибутом при активизации мыслительных процессов парня, вот он и размышлял: сколько может быть активных хулиганов в деревне, насколько они опасны и безбашенны, можно ли надеяться на поддержку парней из лагеря в случае наезда. Да и прямых запретов на нахождение чужаков в лагере не поступало, а вот быть миролюбивыми и лояльными к местному населению, по словам руководителей, необходимо. Ответственность парня, да еще и с его «назначением» начальником охраны, подразумевала серьезность в отношении вопросов если не обороны лагеря, то организации его охраны, точно.

— Прости, Лида, чем смогу, помогу, и хорошо, что перешла на «ты», а то неудобно,

чувствую себя стариком рядом с молоденькой красавицей, — необъяснимо для себя начал заигрывать с командиршей Игорь.

— Ну, скажешь такое... ты же мужчина и красивый, разве можешь не нравиться девушкам? Вон Светка так и рыщет глазами, тебя выискивает, — глаза Лиды налились злобой, которая сменилась смущенным румянцем на щеках, когда девушка поняла, что практически призналась Игорю в своих если не чувствах, то в симпатии.

— Ну, ты что? Ревнуешь? — спросил парень и, пристально присмотревшись на красоты девушки, непроизвольно опустил взгляд на выпирающую грудь. После, не отводя глаз от вторичных половых признаков собеседницы, решился. — А давай-ка, товарищ командир, выпьем, только не на глазах у молодежи. Что мы, будем показывать плохой пример?.

— А давай! — проглотила комок в горле Лида и податливо обхватила ладонь парня.

Игорь загодя, по выработанной привычке, провел рекогносцировку местности, высматривая подходы к лагерю, возможности его обороны и отступления. И тогда он заметил отличный закуточек на дальнем от дороги склоне холма. Никто не увидит, да и можно даже распалить небольшой свой костер, даже дым, из-за густых веток сверху не должен был демаскировать вероятное место для утех. Тогда парень точно решил, что с кем-нибудь посетит это место, но вот и наметился шанс.

Игорь понимал, что такие юношеские максимализмы, которым он дает прорваться наружу, могут сильно подпортить жизнь, по крайней мере, испортить отношения с Лидой, но даже этот серьезный молодой человек насквозь проникся духом свободы и вседозволенности, царившей в экспедиции. Да, уже завтра-послезавтра и эта полевая жизнь войдет в свой ритм, наступит некоторое отрезвление, но пока обстановка пьянила.

Лида не сопротивлялась, она отпустила свой разум и, повинаясь воле сильного мужчины, шла за ним. Игорь так же отдался эмоциям и включил голову только тогда, когда настала необходимость использовать резиновое изделие. У парня такое приспособление было, еще умудрился в Афганистане прикупить американские презервативы. Как ни странно, но в этой стране было много больше импорта, чем в Советском Союзе. Он еще не пользовался подобными изделиями, даже было дело сомневался, зачем именно тогда, в Кандагаре купил их на черном рынке, может потому, что любой солдат всегда идеализирует гражданку и верит в то, что любая девушка будет счастлива получить порцию дембельского внимания, может еще по какой причине.

— Ты меня осуждаешь? — спросила Лида, когда они уже просто лежали рядом, любясь звездным небом.

Костер все же не стали палить, а быстро оделись, так как комарья было не счесть. Если бы не всепоглощающая страсть, эмоции, кратно усиленные быстро выпитым алкоголем, долгое воздержание, то подобный опыт общения с женщиной для Игоря был бы признан нежелательным. Кожа на коленях стерлась до кровавых потеков от шишек и хвои, все тело и самые труднодоступные его части искушены и комарами и какими-то злыми муравьями, а еще крапива. Но то замутнение рассудка, которое, похоже, испытали оба любовника, не предполагало тщательного подхода к выбору места.

— Нет, ты взрослая девушка, может, тебе нужно было привести в порядок мозги, а у меня нет постоянной женщины. Нам это нужно было, вопрос только, а что дальше? — безэмоционально ответил я.

— Да ничего. Не волнуйся, я жениться заставлять не буду, — ответила девушка и замерла. — Слышишь?

Игорь не услышал как раз ответа девушки, но смог уловить посторонние звуки еще раньше слов Лиды, поэтому перестроил свое внимание на них. Он не хотел обидеть Лиду своим невниманием. Игорь был уверен, что девушке очень нужно поговорить после того, что было, найти оправдание своим эмоциям, заручиться поддержкой парня и это все он намеривался дать, но позже.

— Люди, молодежь, возбужденная, начинает спускаться с холма. Стараются тихо, но не выходит. Это атака! — ответил Игорь и быстро встал, в нем заиграли те чувства, от которых он еще не отошел на гражданке. — Быстро в лагерь и поднимай всех по тревоге, только никто, слышишь, никто не лезет в драку.

— Какая атака? — встрепелась Лида, но кофту все же надела и через пару секунд даже включила «командира». — Мы не в армии, нужно оповестить руководство.

— Быстро! — безапелляционно жестко сказал Игорь, выскивая завязки на своих модных спортивных штанах.

Девушка закивала головой и спешно поднялась, не забыв отряхнуться от еловой хвои, рядом с которой и был распадок, уже ставший свидетелем первых любовных игр. Она сама не понимала, почему подчинилась, но решила довериться мужчине.

Выбегая на дорогу, что отделяла лагерь от надпойменной террасы, которую для упрощения студенты называли могильным холмом, Игорь заметил, как человек тридцать или чуть больше с кольями в руках быстрым шагом, но не бегом шли в сторону лагеря. Впереди них, словно заправские рыцари, ну или казаки, верхом на конях, с шестами в руках ехали двое, рассмотреть которых в потемках не представлялось возможным, но по виду не мальчишки, но мужи.

Игорь был удивлен, когда между зарослями в достаточно узком проходе в лагерь выстроилась толпа студентов с лопатами и топорами, а впереди стоял один из молодых преподавателей, вроде бы Николай Дмитриевич, и виду он был крайне болезненного, со следами последствий «изучения документации».

— Вот так номер, пока лагерь в опасности, наша Лидочка Эммануэль отыгрывает с солдатом, — послышался язвительный, немного заплетающийся голосок, явно принадлежащий Светке, пусть не «документация», но какие-то документы «джинсовая девчонка» приняла на свою выдающуюся грудь.

Игорь не заметил, как побагровела Лида и опустила голову. Для нее это было фиаско, удар, который сложно парировать. Комсорг факультета сама, первая, показала падение, тогда как должна была радеть за моральную устойчивость лагеря советских студентов. Игорь мог бы поддержать свою любовницу, но времени для рефлексии по своим амурным делам и амурные особо не было.

— Быстро, э..., в лагерь, э... — чуть шевелящимися губами произнес предводитель студенческого воинства единственный в толпе преподаватель.

— Вот, Николай Дмитриевич! — к преподавателю, который был, скорее всего, даже младше Игоря подлетел полноватый, не высокого роста парнишка и передал странный предмет, в котором не сразу угадывался арбалет.

Глаза паренька светились от счастья, когда он продемонстрировал свое оружие под одобрительные возгласы всех собравшихся. Игорь же подумал, что игры в средневековые междоусобицы могут крайне болезненно сказаться на всей экспедиции. Мало синяков и ссадин, такие в каждом советском дворе ежедневно получают подростки, но войны между деревенскими и городскими могут и покалечить, и, не приведи боги, убить. Выстрел

арбалетного болта мало чем отличается в уголовном законодательстве от выстрела из пистолета. Да и после начала эскалации конфликта можно было попасть под того же коня, пусть и случайно и все... А выпустить болт, который уже был заряжен в арбалет, пусть тот и был без наконечника, да попасть в глаз, в висок и так же убийство и конец всей экспедиции.

Быстро отбежав к своей палатке, буквально через минуту, Таня, ближайшая подруга Светки, принесла два спортивных лука, и девушки сноровисто, отточенными движениями изготовились к стрельбе, сместившись к зарослям и заняв там позиции.

— Да что тут происходит? — взревел Игорь, который уже не мог отмалчиваться, когда увидел в отблеске огня, что стрелы были-таки с наконечниками, пусть и в спортивном исполнении.

— Солдатик, ты иди, развлекайся, а местным мы и сами холку начистим. Да, пацаны? — и пацаны и девчонки взревели в едином порыве, всматриваясь в другую толпу, так же изготовившуюся к противостоянию, группу местных подростков и молодых мужчин.

Они остановились в метрах пятидесяти от лагеря и расплывали себя гневными и оскорбительными выкриками в сторону «панаехавших» городских.

Игорь без труда вычислил лидера студентов, которым был один из мажоров, и двумя отточенными рваными шагами приблизился к крикуну. Без видимого замаха ударил того по печени и нежно, подхватив заваливающееся тело, усадил агрессивного студента на землю. Толпа опешила и замолкла, из нее вышли двое «джинсовых» дружков поверженного лидера и стали обходить Игоря по бокам.

— Ну, солдатик, тебе конец, — прошипел один из дружков.

Оба нападавших рисовались, меняя стойки и демонстрировали знание киношного каратэ. Игорь был не понаслышке знаком с восточными единоборствами. У них в учебке был даже инструктором китаец, который умел не только картинно махать ногами, но и эффективно противостоять любому противнику. Тут же, судя по движениям и картинным стойкам, было больше неправдоподобного американского кино.

Боковой удар маваша-гери от одного из противников Игорь увидел, когда тот еще только начинал делать шаг для проведения такого не эффективного, пусть и внешне эффектного в сложившейся диспозиции, удара. Прямой толчок по опорной ноге в момент занесения другой нижней конечности для красочного исполнения, маваша, уронил каратиста. Другого бойца Игорь изловчился поймать на болевой прием и скрутил тому руку, добавив ударом с колена в голову. Оба дружка-драчуна застонали от боли.

— Никакой битвы не должно быть! — закричал старший сержант голосом, полным металла.

Толпа археологических «ратников» пошатнулась и почти синхронно сделала два шага назад. Но Игорь не стал больше обращать внимание на студенческое воинство, как и на пьяные несвязные слова преподавателя. Повернувшись к местным, он громко выкрикнул:

— Ну и за каким чертом вас принесло? Проблемы нужны? Завтра тут будет вся областная милиция, всем нужны с ними сложности? Вы хоть понимаете, что разбираться особо не станут? Может, у кого сроки были, или условный еще не отходили? На зону спешите?

— Слышь, Солдат, побазарить нужно, — выкрикнул один из мужичков на коне и спешил, не дожидаясь ответа Игоря.

— Ну, давай перетрем, — отозвался Солдат, видимо это прозвище с сегодняшнего дня к нему в этой среде приклеилось надолго, но не самый плохой позывной.

Оба лидера противостоящих ватаг вышли на равноудаленное расстояние от своих «воинов». Перед Игорем стоял мужик лет под тридцать, коротко, но неаккуратно постриженный, с достаточно широкими плечами и внушительным ростом, на полголовы выше далеко не низкого, метр восемьдесят пять, роста Игоря.

— Ты, паря, не прав, — начал разговор местный предводитель. Выдержал паузу, ожидая возражения, но, не дождавшись его, продолжил. — Городские девок наших попортили. Пришли покупать сэм, да и в бане Машку с Зинкой того...

— Понял, некрасиво, но насилие было? — спокойно спросил Игорь.

Солдату вести переговоры было более привычным делом, чем миловаться с девчонками, однажды, в патовой ситуации, его подразделение вышло из западни, как раз благодаря тому, что он смог договориться с командиром духов. Прижатые со всех сторон горами, ни бойцы ГРУ, ни душманы не могли выйти без существенных потерь. Тогда Игорь, на свой страх и риск быть преданным трибуналу, дал возможность уйти отряду духов, которых оказалось в пять раз больше их взвода, тем более, что у грушников ещё три тяжёлых трехсотых, включая командира. Никто из группы не сдал, тем более, что душманы оставили два крупнокалиберных ДШК и три миномета на своих позициях. А задача по прохождению большой советской колонны была выполнена.

— Да, нет, не было, — ответил переговорщик от уязвленных местных.

— Так к чему базар, или жить в деревне скучно? Как там про кабеля и сучку, которая, если не захочет?.. — сказал Игорь.

— Так-то оно так, но тогда и вы не должны быть против, если ваших девок мять станем, — с усмешкой произнес лидер местных, найдя аргументы в своей, казалось проигрышной, переговорной позиции.

— Без «б», но только по желанию. Каждая девка должна подойти ко мне и сказать, что она собирается по своей воле идти мять траву с пацаном из деревни, — нашел Игорь свой аргумент.

Солдат даже не мог представить ситуацию, когда перед любовными утехами кто-нибудь будет отпрашиваться у него, так что не сдержал улыбку от представленной картины. Тем более в данном вопросе задевалась проблема авторитетов лидеров двух противоборствующих группировок. А может ли так построить деревенскую молодежь сельский лидер, чтобы местные девахи бегали к нему за благословением на грех?

— Так-то верно, тогда и деревенские девки должны отпроситься у меня, — после паузы ответил переговорщик, явно растерявшийся от такой вот деревенско-полевой дипломатии.

Но слова прозвучали немного неуверенно, житель Мохова понимал, что такое решение сложно осуществимо, не понимал он только, что и Солдат блефует. Никто не пойдет к нему проситься на секс с местными. Но кто его знает этих студентов, может, у них это было бы и нормальным.

— Без «б», — коротко ответил Игорь.

— Ну и это... — местный мужик замялся, но посмотрев на свою ватагу, решился. — Давай мах на мах, а то мужики не поймут.

Игорь ничего не ответил, а только развел руками в жесте согласия и приглашения к бою.

Ничем серьезным этот поединок не обозначился. Парень, прошедший большой путь в разных системах единоборств видел с десятков возможностей быстро и эффективно закончить весь этот фарс, но по соображению опять же дипломатии, не стал этого делать.

Он и обменялся ударами с местным, к слову очень болезненными ударами сельского бойца, и поборолись в партере, пока, наконец, Игорь не подсек шустро вырвавшегося противника и тот не ударился при падении головой о выступавшую кочку.

— Все, харе, — подытожил Игорь, и присевший поверженный боец согласился.

— Я — Шишон, — представился мужик и протянул руку Игорю.

— Игорь, ну или Солдат. А ты молодец, Шишон, — начал говорить Игорь нарочито громко, чтобы слышали и аборигены и студенты. — Я десять лет по секциям самбо, да в спецназе, но с тобой было трудно.

Увидев радостную улыбку, расплывшуюся на окровавленном лице местного лидера, Игорь понял, что попал в точку. Авторитет в деревне Шишон не только не потерял, но и приобрел дополнительный. Для любого советского современного парня слово «спецназ» звучало, как нечто магическое, непобедимое. А тут еще и самбо, которое мало чем уступало в таинственности и мифологии от каратэ или кунг-фу.

Уже через пять минут, под веселые, не совсем цензурные выкрики, толпа местных начала удаляться. Если судить по тем репликам, которые доносились, постепенно удаляясь, от ватаги атакующих сельчан, то они уже и девок городских прощупали и пацанам навалили, вот только Солдат один и был нормальный мужик, а остальные так... ни о чем, если бы не он, то вообще они бы всех этих студентов «вертели на...». Игорь же увидел с десятков парней-студентов, которые излучали решительность догнать наглецов и показать, что и они не робкого десятка.

— Солдат, ну ты и каратюга! Красавчик, как ты их! Нужно было всем по соплям дать, — слышались победные рулады уже со стороны студенческого войска.

— Спасибо, ик... — сказал Николай Дмитриевич, показавшийся, несмотря на икоту, более трезвым. — Пошли за командирский стол, ты ж заочник, с ними можно, это, ик... со студентами-перваками нельзя, а с тобой можно, ик... ты ж и Афган прошел.

Игорь не стал сопротивляться, прекрасно поняв, что именно ему можно, а первакам нельзя. И, по мнению парня, ему было даже нужно выпить. Но не так ситуация с наездом местных выбивала Игоря, сколько неопределенность с Лидой. Что с ней творилось, парень мог только догадываться. Он высматривал девушку в бурлящем лагере начинающих археологов, но не находил, несмотря на то, вокруг было достаточно света, полная луна, чистое звездное небо, два больших костра, фонарики в руках спящих студентов.

Но, не смотря на освещенность, по всему лагерю слышались выкрики, типа «осторожнее», «разуй глаза» — это проходящие неопытные историки цепляют стропы от палаток. Но через три-четыре дня все приносятся избегать ловушек.

А вот Лида ушла, оставалось у Игоря чувство какой-то досады, недосказанности. Он не хотел примерять на себя роль сердцееда, кидающего девушку, как только добьется ее благосклонности. А тут чуть ли себя не ощущает брошенкой. Понятно же, что Лиде стыдно, что этот непонятный эмоциональный порыв привет к компанию девичьих принципов. Но и она не была девственной, да и демонстрировала кое-какой опыт в любовных делах. Поэтому, как понадеялся Игорь, истерик не должно быть. Они взрослые люди, а время рассудит.

— Вот, ик... садись, — сказал молодой преподаватель, приглашая Игоря присесть за

стол.

Командирский стол располагался в вырубленных зарослях, чтобы подальше от глаз любопытствующих студентов, которые прекрасно понимали все происходящее, принимая ситуацию, как должное, да и сами стремились не отставать от командиров, пусть и не были столь запасливы в бланках хмельной «документации», как их преподаватели. Недалеко от места, куда привел его Николай Дмитриевич, Игорь уловил звуки из кустов, где кому-то было крайне плохо от выпитого ранее, и он, даже скорее она, очищал кишечник не совсем традиционным способом. На следующий день эти рвотные массы вокруг лагеря могут создать определенный дискомфорт. Зря уехала Анна Кондратьевна, при ней, возможно, такой анархии не было бы.

— О, и Лидочка пришла, присоединяйся, — из-за палатки, которая так же служила прикрытием для происходящего за командирским столом, вышла девушка.

Даже в отблесках луны можно было рассмотреть ее покрасневшие глаза. Лида уже успела проплакаться, даже не наблюдая за разборками с местными. Она уже и многое себе успела надумать. Сколько там нужно времени, да при буйной девичей фантазии, чтобы нарисовать в голове самые ужасные картины? Уже и отругала себя всеми оскорблениями, о которых только была осведомлена. Девушка убеждала себя, что она ненавидит Игоря, что это он кабель воспользовался ею, что это кружка портвейна сделала ее слабой. В который раз, уже слабой, что еще больше давило на Лиду, она же себя считала «не такой», а тут опять... Игорь был не первым ее мужчиной. И по злой иронии судьбы, именно Коля, Николай Дмитриевич и был в прошлом году ее «палево-археологическим» парнем, как этот феномен называл Витек, своего рода мужчиной из курортного романа. Но тогда они скрыли свои отношения, которые так и не смогли перенести за пределы экспедиции.

— А и присоединюсь, — надела Лида на себя маску безразличия к Игорю.

Заочник ничего не сказал, он не понял того, что девушке сейчас нужна была его поддержка, слова о том, что все хорошо, просто обнять, погладить по волосам, настоять на своем участии, даже после того, как был брошен, стерпеть. Парень не знал таких тонкостей женской психологии. Никто обхождению с девушками Игоря не учил, а симпатичное с правильными чертами лицо, достаточный рост и отличная физическая форма в купе с мужественностью, постоянно притягивали к нему женщин, но никогда не на продолжительное время, чаще он вел себя так, что общение и не срасталось.

— Ну ты, молодец, так все разрулил! — расплылся один из руководителей студенческой практики, даже не особо стесняясь, приобнимая Лиду, которая присела на лавку рядом.

Девушка с вызовом смотрела за реакцией Игоря, который закрылся в себе и больше налегал на дефицитные закуски на столе. Во всех экспедициях, как говорила Анна Кондратьевна, была традиция брать копченый сыр, как неотъемлемую часть церемониала. Это как на Пасху у верующих, которых становится в СССР все больше в последнее время перед началом трапезы, съесть кусочек освященного в церкви кулича. И этот сыр был вкусен, особенно, когда сверху на кусочек Игорь положил в раза три большой ломоть копченого мяса.

Парень опрокинул в себя первую чашку с наполненной на два пальца водкой, а алкоголь разливался в любые емкости, рюмок, за столом, даже стаканов, не было, и стал закусывать тем самым копченым сыром, но уже с колбасой. Однако, парень чуть не поперхнулся, когда озабоченный преподаватель, уверенный что делает это украдкой, начал лапать под столом

третьекурсницу Лиду. Только час назад она была любовницей Игоря, а сейчас вперила безэмоциональные глаза на Игоря, все еще ожидая его реакции, но тот продолжил жевать сыр. Делал он это демонстративно и не отрывал холодный взгляд от наигранно надменного лица девушки. Игорь был оскорблен, он не знал, как поступать. Он понимал, что бить морду похабному Николаю не с руки, да и насилия никакого не было, парень вспомнил, как недавно Шишону рассказывал про сучку и кобеля и их согласие. И тогда Солдат решил, что не должен вмешиваться. Потом была копченая колбаса, и даже подаваемая только по большим праздникам, жареная курица, но вкус деликатесов ощущался не ярко, все же Игорь был не бесчувственным чурбаном.

Нет, заочник очень хотел взять и выдернуть из похабных рук ту, с кем еще недавно, да что там — только что, нежился в траве, не обращая внимания на рой комаров, но парня останавливало отсутствие сопротивления со стороны, казалось, застенчивой девушки. Списав все происходящее на то, что он долго был на войне и так и не смог принять зарождающиеся в системе молодежных ценностей, свободные отношения, которыми заразились все вокруг, Игорь смог частично отрешиться от душевных терзаний и самостоятельно налил полкружки коньяку. Тот обнаружился в авоське, висевшей на гвозде, прибитом к опорному столбу командирского места для «изучения документации».

— А ты не куришь? — спросил Николай, доставая, наконец, свои руки из-под стола, и приостанавливая на время ощупывание ног Лиды, которая поправила прядь волос и показалась Игорю еще более привлекательной, но какой-то странно отрешенной, чему парень не придал значения. Сам он уже закрылся для Лиды, он не принял свободных отношений, поэтому забыть и жить дальше.

— Нет, — коротко ответил начавший нервничать солдат.

Налив еще полкружки молдавского коньяка «Белый аист» и открыв ложкой бутылку с напитком «Пепси», в очередной раз удивляясь снабжению экспедиции, Игорь залпом выпил уже слишком согревающий алкоголь и запил его сладкой водой самого шустрого американского производителя, который умудрился открыть производство «Пепси» в СССР задолго до конкурентов.

— Ты со мной? Или так и будешь тут сидеть с поглаженными коленками? — выпалил Игорь с нажимом.

Алкоголь дал в голову, и непривыкший отступать парень сделал, как ему показалось, отчаянную попытку изменить ситуацию.

— Иди! Нам с Коленькой есть, что вспомнить, — вопреки своим желаниям, сама не понимая, какую чушь она несет, ответила Лида и совершила еще более неадекватный поступок — поцеловала сидящего в «непонятках» своего бывшего.

— Сука! — сказал Игорь, сплюнул и быстро ретировался с командирского закутка, при этом прихватил авоську с алкоголем, куда скинул остатки колбасы и запеченной курицы.

Лида же сильно испугалась общественного мнения и потери авторитета. Опыт отношений с Николаем, который ни в какое сравнение не идет с Игорем, был уже привычным и общество, пусть и перешептывалось, но приняло это. Причем многие считали, что Лида до свадьбы будет мужику голову морочить и даже подспудно сочувствовали Николаю Дмитриевичу, что тот так до обручального кольца и останется не целованным. Не знали они, что за строгостью комсорга скрывается очень чувственная, может, чересчур даже, женщина. При этом волевая и умеющая быть целеустремленной. Это Лида стала инициатором всех своих любовных связей, пусть и не осознанно, почти всегда после

помутнения рассудка жалея о них.

Игорь встал, и некоторое время отрешенно смотрел на звезды. Если бы заочник не был уже в изрядном хмеле, и не пил кружками водку с коньяком, то увидел, как образуются две мокрые полоски от ниспадающих на щеках девушки слезинок. Лида была готова бежать за Игорем, но вокруг люди и она уже опозорилась с ним, обрушила репутацию, теперь же можно обратить все случившееся в недоразумение. Отношение с Николаем более предсказуемы, и уже прошли свою стадию общественного порицания еще в прошлом году. А Игорь... он не такой, чтобы бахвалится.

— Эй, Солдат! Иди-ка сюда! — услышал Игорь выкрик от одной из дальних палаток, расположенной в метрах двадцати, не больше, от начинающейся болотистой местности. Место для временного походно-полевого жилища было выбрано явно для того, чтобы быть подальше от начальства.

Игорь было вспылал на это «иди-ка», алкоголь и на его адекватность воздействует, но смог взять себя в руки. Постоял, сделал пару глубоких вдохов и выдохов и отправился-таки к тому, кто его звал. Пошел не с намерением конфликтовать, а, скорее, чтобы найти хоть кого для общения. Игорь почувствовал себя лишним на этом все больше разворачивающемся празднике жизни. Знакомых и друзей тут не было, да и не могло быть, он то заочник и не общался с большинством практикантов. Да и могут ли быть общие интересы у мужчины с теми, кто только на пути к этому статусу? Разговоры о шмотках, политике, девушках? Все эти самые распространенные темы были для парня не то что не интересные, он просто был в них не компетентен. На службе все было понятно, там приказ и его исполнение, лишь обрывочная информация о том, что происходит на Родине. Телевизор полноценной картины происходящего в стране не покажет, в проблемы, озвученные в «Прожекторе перестройки», или программе «Взгляд», без ста грамм не вникнешь. А говорить, о чем не имел четкого представления, Игорь не любил. Да и сегодня никто, как и сама растерявшаяся власть, не могла сказать, что именно происходит и в какую пропасть летит СССР.

— Че хотел? — спросил с вызовом заочник, когда подошел к палатке, за которой расположилось не меньше двадцати человек на четырех покрывалах.

Перед Игорем стоял тот самый «джинсовый» лидер, которого он первым отоварил во время наезда местных. Но сыночек влиятельного родителя не излучал негатива, напротив, начал как-то заискивать перед тем, кого он называл Солдатом.

— Да, ладно, нинздя, я не в обиде. Присоединяйся, хоть поешь нормально, а то на ужин даже не удосужились кашу сварить. Бардак, все бухают, командирша и та... — парень замялся, поняв, что упоминание командирши-Лиды было лишним.

— Ну, мировую, что-ли? — спросил Игорь, которому надоело уже анализировать, искать подвохи, копаться в своих чувствах и эмоциях. Лида захотела быть с Николаем, да и ради бога, на поляне за палаткой две трети женских силуэтов.

— Давай! Я Алик, ну так-то Александр, но все зовут Аликом. Пошли пить мировую, круто ты все же решил проблему. Это я после осмыслил, когда ты хмель из меня выбил. Было бы много крови. Спасибо и пойдем! — пригласил Алик, но Игорь приподнял авоську, в которой было четыре бутылки разных напитков с повышенной крепостью. Он-таки отомстил Николаю Дмитриевичу, забрав авоську с алкоголем. И пусть тот предъявит студенту, что взял у ответственного преподавателя алкашку, даже если ту назвать «важными нормативными документами».

— Ого, советское виски, армянский коньяк, столичная и пшеничная. Ты решил, чтобы

наверняка завтра не подняться? Почему вся бухашка разная? — спросил Алик, доставая виски. — А, впрочем, какая разница?! Отец говорит, что советское виски не хуже зарубежного, только у нас все отечественное принижается, культ Запада. Никогда не пробовал. Ты не против?

Дождавшись одобрителного кивка Игоря, Алик лихо открыл бутылку виски, уронив пробку на траву, и отпил.

— Ну, как прав твой отец? — спросил заочник.

— А хрен его знает, мне сравнивать не с чем, а так, неплохой сэм, — ответил парень, занюхал рукавом и улыбнулся.

— Ну, самогонка и есть, в Афгане я пил канадское виски и английский джин. Так, вот если виски еще пить можно, но, кажется, хуже этого, — Игорь приподнял бутылку, из которой только что и сам сделал глоток. — То джин отдает какими-то лекарствами, даже противно было.

— Так он настаивается на можжевельнике, а тот пахнет, как лекарство от кашля. Или это самбука? Хрен разберешь этот загнивающий Запад, — сказал Алик, перехватывая бутылку для нового глотка.

Игорь ощутил себя виноватым. Он сразу плохо отнесся к парню, с ходу не разобравшись в ситуации, ударил, был готов и сейчас действовать агрессивно, если бы не радушие Алика. Но, как говорил отец: "Лучшая дружба начинается с хорошей ссоры" — вспомнил Игорь слова своего отца, который познакомился в драке за маму с лучшим, а может и единственным, своим другом — дядей Сергеем, который был одноклассником матери.

— Мальчики, вы так накидаетесь вдвоем, а столько девушек тоскуют в одиночестве, — к парням, так и стоявшим чуть поодаль от банкетных расстеленных покрывал, подкралась Света.

Игорь видел движение женского силуэта. Даже сейчас он не утратил повадки бойца, но в лагере спящих студентов, многие из которых больше похожи на лунатиков, чем на разумных людей, не придавал уже значения, кто и зачем крадется, тем более, что силуэт был сногсшибательно обворожительным.

— Ну, так, веди нас, будь лучиком Светы, — отшучивался Алик, обратившись к Светлане.

Много девушек, все разгоряченные алкоголем и звездная ночь. Песни под гитару, шутки и развязное общение. Это то малое, что прибавляло эмоций для Игоря, Светы, Алика присоединившемуся к ним Витьку, и всем остальным.

— Игорь, проводи меня, — чуть заплетающимся голосом попросила Света.

Даже в ночное время были видны завистливые глаза большинства парней разросшейся компании. Алик привстал и одобрително похлопал Игоря по плечу. В ходе общения Света нарочито расставила все точки над *i*, рассказывая, какие они с Аликом друзья и что никогда даже не целовались, как и не с кем из присутствующих она подобной процедуры не проводила. Рассказы эти были навязчивые, звучали, как бы оправданием за былые проступки, но Игорю — единственному слушателю, для кого они и предназначались, было уже все равно. Заочник так стремился захмелеть, что изрядно перетруился с этим занятием и сейчас не он должен был провожать, а скорее, его.

— Пошли, — сказал Игорь, привставая, мужаясь держаться стойко.

Света схватилась за левое предплечье парня, и они пошли... Игорь не знал, где именно находится палатка девушки, но знал, где поставил свою. Не имея ввиду ничего крамольного,

он и пошел спать к себе, не беря в голову то, что висящая на нем первая красавица факультета — высокая брюнетка с выразительными, мутно-зелеными глазами, великолепной фигурой, точеными чертами лица, способного создать любое выражение от милого до стервозного — так же идет с ним.

Не говоря ни звука, как будто делали это ежедневно, как минимум на протяжении года, являясь мужем и женой, они пролезли в палатку и стали раздеваться. И, если Света все же, несмотря на выпитое спиртное, стеснялась, то Игорь, буднично снимал уже трусы.

— Я это... ну... первый раз... — прошептала Света.

Если бы Игорь не выключил свой мозг, это уже второй раз за сутки, выпив с литр абсолютно разных крепких напитков, попробовав два вида портвейна и шлифанувшись под уход бутылкой «Жигулевского», то удивился бы ситуации. Развязная девушка, которая больше всех намекала на интимные отношения, отшучивалась от пошлых намеков с сознанием дела, еще не была с мужчиной.

— Ты не подумай, я никак не была с мужчиной, — по-своему расценила создавшуюся паузу Света, посчитавшую, что Игорь подумает о том, что у девушки был сексуальный опыт не традиционного характера.

— Да мне по барабану, — единственно, что смог из себя выдать Игорь.

Говорить парень мог с трудом, но природа вела его, активизировав инстинкты, и он смог быть и внимательным и предупредительным, стараясь, насколько позволяло состояние быть нежным.

Света уже начинала комплексовать по поводу того, что все еще девственница, в отличие от большинства своих подруг и твердо решила, что сделает это на археологической практике. Дома же был полный контроль, постоянное требование к учебе, бассейн, тренировки и сборы по стрельбе из лука, соревнования и сессия. Потом на выходные всегда дача и там контроль. «Мальчик появился? Нам это не нужно! Только на последнем курсе! Отучись, а потом мальчики!» — вот основной посыл родителей, он то и предполагал тотальный контроль. Алик был сыном друга отца и все прочили им свадьбу, но потом, чуть позже. Вот только общение у Светы и Алика не задалось, они даже пытались быть ближе, даже лежали почти раздетые в одной кровати, но не тянуло друг к другу, Алику нравилась другая девушка, даже девушки и он может и побаивался красоты Светы, или близкого знакомства родителей, хотел отношений попроще. Ну а Света не знала, что такое эмоции, что такое смотреть на мужчину и представлять его руки у себя на коленях, или...

А Игорь был идеальным вариантом, может не такой верный, но и она не трезва. С ним можно было создать интрижку, как говорили уже многоопытные подружки, «археологический любовный роман», и легко расстаться после практики. Еще на крыльце корпуса девушка высматривала такую кандидатуру, вот только глаза постоянно натыкались на рослого, мускулистого, при этом красивого парня, от которого просто веяло силой. Когда началась заварушка с местными и Света увидела Игоря с выскочкой Лидой, которую можно было считать сильной соперницей. Тогда девушка чуть было не оставила свою затею, пытаясь определить другую жертву или счастливицу, но тщетно. Света видела красоту своей визави, даже в условиях, когда та специально прячет свои достоинства. Но мало кто думал, а может и никто, что Лида была способна в первый вечер, с первым встречным. Несмотря на подначки и шутки, весь лагерь сошелся во мнении, что у Солдата и командирши ничего не было. Это и придало дополнительный стимул Свете. Она не отличалась слабыхарактерностью и, если решила для себя что-либо, то обязательно добьется. Как и

сейчас.

— Можно, я сама, я видела, как это делают, у родителей есть видеокассета, — сказала девушка и принялась осуществлять завершающий этап своего плана.

Глава 2

— Подъем! Подъем, вставайте, просыпайтесь! — кричали во все горло с десятков человек.

Им отвечали матом и кричащими междометиями, но вяло, без огонька, сонно. Народ не хотел просыпаться, пусть и в палатках уже нещадно жарило.

Крики не смогли бы поднять Игоря, как и большинство обитателей лагеря, который начал успокаиваться только с рассветом, как правило, под влиянием изрядной доли «успокоительного». Но дикий, впивающийся в барабанные перепонки, звук ударяющихся одну об другую эмалированных крышек от кухонных котлов, заставлял шевелиться, морщиться и хоть как-то реагировать.

— Они так обобьют всю эмаль на крышках, — пробурчал Игорь, пытаясь открыть глаза, но получилось раскрыть только один. — Сволочи, ни себе покоя, ни людям!? Еще же только начинает светать! Или это я еще глаза не открыл?

Насколько это было возможно через узкие щели, не желающих полностью открываться заплывших глаз, Игорь лениво осмотрелся. На всей площади брезента не новой палатки расселись уставшие, с полными пузиками крови, комары. Ночью палатка не была закрыта, и насекомые оторвались по полной программе. Только сейчас, когда парень увидел, с десятков комаров, а фантазия дорисовала картину комариного пира, Игорь ощутил результат общения с насекомыми — чесалось все.

— Ох, ты ж! — воскликнул Игорь и прикрыл-таки вход в палатку, чтобы проходящие не глазели на то, что открылось взору парня внутри походного жилища. Конечно, такую реакцию не могли вызвать комары, которые должны были быть ко всем членам экспедиции одинаково агрессивны.

Забылось про похмелье, все недомогание временно отступило, широко раскрылись глаза, чтобы не упустить ни малейшей детали. Света, девушка, которая вчера больше раздражала своей наглостью и напором, сейчас восхищала. В памяти всплыли некоторые очень пикантные события, когда парень овладел всем этим идеальным творением природы. Изящные линии тела, упругая грудь — невинно спящая девушка манила к себе, но Игорь боялся прикоснуться к бархатной, немного загорелой коже Светы.

— Что, нравлюсь? — спросила соседка по палатке, не открывая глаз, крики в лагере разбудили и ее.

— Ага, — единственное, что смог ответить Игорь и коснулся-таки груди девушки.

— Говорят, что второй раз намного приятнее, — произнесла девушка и сама, обхватив голову парня, прильнула к его губам нежным поцелуем.

Судя по тому, как Свете пришлось сдерживать вырывающиеся из нее звуки, второй раз действительно был более приятен, пусть болезненные ощущения еще полностью не прошли. «Еще бы полноценно вспомнить первый. Но так просыпаться чертовски здорово, и бодрит» — подумала девушка.

Пришлось проигнорировать очередные потуги дежурных разбудить лагерь, приходя в себя после райской побудки. Так что вылезли мужчина и уже женщина из убежища только минут через сорок.

— Охренеть, сестренка, — первый кто заговорил с, опустившими головы, Игорем и Светой, которые все же «вышли в люди» из своего выдавшего вида любовного гнездышка,

был Алик. — Вчера человек двадцать уселись возле вашей палатки и охали и ахали, наблюдая страстные силуэты.

— И видика не надо, просмотрели эротику? — с вызовом сказала Света, но ее щеки запунцевели.

Она быстрее догадалась, о чем именно говорит Алик — под тусклый едва приникающий свет можно было с большим напряжением, прежде всего, фантазии, а уже после зрения, что либо рассмотреть. А вот звуки, наверняка разносились по округе, как тут не сдерживайся. И это ее первый раз, такой долгожданный и проектируемый в девичьих мечтах, на деле... «Дану вас, к черту, все отлично!» — подумала Света, развеивая свои сомнения.

— Ну, особо ничего не было видно, но фантазия, оказывается, у всех развита, — рассмеялся Алик, немного сглаживая неловкость. Потом отсмеявшись, по-доброму, скорее панибратски, ударил Игоря в плечо и немного успокоившись, продолжил страшать молодых людей. — Но в целом, ребята, спасибо! Вика моя, насмотревшись или наслушавшись, сама меня потащила к себе в палатку. Ох, сестренка, что там было?!

Пока продолжалась пикировка Светы и Алика, Игорь рассматривал лагерь. С грузовых машин разгружали аккуратные, уже нарубленные паленья дров. Стояли две пивные бочки в питьевой водой и даже вроде бы с квасом. Так же в количестве двух штук стояли и уже дымились полевые, как будто только с завода производителя, полевые кухни. Наблюдалось какое-то шевеление в одной из армейских палатках, куда носили ящики и мешки из еще одной грузовой машины. Не меньше пяти косцов косили всю траву в округе, но только там, где было трудно проехать комбайну, в остальных местах это делали как минимум две сельскохозяйственные машины. Потемкинский лагерь во всей красе.

Как всегда, из поколения, в поколение, не смотря на социальный и государственный строй, передается стремление славян делать все в последний момент, да и показуха перед начальством к месту и без оно, тоже в традиции. Вот и здесь, развернулась кипучая деятельность, которую эта местность уже давно не видела, чтобы аккурат к приезду в обед первого секретаря Обкома создать видимость хозяйственности и рачительности. Очень, видите ли, стремится местная власть поощрить молодежь на научные свершения и показать, как в районе радеют за науку и готовы костями лечь, но создать комфорт для будущих и настоящих надежд советской археологии.

— Так как будем дальше, Игорь? — наигранно незаинтересованно спросила Света, наблюдая, как Алик, заметив девушку, с которой был ночью, стал от нее прятаться, и быстро етировался в ближайšie кусты.

— Не усложняй. Ты мне нравишься, если я тебе тоже, то давай продолжим общение, пока нам интересно друг с другом, мы же даже не поговорили нормально. Ну а там, без обид, если не сойдемся, то разбежимся, — рассудительным тоном, стараясь не смотреть на Свету, чтобы не запнуться, сказал Игорь.

— Как у тебя все просто, — девушка задумалась, через пару секунд улыбнулась и продолжила. — Все правильно, мой генерал. Есть, не усложнять! Солдаты, они же бывают генералами?

— Ну не совсем так, но допустить можно. Как говаривал кто-то из французов: «Плох тот солдат, что не носил маршальский жезл в рюкзаке», — ответил парень, приподнимая указательный палец.

— Ну, тогда я в палатку к Таньке, переоденусь, а то тут следы былой невинности, приведу себя в порядок и встретимся, — Света поцеловала Игоря в щеку и упорхнула куда-то

на окраину лагеря.

А Игорь тогда подумал, что погорячился, когда поставил свою палатку в самом центре этого стойбища студентов, никакого личного пространства, все на виду, но переставлять временное жилье не спешил, да и события понеслись вскачь.

— Общий сбор! Общий сбор! — не кричали, а орали до хрипоты какие-то энтузиасты, когда другие похожие на первых тоже «асты», с другими буквами впереди, стали стучать уже ненавистными эмалированными крышками.

Отвратительный высокий звук звенел внутри головы и вне ее, но нужно признаться, до всех уголков лагеря, как и за его пределами, может и до крайних домов деревни, доходило, что нужно идти на общий сбор. Было бы смешно, когда кто-нибудь из деревни припрется на это собрание, потому что позвали.

Что такое этот «общий сбор», Игорь еще не знал, но догадывался, что он имеет много общего с построением, своего рода традиционная проверка «выживших» после ночного загула.

Между тем, ближе к кухне собирались группками и поодиночке студенты. Столы и кухня располагались в самом начале лагеря, там и должен был состояться тот самый «сбор». Как, по мнению Игоря, подобное мероприятие должно было быть организовано не в половину одиннадцатого, а часов, в семь. После ночи экспедиция могла все же недосчитаться своих участников из тех, кто уже ранее встал и отправился исследовать окрестности.

— Вы что творите? Вырвались от маминых юбок, и давай балы у сатаны справлять. Только на вскидку по лагерю насчитали больше ста бутылок алкоголя, — отчитывала Анна Кондратьевна, видимо, приехавшая спозаранку и заставшая в своей зоне ответственности полный раздрай.

— Это Гулька еще не видела, сколько бутылок в болоте и кустах, — бахвалились студенты шепотом, чтобы слышали только рядом стоящие.

— Мне сообщили и Алексей Михайлович и другие руководители, что вы прятались по палаткам после отбоя и пили. Нет, сухого закона, как во всей стране, у нас нет, ума не приложу, где вы все покупаете, нужно же знать и меру. Николай Дмитриевич вместе с Лидочкой всю ночь успокаивал лагерь и сейчас, вместо того, чтобы идти размечать раскопы, вынужден отсыпаться, — отчитывала Гулька нерадивых студентов, но на моменте «с Лидочкой всю ночь успокаивал лагерь», студенты в голос рассмеялись. В лагере ничего не происходит не замечено, а Лида получила новую порцию сплетен. Однако, Анна Кондратьевна не обратила внимание на всплеск веселья. — Через два часа придет Иосиф Антонович Колосов, приведите себя в порядок. Никаких джинсов, услышу мат и сделаю все, чтобы не засчитать практику, обед должен быть к двум часам и не жалеть тушенки, первый секретарь обязательно снимет пробу.

Больше двух часов в лагере кипела работа. Кто-то действительно был при деле, многие делали вид бурной деятельности, но отдыхающих на травке не было никого. Через час после общего сбора послышался и раздраженный, нервный голос Лиды. Она провела ночь в палатке Коли, и все у них было, но это «все» со слезами на глазах. Лида, даже в пьяном виде, занималась самоедством и понижала свою самооценку, рождая внутри себя совсем другого человека. Циничного, решительного, но до этого еще было далеко.

Такой неприятной близости с Колей, у нее никогда не было, а раньше она восхищалась этим умным и перспективным парнем, который уже заканчивал аспирантуру. Но все

познается в сравнении. Лида, умылась, сжала кулачки и постаралась полностью переключиться на организационно-хозяйственную деятельность, с удвоенным упорством начав осуществлять контроль и управление работой студентов.

Скоро приехал и хозяин области, привезя с собой внука — Гришку, ну или Григория Антоновича Карского, сына единственной и любимой дочери первого секретаря Обкома партии.

— Товарищи, еще только первый день экспедиции, но молодые люди, будущее нашей социалистической Родины, уже успели сделать большое научное открытие, но об этом расскажет руководитель экспедиции Анна Кондратьевна Бережная, — давал интервью телевизионщикам Колосов уже через полчаса после своего приезда.

Камера повернулась немного влево, наводясь на стоящую рядом Анну Кондратьевну, которая по отмашке оператора, начала говорить:

— Да, действительно, сразу после разметки кургана номер девятнадцать, что расположен в юго-восточной части могильника, на склоне надпойменной террасы, когда студенты начали снимать дерн, был найден уникальный крест-энколпион, — немного растеряно говорила руководительница экспедиции.

Археологи не так часто появлялись на экранах советских телевизоров, но опыт конференций, лекций, семинаров, постоянных дебатов с коллегами, не позволял растеряться руководительнице экспедиции, даже при волнении.

— И в чем же его уникальность? — спросила корреспондент средних лет в очках с большой оправой.

— Это чаще всего вещь, принадлежащая либо епископам, либо знатным людям. Тем более, он крупнее среднестатистических энколпионов, которые были найдены в Восточной Европе, выполнен из белого металла с пластинами из желтого, а так же украшен двумя полудрагоценными камнями, — говорила Анна Кондратьевна.

— Извините, белый металл, желтый. Что именно Вы имели в виду? Поясните пожалуйста, для наших зрителей? — задала уточняющий вопрос корреспондент.

— Да, конечно, прошу прощения. Так зачастую археологи называют серебро и золото, соответственно. К сожалению, название этих драгоценных металлов вызывает у людей не свойственные добропорядочному советскому гражданину ассоциации, поэтому во избежание... археологи и используют такие шифры, — пояснила руководительница экспедиции.

— Лоевский городской комитет партии позаботится о том, чтобы законность и порядок на археологическом памятнике был соблюден в соответствии с советскими законами, — встрял в диалог Колосов.

Находка всколыхнула всех участников экспедиции. Временно на второй план ушли даже пересуды о ночных похождениях некоторых личностях. Найти такую дорогу во всех отношениях вещь, да еще и скорее на кургане, чем в нем, действительно открытие. Данная насыпь, как предполагалось, должна была быть датирована концом X века с истинно языческим обрядом погребения, по аналогии с исследованными рядом курганами.

Несмотря на ажиотаж в лагере и приехавшее телевидение, большая часть студентов сразу же, как новость долетела до лагеря, молниеносно преодолев расстояние, а это не больше трех сотен метров от раскопа, устремилась на курган. На месте раскопок любопытствующие зеваки больше мешали, чем помогали. Другие же студенты всеми правдами и неправдами пытались попасть в объектив камеры, но до тех пор, пока двое, явно

военной выправки, молодца, ненавязчиво стали оттеснять навязчивых студентов от республиканских репортеров.

Лаборанты, как оказалось, умели не только водку пить, судя по вчерашним событиям, не особо то и умеют это делать, но и организовывать работу. Сразу же началась разметка еще одного кургана, который находился ближе к огородам, на возвышенности. Две группы ушли дальше, на поселение, бить шурфы и искать границы памятника, филологи, в сопровождении пяти более-менее крепких парней пошли напрягать память местных жителей, чтобы те вспоминали песни и разные примки и забабоны белорусов-палешуков.

В итоге в лагере остались десять дежурных, которые, игнорируя для приготовления пищи привезенную воду, таскали ведра из крынички. Не забыли предложить ключевую воду и главному чиновнику области, чтобы тот оценил минерализованный природный источник. Жизнь лагеря, в ее хозяйственно-бытовом исполнении значительно облегчилась, когда привезли уже колотые дрова, доставили полевые кухни. Да и привезенную воду активно использовали для технических нужд. Такого роскошества не было ни в одной из экспедиций регионального университета до сегодняшнего дня, так что дежурные не сильно то и напрягались.

Игорь со Светой пошли «на шурфы», минуя по дороге курганы. Главной причиной выбора удаленного раскопа стало отсутствие желания встречаться с Лидой, которая стала младшим лаборантом у Николая Дмитриевича, как раз на кургане с уникальной находкой. Была и еще одна причина. Игорь еще во время ночных разборок с местными заприметил арбалет и утром, найдя, наконец, полноватого парня — хозяина занимательной вещицы, пожелал стельнуть. Имея авторитет спасителя лагеря, используя наивное желание пухляша закорешиться с Солдатом, Пашка-таки дал попользоваться репликой средневекового оружия, которое даже папы Римские некогда запрещали. Стрелять же рядом с лагерем, тем более, когда ходит всякое телевидение, милиция, врачи, да и лесхоз протирает штаны рядом с начальством, нельзя. Ну а чуточку вдали от глаз, можно и побаловаться.

— Михалыч, посмотри, что за кирпич, тут же культурный слой идет, вроде перекопов не видно, — сказал Игорь, работающий на своем секторе раскопа.

Пусть условно его и называли шурф, но Алексей Михайлович, руководитель, «горных шурфовальщиков», как окрестили группу в лагере, распорядился расширяться втрое, превращая шурф в полноценный раскоп. Пошли объекты и руководитель раскопа, без стеснения матерясь, начал расширять, вначале разметкой из штырей и веревки, границы шурфа, ну а после полученной команды, и все трудяги стали лопатами подводить раскоп под соответствие кольшкам и веревочкам.

— Ленка, подай сумку! — взбудоражено выкрикнул руководитель раскопа своему младшему лаборанту — девочке-первокурснице, которая была более настойчива, чем другие, и выгадала должность с названиями «Подай-ка» или «Принеси-ка», «Сбегай-ка», окрестившись в оперативный позывной «Ленка», будучи Аленой.

— Вот, Алексей Михайлович, — еще не совсем оформившаяся девушка прямо заглядывала в глаза предмету своего обожания, и это был не кирпич, который крутил в руках молодой преподаватель, а он сам, молодой, строящий из себя важного, преподаватель.

— Так, молодежь, никому о том, что сейчас произойдет, не рассказывать, — сказал заговорщицки руководитель раскопа и достал из сумки бутылку советского шампанского и две бутылки портвейна «Три топора», как в народе прозвали винный напиток «Три семерки». — Солдат, ты, мать перемать, древнюю церковь нашел. Ты хоть знаешь, что это

означает? Плинфа, средневековый кирпич и похоже тут кладка фундамента. Это же город, не городище, поселение непонятное, а город. Керамика в слое конца X- начала XI века. Это же грандиозно. Все, всем не разрешаю, а приказываю, бухать, а я пойду к Гульке, тьфу ты, к Анне Кондратьевне.

— Странное распоряжение, — начала высказываться Света, крутя в руках один из обломков плинфы. Не найдя для себя причин для бурной радости руководителя раскопа, девушка обратилась уже к студентам. — Он за начальством, а нам тут встречать делегацию пьяными. Нет, пионеры, не мой профиль. Бутылки забираю, в лагере разопьем, без обид.

Никто не посмел ослушаться звезду факультета, тем более, что связь Светы и Игоря уже не была секретом ни для кого. Ну а личность Солдата за ночь обросла такими легендами...

— Пошли, любимый, на охоту, мамонта добудем, — проворковала, но чтобы было громко, на публику, Света, озвучивая намерения, с которыми они и пришли в такую даль.

Спустившись по неприметной тропке вниз, парень и молодая женщина проламывались через кусты ореха, там Игорь заметил множество куропаток. Конечно, от такого громкого звука птица разлеталась, но Игорь, в котором проснулись инстинкты охотника, да и желание опробовать арбалет, возжелал, нет, не только Свету, а подбить в полете птичку, благо взлетали они максимум метра на четыре и не улетали далеко.

— Слушай, а останься мы с тобой тут, так и прожить могли бы. Уже три птицы подстрелил. И зайчика. Вот его мне жалко, ушастенький такой, — говорила Света в перерывах между поцелуями, скромно промолчав, что две куропатки подстрелила именно она, продемонстрировав свои профессиональные навыки подающей надежды спортсменки-лучницы. Арбалет был валькирией освоен моментально.

Минут двадцать и добычи на два дня двум взрослым людям. И это Игорь не решился бить уток, которых плавало и грелось на бережку в лужах и болотцах в превеликом множестве. Просто побоялся потерять арбалетный болт, которых у хозяина оружия было всего пять, а Солдату он отрядил только два.

После того, как Света отказалась предаться любовным забавам в очередной раз под предлогом, что за ними и так могут подсматривать, Игорь достал свой нож из чехла и стал свежевать добычу. Парень хотел сегодня запечь зайца с куропатками на ужин. Отойдя немного от лагеря.

Поднявшись наверх после своей охоты, туда, где некогда кипела средневековая жизнь, как уже стало понятно, после находки плинфы, городская, Света с Игорем обнаружили целую возбужденную делегацию, вместе с телевизионщиками, которые еще не смогли отдышаться, после подъема и себя и аппаратуры к месту раскопок. Все говорили о церкви, не забывая упоминать в интервью о затуманенном религией разуме предков, ну чтобы было и нашим и вашим. И остатки церкви показать, что эта вера была в регионе очень давно, ну и не выйти за пределы социалистического реализма и догматики. При том, что в последние пару лет советские люди становились все более религиозными, даже тысячелетие крещения Руси отмечалось чуть ли с государственным размахом. Но эти телевизионщики оказались менее прогрессивными, чем общество, подвергшееся плюрализму и гласности.

Поохав и похав, все, включая и студентов, работавших в итоге не больше часа, воодушевленные сенсационными находками первого же дня, работники лопаты и совочка отправились в лагерь. Время обеда.

Перед второй сменой работы, когда уже телевидение уехало, весь лагерь побывал в местном магазине, выгребая из него все деликатесы, а товарищ Колосов отправился на

инспекцию города Лоев и его руководителей, позволив археологическому сообществу свободно вздохнуть. Несмотря на то, что продавщица обещала, что уже к закрытию магазина завезут не меньше товара, дабы с самого утра было все по номенклатуре, советские люди не привыкли верить завтракам, а привыкли их есть, поэтому лагерь казался безлюдным. Как следствие, в магазине не осталось ничего, ну кроме того, что там лежало до событий, связанных с приездом археологов. Тут нужно сказать, что постарались и моховцы и лоевчане, которые правдами и неправдами, кто на велосипеде, кто и пешком, устроили паломничество в сельский магазин.

Вечером был пир, или как это назвал балагур Витек «вселенская обжираловка развитого социализма». Нет, не у всех была скатерть-самобранка, а у «джинсовых», большинство из которых, пусть и с немалым запасом денег, и с еще некоторыми допущениями, были неплохими парнями, и девчонками. Так думалось Игорю, которому и выбирать то компанию особо не пришлось. Нет, можно было совершить демарш и уйти от ребят, но для этого нужны были причины, а их не было, да и зачем. Не проявлять же пролетарскую солидарность и искать рабочий класс, сбегая от буржуа?!

Девочки наотрез отказались есть мясо куропаток и зайца, кроме Светы и ее подруги по спорту и одногруппницы Татьяны. Светлана и для себя и для других уже определила, что они с Игорем пара, ну, по крайней мере, на время раскопок, о чем всему окружению девушка прямо и заявила. Да и сам парень узнал эту новость вместе со всеми, однако, отторжения у Игоря она не вызвала, напротив, было приятно и во многом лестно. Света была действительно звездочкой среди всех этих молодых и симпатичных.

— Здравствуйте, ребята, можно к вам? — в бурное веселье вклинилась Лида.

Наступила неловкая пауза.

— Вот, — продемонстрировала командирша лагеря бутылку водки, портвейн, ну а после достала и палку докторской колбасы.

— Ну, так это другое дело, — вновь оживились почти уже второкурсники.

Света насупилась, взяла руку Игоря и положила ладонь парня себе на ноги, левую же руку молодого мужчины девушка закинула себе на плечи. Парень напрягся от неловкости, он то знал, что с командиршей у него все было, или почти все. Однако, Лида нарочито не проявляла особого интереса ни к Свете, ни к Игорю и уже скоро неловкость в общении прошла, для Игоря прошла, может и для Светы. Чего стоило командирше не коситься на того, кого представляла себе прошлой ночью, будучи в объятиях другого.

— Помоги перенести вещи, пожалуйста, — попросила Света своего добытчика, обозначая окончательно свои имущественные права на Игоря.

— Я-то не против, но как-то много решений в обход меня, — начал было протестовать Игорь, но Света включила свои женские чары, похлопала ресничками, аи парень не увидел смысла упираться в том, чего и сам подспудно желал, уже мало обращая внимания на сжатые кулачки Лиды.

* * *

— Э, может, хватит уже аморальщину разводить, — крик Лиды, с последующим ударом по палатке прервал любовные забавы Игоря и Светы. — Уже скоро рассвет, спать пора.

— Сука, — зло прошипела Света, собираясь нагишом выйти из палатки для мщения.

Игорь руками ее остановил, сам же быстро начал одеваться.

— Что умолкли? Это все, солдатик, на что тебя хватило? — не унималась изрядно подвыпившая командирша, сбивая один за другим колышки палатки.

— Лидочка, пошли спать, хватит уже, а? — заискивающе произнес Николай, который, оказывается, стоял рядом с разъяренной фурией.

Когда уже Игорь зашнуровывал свои берцы, снятые некогда с убитого им же пакистанца, на авансцену вышел новый персонаж — Некрошевич, он же и есть Колька, точнее, наконец, показался из-за спины Лиды.

— Урезоньте, Николай Дмитриевич Лиду: спать мешает, — не выдержала и подала голос Света, которая так же стала одеваться.

На выходе из палатки Игорь почувствовал дуновение морозного ветра, которого толи раньше не было, а, может, они так со Светой увлеклись друг другом, что и не ощутили резкого похолодания. Нашарив в углу немаленькой палатки, которая теперь была наполовину заполнена вещами Светы, бушлат, парень, наконец, увидел разворачивающийся спектакль. Именно, что увидел, так как звуков это действие почти не создавало.

Коля держал рот Лиды, которая извивалась в его руках, как змея, девушка была только в нижнем белье и с большим ножом в руках, которым безрассудно орудовала и уже была видна на руках Некрошевича кровь — Лида безуспешно пыталась порезать руки молодого растерявшегося руководителя. Игорь подошел к командирше и ударил ее в конкретную точку на шее. Девушка обмякла, а Николай зло посмотрел на Игоря.

— Да все нормально, отоспится, — произнёс Игорь, предвосхищая вопрос преподавателя.

В подтверждении слов заочника, Лида засопела.

— Спасибо! — растерянно произнес Николай и разъясняя ситуацию, продолжил. — Мы, это, ну спали, а потом она вырвалась от меня, схватила бутылку водки, половину за раз выпила, и вот... Пока я одежду нашёл, оделся, она тут уже скандалить начала.

— Ты поговори с ней, не нужно к нам лезть. Так и передай, что она свой выбор сделала, — жестко сказал Игорь.

— Холод, как зимой, — перевел тему разговора Николай и поежился, становилось все холоднее и холоднее.

Игорю в бушлате было комфортно, но легкая студотрядовская куртка Николая явно не могла защитить от все нарастающего мороза.

— А что, первый секретарь опять приехал? — спросил Игорь, заметив две черные волги и еще один милицейский УАЗ, которых вечером не было, ну когда мы совершали со Светой «великое переселение народов» в мою палатку.

— А, это они с лоевским секретарем приехали на охоту, может с час назад. Уже рассвет, нужно на утку идти, — ответил Николай, пытающийся аккуратно занести в свою палатку Лиду, но уже дважды ударив ту головой о стоячую опору примитивной, но эффективной советской конструкции.

Слова Николая прозвучали не естественно, они не вязались с парнем, явно далеким от охоты, он только озвучил услышанные от кого-то слова. Но так и есть, рассветает и на утку уже пора не идти, а бежать с заряженным ружьем. Вот только Игорь не особо верил, что хозяева области пойдут на утку, не серьезно для них, а вот на кабанчика — да. Еще во время апробации арбалета, который так и не удосужился отдать любителю реконструкции, Игорь видел следы пребывания рядом с болотистой местностью кабана. Опытный охотник, к которым парень себя не причислял, обязан был так же следы зверя заметить, его

маршруты движения.

А арбалет Игорь мало того, что не отдал, так выпросил у владельца конструкции остальные болты. Вечером же он устроил соревнование со своей, парень уже отчетливо это ощущал, Светой, по стрельбе. Кандидат в мастера спорта по стрельбе из спортивного лука, она уже больше шести лет занималась в секции, где сдружилась со своей извечной соперницей по республиканским соревнованиям Таней. Подруга и уговорила Свету поступать на исторический факультет, чувствуя себя амазонкой-воительницей. Нужно было только заточить арбалетные болты, которые плохо входили в доску, выбранную и украденную из собственности экспедиции для мишени. Света выиграла спор, но была удивлена меткостью Игоря, который в армии был неплохим стрелком.

— Странный туман, — тихо, лишь для себя, проговорил Игорь.

— Что, простите, Вы сказали, туман? — непонятно почему Николай перешел на официоз, до этого вполне органично называя Игоря на «ты».

— Смотри в сторону болота, — указал заочник в сторону, не чинясь перед преподавателем. — Не естественно стелется. Можно подумать, что дымовая завеса, плотный очень.

— Ну, так погода резко меняется, вот и появился туман, — решил сделать свое экспертное заключение преподаватель, как бы поучая студента. Вот только это суждение было неверным.

— У-У-У, — относительную тишину предрассветного полевого лагеря рассек вой.

— Волки! — выкрикнул Игорь, а его чуйка, пусть и запоздало, завопила об опасности.

Не обращая внимания на начавшуюся лекцию преподавателя, который утверждал, что волкам тут взяться неоткуда, Игорь нетерпящим возражений тоном приказал Свете будить Таню и залезть на одно из немногих больших деревьев в ближайших кустарных зарослях. И уже с дерева, которое было серебряным тополем либо ждать, либо отстреливаться из луков. Лида пыталась возражать, указывая на то, что парень не так уж и много выпил сегодня, что любовь помутила ему рассудок, но все шутки и ерничество натыкались на бескомпромиссность старшего сержанта ГРУ. Солдат знал, что такое опасность, верил своей чуйке, которая сильно развилась на службе. Кроме того Игорь чаще всего придерживается принципа «лучше перебдеть, чем недобдеть», как выражался его командир. Лучше позже час-два выглядеть идиотом, чем не быть готовым к атаке стаи хищников, а волки по одному не охотятся, тем более на людей.

— Ну, или быть посмешищем до конца экспедиции, — пробормотал Игорь и стал кричать об опасности и срочном выходе из палаток.

Дежурившим «охранникам» у костра прокричал о своем требовании срочно закинуть максимальное количество дров в огонь.

Когда уже многие студенты начали выползать из своих палаток, заспанные, рассеянные, Таня и Света занимали свои позиции на двух деревьях. Их стрелы были не приспособлены для хоть какого убийства крупного хищника, шкуру того же кабана они вряд ли пробьют, но Игорь убедился, что по крайней мере Света может попасть и в глаз и в ухо. По словам же девушки, Таня часто обходила ее на соревнованиях и увлекалась именно что стрельбой по движущимся целям. Какие это могли быть цели и в курсе ли милиция, парень не задумывался, но сейчас, уже готовый к опасностям, надеялся на прикрытие лучниц. Игорь уже был уверен в том, что звери не полет его фантазии и не «белочка» от непомерно выпитого в последние дни. Вой раздавался со стороны болота и становился все более

отчетливым.

Первый душераздирающий крик огласил окрестности, когда туман уже достиг первых, самых крайних палаток, поставленных у самого болота. Это был мужской крик, очень похожий на отчаянный, предсмертный.

Выстрел, еще один выстрел. Это был родной огнестрел. По звуку Игорь определил и откуда стреляли, и в каком направлении. Очень захотелось получить знакомое оружие, и он даже сделал шаг в сторону представительских волг, но заметил, что туман добрался до палатки, где должен был находиться со своей новой пассией, Алик. Солдат рванул туда со своим ножом — тоже трофеем из Афганистана, не забыв при этом взвалить заряженный арбалет на плечо.

— Помогите! А-а-а, у-у-у, — начали через звуки выстрелов прорываться крики отчаяния, палатки одна за другой исчезали в, казалось, непроницаемой дымке тумана и оттуда сразу раздавались крики людей, перерастающие все чаще в хрипы.

Многие студенты, уже опомнившись, начали отходить к центру лагеря и дальше, уже там, где был командирский стол и где пытались целиться в неизвестность две амазонки. Кто-то цеплялся на палаточные стробы и падал, а по его спине пробегали иные обезумевшие археологи, кто-то выискивал оружие в виде камня или палки, бесполезные к слову, даже для зайца.

Игорь заметил, как один из фонарей, который его хозяин направил на туман, рассек дымку и ненадолго стали заметны силуэты волков, парень не мог их спутать с собаками, приходилось и видеть, и отстреливать подобных хищников. С еле слышным подсвистом в «туманного» зверя влетела стрела, и тот кубарем покатился, сбивая еще одного собрата своим телом, следом ударила вторая стрела и второй волк, который быстро оправился от столкновения с подраненным, свалился с пронзенным стрелой глазом. Можно было только поражаться, как девчонки умудряются выцеливать волков, пусть и при помощи немного рассеивающего дымку фонаря. После туман вновь захватил свое господство, и волки скрылись за непроницаемым занавесом.

Подобная сцена не прошла бесследно, привлекла внимание тех, кто отстреливался из пистолета и через десять секунд фары автомобилей уже освещали большинство площади надвигающегося тумана. Десятки, может больше сотни волков и уже растерзанные тела юных археологов. Послышалась автоматная очередь и шесть волков, завизжав стали корчиться и кататься по земле, постепенно утихая.

Стая определила главных противников, и туман начал смещаться в сторону милицейского УАЗа и черных Волг. Ранее медленное, но неумолимое движение дымки, ускорило и быстро накрыло стрелков и машины, которые продолжали освещать пространство, и поэтому было видно, что творилось внутри тумана. Два милиционера успели разрядить свои АКСУ по скоплениям волков и ранили или убили не менее полутора десятка, но молниеносные звери настигли защитников и стали с остервенением их терзать, получая одиночные, явно прицельные выстрелы из пистолетов и редкие из охотничьей двустволки. Это отработывали люди, сопровождающие Колосова.

— Что делать? Солдат, там Танька должна была остаться, Светка жива? Тоху сожрали! Что делать? — засыпал вопросами Игоря подскочивший Алик, когда Солдат выцеливал очередного волка из арбалета, двоих он уже поразил.

Алика спасла его кобелиная натура, он собирался идти ночевать в палатку к одной девице, чье походное жилище уже было в тумане, но передумал, и отправился уже к третьей.

Это и спасло «ходока», так как палатки девочек-филологов находились почти в центре лагеря.

— Отставить панику! — Игорь хлестнул по щеке друга. — Беги по всем палаткам, которые еще не в тумане, буди, если кто спит, может, напились и не могут встать, то оттаскивай за ноги, собери еще ребят. Потом отходите к кустам и возьмите с собой все, что найдете фонари, нужно освещать туман. Найдете использованные стрелы или из волков выдергивайте. На деревьях Света и Таня, они отстреливают волков, но стрел мало, штук по пятнадцать. Там, у командирского стола палатка с лопатами и пару топоров — вооружитесь, попробуйте сделать факелы.

— А ты? — спросил Алик.

— А я по своей программе, — ответил Игорь и выстрелил в ближнего волка, туман был уже в пару метрах от парня, а вот болты крайне конечным числом, остался один.

Вдруг дымка отдельным участком, где уже в одиночестве, в окружении палаток и отдельных бегущих студентов, стоял Игорь, рванула к заочнику. Волк, резко выпрыгнувший на Игоря, как только парня накрыл туман, вцепился пастью в арбалет, не давая возможности его перезарядить последним оставшимся болтом. Второй волк попытался вцепиться в шею Игоря, но Солдат успел сместиться влево и уже сам всадил нож под пасть зверя.

Провернув резким движением лезвие для усиления эффекта удара, Игорь поразил и второго волка. Начав перезарядку арбалета, парень чуть не поплатился на то, что неправильно расставил приоритеты — времени перезарядиться волки не дадут, нужно было биться ножом. Один волк, больше своих собратьев, смог свалить парня, но тот подставил нож и уже падая спиной на траву, вспорол брюхо зверю. Вонючее содержимое внутренностей волка частью попало на бушлат и вонь начала щепать глаза, но обращать на это внимание было некогда. Еще один волк, как только Игорь оказался на земле, вцепился в правую руку парня, где тот и держал нож.

Боли парень особой не почувствовал, бешеное выделение адреналина в кровь компенсировало болевые ощущения. Игорь поднял волка, который никак не хотел отпускать руку и с силой приложил одного зверя о другого, которого не спасла даже амортизация от слегка примятой травы, и зверюга сдохла, так и не разжимая пасть. Мимо просвистели две стрелы, и не обязательно было видеть их путь, по звукам скулящих волков было понятно, что амазонки минусовали еще двух зверей.

Туман перед Игорем стал расступаться, он смещался в сторону толпы студентов, которая ломилась через густые кустарные заросли, чтобы убежать подальше от ужаса, появляющегося из тумана. Получалось у еще юных археологов это не очень, многие падали, образовывались локальные давки, менее расторопных достигал туман и его звери.

Крича нечленораздельные слова, с занесенным над головой топором в туман, который уже пожирал студентов в зарослях, влетела Анна Кондратьевна Бережная. В ту сторону не светили фонарями, не было видно никому, кроме тех, кто был в дымке, как героически защищала мать своих детей. У не имеющей собственной семьи Анны Кондратьевны студенты были ЕЕ сыновьями и дочерьми. Она была строга с ними, но ровно настолько, насколько может быть строгой требовательная мать. Требовательная и к себе, и к детям. Продать свою жизнь Анна Кондратьевна Бережная смогла за минимум пять жизней своих детей, успевших отбежать от зловещего тумана. Хлипкая и хрупкая на вид женщина, но с несгибаемо волевым характером, поразила троих волков и сбила атаку зверей на студентов.

Игорь опоздал. Ворвавшись в туман, куда десятью секундами забежала

руководительница экспедиции, парень увидел уже умирающую женщину, которая держала за хвост волка, стремившегося к студентам, что являлись легкой добычей. Резко всадив свой нож в ухо зверя левой рукой, так как покусанная правая уже не была рабочей и истекала кровью, заочник, а далее только Солдат, ибо он вновь стал защитником, попытался вытащить Анну Кондратьевну, которая еще не умерла, издавая предсмертные хрипы. Два волка, одновременно атаковали парня.

Но Игорь в этот раз оказался не одинок. Воодушевленные поступком руководителя, уже немного отошедшие от первого шока, некоторые парни вступали в схватки с волками, демонстрируя им грудь, но уже не спину. Рослый второкурсник влетел в туман, прикрыл собой Игоря, изловчился, поймав летящего волка, закинул того далеко в густую дымку. Это был Константин, один из спортсменом-историков, увлекающийся тяжелой атлетикой. Он и еще с десятков парней приехали в Мохов загодя, чтобы почистить источник, покосить траву, обустроить кострище, поэтому Игорь его и не видел, да и общались они больше своей компанией, пока только присматриваясь к окружению. Игорь мог бы сойтись с парнями еще во время стычки с местной шпаной, а потом слишком много событий было, чтобы обращать внимание еще на кого-нибудь, разобраться бы еще со своими женщинами.

— Пустая! — прокричал очень знакомый голосок Светы.

— Две! — сообщила Таня.

Они были очень близко, события, с героической гибелью Анны Кондратьевны разворачивались в метрах шести-семи от тех деревьев, от куда девушки разили волков.

Вооруженные топорами и лопатами парни заполняли пространство рядом с пытающимися убежать студентами и быстро выбили волков в радиусе десяти метров.

— Пацаны строем, выставили лопаты, другие с топорами за ними, давай, вперед! — командовал Солдат и его все слушали.

В этой ситуации, растерянные, но уже решившиеся на бой юноши, могли слушать любого, кто был способен ориентироваться в ситуации и отдавать хоть на сколько логические приказы.

Относительный строй бойцов с лопатами и тремя топорами двигался в гуще тумана. Такой высокой концентрации волков, как вначале атаки уже не было, начали попадаться и туши убитых зверей, которых смогли выкосить пули, посылаемые милиционерами и еще кем-то, вероятно охраной первого секретаря. Была вероятность попасть под «дружественный огонь», но дымная завеса уже не была столь плотной и их должны были заметить. Солнце вставало все выше и туман уже и без подсветки становился все более прозрачным, складывалось впечатление, что волки отступали, уходили в небытие, от куда и пришли.

Убили еще шесть волков, когда стало понятно, что враги отходят окончательно, медленно, но непрерывно двигаясь к болоту, откуда и стал распространяться туман.

— Назад, далеко отошли от охраняемых, — сказал Солдат, и строй бойцов стал пятиться в обратную сторону, не отворачиваясь от исчезающего тумана.

Игорь с Костей бок о бок шли спиной вперед, опасаясь внезапной атаки зверей, но ее так и не последовало. Петушиный крик, которого до сего момента не было слышно в лагере никогда, словно магией уничтожил туман, и ребята устало отпустили свое оружие. Все разом поняли, что этот кошмар закончился, будто стержень вынули из молодых мужчин и часть из них повалились на землю, начиная громко плакать. Но мало кто, в том числе и Игорь, осознавали, что последствия предрассветной атаки загадочных зверей станут не менее жесткими, чем и сама атака. Впереди было невообразимое...

Резко стало тепло, даже жарко, особенно в бушлате, мороз, когда изо рта шел пар, исчез еще быстрее, чем когда начинался.

— Игорь! — на шею парня бросилась Лида, накинутое одеяло на почти голое тело, она была только в трусах, спало с плеч командирши, и девушка прильнула всем своим телом к Солдату.

Толпе выживших девушек и парней было все равно на это происшествие, девичье тело в такой ситуации было последнее, на что будет обращено внимание, когда вокруг открывалась картина побоища. Еще полчаса назад подобная выходка на глазах неискушенных студентов, стала бы новостью номер один, но не сейчас.

Игорь не сопротивлялся объятиям. Начался адреналиновый откат и парень почувствовал себя эмоционально истощенным. Существовал только один человек, которому происходящее было небезразличным — Света, которая уже спустилась со своей позиции стрелка.

— Отвали от него, сучка, — зашипела лучница и стала вынимать стрелу из шеи пораженного волка. Было понятно, что она хочет сделать.

— Успокойся, мало сегодня смертей? — истошно, истерично заорал Игорь, грубо отталкивая от себя навязчивую Лиду. — Лида, а ты уважение к себе имей, оденься и включайся в работу. Твой поезд ушел, я предлагал, ты отказалась. Вопрос закрыт. Посмотрите вокруг! Помогите тем, кому нужна помощь.

— Да! — самодовольно выкрикнула в тон Игорю Света, но парень решил, что бабьих разборок хватит, да и три минуты назад был смертельный бой, выйти из которого было невероятным везением.

Лида что-то просипела, обвела злобным взглядом толпящихся студентов, резко повернулась, от чего ее обнаженная грудь покачнулась и гордо пошла к палатке Николая, при этом несколько раз поскользнулась от потери координации движений, окончательно протрезветь у нее не вышло, а может она поскользнулась и на крови.

— Как зовут? — спросил Игорь у парня, который первый влез в гущу боя.

— Костя, — протянул руку рослый парень-тяжелоатлет. — А ты — Солдат!

Невольно Игорь покосился на толпу, где стоял другой парень, Арнольд, так его все звали. Он был из «джинсовых» и завсегдатай тренажерок, считающий ранее себя каратистом. И какая же разница между двумя похожими внешне парнями. Один, качается, правильно питается, весь из себя мачо и словестный боец. И другой — немного застенчивый, занимающийся спортом, смелый и готовый биться парень. Один затесался среди девчонок, другой шел рядом с Игорем и разил хозяйственным топором злобных зверей.

— Возьми троих парней, ну или девчонок, но чтобы с нервами было все в порядке, придется насмотреться на всю оставшуюся жизнь. Нужно подсчитать потери, ну и волков заодно, — давал распоряжения Игорь и вновь никто не оспорил его лидерство. — Выделите человек десять из тех, кто хоть как-то сможет сделать перевязки, найдите аптечку, а лучше медсестру, но она, скорее всего, мертва, берите перевязочный материал и работайте. Помните, что при некоторых травмах лучше человека вообще не трогать. Не уверены — не делайте, или позовите более соображающих. Алик, со мной!

Первым делом, Солдат решил проверить милиционеров и тех, кто стрелял из пистолетов по волкам. Пиетет к оружию было одной из нескольких причин начать осмотр именно оттуда. Да и оружие нужно, вдруг новое нападение. Куда-то же эти волки ушли.

Оба милиционера были разорваны на части, сплошные две лужи крови и части тела.

Внутренности погибших защитников уже привлекали мух, как, впрочем, и самого Солдата, воняющего кровью и внутренностями волка. Игорь решил обязательно начать мародерку уже в ближайшее время, прямо сейчас. Но остановился, вспомнив что-то очень важное.

— Твою мать! Алик сбегай и собери группу из пяти нормальных пацанов, нужно срочно в деревню бежать, на почте обязательно будет телефон, стучи, кричи, но связь нужна обязательно. Говори ментам, что убили Колосова, так быстрее придут, — сказал Игорь.

Парень уже заприметил тело первого секретаря Обкома, выгнутого неестественным образом у одной из черных Волг. Опыт подсказывал парню, что живой человек таким искривленным быть не может, но все же подошел к телу Иосифа Антоновича и проверил сонную артерию — пульса нет.

Множество смертей не вызвали морального терзания у Игоря, пока не вызвали, кому-то нужно быть сильным. Он ощутил какую-то ответственность за происходящее. Страдальческих криков, стоны раненных и сходящих с ума изнеженных студентов, массовые испражнения рвотных масс у неподготовленных парней и девчонок, всего было много. Много боли физической и нарастающей коллективной душевной боли. Игорю нужно было быть выше всего этого, кому то необходимо принимать решения. Пока таковых не обнаруживалось, тем более Лида вела себя неадекватно, а руководителей экспедиции и вовсе было не видно. Да и кто тут мог бы заменить волевою Анну Кондратьевну?..

Игорь ходил один среди расставленных машин на въезде в лагерь, где он артистично еще чуть больше дня назад валял местного лидера Шишона. Сейчас же большая часть уже наезженной дороги была заполнена автомобилями и человеческими трупами.

— Парень! — прохрипел голос из зарослей ежевики, которой было много среди густой растительности, опоясывавшей лагерь.

Игорь встрепенулся и бросился на звук. В крови, с отгрызенной до колена правой ногой, в окружении пяти волчьих туш лежал мужчина, может только лет на пять старше самого Игоря. Кровь сочилась из ноги, и Солдат бросился к ближайшей машине, чтобы найти аптечку с обязательным жгутом.

— В Волге сзади на пассажирском сиденье, — вслед убегающему парню сказал мужчина.

Игорь залез в ближайшую Волгу и, действительно, на пассажирском сиденье была аптечка в комплектации, которой снабжали и ГРУ. Прихватив такую знакомую медицину, Солдат быстро нашел пармедол, который сразу же уколол в мышцу, чуть выше колена, ну или что от него осталось, кривящегося от боли мужчины.

— Антонович как? — спросил мужчина, но увидев опущенную голову парня все понял. — Вот так всегда, говорили ему, чтобы сидел в машине, так нет. Эх, отличный мужик был, таких в партии сейчас мало. А ты, смотрю со знанием дела. Десантура? Или еще что?

Мужчине нужно было говорить, он всегда говорил, когда была боль. Так было и в Афганистане при ранении, так было и при спецоперации в Палестине и Никарагуа.

— Еще что, старший сержант три года за ленточкой, — ответил Игорь, пережимая культю.

— Шестое отделение областного КГБ, старший лейтенант Мишин, Артур Викторович, — представился сотрудник, периодически сжимая зубы от боли. — Ничего, в Гомеле сейчас на заводе «Протезист» отличные протезы делают, ты не унывай, паря.

И это он успокаивал Игоря? Или больше убеждал себя?

— Чуть позже и зашить смог бы, но думаю, что медики раньше придут, я уже послал в

деревню к телефону, — Игорь привстал, дел было еще много, а ногу парню он перетянул и бумажку со временем оставил.

— В машине телефон не видел? Он работает, а еще у милиции рации должны быть, я видел, как их терзали твари. Откуда они здесь? Перестреляю всех местных лесников, скоты, кхе-кхе — попытался в порыве злобы закричать Артур, но раскашлялся.

Он, наконец, нашел на кого направить свои эмоции. Это перед парнем он храбрился, не позволял себе терять лицо, внутри же Артур был почти сломлен. Любимая работа закончилась, теперь он инвалид с крайне мизерной пенсией, ну или найдет себе работу сторожем. Кому нужен калека? Ирина, невеста, еще та дамочка, любит богатую жизнь, и Артур ей ее давал. Быть рядом с первым лицом области, при грамотном подходе — это немало. Теперь же она бросит его. Но не это самая страшная проблема, он любил больше смазливое личико Иры, но плохо представлял ее в роли матери, все больше убеждаясь, что эта девица не для семьи. Так что несостоявшаяся невеста пусть идет к черту. Больше всего Артур боялся забвения. Так сложилось, что вся его жизнь, это служба. Армия, командировки в Афганистан, потом КГБ и уже другие страны, боевые товарищи, коллеги, и полное отсутствие друзей из детства и юности. Теперь же он будет никому не нужен, ни отцу, с его уже как пятнадцать лет новой семье, ни матери, которая вообще живет в СССР с новым мужем и его детьми.

Пока Артур предавался рефлексии и переосмысливал свою жизнь, с улыбающимся внешне лицом и пережатой жгутом ногой, Игорь продолжал обследовать автомобили.

Четыре рации, две «Ксюхи» — автоматов АКСМ, но только по одному рожку к каждому, милиционеры не успели поменять магазин. Обнаружил Игорь и еще один труп охранника первого секретаря, тот был растерзан в метрах сорока в сторону болота. В одной руке у сотрудника был пистолет Макарова, и в нем оставались еще три патрона, в левой же кисти был зажат большой нож, который можно было назвать охотничьим, если бы не был огромным, только малость уступающим по размерам римским «гладиусам», что Игорю приходилось видеть в музее в Крыму, когда последний раз, да чего там, и единственный, отдыхал в Ялте.

Проблема состояла в том, что рации работали только на прием между собой, а система связи в черной Волге выдавала только короткие гудки, не реагируя на любой набор номера, ни милиции, ни тех, что знал наизусть Игорь. Уточнение у Артура, все ли он правильно делает, пытаясь воспользоваться аппаратурой, не дало надежды на столь доступный способ связи. Сотрудник придумал в оправдание отсутствию связи в том, что автомобили находились в низине. Но говорил конторщик как-то неуверенно.

— Товарищ Посталовский, извольте ответить, что тут произошло, — перед Игорем, впялив руки в бока, предстал Алексей Михайлович.

— Иди на хрен, Михалыч! — отозвался Солдат, обратив внимание, что к лагерю приближается на коне Шишон. Красивый и сильный конь, не думал, что такие тут могут быть.

После позавчерашней драки с этим местным заводилой, Игорь немного проникся к смышленому мужику, который помог недовести ситуацию до реального побоища.

— Солдат! — выкрикнул за метров пятьдесят лидер деревенской шпаны. — Что тут произошло? Мы видели туман, в деревне тоже он был, так люди просто пропадали там, а потом туман ушел, а у вас тут, как в фильме — одни трупы.

— Привет, Шишон, в тумане были волки, и они погрызли людей, — ответил Игорь,

игнорируя Алексея Михайловича.

Сейчас в парне, в расстёгнутом, сплошь окровавленном жутко воняющем бушлате, было меньше всего студента-историка, пусть и заочника. Вбиваемые специальной армейской подготовкой навыки и поведение превалировало, тесня все гражданское, что только могло появиться чуть больше за год после увольнения в запас. Именно так, он не демобилизовался, как срочник, а был в постоянном резерве.

— Че за хрень такая? А где менты? Мусоров вообще вызвали? А то мне не нужно тут быть, еще пришьют соучастие, а я и так условку только отходил, — запричитал Шишон, но не развернул коня, а, напротив, спешился, лихо спрыгнув со спины серого жеребца.

— В деревню послали людей, чтобы позвонили в ментовку, — ответил я на самый адекватный вопрос местного жителя.

— Это правильно, в милицию, прежде всего, пусть они проверят, что ты тут делал. Я видел, как ты брал в руки пистолет и обыскивал тело партийного работника, я все видел, — включил режим «стукача» Алексей Михайлович, не решавшийся ранее вступать в разговор, но тут осмелел.

Игорь спокойно подошел к преподавателю и без замаха, но сильно ударил в челюсть этого «я все видел, стук, стук, стук». Не любил парень приспособленцев и трусов, Алексей Михайлович Шац показался парню и тем и другим, хотя раньше представлялся более адекватным. Сейчас, по крайней мере, он выставил себя ничтожеством в глазах армейца. Там, на раскопе, Солдат даже уважением проникся к умному начальнику, но тут, когда лагерь завален трупами, когда студенты до сих пор орут, надрывая горло, несвязные слова, он тут в стукача отыгрывает.

— Ты сам, Шац, где был, почему не защищал вверенных тебе студентов, как это героически сделала Анна Кондратьевна? Со студенткой, может и не с совершеннолетней, кувыркался под горой? — схватив за ворот рубахи, спрашивал Игорь у Лешки, а у самого пролетела мысль о том, что он-то не поинтересовался, сколько лет Свете, может и не так уж сильно Игорь своими поступками лучше этого потерявшегося молодого преподавателя?

— Я... Я... Гулька погибла? — дрожащим голосом, готовый расплакаться спросил Шац.

— Да! — сказал-отрезал Игорь и отпустил Алексея, который все-таки начал рыдать.

— Там, это... мы будем на горе, если что, когда менты приедут, скажи им. И еще — какая та странность — я отправил трех пацанов к председателю, у него одного дома телефон, ну кроме почты, он живет рядом тут, так они вернулись и сказали, что дома Владимира Акимовича просто нет, наверное, перепугались пацани и заблудились.

Игорь не обратил внимания на последние слова Шишона, в той ситуации, которая произошла, реально было сойти с ума, не то, что забыть, где именно находится дом председателя сельского Совета.

— Мопеды у пацанов есть? — спросил Игорь.

— Так у Женьки-малого есть, он на горе сейчас с ним, — Шишон задумался. — Думаешь нужно отправить пацана в Лоев?

Игорь подметил, что парень быстро соображает и мог бы в другой среде получить неплохое образование, стать человеком, стержень какой-никакой в его характере присутствует, после озвучил уже то, о чем догадался и Шишон:

— Сколько тут до Лоева? Километров шесть-семь? Пока искать телефон будем, быстрее доехать и поднять всех на уши. Убили Колосова — первого секретаря Обкома.

Шишон присвистнул и лихо взобрался на коня, уже отправляя животное в путь,

выкрикнул:

— Ща, пацана отправлю, сам останусь, а то Серого загоню, давай, если че, мы на горе в березах.

— Солдат! — позвали Игоря с центра лагеря.

— Ты нормально? Может перенести в машину? Хотя лучше пока ничего не делать, кровь остановили, — уже направляясь в лагерь, спросил Игорь Артура.

— Да, полежу пока. Ты помоги, кому сможешь. Но знаешь, — сотрудник сделал задумчивый вид. — Мне это все не нравится. Очень много странностей, да и связь должна быть. Ладно, рации, они так себе у ментов, но в машинах телефон берет хоть из бункера. Так что нужно подумать.

— Мне тоже многое кажется странным, — сказал Игорь, уже удаляясь к центру лагеря.

В одной из двух больших армейских палаток развернули целый полевой госпиталь. На расстеленных надувных матрасах, с импровизированными подушками из одеял и одежды лежали девять человек, у которых были разные укусы и травмы. В этой палатке перед атакой тумана укрылись человек восемь, они смогли быстро зашнуровать вход и заставить его ящиками, которые занимали половину всей площади. Волки так и не проникли сюда, а одного подранка, который разгрыз ткань палатки и ворвался вовнутрь, семь девчонок и два парня смогли убить, пусть и ценой трех некритичных царапин от звериных когтей.

— Солдат, тут нужны прививки от бешенства. Эти звери были больные. Может умереть каждый раненый. Когда придет скорая? — навалилась с вопросами и претензиями милостивая девушка, но с очень серьезным лицом, правда, сейчас и балагур Витек, чудом выживший, казался угрюмым.

— Вопрос пытаемся решать, связи нет, но она будет, отправил группу в деревню на поиски телефона, отправлен посыльный в Лоев на личном мототранспорте. Что с сельской медсестрой? — принял официально деловой тон Игорь, единственно верный сейчас, чтобы было меньше эмоций, а больше дела.

— Погибла, ей голову отгрызли звери, сейчас я за нее. Мама — терапевт, папа хирург, окончила при больнице курсы медсестры, более понятливых в медицине из уцелевших в лагере не обнаружено, — докладывала уже девушка.

Было бы смешно слушать этот диалог, если бы не все случившееся и последствия нападения. Сейчас же проще сообщить даже самую скверную информацию механическим канцелярским языком, чем человеческим, и тогда с большой вероятностью расплакаться и опустить руки.

— Вот ты где, — в «госпиталь» вошел Костя. — Давай отчитаюсь.

— Костя еще пациенты будут? — спросила «главврач».

— Там пока по мелочи, Оль. Много трупиков, но, если что, то сообщу, — немного покраснев, сказал Костя, у него была явная симпатия к девчонке. Основной инстинкт размножения пробивался у ребят даже через стену ужаса, а может, ужас был даже катализатором и таких эмоций.

— Ну, добивай меня новостями, Костя, — сказал Игорь, как только парни вышли из палатки.

— Сигареты нет? Я-то не курю, но почему-то сейчас очень хочется, — спросил Костя, пряча глаза. — Я уже выbleвал все, что было в желудке. Этот лагерь вообще весь в рвотных массах, перемешанных с кровью, кишками...

— Прекращай, Костя, и так всепропальщики кругом. До приезда милиции много

работы, по крайней мере, узнать судьбу каждого. Давай сухо, официально и по цифрам, — перебил Игорь начинающего рефлексировать Константина.

— На момент нападения, судя по спискам покойной Анны Кондратьевны, — Костя замаялся, но взяв все же себя в руки, продолжил. — В экспедиции было двести двадцать три человека. Точно достоверно, что погибли семьдесят шесть человек.

— С учетом гостей? Ну, милиционеров, Колосова и его охранников? — вновь перебил Игорь докладчика.

— Колосова убили? — единственное вычленил из вопроса Костя. — Его внук ранен, ему икроножную прокусили, так Гриша нечего про деда не говорил.

— Тот приехал как раз к нападению, на охоту собрался. Они и отстреливались и продали свои жизни, чтобы мы выжили, отвлекли на себя многих волков. Кстати, там охранник один без ноги лежит возле машин, пошли Олю, так же зовут эту симпатичную милашку? — сказал Игорь, специально, чтобы Костя не уходил полностью в проблемы, а в этом деле немного ревности не помешает, перенаправит эмоции.

Немного позлившись, Костя все-таки смог завершить доклад, ну или довести информацию. Получалось, что семьдесят шесть человек погибли, большинство тех, кто жил в первой линии палаток ближе к болоту, чем дальше от этой злосчастной топи, тем больше было выживших. На данный момент, условно без вести пропавшими, считаются еще семь человек, из которых четыре известно где — они пошли в самоволку купаться в озере под утро, еще до нападения, но обещали вернуться до подъема дежурных. К слову, дежурные уже скоро должны были вставать, но тут время есть, может с ними все нормально, и купание «по-королевски» с девчонками прошло без жертв и убийств.

— Не лагерь, а гнездо разврата, — высказался Игорь, когда узнал, что аж девять человек было вне лагеря, скорее всего, по любовным делам.

— А никого не смущает, что число не четное? — спросил Игорь. — Не ну, как с цепи сорвались, развратники.

— Кто бы говорил, — высказалась подошедшая Лида, которая была уже одета и выглядела адекватно, она смогла разглядеть вопрошающий взгляд Игоря. — Да нормально уже все со мной, ну насколько может быть нормально, видя все это.

— Давай включайся в работу, как, кстати, Николай? — спросил Игорь, а девушка состроила брезгливую гримасу при упоминании ее любовника.

Несмотря на то, что было сказано, не трогать тела погибших, для следственных будущих мероприятий, студенты перетаскивали тех, чьи тела можно было физически перенести. Следователи будут недовольны, но они должны понять психическое состояние еще вчерашних мальчиков и девочек. Игорь это понимал и не стал встречать. Во-первых, уже не было смысла, так как дело сделано, во-вторых, руководила процессом Света, поэтому осуждение действий выживших студентов могли закончиться неуместными разбирательствами с девушкой. Да и в такой ситуации было бы правильно загрузить всех работой, чтобы хоть немного отвлеклись. Правда, как можно отвлечься, тягая разорванные трупы товарищей?

Игорь включился в работу, носил воду и требовал умыться тех, кого рвало, и обдавал водой тех, кто уходил в истерику.

— Солдат, там местный пришел, тебя зовет, — к Игорю подошел примелькавшийся ему парень, имени которого так и не узнал, но он был в составе тех, кто не побоялся выступить против волков с лопатой в руках.

— Я сам подойду, не нужно местным тут ничего высматривать до милиции, — ответил Игорь, который уже стал свыкаться к тем, что ребята приняли его за лидера.

В противном случае, если бы тот же Николай стал руководить, Солдат не смог бы подчиниться и исполнять указания, которые могли парню показаться глупыми, был бы конфликт. Нет, если хоть кто из присутствующих был бы офицером, или хотя бы заметно старше, то без вопросов, что такое субординация Игорь знал. Но среди студентов не было таких, а два оставшихся в живых преподавателя дискредитировали себя поведением к стрессовой ситуации.

— Я — Шило, — представился паренек лет четырнадцати, не больше. — Шишон просит тебя подняться на гору и взять какого-нибудь умника с собой, у вас же много умников?

— У меня хватает дел, — ответил Игорь, но задумался причинами, по которым его просит подняться местный лидер и, окинув взглядом лагерь, решил подняться на гору, может там что-то проясниться.

Солдат взял с собой одного паренька, который ехал с Игорем в одном автобусе и единственный, кто читал, когда все пели песни и общались. Этого заучку характеризовали, как самого занудного умника первого курса, который умудрялся спорить даже с преподавателями. Так же выразил желание пойти на встречу Костя, который примерял на себя роль толи заместителя, толи телохранителя. Порывалась и Лида, которая после потери авторитета у студентов отчаянно старалась быть полезной, но именно поэтому она и быстро передумала идти на встречу, оставляя разгромленный лагерь. Следом попросилась и Света, но и она была отвергнута, с ремаркой, что данное отвержение только и сугубо в данном случае.

— А вы что тут делаете? — спросил я у Алика, когда увидел его и остальных парней, которые были посланы на поиски телефона, в компании местной молодежи, стоящей на горе. — Вы позвонили? Почему еще нет ментов?

— Что мы тут делаем? Охреневаем, Солдат, охреневаем. Говорят, что есть коллективные галлюцинации, ты посмотри на виды, может, станешь единственным, кто нормальный, а мы тут все психи, — тихим, чуть ли не замогильным голосом произнес Алик, смотря на спину Игоря.

Отследив взгляд всех собравшихся ранее на холме, повернулся и Игорь, всматриваясь в живописную панораму, которая так смутила разношерстную компанию.

— Нет, но было же все не так, я помню, там было поле, а сейчас лес, озеро как будто сместилось ближе к Днепру, там ничего не было, а сейчас протока, что и малый катер пройдет, — высказывался Костя, пока «умник» протирает очки, а Игорь уже рассматривал всех собравшихся, словно ища ответа у них.

— Я успел немного изучить ландшафт и географию местности. По моим прикидкам, такое расположение озера, которое является старым руслом Днепра, могло быть возможным тысячу лет назад. Лесу не совсем свойственно такое расположение между двумя водоемами, но допустимо. В период климатического оптимума... — увлекся рассказом «умник».

— Короче, Склифосовский, — блеснул красноречием и знанием советского кинематографа один из местных, который сразу не понравился Игорю, особенно после того, как тот решил еще подтолкнуть «умника».

— Полегче, — одернул Игорь парня, который сразу посмотрел на Шишона, но что-то определив в мимике лидера, сделал шаг назад.

— А еще деревни нет, дома только до магазина, ну и большая часть школы. Слышишь, Солдат, часть школы, как будто ее угол, такой маленький уголок, срезали, — с нотками истерии начал с повышением голоса говорить Алик. — Дома председателя нет, там дубрава начинается с огромными дубами, грибов много. А еще шоссе нет, там тоже лес и небольшое поле, но не кукуруза, а простое, незасеянное поле, скорее, поляна с пару гектаров. Кукуруза есть, но и ее поле, как отрезали.

— Мы пробежались пацанами по остаткам деревни, где прошелся туман, до нас-то он не дошел, так там и Марфу загрызли, деда Макара тоже, а у него ружье есть, он добрым охотником был, кто-то выжил, наверное, но сидят по домам, носа не кажут, боятся или еще чего. Насчитали десять домов, а две хаты тоже как обрезали, у одного только полдома, а у другого сарай стоит, хлев стоит, а от дома только уголок, пацан поехал в Лоев, но никакой дороги нет, он по полю, в лес, которого никогда тут не было, сейчас пробует найти дорогу хоть какую, — Шишон уставился на «умника». — Объяснишь?

Умник задумался, стал пристально рассматривать округу, пошел в сторону магазина, который находился в метрах пятисот от края террасы, оттуда были видны изменения и они пугали всех, кроме умника, который что-то увлеченно рассматривал, добежал до школы и стал рассматривать «обрезанный» угол здания, за которым сразу же начиналась дубрава из огромных и красивых дубов с пышной кроной. Все собравшиеся бегали за худощавым парнем в очках, надеясь на ответы, но тот наотрез отказывался пока хоть что-то говорить, наконец, когда уже раз пять кто-то из местных предложил «втащить очкарику», умник стал забивать гвозди в гроб, начиная похороны надежды на спасение:

— Я приверженец материализма, но мог, пусть только и теоритически, предположить, что искажение времени и пространства возможны, но для этого потребуются технологии, которые вероятны лет через пятьсот и то при определенных тенденциях развития науки. А еще нужно просто колоссально, невообразимо много энергии, не могу и представить, где... — умник снова включил в себе лектора.

— Штейн, давай к делу, а то мне уже самому хочется тебе втащить, — выразил общее мнение Алик, обращаясь к своему однокласснику.

— Ну, этого не может быть, но мы в прошлом! — истошно заорал умник, от чего все пошатнулись, а один из местных, кто больше всех хотел наказать «очкарика», упал, от неожиданности запутавшись в своих ногах.

— Мойша, этого быть не может, — с улыбкой, которая была больше истеричной, замогильным голосом, произнес Алик.

— Я не Мойша, а Михаил и сам не верю в свои слова, но раз вы такие скептики, то предложите иные теории, — ответил Штейн отвернувшись в знак обиды

— Стоп, — опередил всех желающих вступить в дискуссию Игорь. — Нужно исходить из реальности и текущих проблем. У нас есть раненые и толпа студентов, есть погибшие. На власти и ментов не надеемся, а скорее верим в них, но действуем сами. Всех нужно хоть как-то успокоить, накормить, уйти из лагеря, чтобы не повторилось сегодняшнее нападение следующей ночью, загрузить работой. Поэтому первое, что необходимо — перебазироваться на новое место дислокации. Следует считать местность условно агрессивной, поэтому нужно вооружиться и создать хоть какие-нибудь подразделения охраны. Также, если в ближайшие два часа не обнаружится никаких признаков государства, как то — летящий самолет, плывущие баржи, их много обычно на реке, я точно знаю, что к часам одиннадцати должна пройти по Сожу в Днепр из Гомеля ракета, на ней я две недели назад в Киев ездил. С соседнего холма, там, где поселение одиннадцатого века хорошо виден Сож, и пропустить речной транспорт будет сложно. Что еще?

— Ночью я смогу определить по звездам с погрешностью в двести лет время, если все же прав, — встрял умник, получив вновь злобные взгляды, никто не хотел верить в его предположения, но после эмоционального крика, как-то даже прониклись к парню.

— Нужна экономия всего, что имеем, рассчитываем, что мы надолго, а под утро нужно попытаться войти в туман, — высказался вновь Игорь и почувствовал, что многие уже хотят наброситься и на него, туман казался большим злом, чем попасть, пусть и в мезозойский, период.

— Если такая хрень получилась из-за тумана, то он может все и вернуть, так же? — местный лидер вопрошающе посмотрел на Штейна. В отличие от всех, Шишон проникся умозаключениями Умника, даже прочувствовал какой-то трепет перед начитанным парнем. Шишон уважал ум и образование, пусть сам и не выучился.

— Весьма вероятно, но волки могут быть большей опасностью, — авторитетно заявил Михаил, прозвище которого в университете было Мойша, но в данную минуту менялось на «Умник», как-то вдруг знания начинали цениться.

Установилась пауза, все пытались осмыслить происходящее и то положение, в которое они влипли. Даже Сашка-Крот, самый младший в компании, которому только исполнилось тринадцать лет, имел вид задумчивого мудреца.

Вообще ситуация с возрастом деревенской банды была очень интересной. Разновозрастные пацаны и мужики находили и общие темы для разговора и почти на равных вели себя в компании, а явные подростки, даже дети, вполне осознанно приставали к немолодым для их возраста девам и не менее смачно, чем их великовозрастные товарищи, затыгивались переданной по кругу сигареткой.

Может подобная ситуация складывалась из-за ограниченного количества молодежи при условии компактного проживания, может еще что, но фактом было и то, в компании и подростков и уже взрослых мужиков были и две девчонки, не в пример многим студенткам, фривольно себя ведущих. Одной из девиц было вряд ли больше пятнадцати, ну а второй, явно

за двадцать годиков. И первая подростковая профурсетка вела себя более развязно, не получая никакого осуждения в компании, а наоборот, ловя на себе похотливые взгляды. Но об этом Игорь подумал лишь десять секунд, «залипнув» на зрелище, как девочка-подросток подкуривала самокрутку, словно многолетний курильщик. Ну, а после мысли переместились на более злободневные проблемы, в сторону «великого переселения народа».

— Мужики, вы как? С нами? Вот только судя по дикой среде, что нас сейчас окружит, места для двух отрядов будет мало. Нужно сейчас решать проблему, — высказался Игорь, смотря на Шишона, а мимо развитого звериного чутья Солдата не прошло то, что некоторые из местной ватаги напряглись.

Шишон осмотрел все свое невеликое воинство и после долгой паузы ответил:

— Пока с вами, драк и смертей хватает, только, как будем решать, тут эта нужна... субординация? — вопрос о лидерстве для этого мужика стоял очень остро, фасон нужно держать всегда.

— Как раз она-то сейчас не главная проблема, пока не выстроится иерархия. А так, по заслугам и умениям все определять, но с тобой Шишон, лично я стану совет держать, особенно касательно тех дел, что станут общими для всех. В ваши разборки мы не лезем, вы не чмырите студентов и не лезете в наши. В общем, такая ситуация, но всегда можем разбежаться. Дележ хабара сообща, только по численности людей. У нас есть лагерное имущество, будем считать вашим то, что есть в домах, которые опустели, если хозяева погибли. Местным, если кто еще есть в деревне, предложим дружбу. Магазин на общак, — Игорь выдохнул, сам себе удивляясь, откуда столько дипломатии в нем, скорости мысли и главное, быстроты принятия решений, но после паузы озвучил всеобщую надежду. — Но я верю, что мы все нафантазировали и через час-два прилетит вертолет, приедут машины и нам все объяснят, что тут происходит.

Все закивали головой в знак согласия, а после того, как Шишон показательно протянул Игорю ладонь для пожатия, парни заулыбались и стали протягивать свои руки, каждому было важно скрепить договор, прочувствовав свою значимость. Игорь же отметил, что не все были искренними в своих намерениях. Похоже, что в компании деревенских были-таки интриги и борьба за трон главного хулигана, но думать об этом сейчас точно не своевременно.

— Солдат, пошли перетрем, — Шишон призывно махнул в сторону Игорю.

— Ну, пошли, — с неким вызовом ответил Игорь, для него бандитское слово «перетрем» было не типичным, а лишнее напоминание о том, что деревенская шпана подвержена воровской романтике, ничего хорошего, в понимании Игоря, не сулило.

— Нужно порешать с магазином, — начал разговор Шишон, как только мужчины отошли на достаточное расстояние от своих нукеров. — Пацаны уже копытом бьют, безнаказанность почуяли. Если не возглавим, то придется в замес идти, новая кровь не к чему. Многие не видят возможности нормальной жизни по закону и готовы зону топтать, а тут такая маза, ни ментов, ни председателя с его резиновой дубиной.

— Вот, по правде, Шишон, мне же проще вас перебить, если, конечно ментов так и не дождемся. Зачем столько проблем на пустом месте? Ты урезонить своих не можешь? — Солдат с вызовом посмотрел на главаря деревенской банды. — Магазин возьмем, обязательно, но позже. Вот подрежем магаз, нажремся колбасы до отвала, набухаемся, а тут менты и за пару часов сытости на лет пять баладну хлебать на зоне. Я не готов, да и своих «домашних» студентов на такое не подпишу.

— И? Воевать будем? — не унимался Шишон, который уже с трудом сдерживал некоторых пацанов, чтобы те не начали грандиозный шмон в магазине, школе и во всех уцелевших домах, даже не взирая на то, что в некоторых из них, скорее всего, были люди.

— У меня валына есть, — подражая жанру, по фене, сказал Игорь, доставая из-за пояса пистолет.

По сути, сам Солдат уже нарушил закон, когда взял «Макаров» убитого охранника Колосова в руки, если еще его использует, да по людям, то и до высшей меры социальной защиты легко довоеваться. Вот только, пока не приедет милиция, парень будет ходить с оружием, волки напугали не только студентов, Игорю пришлось так же изрядно понервничать.

— Ништяк, пальни в воздух! — попросил Шишон, под вопрошающий взгляд Игоря.

— На кой хрен, у тебя что, патроны лишние есть? — спросил Игорь у лидера деревенской шпаны, но догадался, зачем ему это. Шишон хотел выработать определенные рефлексy у своих подопечных, чтобы те подсознательно опасались совершать необдуманные поступки.

Выстрел! Все присутствующие согнулись, а несколько человек так и упали ничком на землю.

— Солдат, что за хрень? — первым отреагировал Алик.

— Нормально все, оружие проверил, хорошее, — с ухмылкой ответил Игорь.

С одной стороны тот факт, что присутствующие так испугались выстрела, позабавил, но чуть позже Игорь задумался о том, как эти бойцы поведут себя в возможной схватке и причин для радости не обнаружил.

Он был почти уверен в Косте, как и еще в дюжине парней-студентов, которых видел в деле, они неумехи, но тут главное характер. Условно он мог сказать о смелости Алика, пусть он и не заметил, как именно тот вытаскивал людей из палаток во время нападения волков, но точно не прятался, подражая Арнольду. Тот, примеряя на себя, имя известного культуриста и популярного американского киноактера, имея грудy мышц и, по его рассказам, занимающийся у-шу, каратэ и еще всякими айкидо, в конечном итоге спасался в толпе девчонок. Были еще парни, кто-то вроде бы и кайлом махал, — всех не усмотришь, а знаком Игорь был с крайне ограниченным числом студентов.

Если же все так будут трусить, как Арнольд, то с кем идти в разведку, держать оборону? Игорь надеялся, что он дует на воду и не придется геройствовать и выживать, а государство найдет их, защитит и, может даже, объяснит происходящее. Но как говорил его товарищ по оружию, дразня командира: «Всегда лучше перебдеть, чтобы потом не бздеть».

— Предлагаю, — начал громкого говорить Игорь, чтобы услышали все, делая логическое ударение на слове «предлагаю». — Никого и ничего пока не шмонать. На магазине выставляем пост охраны, но замок не срываем, пусть стоит пока спокойно. Ждем. Если менты не приедут, ситуация не прояснится, берем все и думаем куда и как должно пригодиться, что там имеется.

По мере разговора Игорь еще раз убедился, что компания собирается крайне противоречивая. Большая половина деревенской шпаны одобрительно кивала в согласии с условиями договора, по мнению парня, представляющего собой соломоново решение, иные же смотрели на Солдата с прищуром, играя желваками. И хорошо, что последних было все же значительно меньше.

— Костя, бери Михаила, парней, что были с Аликом и идите в лагерь. Организывай

переход на южную надпойменную террасу, для простоты, пусть она будет городищем. Когда-то тысячу лет назад там жили люди, побудем и мы на их месте. Пока не трепитесь о наших выводах, скажите, что это только для безопасности. Связи временно нет, остальное объявим сразу, как только переедем, — Игорь сделал паузу, дождавшись согласительного кивка Константина, потом продолжил уже тихо, чтобы не слышали остальные, ну кроме Алика, который был так же рядом. — Там гэбэшник, ну ты знаешь, обскажи ему тихо что произошло, может подскажет чего, ну там экстренные вызовы, или сигнальная ракета, не знаю... Если он хоть как-то тебя станет слушать, закинь удочку, — пусть поможет с оружием. Уверен, что какой-нибудь тайничок в машинах есть, второй охранник первого секретаря как раз пытался открыть багажник одной из волг, когда погиб. Все оружие, включая ножи, топоры, собрать, под твою ответственность скрытно перенести вместе с вещами. Сам не вздумай трогать огнестрел, если сотрудник решится помочь. Или имел дело с оружием?

— Да, не особо, пару раз с охотничьего стрельнул, да на НВП в тир водили, шесть патронов с Калаша дали. Лучше не надо мне огнестрельного, — поразмышлял Костя.

— Пусть и девчата луки держат наготове, люди вряд ли, но звери напасть могут, с Лидой взаимодействуй, в зад этих трусоватых преподав. Давай быстрее, — закончил напутствие Солдат и уже обратился к Алику и Шишону. — Ну, пойдем, что ли сами полюбуемся на деревню? Шишон, экскурсию проведешь?

— Костыль, — за главного, — безапелляционно объявил свою волю Шишон.

Трое мужчин, если рослого Алика уже можно было назвать мужчиной со всеми присущими этому понятию императивами, пошли на разведку. Такой выбор персоналий был не случайным, Игорь не особо доверял деревенской шпане. Еще в период подготовки экспедиции, Анна Кондратьевна, много рассказывала про нравы и обычаи моховцов. Нет, о большинстве жителей деревни, уже покойная руководительница раскопок, отзывалась с уважением или нейтрально, но и отмечала, что, по информации участкового, буквально четверть местных парней имеют либо отсидку, либо постоянно ходят под административными взысканиями. Однако, тот же Шишон казался вполне разумным. Вероятно, что многое сказанное, безусловно, умнейшей женщиной Бережной-Гулькой, было для некого устрашения. Студенты опасаются местных, значит меньше контактов с аборигенами.

Было опасно подпускать местных к студенческому сообществу, тем более в таком составе, где нет стальной руки хрупкой женщины — Анны Кондратьевны, а оставшиеся в живых два руководителя практики — просто самовлюбленные позеры, может и с головами, полными знаний.

От небольшого березняка, в пять бело-черных деревьев, что росли практически на склоне возвышенности с расположенным на ней средневековым могильником, тропинка вела в сторону почти заброшенной дороги, рассекающей курганы на три группы. Высокая трава вдоль протоптанной тропы через два десятка метров сменилась приятной полянкой с растущим чабрецом, чуть впереди и справа расположился небольшой яблоневый сад с десятками яблонь, а так же с тремя деревьями груши и двумя вишни. Яблоки уже начинали наливаться, и было видно, что в этом году урожай будет большим, несколько веток уже опустились под тяжестью плодов до земли. Бесхозность была налицо, никто не поставил подпорки, чтобы сохранить и деревья и сами яблоки, рискующие сгнить. Дорога, на которую споро вышли разведчики, была столь узка и заросшая крапивой и густыми

кустами ежевики, что сложно представлялось, как может проехать по ней телега, не говоря уже об автомобиле, между тем колея была наезжена. Для пешеходов же дорога вполне сгодится, особенно желающих обогатить свой организм витаминами, которые содержатся в уже созревших ягодах ежевики.

Еще метров пятьдесят вперед, вдоль тысячелетних курганов, которые возвышались по обе стороны от дороги, и Игорь с компанией вышли на выкошенную поляну с длинными лавками, которые представляли собой прибитые доски на опорах из железных труб. Ежевика с крапивой остались позади, как и яблоневый сад. Здесь находилась волейбольная площадка с натянутой сеткой между двумя высокими вкопанными трубами малого диаметра. Впереди справа в метрах пятидесяти располагалась школа, а прямо, еще ближе, чуть ли не на линии спортивной площадки, магазин со складом и сбитым из досок туалетом.

Несмотря на то, что вся деревня два дня вычищала все кусты и злачные питейные закоулки от мусора, наличествовало обилие от водочных пробок и от того, что гордо зовется «вином», но, по сути, смешанный спирт с фруктовым соком. Окурками, казалось, специально выстлали протоптанные тропинки к лавочкам и школе. И это при том, что, по словам Шишона, каждый второй мужик в деревне курил самосад.

— Ты заметил труп женщины у того здания? — Алик указал на то, что Игорь определил, как магазинный склад.

— Нет, — ответил Солдат и стал наблюдать за действиями Шишона, который заинтересовался объектом наблюдения Алика.

— Зинка, твою же мать, как так-то? — с виду суровый молодой мужчина, Шишон расплакался над телом, как было видно потрёпанной волками, или другим зверем, молодой, немного полноватой женщины. А кто еще здесь может быть, если не волки?

— Мы многих потеряли, Шишон, — попытался как-то успокоить входящего в истерику Шишона, Игорь.

Солдат присмотрелся к телу женщины и сразу же проверил по инерции пистолет и есть ли патрон в патроннике. Женщина была не растерзана волками, скорее всего, как подсказывал Игорю его не сильно-то уж и профессиональный опыт охотника, ее потрепал кабан. Живот молодой женщины был вспорот характерными следами от двух клыков снизу вверх, да и многочисленные ссадины и синяки, как и скривленная челюсть, утверждали, что зверь топтался по своей жертве, как это могут делать кабаны.

— Внимательно смотрите, это кабан ее так, — сделал свое «экспертное заключение» Игорь и уже обратился лично к Шишону. — Хватит ныть, нас самих сейчас могут зажмурить.

Алик стал истерично крутить головой, а у Шишона налились глаза кровью и он привстал с колен, доставая свой нож, который держал в сапоге. Пусть холодное оружие лидера местных и не было кухонным ножичком, а и больше и массивнее, но Игорь скептически отнесся к тому, что этим самоделом Шишону удастся серьезно ранить того зверя, что смог повернуть такое с женщиной, в которой Алик узнал продавщицу.

* * *

Если бы кто-нибудь из парней был знаком с принципами судебно-медицинской экспертизы, или являлся опытным медиком, то смог бы определить, что женщина погибла с полчаса назад, вероятно, что даже тогда, когда начался разговор с местными.

Все произошло неожиданно для Зинаиды Потаповны. Она принимала товар, когда еще только рассветало, начальство долго готовилось к показухе перед первым секретарем, и даже организовывало массовые «колбасные рейсы» в Киев за вареной и сыровяленой колбасой, копченостями, рыбой, закупали по взятке и на областных базах коньяки, икру, были потрачены и государственные деньги и собственные, благо наворовали знатно. Даже два новых холодильника привезли. Вот и приходилось задолго до открытия магазина, что непривычно работал по графику, принимать товар.

Вчера археологи, деревенские, да и приезжие из Лоева, скупили всю вареную колбасу, что была на прилавках, все сладости в виде шоколадных конфет и «Киевских тортов». Вот и пришлось срочно заказывать вечером новую машину, да и оказался нужен свежий хлеб, чтобы был уже перед открытием. Как костерили советскую власть и конкретных региональных ее представителей на небольшой городской пекарни за этот хлеб, мало кто знал.

И вот эти две машины, наконец, приехали, полные товаров, которые и за последние лет десять местный магазин не видел.

Звуки стрельбы, исходящие со стороны лагеря археологов, Михалыч и второй водитель Георгий, услышали и обсудили между собой, что партийная номенклатура зарвалась, что нужно менять уже всю систему, а то стреляют по зверью, которое принадлежит лоевчанам, ну или моховцам. Вообще говорил больше Георгий — молодой щеголеватого вида мужчина, отец которого был директором кирпичного завода в районном центре, единственного серьезного предприятия городишка, в котором проживало вряд ли больше десяти тысяч жителей.

Георгий возвышался своим статусом, так он себя ощущал, над всеми местными, гордясь и высшим экономическим образованием, которое отцу обошлось в тонны занесенных сумок в ректорат и на факультет, и тем, что он уже с сентября переедет в Гомель, так как папа нашел ему хорошую работу, как и хорошую кооперативную квартиру.

Верила в это и Зинаида, которая была первой красавицей на деревне и уже давно мечтала уехать в город, но Лоев ей казался маловат для большой души, которая таилась в не менее большом бюсте. Зине нравился Шишон — Демьян Шишов, будь он на месте Георгия, девушка была бы самой счастливой, но между симпатией и сытой жизнью, Зинаида выбирала второе.

Михалыч знал о любовной связи продавщицы деревенского магазина и его временного напарника — Жоры. Знал, но помалкивал, зачем ссориться? Его хата с краю, да и Георгий за молчание платил то колбасой, то курицей бройлерной, которые его отец привозил неизвестно откуда, ну а мать удачно продавала на местном маленьком рынке, как собственно выращенные.

А платил Георгий водителю, потому что очень боялся Шишона, Михалыч же мог и проболтаться, если не задобрить мужика. Водитель знал, что местный авторитет к Зине, со слов девушки, уже как год сватается, но она ему дает отворот, храня верность только Жорику. Георгий верил ситуативной любовнице, что это ягодка только его, пусть для него и не было принципиальным то, что одна из его пассий еще с кем-то крутит шуры-муры. Он и не был бы против объясниться с Шишоном, да пользоваться девку согласно расписанию, но страшно было до одури даже подходить к местному бандиту. Да, ходили слухи о новой заразе СПИД, но кто тут в Лоевском районе будет о таком задумываться.

Кроме моховской девицы, Георгий вполне удачно общался с кладовщицей Галей,

наезжал и в ближайшую деревню Переделку к одной из учительниц.

Возмущенный Георгий «вливал» в уши, слышащему охи да вздохи, корыстному слушателю Михалычу, что и Зинка то верность не хранит, так чего, ему, настоящему мужчине в полном рассвете сил, верить ей и тем более забирать в Гомель. Ну а благодарность, что сегодняшнее происшествие не станет достоянием общественности, стоила Жорику два килограмма американских окорочков.

Узнал Михалыч и то, что его напарник был сильно раздосадован, а скорее испытывал пожирающее его чувство зависти, как себя ведут чиновники. Жорик возмущался, что стрелять не хорошо, что нужен порядок и дисциплина, которая возможна только при демократии истинно народной, когда чиновник выбран народом, но не позволит себе таких излишеств. Георгия же больше брала завидки, что это не он так, не жалея патронов, лупит из Калашникова, о том, жалел, что не он только что проехал в черной, новой модели, Волге, что не к его приезду в магазин завезли то, что и на родительском столе не всегда бывает.

Раздосадованный Георгий потащил красотку Зинаиду на склад, чтобы там со всей своей злостью демократа «отомстить» судьбе, что не наделила его отцом, который был бы первым секретарем Обкома, а всего-то папа и являлся что директором маленького заводика.

Когда раздался вскрик Михалыча, а Георгий уже натянул штаны после непродолжительной «мести», растрепанная Зина выглянула из-за двери склада, ей не понравились звуки, которые она слышала. Следом показал свою голову и герой-любовник. Огромный кабан, можно было его назвать «вепрем», мчался на новую свою жертву — стоящую в дверях девушку, которая безмолвно только открывала рот, с ужасом наблюдая, как огромный разъяренный зверь с воткнутым в брюхо ножом бежит на нее.

Испуг местного «Алена Делона» был иным, чем у той, кому он только что нашептывал на ухо слова любви, а инстинкт самосохранения был всепоглощающим. Георгий с силой толкнул девушку подальше от массивной двери склада и закрылся на единственный крюк изнутри.

Трусливый городской экономист слышал предсмертные всхлипы и хрипы Зины, а его фантазия рисовала кровавую картину терзания девушки, от чего он замочил только что одетые штаны. Но скоро все закончилось, как и начал отступать непреодолимый страх, о котором оставалось только теплое, но быстро остывающее напоминание, в виде мокрых и пахнущих штанов. На место страха временно пришло сожаление, но даже не о гибели девушки, а о тех проблемах, которые это событие принесло для Георгия и для его отца.

— Нужно что-то придумать, ну не мог же я спрятаться в сарае, когда ее убивали, для ментов нужна версия событий, а для меня важнее всего выкрутиться, — нервно говорил сам себе Жорик.

Время у мажора было, так он считал, но через пару минут трусливый горе-любовник вновь слышал звуки, в которых распознал зверя — кабана, его ноги подкосились, и «настоящий мужчина» сполз по стенке.

Через еще минут двадцать, Георгий слышал уже человеческую речь и собирался выйти, однако, новый страх накатила на любовничка. Он узнал голос Шишона. Однажды местный авторитет зашел в магазин, когда Георгий, разгружал какой-то товар. И как же хорошо, что уже именно что разгружал, после того, как помял Зину в подсобке, иначе местный гопник и вовсе бы убил водителя-экспедитора, не смотря на его высшее экономическое образование. Тогда Жорик лишь получил пару ударов по печени, что бы «не пялился масляным взглядом на его, Шишона, женщину». Выходить же сейчас, особенно после того, как тот слышал

истеричный плач мужчины, Георгий был не дурак, а скорее не самоубийца.

* * *

— Сука, где этот кабан? — взревел Шишон.

— Успокойся, неподалеку где-то, он подранен, можем найти, но это опасно. Подранки страшнее здорового зверя, — Игорь задумался. — Но кровь у него сочится изрядно, должен ослабнуть.

— Там это... мужик еще мертвый, — выкрикнул Алик, который обошел магазин, осматриваясь.

Оставив тело продавщицы, взяв под локоть Шишона, который не отрывал взгляда от своей любимой, Игорь пошел, ориентируясь на крик Алика. Обогнув небольшую цветочную клумбу, огражденную низким железным заборчиком, мужчины смогли увидеть еще одну картину, написанную кровью, ценою в жизнь. Тело немолодого мужика было вспорото пошлым на ранее увиденное у склада. Отличало труп то, что грудная клетка бедолаги неестественно вогнулась внутрь туловища. В руках мужик держал окровавленный нож.

— Это Михалыч, водитель, он и подранил вепря, — сделал свое заключение Шишон, произнеся слова с неким уважением к покойнику.

Игорь заключил, что машина была под разгрузку и Зина принимала товар, так как и входная дверь в магазин была открыта и часть ящиков стояла по всей небольшой торговой площади сельского продмага.

— Мне надо идти! — поставил в известность Алика и Солдата убитый горем бывший жених, он видел только Зину в роли своей жены.

— Не ужрись только, если что у меня деньги есть, оставлю в магазине, чтобы менты не прикопались, — понимающе ответил Игорь.

— Деньги? Да какие деньги? Ты вообще понимаешь, что погибли люди? Сколько моих одноклассников хоронить будем? Да после этого вся эта советская власть рухнет. Как же так? — начал истерить Алик, который держался молодцом до этого, но и его накрыла истерия.

Хлоп! Щека уже бывшего «джинсового» парня моментально покраснела от пощечины. Игорь добился своей цели и Алик, успокаиваясь, просто облокотился на колесо грузовика и заплакал.

Начиналась стадия принятия ситуации. И это касалось не только Алика, Игорь, пусть и под благовидным предлогом, но сбежал из лагеря, чтобы самому не расклеится, взирая на терзания парней и девчонок. Вот только признаваться себе в бегстве парень не стал. Могучая сила это самоубеждение. Солдат был почти уверен, что тут его присутствие было важнее, что в лагере он уже все, что мог, сделал. Частью Игорь был прав. Задавать вопросы станут ему, и парню необходима хоть какая-то информация для принятия решений.

А сейчас многие будут плакать, горевать, но уже скоро примут и успокоятся: много работы впереди, нельзя рефлексировать. Игорь знал, что человек привыкает ко многому, может и ко всему. Он видел много погибших на войне, по первой и сам оплакивал тех, с кем делил котелок и ложку. Потом устал лить слезы, или железы перестали выделять жидкость. Игорь старался уже не привязываться к тем, кто шел рядом в бой. Не всегда получалось, все же армейские друзья остались, если бы не сокращения, то он бы и дальше учиться пошел, офицером стал, по званию в группе он был самым младшим. Но ситуация в лагере, да и возле

магазина, выбивала парня из колеи и Игорь понимал, что он больше гоношится, чем четко исполняет роль некоего лидера. Да он бы и сам вот так сел и расплакался, нашлась бы жидкость в железах, но машин нет, самолетов нет, большей части деревни нет, как и дорог, а толпа испуганных студентов есть и с этим нужно разбираться.

Сразу за магазином была видна та дубрава, которая всех видевших ее изрядно впечатлила, мощнейшие вековые дубы, справа от которых начинался хвойно-лиственный лес, а слева как раз был выход к третьей возвышенности у лагеря археологов. Возвышенность была третьей в череде, начиная с городища, потом могильника, и она, самая малая в сравнении. Удивительным, не поддающимся объяснению образом, как, впрочем, и остальное, дубрава была «обрезана» идеально точной линией, образуя равносторонний треугольник.

— Полтора километра, может чуть меньше, — проговорил Игорь, увлекшийся анализом местности.

А что еще делать, если один разведчик плачет, а другой элитный коньяк глушит с бутылки, и, не помышляя о закуске. Вот и подсчитывает радиус местности, что перенеслась относительно лагеря.

Получалось, что территория в километр, чуть больше его, может с древнерусскую версту, в сторону от лагеря сохранилась в том виде, как это было при приезде на местность археологов, а вот все остальное пространство изменилось. Этим объясняется и появление нескольких больших тополей рядом с лагерем в сторону озера. Игорь заметил эти деревья еще раньше, до того, как поднялся на гору к Шишону и его компании, но не предал значения, а нужно было. Вот только мозг постоянно искал объяснение происходящему, отказываясь верить в наиболее напрашивающиеся версии, фантастические, нужно сказать, версии.

Выстрел прозвучал неожиданно и заставил Игоря вздрогнуть, Шишон выронил бутылку пива, которая сменила коньячную, в руках убитого горем мужика. Между тем местный заводила шпаны упал на напольную плитку, которая была положена в магазине, ближе к углу у выхода из продмага. Игорь достал пистолет и попытался сориентироваться, откуда именно стреляли. Выстрел был, похоже, из охотничьего ружья, дуплетом. Получалось, что стрелок находился где-то юго-восточнее магазина, рядом с разбитой дорогой между городищем и курганным могильником. Солдат отполз ближе к грузовику и спрятался за его передним правым колесом.

Быстрый осмотр диспозиции из-за укрытия не дал понимания ни кто стрелял, ни точного расположения стрелка, но обзор из-за кузова автомобиля был ограниченный и, чтобы рассмотреть все, необходимо было выглянуть из-за второго колеса, куда и собирался переместиться Игорь, но наблюдательная позиция была занята Аликом. Тот сразу же прекратил ныть, как раздался грохот от выстрела, взял себя в руки и всю напрягал зрение, пытаясь выяснить сущность нового объекта опасности. Для хорошего снайпера Алик представлял отличную мишень, так как вылез из-за своего укрытия на полтуловища.

— Что видишь? — спросил Игорь нерадивого наблюдателя.

— Да мужик какой-то в метрах ста, с двустволкой, — ответил Алик.

Игорь уже собирался поменяться местами со своим товарищем, как услышал голос Шишона:

— Дядь Паша, ты чего? Это ж я, Демьян.

— Слышь, Шишон, ты что, сука, вообще берега попутал, какого хрена Михалыча

завалил? — послышался зычный, приближающийся голос. — Не дури, паря, я перезарядился пулями.

— Дядь Паш, кабан задрал Зинку, слышь? — Шишон стал впадать в новую истерику, направляясь в сторону мужика в полный рост, чувствовалось уже и воздействия алкоголя на мужика. — Да стреляй, Павел Петрович, давай. Зинку убили, Михалыча убили, студенто под сотню убили, деревня пропала, стреляй!

Шишон буром пер навстречу неизвестному стрелку, и Игорь уже хотел вклиниться в ситуацию, высунулся из левого колеса, грубо оттеснив Алика, но мужик опустил ружье и сам пошел на встречу к Шишону, говоря вполне миролюбиво:

— А я не думал на тебя, Демьян, ты ж крестник мой, не можешь так-то с людьми. Украсть то одно, но жизни лишить, не сможешь, — проговорил невысокий мужик лет под сорок пять с необычайно развитыми плечами и руками, как будто в качалку по соседству со Шварценеггером заживал. Чуть повернув голову в сторону, где был Алик, мужик вполне миролюбиво бросил. — Вылезай шкет, я вас срисовал еще раньше.

— Здравствуйте, — растерянно сказал Алик, первым вставая в полный рост.

— Ух ты — еще один, «Макаров» в руках! — удивился Павел Петрович. — Ты с пистолетом-то поосторожнее, вон и с предохранителя снят. Знаешь хоть машинку?

— Четыре года службы, три Афган, — сухо произнес Игорь, получив одобрителный кивок со стороны мужика.

— Так, мужики, я уже вижу, что Михалыча потоптал кабан, да матерый. Вы мне вот скажите, что вообще происходит? — Павел Петрович посмотрел на Игоря, а потом на Алика и вычислил в нем студента. — Ты ж умный, студент, давай рассказывай, что произошло, где дороги, что за лес, куда делась деревня, почему у Кузьминичны полдома как корова слезала, да и нет бабы, а я видел, как Марьяна на колхозное поле пошла, да и пропала и она и почти все поле колхозное. Объясни, студент.

— У нас есть один умник, он может объяснить, а я по благу устроился в университет, — растерянно сказал Алик, с опаской посматривая на мужика с ружьем.

«Дядя Паша», несмотря на свой не внушительный рост выглядел грозно, такой воинственный гном, если верить описаниям этой расы Толкиеном.

— Объясни, малец, а то рассержусь сильно, кума к сыну в училище поехала. Так что? Она дороги назад не найдет? — Павел Петрович посмотрел на Шишона и уже обратился к нему. — Демьян, кабана того убьем, а расстраиваться нечего, ты ж мужик.

— Кабан — подранок, следы ведут в дубраву, крови много потерял, далеко не уйдет, — вклинился Игорь.

— Павел, кличут еще Козаком, — протянул руку Солдату Павел Петрович.

— Игорь, кличут Солдатом, — сказал Игорь, невольно подражая манере речи мужика, после пожал протянутую руку.

Павел оказался деятельным мужиком, и сразу же устроил что-то вроде совещания, к расспросам Игоря и Алика на предмет «что умеете?», «кабана не убоитесь?». После небольшого совещания решили все же взять зверя, нельзя оставлять кабана и постоянно оглядываться, да и подвергать всех опасности, он и в лагерь может наведаться. И вообще нужно было охрану организовать студентам, да побыстрее. Игорь уже сомневался в правильности решения осмотреться и обследовать деревню, особенно он посчитал тратой времени охоту на подранка-кабана. Но отказаться сейчас составить компанию при решении одной из вероятных проблем, которые может доставить обозленный зверь, показать себя

трусом. Так что ситуация сама диктовала что именно нужно делать.

Игорь, с помощью Павла-Козака закрыл на амбарный замок магазин, как и склад, который, впрочем, был и так плотно прикрытый, но замок навесили, на всякий случай, после чего четыре «охотника» оправились на поиски добычи-кабана, постоянно одергивая Шишона от резких движений и необдуманных поступков. Скорбящий несостоявшийся жених вырывался вперед, бегая в истеричных поисках кабана между дубов и редких кустов, при этом издал звуки, по своей громкости не уступающие стаду зубров в движении. В итоге, пришлось, не без нажима Павла, отправить горе-жениха к магазину дожидаться итогов облавы на кабана. От пьяного и впадающего в неадекватное поведение Демьяна-Шишона толку было мало, чуть больше от остальных, но только чуть. Охотниками-профессионалами в компании ликвидаторов вепря не был никто.

Поиск вепря был не долгий, но очень информативный для целостности вырисовывающейся задницы, в которую попали люди. Павел увидел следы и лося, или оленя, всего-то, в километре от того места, где был огрызок деревни, не больше. Все же местный мужик был чуть более опытным охотником, чем Игорь и профессионалом-небожителем в глазах городского парня Алика. Павел отметил, что в этих местах отродясь не водились лоси, не их это был лес, может в пяти километрах у деревни Козероги и были когда-то лоси, но лесники не видели их там уже лет пять.

Встретились охотникам и аж четыре зайца, всего-то на ста-ста пятидесяти метрах пути, а Козак озаботился сохранением урожая капусты, моркови, да и всего остального. В дубраве обнаружилось просто огромное количество грибов, в большей степени боровиков, скорее колосовиков, то есть ранних белых, были и сморчки, что появляются весной, но летом уже не актуальны. И это была еще одна странность в уже переполненной копилке иных, более существенных. Павел даже принялся было собирать грибы, но быстро опомнился и удобнее перехватил свое ружье.

Подранка нашли под одним из самых больших дубов в стороне, где уже было два заброшенных дома, полуразваленных, с обрушившейся крышей и заросшим вишневым садом. Дальше от домов располагался небольшой огород и спуск к археологическому лагерю с третьего холма от городища. Игорь представил, сколько бед мог нанести этот действительно исполинский зверь. Скорее всего, стрелы не смогли бы пробить шкуру вепря, может быть арбалетные болты и способны на такое, но они были не очень то и хороши в исполнении, плохо заточены, массивные с большим отклонением по баллистике. На волков хватало, но на то существо, что сейчас было перед охотниками, нет. Ну а с огнестрелом в лагере неизвестно, мог ли кто совладать. Да и припрятал Игорь автоматы, во избежание проблем, вдруг кому в голову придет открыть огонь, психологическая обстановка в лагере еще та...

Сейчас же хватило одного, достаточно прицельного выстрела Казака, благо тот умудрился подойти к подранку близко и выстрелить в ухо, чтобы кабан сразу испустил дух.

Оставлять тушу никто не собирался и стал вопрос о дележе. Договорились, что в лагере разделаем и, большую часть заберут археологи, их просто больше, а часть засолить, так как на жару мясо уже до конца дня может пропасть. Правда серьезной жары не было, несмотря на ярко светящее солнце, как будто и не заканчивающийся июнь.

Павел посокрушался, что электричества то не было, иначе можно было и в холодильник засунуть мяса, или в морозильную камеру, которую он не так давно купил и его жена, Катерина, постоянно что-то туда подкладывает, как будто готовится к войне.

— А может и права Катька, воно какая хрень творится. Только без света, все то мясо и

фарш из морозилки нужно срочно солить, — размышлял Козак, под молчание благодарных слушателей в лице Игоря и Алика. Последний вообще растерялся от невероятных событий и особо и не выходил из состояния когнитивного диссонанса.

То, что нет электричества — важная новость, в магазине свет никто не включал, уличного освещения же в деревне не появилось даже с приездом первого секретаря. И резкое исчезновение света становилось еще одним доказательством в правильности фантазий Умника-Миши. Впрочем, тот, может и неединственный в истории случай, если верить «Вечной книге», когда фантазии еврея материализуются.

Павла же проблема электричества, его отсутствие, становилась как бы ни главной, судя по количеству времени своего монолога, которое он потратил на жалобы «и как программу Время смотреть?», «а у меня туалет в доме и что теперь, воду таскать к унитазу?», и еще много чего и в том же духе.

Козак уже успел пройти по линии проводов и обнаружить их обрыв в месте, где срезало школу, так что электричеству было неоткуда взяться. Так что Мойша Штейн, ты, кажется, прав.

Спустившись с горы, откуда открывался великолепный вид на лагерь, но желание любоваться красотами куда-то испарилось, разношерстная компания охотников остановилась. Внизу в метрах пятидесяти от возвышенности, в лагере была развернута какая-то бурная деятельность, о чем пока свидетельствовали доносящиеся до добытчиков кабана крики и споры. Пробравшись через кусты и деревья в сторону археологов, Игорь и его спутники увидели кучки, именно что кучки, студентов, которые переругивались с другими «кучками».

— Ну, прямо, как собрание у нашего сельсовета месяц назад, — высказался Павел Петрович и расхохотался. — Только бабы Нюры нет, чтобы костылем всех разогнать.

От этой шутки впервые за последние несколько часов появилась улыбка и на лице Козака, который, видимо, вспомнил, как эта самая баба Нюра гоняла грозного председателя своим костылем и обкладывала матом, а после все трое «охотника» рассмеялись, да так громко, что их смех слышали и в лагере. Это был очередной адреналиновый откат, организм пытается избавиться от негатива, продолжать дальше жить, функционировать.

— О, бойцы какие! — задыхаясь от смеха, сказал Козак.

Действительно, на небольшую тропинку, которая вела на крыничку и в лагерь, вышли десять «лопатчиков». Ну, или как назвать воинов, держащих лопаты, словно копья?

— А не шамальнут? — спросил уже отходящий от смеха Козак.

— Не должны, я автоматы и пистолет припрятал, — сказал Игорь, нарочито, чтобы и «лопатчики» слышали.

С появлением Козака, у Солдата возникло двоякое чувство. С одной стороны — взрослый, явно неробкого десятка, опытный, в сравнении конечно, охотник, Петрович был десантником, когда еще воздушная гвардия только зарабатывала свою репутацию, да и отслужил даже не два года, а все четыре. Такой мужик рядом в сложной и неоднозначной ситуации был крайне полезен. Еще бы выжил охранник Колосова, да смог чего подсказать, так и воевать можно. Еще бы понять, с кем воевать, чем воевать, да и зачем и за что воевать.

Но вот другая сторона медали заключалась в том, что Игорю, пусть он еще себе в этом и не признался, понравилась власть. Уйти на вторые, третьи роли парень не хотел, уже не представлял, как вообще это возможно. Да и не было реального соперника в определении лидерства в лагере, а вот тут нашелся. Был и третий подводный камень. И заключался он в

том, что присутствие сильного человека, способного на лидерство, из среды местных моховцев неминуемо приведет к их усилению. Шпана может не захотеть принимать условия общежития, могут возникнуть конфликты, реальное противостояние. А тут уже и оружие имеется, как у того же Казака.

Так что, предполагал Игорь, нужно стараться перехватить инициативу в определении лидера, чтобы те же студенты смогли прийти в себя. Ну, если менты не приедут, наконец-то, но веры в это все меньше. И тогда либо конфликт уровня боярской междоусобицы, либо мирный, но опасный расход по разным углам с дележом имущества. Оба варианта — тупик для всех, в единении сила!

— Солдат, чего не заходите в лагерь? — прокричал Костя, который был одним из «лопатников».

— Пошли, что ли, — сказал Павел и первый ухватился за ветку от волокуши, на которой и красовался зверь.

Туша вепря на ветке без особых проблем скользила в сторону Костиной «дружины», после уже студенты перехватили волокуши и сами потащили груды мяса в лагерь.

— Вот, первую добычу принес, — в шутливой форме попытался вклиниться в только немного затихший спор Игорь.

— Игорь, они тут выборы устроили. Теперь президент лагеря Шац, вице-президент Курбацкий Николай Дмитриевич, премьер-министр Лидочка, Оля министр здравоохранения, тебя назначили министром охоты и рыбалки, ну, а Костю министром безопасности, — шептала на ухо Игорю, повисшая у него на шее Света.

Девушка сразу же побежала к парню, как только Игорь переступил условную границу лагеря. Несмотря на то, что новости могли шокировать, Солдат не ощутил никого дискомфорта. А еще он злился — в его отсутствие, к слову долгое, ничего не изменилось, следов кипучей работы не было видно, даже тела погибших не убраны, а лишь прикрыты ветками и травой.

Почему-то ему все эти игры в демократию, а о том, что это были именно игры, сомневаться не приходилось. «Президенты», «премьер-министры», да назовись ты хоть Царем Царей, не поможет — ну никак не вязался образ молодых преподавателей, с лидерами в кризисной ситуации. Немного злило иное, что никто еще и близко не собирается перебираться с этого места на городище, о чем ранее было принято решение Игорем с согласия «военного министра» Константина. Столько времени потеряно, люди не накормлены, безопасность не обеспечена, да много чего, а они тут демократию развели.

— Посталовский, Вы назначаетесь главой министерства охоты и рыболовства. И я уже вижу, что это назначение Вы оправдываете сполна, первая добыча, вот только это мясо мы вряд ли будем есть, вот рыба, это можно, а так тушенки у нас много, но это пессимистический сценарий. Все равно власти опомнятся об исчезновении Колосова и приедут, — с высокоподнятым подбородком вещал «президент первой археологической республики» Алексей Михайлович Шац, примеряя роль политического трындабола.

Падение от удара вышло картинное, как в фильме «Кровавый спорт» с ван Даммом. Игорь исполнил правый апперкот, тело «всемирно избранного» возвысилось над многогрешной землей почти на метр и, пролетев, словно ангел небесный, пару метров, сбilo одну из опор навеса от дождя над командирским столом.

«Я тоже человек и создан из крови и плоти, а не из стали» — пролетела мысль в голове Игоря, которой он постарался объяснить для себя столь импульсивный поступок.

Все споры сразу же прекратились, возле стонавшего президента начали собираться студенты, видимо, они и были тем электоратом, который избрал своего лидера. Заводилой в стане приверженцев «народной» демократии, к сожалению Игоря, стала Ольга — та самая девушка, которая лучше всех присутствующих разбиралась в медицине. А еще проблемой может стать факт симпатии Константина к этой зараженной плюрализмом и гласностью девушке. Выйдя вперед команды из человек тридцати, в основном состоящей из девчонок, мать моховской демократии начала вещать:

— Это не правильно, мы приняли большинством голосов решение, Алексей Михайлович предоставил свой план действий, исходя из того, что до недели мы можем тут остаться. Произошло какое-то географическое смещение, ландшафт изменился, может это оружие такое. Но нас найдут! А ты! Я думала, что ты нормальный парень, драться умеешь, так бей, меня, Ингу, Лиду, всех бей. Мальчики и вы будете терпеть такое варварство и тоталитаризм?

Последнее обращение к парням возымело действие, и некоторые студенты мужского пола потянулись к уже поднятому с земли «президенту» и другим высокопоставленным лагерным «чиновникам». С Игорем же оставались Света, Таня, Алик, еще пять парней и с десяток девчонок. Переход в оппозицию к избранной власти Витька-гитариста и Штейна-Умника приятно удивило Игоря. Они так же стали рядом с Солдатом.

— А весело тут у вас, прям как на последнем Съезде КПСС, — вышел из-за кустов Казак.

Игорь прекрасно знал, что представитель местных моховцев в кустах и не стал сразу показываться, видимо, решив понаблюдать за развитием событий. Но тот факт, что Казак вышел, говорил о том, что он действительно мужик со стержнем. Можно было посмотреть на спектакль и пойти прочь, оставив разборки на тех, кто их затевает, но он вышел, чем, в том числе, продемонстрировал и уязвимость студентов. Вот так, «за здрасте» любой может пробраться в лагерь в то время, когда слишком многого не понятно и все на взводе. Также дырки в безопасности, а местные могли бы считаться условно опасными, ударили по «вселагерно избранным властям».

— Это кто такие? — выкрикнул «вице-президент» откуда-то за спинами представителей своего электората.

— Соседи, с дипломатическим визитом, — Павел Петрович рассмеялся. — Слушай, Солдат, ты наведи порядок, нужно перетереть многое. Давай на холме через пару часов, ты же туда собрался? Мою долю кабана принеси, будь любезен. Просто сейчас не время для цирка, нам еще хоронить Зинку и Михалыча, да с людьми погутарить. Плевать мне на ментов, которые уже как часа четыре не едут, людей нужно предать земле.

Казак развернулся и пошел к горе. Все «демократическое» общество не посмело ни перебить чужака, ни возразить, вот так пришел в лагерь мужик с ружьем, покрасовался и ушел. На этом фоне действительно все эти выборы выглядели, как фарс и детские игры. К оправданию «лагерных демократов», можно было сказать, что все советское общество заразилось этой болезнью, до конца не понимая ни функционала, ни назначения, ни роли политических элит, очень много лозунгов и неоправданных ожиданий. Главное заблуждение людей было в том, что в ходе альтернативных выборов придут действительно достойные люди. Не важно, что эти «достойные» отлично умеют обещать, неплохие ораторы, креативные, но никто из них и понятия не имеет о производстве, не имеют ни малейшего опыта управления и примеров реализации удачных проектов.

— Я озвучиваю свою позицию, а вы... Как хотите, так и живите! Первое, что я считаю правильным — это воля на принятие решений, нашей ситуации она необходима. Где решения? Накормлен народ? Организована оборона? Как взаимодействие с местными? А оно необходимо, чтобы не получить еще один удар от моховцев. Мы в условно агрессивной среде. У магазина продавщицу задрал насмерть кабан. Я, к примеру, доверился Павлу Петровичу, которого вы только что видели, — выражал свою позицию Игорь.

— Он чужак, местный, вообще нельзя было его приводить, — встряла Лида. В этой банде самыми волевыми были девушки, Оля и уже бывшая командирша, что осложняло общение.

— Не перебивать меня, — жестко сказал Игорь «демократические» парни попятились, но большинство девчонок, наоборот подались вперед, только Игорь не ответил на этот выпад, сам сделал шаг назад, после обратился уже к своей группе поддержке. — Собирайте все вещи, луки, и арбалет не забудьте, из семи топоров, шесть забираем, так же половину продуктов. Алик, беги к грузовикам у магазина и привези их, ты же ездить умеешь? Работайте!

Не сразу, но все, кто стоял с Игорем занялись делом. Остался только Штейн, которому Солдат хотел задать пару вопросов. Он так же, сверкнув своими очками, было, устремился к хозяйственным палаткам, но Солдат ухватил Умника за его куртку с надписью «Гомельводоканал».

— Почему половину еды, шесть топоров? Нас больше, нам нужнее. Или думаешь, что пистолет и кулаки дает тебе права обкрадывать нас? — вызверилась Лида.

— А потому, что мы оставляем вам столы, навесы над кухней, даже дрова, вот воду заберем, нам работать много, мы не хотим еще одного тумана. Да и на правах сильного мог бы забрать все, — Игорь достал пистолет и демонстративно снял его с предохранителя. — Если сегодня ничего не прояснится, то мы тут надолго, это не климатическое оружие, оно так не действует. Ровно верста в сторону деревни от лагеря и по сторонам это местность, которая была в момент нашего заезда, дальше глухой лес, вот с такими кабанами, лосями, волками и хрен его знает кого. Может, есть и люди, но следов их присутствия не обнаружили, никаких — даже окурка или пробки, не видно. Слышите, рядом с магазином все устлано окурками, фантиками и пробками, а в двухстах метрах от продмага нет ни-че-го! Если вы готовы быть здесь и заниматься политикой, пожалуйста, но у меня самоотвод от почетной должности главного снабженца, сами. Вы же историки, как мамонта замочить, знаете!

Включение Солдата в предвыборную гонку, или скорее, становление им лидером оппозиции, возымело свой результат. Некоторые студенты решили переметнуться к деятельному, как им показалось, Игорю Посталовскому. С полтора десятка человек, отойдя от столпившихся «демократов» включились в работу по сбору вещей и переносу их ближе к дороге.

— У меня вопрос. Кто рассказал в лагере о разговоре на горе? — взгляд Игоря блуждал от умника к Косте, который стоял с понурой головой, от чего Солдат сделал вывод. — Понятно! Костя, не был ты в армии... Ну, сказал и сказал, наверное Оле, по секрету, не нужно было и объяснить, что это значит, проникнуться тем, что нужно выживать самим. Мишу хоть слушали? И еще... я все понимаю, почему ты тут, а не со мной. Но, когда включатся мозги, приходи!

— Мойша целую лекцию прочитал, говорит, что вокруг география прошлого, может

тысячу лет назад, но кто поверит в такую чепуху? — высказался какой-то прыщавый парень, раньше даже на глаза Игорю не появлявшийся.

— Не Мойша, а Михаил, он под моей защитой, так как имеет мозги, — Игорь приобнял за плечи хилого парня.

— Уходя, уходи! — выкрикнула Лида, с какими-то непонятными для Игоря нотками, как будто речь шла не о том, чтобы он уходил из лагеря, а, как будто, из ее, Лиды, жизни.

— Я машину жду, — Игорь зло посмотрел на «премьер-министра», если раньше он как-то переживал о сложных отношениях с девушкой, то сейчас чуть ли ее не ненавидел. — Раненых отдайте нам, в одном из домов мы сделаем госпиталь. Оля, если тебе важны жизни людей, приходи посмотреть на пациентов.

Игорь интуитивно нашел, чем посеять сомнение в правильности выбора Ольги. Раненым нужен уход, конечно, это лучше сделать в доме, чем в палатке, на сырых одеялах и надувных матрасах.

— Некоторых нельзя транспортировать, — неуверенно сказала Ольга.

— Ну, сами погибать собрались, раненых не тяните за собой! — ответил Игорь и понял, что попал в точку надлома сознания студентов.

Сомнения были у многих. Игорь был уверен, что нашел бы слова в процессе предвыборной гонки и смог бы победить, но этот административный ресурс, ограниченность мышления, стереотипность, когда нужно выбрать лидером препода, так как они студенты, ну а он все же преподаватель, да и отсутствовали другие кандидаты. Умные не хотели брать на себя ответственность за важные решения, и те же умные были против, чтобы распоряжались дураки. Солдат даже не стал противиться тем, чтобы главным в этом всем бедламе стал Алик, может даже подкаблучник Костя, но никак не трусливые молодые преподаватели, к которым у армейца и воина-интернационалиста зарождалась некая брезгливость еще с первого знакомства, когда студенты были предоставлены сами себе, а пьяные преподы, себе. Была бы Анна Кондратьевна, вопросов о лидерстве не было бы и в помине.

— Мы с Вами, Игорь, скажите, пожалуйста, что делать, — к Солдату подошла руководительница филологов — Вера. Они стояли немного в стороне и слушали разговор, размышляя, что им делать, при этом оказались наиболее организованными, может быть из-за своей малочисленности. — Вы спасли нас, всех нас, я знаю, о чем говорю. Когда кое-кто занимался развратом в кустах под горой, а другой уже бежал от тумана впереди студентов, Вы, стояли насмерть, спасибо. Я вам верю. Мы собираем вещи и присоединяемся к вашей группе. Я уже потеряла троих девочек, больше не собираюсь.

Эти слова Веры Николаевны Злотниковой еще больше ударили по мыслительному процессу в головах студентов. Однако, начались очередные разговоры про то, что необходимо научиться быть демократичными в маленьком коллективе, чтобы принять этот передовой опыт всех стран после и на большие коллективы. Ну и о том, что они тоже пойдут, но на другой холм, который находится ближе всего к лагерю, но будет подальше от предателей и агрессивных диктаторов-сталинистов, к которым, пусть и тихо, чтобы не получить по уху, причисляли Игоря-Солдата.

— Охрану нормальную поставь, там дубрава. Есть следы и кабанов и рысей и даже медведей, — нагнал ужаса Игорь, подойдя к Косте, а может только предвидел присутствие такого зверинца рядом с попаданцами.

— Я уговорю Олю пойти с тобой, Игорь, это просто смешно, выборы эти, деления на

группы, — отводя глаза, сказал Костя.

— Допускать этого ведьминского шабаша нельзя было, уже давно бы обустроивались и думали, как жить дальше. Не дай им тут сгинуть, если что, сразу гонца к нам, у меня автомат есть, правда мало патронов, очень мало. Бывай, но я рассчитывал на тебя, а теперь и не знаю, — высказался Игорь под молчание Константина.

Игорь помогал носить вещи, участвовал в очередном споре с Лидой за продукты, но смог отвоевать большую часть их, проверил Артура, тот спал, часто постанывая. По словам Ольги, которая прямо преображалась внутри госпиталя, как будто там темная магия человеческой глупости уже не действовала, мужик имеет все шансы выжить, Оля прижгла рану, убрала остатки колена и зашила ее. Что получится, не знает, но действовала по указке и с согласия Артура. Сейчас же ему дали жаропонижающее, жменю анальгина и тот, натерпевшись до этого, уснул.

Уже когда вещи были отнесены к дороге, приехала машина. Стало понятно, что завести весь скарб на грузовике, если водителя не сменить, нормально не получится. Алик вел машину безобразно и с испуганным лицом, которое, словно замерло в ужасе явления демона.

С горы парень еще худо-бедно, дважды чуть не перевернувшись, спустился, при том, что все ямы были засыпаны щебнем или землей, но дальше... Может легковой машиной Алик управлял и хорошо, но вот грузовой, никак. Однако, Игоря учили вождению, пусть за всю службу он только пару раз и садился за баранку, но и этого, по мнению парня, должно хватить, чтобы стать водителем явно лучше Алика.

— Там это... пацаны корабли видели, как в кино, Чиж смотрел по телевизору фильм «о чем говорят камни», или как-то так, про викингов. Так вот, очень похоже, на корабль из того фильма, — сказал Алик, еще из кабины, когда его лицо «оттаяла». Парень выпрыгнул из кабины, как будто стремился побыстрее удрать подальше от грузовика. Алик был с мокрым лбом и промокшей футболке, скорее от волнения и напряжения от поездки, чем от погоды, которая была комфортная, но не сказать, что жаркая, больше весенняя, чем лето.

— Они ушли? — с интересом спросил Штейн, этот вопрос хотел задать и Игорь, да и все, кто услышал, вот только интересы у людей были разные — у Штейна свои, Игоря свои и увлеченность Михаила никто не разделял.

— Вроде бы, — неуверенно ответил Алик, он не особо интересовался, больше уделяя внимание тому, как первый раз в своей жизни поехать на грузовике, при том, что легковую водил только с отцом на даче, но всем уже давно говорит, что отлично водит машину.

— Вроде бы? Да это за последние два часа важнейшая информация, а ты не знаешь! — взбеленился Игорь. — Да все тут вроде бы. Вроде бы президентов выбирают, не похоронив погибших, чтобы не объединяться, вроде бы готовы рисковать жизнью, а нам пока нужно спрятаться и сидеть как мыши, разведывая помойную яму, в которую попали. Нет Анны Кондратьевны и все, начинаются интриги, и никто ничего не делает, только упражняются в словоблудии и в этом самом «вроде бы».

— Успокойся, Игорь, у всех истерики, я уже выплакала литр слез, но делать что-то надо! Если еще и ты впадешь в это состояние, будет худо для всех, — подошла Света, которая, пока ждали машину, успела еще раз пять переругаться и с «президентом» и с его «вице», послала тех, как и «премьер-министра» по не толерантному маршруту, а одному пухлому прыщавому борцу за справедливость даже вlepила подзатыльник.

— Я у кого-то видел бинокль, где он? — спросил Игорь.

— Сейчас, нужно у Витька спросить, он всех знает, со всеми пил, — сказала Света и

пошла к гитаристу.

Через пятнадцать минут с биноклем в руках, стоя на горе, Игорь наблюдал картину, которая ему сильно не понравилась. На берегу Днепра, причем рядом с протокой, по которой можно было пройти и большой лодке, стояло деревянное судно, очень похожее на то, что Игорь видел на картинках исторических книг, в том числе, когда готовился к семинару по истории Древней Руси. Это был драккар, ну или что-то похожее на его, может и ладя или кнор, но явно средневековое судно. Важно, что все люди, которые сошли на берег с того корабля и рассматривали самую протоку, о чем то переговариваясь и споря, все были вооружены. Вопреки ожиданию, ни одного меча на поясе у вышедших, или людей внутри корабля, Игорь не заметил, но вот небольшие относительно хозяйственных, которые были в лагере, топоры, были у всех. Ножи были так же у каждого бородача, но, судя по кожаному чехлу какие-то маленькие, раза в два меньше, чем сейчас у самого Игоря. Каких-либо доспехов Солдат не увидел, но все речные путешественники были в кожаных одеждах по типу безрукавки, на ногах была какая-то обувь из кожи, похожая на чешки, но больше даже на борцовки, часть и вовсе была босиком. Интересным наблюдением стало, что большинство гостей были низкого роста, по прикидкам явно меньше метр семьдесят, только два человека выделялись среди прочих более высокими статьями. Однако, Игорь не обольщался в перспективе сойтись в схватке с любым из пришельцев. Большие плечи, сильные руки, все поджарые и тренированные, наверняка, выносливые и привыкшие к бою.

— На, смотри и примечай, — сказал Игорь, передавая оптику Михаилу.

Штейн с интересом рассматривал, как он сразу сказал, «варягов». Все присутствующие были уверены, что умник имел в виду норманнов, шведов, данов, норвегов, но Михаил стал разъяснять, что варягами могли быть и представители кривичей и балтских племен, полабских славян, да и интернациональные команды могли быть. Пришлось толкнуть Штейна и показать в сторону пришлых, чтобы прервать начавшуюся лекцию.

— Они не пойдут в протоку, вряд ли даже останутся на ночь на нашем берегу Днепра, — сделал заключение Умник.

— Объясни! — потребовала Света и включила свои женские чары. — Мишенька, мы не такие начитанные, как ты, нам нужно все разжевать, пожалуйста.

— Ну, — немного покраснел Штейн. — Они заприметили родник и набирают воду в кожаные мешки, типа бурдюков, если бы собирались оставаться, то воду набирали бы перед отплытием, зачем несвежая теплая вода? Костров не разжигают, скинули камень, типа якоря, а не вытягивают драккар. Весла не сушат. Вообще-то, противоположный берег намного лучше для стоянки, там и защищенность плотным кустарником со стороны берега и отличная поляна для лагеря, корабль можно чуть ли не целиком вытянуть. Может, и хотели пройти по протоке, вон с шестом один возвращается, мерял глубину, но не решились. Драккар с тяжелым грузом, большая осадка.

— Слушай, Штейн, а ты стратег, я и долю того, что ты тут рассказал, не заприметил. Да чего там, ни хрена я подобного не заприметил, — похвалил умника Игорь.

— Ты смотришь на человека, как на противника, а я, как на объект исследования, у каждого свое, — философски ответил Михаил.

— Может быть, но время теряем, нам нельзя выходить из укрытия лагеря, пока нельзя. Или не дорогой у городища, она может просматриваться, а другой то и нет. Если заметят, то проблем не оберёмся, а уже обед. Так, — опомнился Игорь. — Света срочно беги к Алику, пусть пулей к местным. Никаких огней, ничего. Не показываться, не ездить на тракторе, или

телеге. По норам всем сидеть, но при оружии. А лучше, пусть незаметно выдвигаются сюда, мало ли гости придут, может хоть пугнуть огнестрелом получится.

Наблюдение затягивалось, каждому хотелось насмотреться на пришлых варягов, или кто там действительно такой прибыл на корабле.

Дождавшись прихода Светы, которая не забыла прихватить лук и оставшиеся у нее последние восемь стрел, остальные по итогам боя с волками пришли в негодность, Солдат оставил ее с Умником наблюдать за пришлыми, а сам пошел в лагерь. Игорь просил девушку, чтобы та не болтала всем оставшимся студентам, пока, он сам не переговорит с «законно избранной властью».

Как и ожидал, набравшийся терпения и выдержки Солдат, иначе мог бы уже силой навязать свои правила, встретил много скепсиса и насмешек со стороны студенчества. Но сразу стал обламывать этих хохотунов, или как будет звучать это слово в женском роде? Поскольку парни как раз трусили и им было не до смеха, а вот бесстрашные девы вели себя вызывающе с огромной долей скепсиса.

— Так, «президенты», идем со мной, быстро, времени мало, сами посмотрите. Остальные, если жить еще не расхотели, сидите, как мыши, — сказал Игорь, а законно выбранные власти продублировали приказ-просьбу Солдата, чтобы не выглядело, как будто свободные люди с возможностью выбора, подчиняются изгнанному тирану.

— Я присмотрю, — сказал вслед Костя таким тоном, что в двух словах читалось и «виноват» и «исправлюсь» и еще много чего.

Константин уже понял, что совершил ошибку. За уже как два часа после выборов руководства не было ни одного дельного указания, ничего не решено. Трупы Алексей Михайлович сказал не трогать, так как милиция не простит, горячий обед готовить нет смысла, поели сухим пайком, по банке тушенки, а хлеба на всех и не хватило. Приказ идти на разведку, озвученный Николаем — «вице-президента», прозвучал для Кости, в смысле «уйди с глаз моих долой». Он и сходил, взял парней, которые уже предупредили, что собираются уходить от этой непонятки, если не будет движения от начальства.

В разведке группа ничего не высмотрела, в деревню «отцы основатели лагерной демократии» и справедливого общества строго-настроено приказали не посещать, чтобы не нервировать местных. Любая инициатива, как видел это Костя, заканчивалась в обвинении «как Посталовский», утверждая, что Солдат ошибается и ничего не понимает в справедливом управлении, а хочет узурпации власти. Какая власть? Тут речь идет о выживании, или ждать следующей ночи и волков? Даже Лида уже начала нервничать и, если бы не личные мотивы, уже давно перешла бы к Игорю, а за ней и большая половина оставшихся. Преподаватели начинали терять авторитет, периодически споря друг с другом.

— Ты, Костя не дури, а собирай народ, и готовьтесь к выходу. Там такие волкодавы приплыли, хоть и низкие, лохматые, но мы все слабее их духом, проиграем. Меняться нужно всем внутренне, а не в игры демократические играть. Я жду... И еще, ментов нет, признаков техногенной цивилизации нет, лучше отталкиваться от того, что мы тут одни такие и выживать, чем ждать с моря погоды и сгинуть, — сказал Игорь и повел под злобное ворчание «президента» и его «вице».

Они обвиняли Посталовского в том, что он нечестный политик, но с наигранно надменным видом, выслушали Солдата. С ухмылками, но засобирались пойти посмотреть на «галлюцинации неадекватных личностей».

Так оба, и Алексей, и Николай, отправились за Игорем, даже не удосужившись отдать

распоряжения остававшимся студентам, которых было необходимо отвлечь работой. Не дойдя до места, откуда велось наблюдение, лидеры студенческой общественности вспомнили, наконец, что государство не должно оставаться на «премьер-министра» и один из них обязательно нужен в лагере. Так что Шац опасливо пошел следом за Игорем, а его заместитель отправился в лагерь, впрочем, они и отошли то на сотню шагов.

* * *

Темнота. Но глаза уже привыкли и хоть немного, но видят, по крайней мере, Георгий рассмотрел ящики с водкой, с тушенкой и другими консервами. Если бутылку с «Пшеничной» горе-любовнику, от которого воняло мочой, удалось открыть, то, как ни крутил банку с тушенкой, как ее не пытался негромко ударить об угол, чтобы разломать, жесть никак не поддавалась. Поэтому главной закуской стали помидоры и с трудом вскрытая банка с консервированным горошком. Георгий поленился сильно копаться в многочисленных ящиках, иначе он смог бы найти сыровяленую колбасу, галеты, печенье и конфеты, этот дефицит Зина спрятала на самый низ, заставив все остальное пространство склада консервами и овощами.

Выпив две трети бутылки водки, запивая ее «Дюшесом» и заедая нехитрой закуской, перспективный некогда жених осмелел и уже начал строить планы побега. Еще часа полтора назад он трясся от страха, когда неизвестные повесили амбарный замок, стремясь попасть внутрь склада, но столкнувшись с тем, что дверь все равно не открывается, вору отступили, или их кто-то спугнул.

После этого инцидента голосов рядом со складом не звучало, но Георгий понимал, что это временно. Он ждал милицию, но никаких звуков, которые могли бы говорить о том, что доблестные представители советской правоохранительной системы появились, не было.

Сняв большой крюк, который стал спасительным для Жорика, умудрившись железным прутком поддеть накиннутый на дверь замок снаружи, горе-любовник боязливо высунул голову. По непонятному для Георгия стечению обстоятельств, народу не было вообще. Представить такое Жора не мог, он то знал, что в это время, ближе к обеду, деревенские мужики обязательно приходят к магазину, чтобы купить несколько сосуллек и бутылку «чернил», так они называли вино-шмурдяк. После чего эти достопочтенные товарищи распивали благородный напиток от советского пищедрома под двумя яблонями на скамейках у волейбольной площадки.

Никого, тишина, которая и настораживала молодого ловеласа и одновременно пугала. Выбравшись из своего убежища, Георгий решил не испытывать судьбу, а скрыться в кустах. Склад располагался в метрах сорока от заброшенной дороги к озеру, туда он и пошел, цепляя разросшуюся крапиву и колючую ежевику. Когда Георгий вышел к холмам, которых было множество и рядом с магазином, но тут просто повсеместно, он присел, наслаждаясь свежим воздухом и усиленно жмурясь, нахождение в почти темном помещении не прошли даром для зрения и у беглеца сильно резали и щипали глаза.

Резкий шум со стороны ближайшего огорода, до которого было метров сорок и не меньше шести больших холмов, взбудоражил Жорика. Напряжение последних часов и постоянное молчание вынудили Георгия произвольно заорать. Он не хотел привлекать к себе внимание, но так получилось. Взяв резкий старт от приближающегося шума, в котором пуганому парню мерещился свирепый кабан, Жора побежал, как никогда еще не бегал. Он не

видел, что позади его большая собака, которая сегодня утром лишилась хозяев, погнала зайца. Псу с кличкой Рекс был безразличен убегающий человек, собака не ела уже второй день и инстинкты подсказали, что длинноухий мог бы решить проблему домашнего зверя. Хозяева большого лохматого представителя породы «кавказская овчарка» уехали на поминки к дальним родственникам в Казероги и должны были вернуться утром. Собака была на цепи и смиренно ждала своих кормильцев. Рекс умел снимать неплотно прилегающий самодельный ремешок, выполняющий роль ошейника, чем и воспользовался и сейчас бессмысленно гонялся за зайцем, так как догнать длинноухого труса оказалось крайне сложно.

* * *

Крик, послышавшийся буквально в сорока шагах сзади, заставил вздрогнуть и Штейна и Свету. Михаил даже продемонстрировал, что владеет ненормативной лексикой, емко охарактеризовав на великом и могучем свою позицию по сложившейся ситуации. Света быстрыми движениями изготовилась стрелять из лука, привстав только на одно колено. Спортсменка никогда не оттачивала движения по быстрой изготовке к стрельбе, в ее виде спорта спешка была лишней, порой мешала концентрации. Там ценится меткость, а того времени, что дается на выстрел более чем хватает.

— Стой! — достаточно громко и зло прошипела Света, не видя, что и Михаил достал откуда-то столовый нож и уже выставил его.

— Там, там... — притормаживая, но, не останавливаясь окончательно, начал бормотать во весь голос Георгий.

— Ложись! — вновь прошипела Света, уже натягивая тетиву.

Она не собиралась убивать незнакомого ей полутрезвого парня со смазливym личиком, раньше такой мог ей даже и приглянуться, и джинса на нем была стильная, пусть и с душком прелости. Не варенки, а похоже на настоящий «Вранглер». Но сейчас Света, еще и не узнав имени этого парня, испытала к нему брезгливость уже потому, что он трясся от страха. Она, девушка, собирается защищать его, истеричку!

— Ложись, или ногу прострелю! — еще раз громко предупредила девушка и, уже было, прицелилась, но крикун сам упал и кубарем покатился в некогда оставленный еще немцами окоп, превратившийся в ложбинку, тянущуюся по краю всех возвышенностей. Некогда тут была немецкая оборонительная линия.

Георгий не испугался девушки с луком, он ее даже не слушал, он убежал от кабана, который его убьет, как убил Зину, и притормаживал он только потому, что впереди был резкий спуск вниз. Когда беглец все же решился посмотреть назад, ноги его подкосились, и он упал в неглубокую яму, закрыл лицо руками и скрутился в позу эмбриона, ожидая смерти, при этом что-то неосознанно выкрикивая.

— Заткнись! — услышал все же женский голос Жорик.

— А? Где кабан? Вы его убили? — не убирая рук с лица, спрашивал нежданный гость, который подвергал риску весь лагерь, а может и попавших под действие тумана местных жителей.

Пусть до пришлых «варягов» было далеко, километра три по прямой, может и больше, да и ветер дул в лицо так, что звуки не должны были доноситься до странных бородатых мужиков с топорами, но экспериментировать и играть с судьбой, девушка не хотела. И так

эта самая судьба преподнесла такой фортель, что остается только обнять ближайшую березку и плакать.

Михаил удивил Свету еще раз, проявив, по мнению девушки, мужество. Штейн прыгнул в бывший некогда окоп, разжал руки внезапному гостю и вlepил ему сильную пощечину. А пока истеричный парень моргал глазами в непонимании происходящего, вылил на его голову немного воды из армейской фляги, которую всегда носил с собой.

— Кто ты? — видя, что действия Михаила возымели результат, спросила Света.

— Григорий Ризькин, — ответил Жорик, вытирая воду с головы и щек.

— Кто кричал, с вами все в порядке? — по немецкому окопу, чтобы не светиться на открытом пространстве, мало ли какие глазастые низкорослые бородачи, бежал Игорь.

— Нормально, вот выбежал на нас с криками, говорил, что за ним кабан бежит, — сказала Света.

— Еще один? — удивленно спросил Игорь, ни к кому не обращаясь.

Игорь задумался, привстал и осмотрел окрестность, насколько это было возможно. Указательным пальцем подал знак приближающимся «властным всестуденчески избранным» попутчикам молчать, прислушался. Какая-то возня действительно была в стороне яблоневого сада.

В этот раз Игорь демонстративно, чтобы видели все, взял автомат, который достался ему в наследство от милиционеров. Это было сделано и потому, что уже небольшой, но важный опыт, подсказывал о необходимости особой защиты. Ну и потому, что наличие автоматического оружия было самым убедительным мотиватором, как для студентов, так и для всей новоявленной власти, быть договороспособными.

Стараясь тихо передвигаться с носка на пятку, интуитивно выбирая места для очередного шага без веточек, которых, впрочем, почти и не было, Игорь приблизился к месту, откуда и доносились посторонние звуки. Солдат немного расслабился, когда увидел большого пса, терзающего зайца. Рекс проявил настырность, и пес догнал свою жертву, даже не так — он перехитрил зайца. Добыча, которую Рекс никак не мог достать, теперь жадно поедалась. Помесь кавказкой овчарки с местным «кабысдохом», больше взявший от отца-кавказца, подловил длинноухого на противоходе и одним прыжком настиг свой обед.

— Гав, р-р-р, Гав, — отозвался пес, обнаружив человека.

Игорь начал разворачиваться, чтобы возвращаться к наблюдательному пункту, где важно было его присутствие. Один раз он уже оставил «советских демократов» без присмотра и те устроили проблемы на ровном месте своими выборами, сейчас нужно было вложить в головы беспечных молодых преподавателей нарратив необходимой безопасности, который довлел над сознанием Игоря.

— Р-р-р, — приближались глухие звуки.

Игорь резко повернулся, готовясь открыть огонь из автомата, несмотря на то, что ранее категорически не собирался этого делать из-за шума, но то, что он увидел и не сразу осознал, заставило парня улыбнуться. Большая лохматая собака несла в зубах тушку уже изрядно потрепанного зайца.

Подойдя к человеку, Рекс выпустил из пасти зайца, съесть которого у пса не получилось, то шкурка мешала, то трава вплеталась клочьями в мясо. Вспоров брюхо своей добычи, Рекс смог немного отгрызть требухи шустрого зверя, но собака знала, что из человеческих рук куски мяса более съедобны, а ковыряться в неразделанной тушке зайца получается у человека сноровистее, чем у него, всего то дворового пса, пусть и очень

сообразительного и сильного.

Оглядев собаку и ее добычу, Игорь посчитал, что наличие такого охранника необходимо. Зверь учует другого зверя раньше прямоходящих, да и человека собака вычислит быстрее. А пес вызывал уважение. Массивный, с большой пастью, покрытый черно-серой шерстью, он выглядел вдвое мощнее, чем волки, которые напали под утро. Конечно, размеры животного визуально увеличивала длинная шерсть, но и этот элемент мог бы пригодиться в схватке с врагом.

— Ну и как тебя звать? Мухтар, Рекс, Бим? — Игорь перечислял самые популярные в СССР клички собак, заметив, что на «Рексе», пес проявил чуть большую реакцию. — Ну значит Рекс. А что, получается — прямо-таки вождь франков или еще каких германцев.

— Что тут у тебя? — к Игорю подошла Света.

— Ну, зачем ты подошла, а если бы опасность? — начал было ворчать Солдат.

— А, может, я уже хочу с тобой вообще куда-нибудь отойти? У меня тоже стресс и тебе нужно... этот стресс с меня снять, — проворковала Света, целуя парня в щеку. — Ого, какая собака! Ты кто?

— Знакомьтесь, это Рекс, Рекс, это Света, она моя сучка, — представил Игорь псу свою подругу, получив за такое представление толчок в бок. — Ну, чего ты бодаешься, Рексу же понятнее будет, если назвать тебя сукой.

Получив еще раз по ребрам, пусть и не больно, но Игорь подыграл девушке и скорчил гримасу боли. Впрочем, парень быстро выпрямился, поднял зайца и пошел к наблюдательному пункту, пес без напоминаний побрел за новым хозяином. Света глубоко вздохнула, обиженно посмотрела в спину своему мужчине и поплелась следом, борясь с желанием отомстить ему за игнорирование ее, светиного, внимания.

Уже рядом с охающими и ахающими умниками, не обращая внимания на разрастающиеся академические споры, благо дебаты были негромкие, Игорь достал одну из банок тушенки и куска колбасы и, вскрыв банку ножом, вывалил все на траву, приглашая Рекса к трапезе. Что-то непонятное толи прорывав, толи простонав, пес с жадностью накинулся на еду, просто заглатывая большие куски. Не успел Игорь открыть еще одну банку тушенки, уже для себя, так как от запаха тушеного мяса самому жутко захотелось есть, а пес уже смотрит просительным взглядом, моментально прикончив свою порцию еды.

— Ну, брат, чем тебя одного прокормить, проще трех студентов, — Игорь потрепал за холку Рекса и задумчиво добавил. — Но, думаю, от тебя толку будет больше.

— Товарищ Посталовский, — позвал Алексей Михайлович Шац — первый «президент-археолог» — Игоря. — Это же просто удивительно. Вы понимаете, что эти люди имеют просто идентичный набор реконструктора под конец девятого, до десятого века, может немного с датировкой и сложнее, но думаю, что так. Тут и кривичи-полочане, там есть мужчина, с проволочным височным кольцом, трапециевидная подвеска с циркульным орнаментом, как у псковских кривичей, молоточки Тора на шее у некоторых. А один мужчина, видимо, отыгрывает статусного воина, у него серебряная шейная гривна, витая такая, интересная в исполнении. Топоры третьего и четвертого типа по Кирпичникову. А какой драккар построили? Это, наверное, Шведы, наши не умеют, я слышал, что они планировали путешествие по пути «Из варяг в греки», договаривались с Советским Союзом о проекте возрождения исторического пути. Нужно срочно подать им знак, нельзя, чтобы они отплыли. Там и рация будет, чтобы связаться и по реке точно окажемся в Лоеве, помощь приведем.

— Ты идиот? — не зная как реагировать на эти слова, Игорь дал выговориться Шацу. — Еще не понял, что мы в прошлое попали? Какие, нахрен, рации или туристы? Это боевой отряд непонятно кого. Толи славян, может варягов.

— Я уверен, что варягами на Руси называли всех воинов-разбойников, это не этническое определение, а надплеменное, есть мнение... — встрял в разговор Штейн, который и до этого нашел немало дискуссионных вопросов с Шацом, увлекаясь разговором с похожим фанатом истории, что и сам Михаил.

— Миша, не нервируй, а! Ты же уже понял, что мы в прошлом, все изменилось, кроме пространства в версту от лагеря. Нужно думать, как выжить, хоронить погибших. А вы спорите о типах топоров? — Солдат изменился в лице и жестко посмотрел на Шаца, вдалбливая ему каждые последующие слова. — Это уже не игры, эти бородатые туземцы раскатают нас в блин, если только не покосить их из автомата, но патронов очень мало. Сколько подобных путешественников ходит по ближайшим рекам, мы не знаем, а место, где мы расположились — лакомый кусочек, уходить же от сюда, обречь себя на еще более быструю смерть где-нибудь в лесу или болотах, с кишачными хищниками. И, либо мы работаем вместе, либо я сейчас же набью тебе морду и уведу запутавшихся подростково-студентов в более безопасное место, хоть и силой.

— Мы имеем право самовыражаться и самостоятельно выстраивать свою жизнь. То, что ты делаешь... это насилие, люди сделали выбор, я их представитель, мне делегировали власть, — несмело, низким голосом, и пряча глаза, возразил Шац.

— Да мене плевать и на выбор и на право, людей нужно спасти и нужно работать, много работать. Уже почти шесть часов прошло с момента атаки, что сделано? В лагере бардак, тела вот-вот начнут разлагаться, студенты прячутся под деревом, подальше от трупов. Работает только Ольга, — всплыв, но постепенно беря в себя в руки, говорил Игорь. — Для меня не важно, кто президент, кто Верховный Совет, только времени на съезды и говорильни нет, может после, но и то вряд ли. Будьте хоть тори, хоть виги, как в английском парламенте, но работу и безопасность обеспечьте, иначе всем конец. И те, кто пошел за тобой из-за тебя, твоей нерешительности, и сгинут. Ты представляешь, что и как можно говорить этим бородачам? Будут ли они вообще слушать? Давай, Леша, работать, а не меряться харизмами. Вот она — опасность! Приехали неизвестные вооруженные холодным оружием дикари, которые, уверен, горло перережут и здравств не скажут.

Игорь перехватил бинокль у Михаила, всем видом показывая, что разговор закончен. Шац же молчал, но его лицо было не злым или обиженным, он думал. Истерия первых кооперативов, гласности, новых веяний воодушевлял советских людей на изменения в стране и себе, особенно на фоне постоянно дефицита и импатентности власти.

Ветер перемен захватил молодого преподавателя, который еще только заканчивает учиться в аспирантуре. Там, в Минске многие рвутся к новой свободной жизни. Идея строительства коммунизма изжила свое, создавая вакуум в идеологических штампах, туда, в эти образовавшиеся ниши бурным потоком полилась новая идея, которая постепенно завоевывала битву за умы молодежи. Идея свободы, выбора, альтернативы. Она считалась впечатлительными романтиками единственно правильной, безупречной, как, наверное, считали правильными люди в феврале, а после и в октябре 1917 года и свои идеи. И условия для принятия этих идей были идеальны: за взгляды и разговоры не осудят, само государство пытается лавировать между социалистическими идеалами и новыми, привнесенными недавно. А на горизонте сытая и богатая жизнь, как на нерушимом Западе, отсутствие

дефицита и свободный рынок, открывающий колоссальные перспективы для самореализации.

Таким был Шац — романтиком, которому судьба подкинула возможность что-то сделать в маленьком коллективе. Алексей, будучи все же материалистом, несмотря на то, что подвергся новой моде на религию, был уверен, что происходящее здесь и сейчас объяснимо. Вбитое в детстве и юности понимание величия Родины, что она способна на многое, самая могущественная, удивительным образом сочеталось с мыслями об истинной демократии. И это великодержавное чувство не оставляло сомнений, что вот сейчас, скоро, утром, может к вечеру, или завтра, но их заберут, не могут забрать. Как вера в государство соседствовала с демократическими идеями индивидуализма, на первый взгляд сложно представить. Но примером такого соседства антагонистских подходов могло бы стать отношение к милиции, которую все ругают, но случись что, ждут и надеются на нее. И ладно бы студенты исчезли, но пропал Колосов, а первого секретаря Обкома, точно будут искать.

Иступленная речь Солдата приземлила Шаца на многогрешную землю, не до конца, не в той мере, чего ждал от Алексея Игорь, но частью он понял свою неправоту. Нет, не то, что были выборы, что он президент маленькой, но его, республики, он не сомневался в правильности демократических норм даже в такой ситуации. Другое важно, — нужно работать. Пусть милиция и следственные органы пеняют на себя, что так долго ехали, если вообще приедут, но погибших захоронить нужно. А то, что ситуация может быть надолго и что они стали частью государственного эксперимента по переносу в прошлое, как в книге Уэлса, ну или более подходящего фантастического произведения про янки, которые оказались при короле Артуре, то это уже точно.

— Я понял тебя и услышал, прошу не давить на меня. Есть предложения, какую систему создать? Иерархия нужна всегда, — спокойно, уверенно сказал Михаил после долгой паузы.

— Есть вы, есть мы, есть местные. Нужно всем быть вместе. Как только отъедут бородачи, необходимо поговорить, — Игорь уже без пренебрежения смотрел на Алексея, увидев в молодом мужчине зачатки того, что делало в Афганистане вчерашних пацанов-фантазеров или романтиков войны бойцами советской армии.

Солдат уже хотел было пойти в лагерь, дать указания Алику, чтобы тот нашел Шишона, который должен был охранять магазин, но усмотрел в бинокль новое действие у бородачей.

На обрывистом берегу, рядом с кораблем высыпали два десятка воинов, а мужик с той самой серебряной гривной на шее возносил свои руки к небу. Другие «варяги» вторили ему, повторяя движения и проговаривая какие-то слова, в центре же образовавшегося круга на коленях сидел еще один персонаж этой, как понял Игорь, трагической пьесы. После минуты ритуальных действий, главарь пришедшей ватаги, которым, несомненно, был рослый мужик с массивным украшением на шее, достал нож, как бы продемонстрировал его небу и ловким, отточенным движением, вогнал лезвие в шею сидящему в центре круга, на вид, молодому парню, который тотчас рухнул на землю под ликование собравшихся.

Вдруг, воин с гривной посмотрел в сторону Игоря и застыл на месте. У Солдата подступил комок к горлу, но оптику парень не бросил. Такая игра в гляделки продолжалась не меньше полминуты, когда, наконец, воин отвернулся и стал отдавать распоряжения, активно при этом жестикулируя руками. Все бородачи стали споро собираться и залазить на корабль по перекинутой грубо оттесанной доске.

— Алексей, взгляни! — передал Игорь оптику Шацу.

— Это они своего так? И забрали одежду? Он же голый, кровью все залило, —

комментировал увиденное преподаватель, уже не проявляя научного интереса, а пытаясь осмыслить, что должно ему сказать все увиденное.

— Что думаешь? — спросил Солдат, как только Шац отставил бинокль, со словами, что корабль готовится к отплытию и большой камень уже вытянули из воды.

— Не знаю, но в чем-то ты прав, подвергать опасности студентов, нельзя. А то, что вокруг опасно, это точно. Я думаю, что... — задумчиво начал говорить Алексей.

— Мне кто-нибудь объяснит, что тут происходит? Я требую уважения! Где милиция? — перебил Шаца воняющий человек, который вылез из бывшего окопа и теперь вызывающе смотрел на всех присутствующих.

— Заткнись! — синхронно выкрикнули Игорь, Алексей и Света. Михаил было попытался что-то тоже прокричать, но был опережен и не стал попусту сотрясать воздух.

Однако, Георгий, определяя людей рядом с ним, как адекватных, тех, перед кем можно и проявить себя, пригрозил отцом, который в Лоеве не последний человек, набрался смелости и начал не просить, а требовать. И отведите меня и уважения ему и вообще, если он захочет, то и первый председатель Обкома партии Колосов ему не указ. Причем крики Жорика становились все более громкими и разносились на округу, лагерь точно слышал эту истерику. Игорь привстал и без замаха, как это умел делать, ударил Жорика. Солдат посмотрел на Шаца, но тот, только поглаживая свой подбородок, не выказывал возражений.

«Диктатор, так диктатор, но вот так по морде, оказывается, самый действенный способ купировать опасность быть услышанными» — думал Солдат, нежно, что и Света могла позавидовать, укладывая тушку обмякшего Георгия на траву.

При подходе в лагерь, Игорь был немного удивлен: он не услышал уже такой привычный гомон, крики, споры. Парень четко осознал, какое уныние царит в оставленном им месте дислокации студентов-археологов меньше часа назад. Недавно жаркие дебаты о системе внутреннего управления сменились всхлипываниями и завываниями.

Картина в лагере, в котором два вечера царило счастье и веселье, поблекла красками и превратилась в «Черный квадрат» Малевича с непроглядной чернотой. Непонятным было то, что раньше таких слез, грусти и упаднического настроения не было, даже сразу после атаки тумана, а сейчас уныние и печаль стали как будто осязаемы. Может студенты были заняты ранее чем-то отвлекающим их сознание, или принятие действительности из-за невероятности событий было затруднено. Скорее всего, многие ребята просто не смотрели на тела, которые были укрыты одеялами, плащ-палатками или покрывалами, а чего не видно, того и нет и одноклассники просто ушли на раскоп, к вечеру вернуться... А то, что не цепляется глазу, того и нет вовсе. Но все же что-то должно было послужить толчком для того, чтобы все выжившие стали в унисон рыдать. Делают это студенты тихо, чтобы не привлечь внимание кого-то или чего-то, большинство напугано до судорожных спазмов.

— Что произошло? — по-хозяйски осведомился Алексей Михайлович.

— Вика умирает, все умрут, — сообщил информативную новость заплаканный парнишка, от чего у Игоря появилось еще больше вопросов.

— Что случилось? — Солдат взял рыдающего парня и потряс за плечи, приводя того в чувства.

— Вика ушла в кусты, а там змея ее укусила, она вернулась, а Николай Дмитриевич ей яд отсосал, — начал рассказывать парень.

— Это да, он такой, отсосать... ну я имею в виду яд, — сказал Алик, подошедший к Игорю сразу, как только тот показался в проходе между кустарников.

Послышались приглушенные смешки, да и рыдание почти прекратилось. Театр абсурда, да и только. От горя к веселью одна пошловатая реплика.

Игорь же направился к командирскому столу, возле которого лежала та самая Вика — полноватая рыжая девушка с просто огромным количеством веснушек. Рядом с солнечной девушкой лежал Николай с закрытыми глазами.

Выслушав краткий рассказ сбивавшегося с повествования полноватого парнишки, Игорь засмеялся. Солдату действительно было очень смешно, что «вице-президент», по совместительству, лагерный отсосун, уже приготовился к смерти от того, что не сплюнул яд, который вроде как высосал, а проглотил его. Яд гадюки при проглатывании, скорее всего, не подействует, так как будет сильно разбавлен и слюной и желудочным соком, да и для этого нужны ранки в ротовой полости. Но самым желанным, пусть и некрасивым, было разразиться смехом над девушкой. Игорь не мог заставить себя быть серьезным, так как укус змеи был прямо, так сказать, «на тазе» полненькой рыжеволоски.

Однако смех смехом, но Игоря учили действиям после укуса змеи при переподготовке в учебном центре в Фергане после уже года службы. Парень бесцеремонно перевернул девушку, которая опасливо смотрела на Игоря, но безропотно поддалась. Спустив трусы, обнаружив характерные следы укуса, он надавил на кожу вокруг двух ранок, но ни жидкости

яда, ни сукровицы не появилось, пришлось скочырнуть ранки, и уже тогда показался яд. Игорь укоризненно посмотрел на, уже сидевшего и наблюдающего за действиями парня, Николая, и стал высасывать яд, готовя остроумные ответы на попытки подначить уже его самого. Для всех необходимых процедур понадобилось минут десять под всхлипывания и болезненные стоны рыжей, которые при бурной фантазии пубертатного подростка можно было спутать с некоторыми иными особенностями межполовых отношений.

Солдат высасывал яд, однако, было понятно, что прошло больше пятнадцати минут, и отравы уже начала всасываться в кровь. Однако, действия не были бессмысленны, часть яда удалось извлечь, значит больше шанса пережить отравление с меньшими последствиями.

— Оля! — обратился Игорь к стоящей неподалеку главному медику лагеря, что так же пришла посмотреть на действия парня. Она молча наблюдала, было видно, что она боится собаки, а Рекс не отходил от Игоря ни на шаг. — Перекисью водорода обработать и пластырь наложить. Ее может тошнить, кружится голова, подняться температура. Движения никакого, напряжения на сердце никакого. А так жить будет. Вот только Николай может умереть, но не от яда, а от мнительности и похотливой фантазии.

Николай Дмитриевич, вице-президент первой археологической республики, понял, что Солдат его высмеивает. На удивление преподавателя, послеслов Посталовского, он резко стал чувствовать себя хорошо. До этого и голова кружилась, и какое-то недомогание было, даже казалось, что температура поднимается, а сейчас, ничего. Николаю стало стыдно, но он попытался оправдаться тем, что ночь не спал, а отдыхать нужно всем. Однако, некоторый авторитет Николай потерял и сам это осознавал. Ну а оправдания про сон, когда все студенты были его лишены из-за ночных событий, вовсе выглядели проявлением слабости.

Пока Игорь занимался спасением рыжеволосой полнушки, Алексей Шац уже поговорил со своим электоратом, и лагерь, наконец, начал оживать. Студенты ходили, как лунатики, никто не мог поверить в то, о чем только что услышал, но работа началась, пусть и вялотекущая. А трудотерапия иногда творит чудеса в области профилактики и лечения психологических травм.

Путешествие во времени выглядело столь фантастично, что, если бы об этом не рассказал студентам преподаватель, который год вел у них коллоквиумы и семинары, то посчитали сказанное глупой шуткой. Многие, если и не все, надеялись, что очень скоро прилетят вертолеты, приплывут корабли, прилетят ракеты или разверзнется земля и оттуда появится поезд метро с улыбающимся машинистом. Тогда оживут павшие и под дружный смех, студенты отправятся домой. Нет!

— Алексей Михайлович, Лидия Владимировна, — уважительно позвал лагерную власть Игорь.

Недовольная девушка и сосредоточенный Шац не стали возмущаться, что их отрывают от работы, а сразу же подошли, пусть Лида и надела маску неприятия и даже высокомерия.

— Ребята, — Солдат уже решил максимально сгладить углы, по крайней мере, для того, чтобы работа по выживанию началась. — Нужно ускориться и быстро похоронить погибших. Боюсь даже представить, сколько живности придет сюда уже ночью, если не раньше. Те же волки из тумана.

— Это сколько копать могил? — возмутилась Лида, но аргументов про милицию уже не приводила.

— Есть яма для мусора, она большая, правда и туда все не вместятся, так что пять парней отрядить сделать большой костер и остальных павших спалить, волков тоже, —

сказал Игорь и приготовился выслушивать контраргументы.

Лида, неожиданно для всех, в том числе и для себя разрыдалась и убежала, а Алексей просто махнул рукой, перекладывая ответственность за принятие такого решения на Игоря.

Через двадцать минут был организован наблюдательный пункт на двух холмах — на могильнике и том, что на напротив лагеря. Оказалось, что в лагере было четыре в той или иной степени исправных оптических прибора. Один — это бинокль у Игоря, еще один, наверное, времен войны, был у Николая, а так же в экспедиции было два нивелира, которые пусть и неудобные для наблюдения, но приблизить отдельный объект и держать его под контролем вполне можно.

Алик же отправился вместе с Костей в деревню. Игорь видел трактор с прицепом, который стоял рядом с одним из перенесшихся в прошлое домов. Возможно, там есть и тракторист, потому как вещей оказывается не много, а очень много и оставлять все конструкции нельзя, каждая доска, каждый столбик нужен, да и туалеты перевезти не помещает. А еще и инвентарь, армейские палатки, даже дрова нужно перетащить, те, которые останутся после сожжения тел. Павел Петрович уже должен был переговорить с оставшимися местными жителями, что перенеслись вместе с лагерем в прошлое, ну, скорее, всего туда, разум все равно борется и не принимает ситуацию.

— Говори с Шишоном и с Павлом Петровичем, они тебя знают, возьми парней. Арнольда тоже, пусть в сторонке постоит, внушительный вид качка должен прибавить немного уважения, только чтобы не зацепили его, иначе опозоримся, — давал наставления Игорь.

— Так-то он дерется хорошо, говорил мне, что сильно собак боится с детства, а тут волки, — заступился за своего друга Алик.

— Ну-ну, — скептически ответил Игорь.

Лида, выплакавшись, продемонстрировала все свои таланты руководителя и организатора. Успевала везде. Где подгоняла, где показывала пример. Бросаемые командиршей украдкой взгляды, Игорь игнорировал, он уже подобрал пять парней, которые должны были поехать с ним на городище и сгрузить уже наваленные в грузовик вещи, никакого желания разговоры разговаривать с бывшей командиршей не было. Парни могли и сами пойти к деревне, но пока в целях безопасности, лучше самостоятельно не передвигаться никому. Наверху же, где и предполагается размещение нового лагеря, парни останутся одни, с ними будет Костя и ему Игорь решил доверить один из пистолетов. Да — опасно, да — оружие не игрушка, но и быть нянькой для всех просто непродуктивно. Никто не умеет водить грузовик, а будет ли помощь в виде трактора с прицепом, вопрос. Да и с этой помощью придется делать не меньше трех рейсов туда и обратно.

Мужская часть лагеря все же пошла вперед, после того, как наблюдатели дали отмашку, что все нормально и нет никаких посторонних. Через пять минут выехал и Игорь. Дорога к городищу казалась идеальной, относительно той, что была в день заезда студентов. Много щебня, где-то подсыпан песок, никаких бугров и ям.

Разгрузились быстро, прямо в поле, где колосилась рожь. Постарались, конечно, складывать вещи ближе к обрыву, в деревьях и кустах, разгоняя куропаток, но немного подавить важный ресурс-колосящееся поле, способное даровать хлеб, пришлось.

Заезжая на гору, Игорь увидел чуть вдали и Алика с парнями и человек двадцать деревенских, впереди которых были Павел Петрович и еще два мужика. Максимально снизив скорость, чтобы рассмотреть происходящее, Солдат увидел, как ему махает Алик.

Жестикоулящая переговорщика была вполне приветливая и не несла негатива или предупреждения об угрозе, поэтому Игорь продолжил начатую работу. Юноши станут мужчинами только самостоятельно, своими поступками, Игорь подумал, что сильно опекает студентов, а тут немало парней, но работы еще больше, пусть учатся и сами принимать решения.

Когда уже Игорь грузился на вторую ходку, послышался стрекот мотора приближающегося трактора и Шац, дал указание большей части девушек отравится, в сопровождении четырех парней, а так же Светы и Тани с луками наготове, на городище, их нахождение в лагере было уже бесполезно, только нагнетали обстановку, то и дело всхлипывая, рассматривая, как бесцеремонно, с каменными выражениями лиц, уже бледные от постоянных рвотных позывов, парни бросают тела в выкопанную еще до заезда яму для мусора. Туда могло влезть не больше четверти погибших, с учетом того, что нужно хоть как прикопать, иначе зверье спокойно разроет тела и тогда смысла в погребении будет меньше, чем никакого. Да, нужно было нормально похоронить погибших, да, можно было и ямы по быстрому выкопать, если бы работа началась с утра, но страх перед вероятным ночным нападением зверей, побуждал Игоря принимать быстрые решения, может и ошибочные.

— Ты Солдат? — спросил шуплый мужик лет за сорок.

— Я! А Вы кто? — просил Игорь мужчину, который лихо выпрыгнул из кабины трактора.

— Рыгором кличут, так-то Григорий Митрофанович я. И ты Рыгором зови, — не чинясь, мужчина протянул парню руку, которую тот пожал.

— Нормально, рука крепкая. Мне Паша говорил, что ты тут адекватный и можно разговоры говорить, — умные, прозорливые глаза пронзили Игоря, словно рентген, парень чуть ли не физически почувствовал облучение от взгляда моховца.

— Поговорим, дядя Рыгор, но после, уже... — Игорь посмотрел на наручные часы. — Четыре часа, а до темна многое нужно успеть.

— Добро, парень, только не «дядькай» на меня, зови Рыгором, — мужчина улыбнулся и обратился уже к студентам, которые наблюдали за приездом трактора с большим интересом. — А ну, хлопцы, грузи скарб.

И Рыгора послушались, быстро закидывая наспех скрученные палатки, одежду и все, что лежало сгруженное у дороги.

— Солдат, а проблем с местными не будет? — спросил Алексей, который подошел к Игорю в сопровождении Николая, как только Рыгор залез в кабину трактора.

— Будет, — спокойно ответил Игорь, потом улыбнулся и добавил. — Со всеми будут проблемы, у вас со мной, у меня с вами. Вот нам и нужно научиться жить вместе, общежитием. Чую своим

седалищем, что мы надолго тут и пусть я ошибусь, и уже ночью буду лежать в ванной с чашечкой кофе.

Оба преподавателя почти синхронно кивнули головами. И Николай, и Алексей, смогли уловить некую угрозу своему статусу. Не сложно было понять, что деревенский житель Рыгор просто будет их игнорировать, как, вероятно, и остальные сельчане, которые не поймут ни выборов, ни того, что нужно подчиниться избранным студентами лидерам. А вот с Игорем, как жестким и решительным человеком, общаться станут. Получалось так, что Игорь может стать чуть меньшим из зол. Ситуацию позже два друга обсудили, согласились, что нужно держаться Солдата при противопоставлении деревенским, но обязательно

работать со студентами и не теряться, быть более деятельными. Игорь будто бы принял их статус президента и «вице», пусть у Шаца все еще и побаливает челюсть и раскрошился зуб от общения с этим солдафоном.

Грузовик и трактор почти одновременно приехали к месту будущего лагеря, к приятному удивлению Солдата, там уже были деревенские и помогали разгребать вещи. По мнению Игоря, это было рискованно, еще не сложились окончательно отношения между разношерстными группами путешественников во времени, чтобы продемонстрировать имущество. Но как не вглядывался парень в лица местных жителей, не смог разглядеть заинтересованности или алчности, напротив, две женщины только и приговаривали, что нужно ближе к деревенским домам располагаться на ночь, а девочек попробовать расселить по хатам. С девочками идея казалась здоровой. Игорь посмотрел на Свету, которая активно участвовала в распределении по кучам вещей и инвентаря и понял, что отправлять девушку в дом к деревенским не хочет, лучше уже в палатке в новом лагере, но с ним.

— Поговорим? — к Игорю подошел Павел с Рыгором и еще одним мужчиной лет тридцати пяти. — Зови кого из своих, если надо.

— Двое еще в лагере, хоронят погибших. Я Павлу рассказывал, у нас много погибло, — сказал Игорь, но он не был намерен ждать «президентов», а вот Умника-Мишу посчитал правильным позвать. — Михаил иди сюда.

— Послушайте вначале наши предположения и выводы, Миша изложит, надеюсь кратко. Только не терзайте мальчишку, он не виноват, что таким умником родился, а я пока сделаю еще одну ходку в лагерь, там хватает вещей, — сказал Игорь и пошел к машине.

Рассказа Штейна хватит на полчаса точно, а «великое переселение археологов», сейчас уже скорее «архиолухов», нужно быстрее заканчивать.

В лагере оставалось уже не больше тридцати человек и в основном парни, которые разбирали столы и навесы. Игорь не хотел выходить из машины, считая, что грузчиков хватает, но Лида уже бежала к грузовику, и пришлось парню выбираться из кабины.

— У нас проблемы, Игорь, — выпалила она, и Солдат сразу же подобрался.

— Ну, что? — спросил он с нетерпением, вылезая из кабины и прихватывая автомат с пассажирского сиденья.

— Одна девочка вскрыла себе вены, а еще один студент, наверно, сошел с ума. Сидит и молчит. Его никто не трогал с утра, не обращали внимание. Ну, сидит и пусть, всем тяжело! Но он молчит, а глаза стеклянные, — рассказывала Лида, уже на ходу, показывая дорогу Игорю.

Нет, парень не знал что делать, он ни разу не психиатр, с такими явлениями не встречался. Пацаны по армейке говорили, что видели солдат-первогодков, которые сходили с ума после первого боя, но Игорь таких не встречал, его быстро определили в спецвойска.

— А что Лешка с Колькой? — не смог удержаться от подначки парень, но ответа не дождался.

Лида вела Игоря в госпиталь, который собирались перемещать, прежде всего, пациентов, которых оставалось семь, были уже и в этом месте смерти. Собирались поставить на горе армейскую палатку. Однако, деревенские, наверняка предложат иной вариант для раненых, по крайней мере, Игорь поспособствует.

— Игорь, ты это... извини. Мы с Костей поссорились, я была частично не права, но только частью. И не вини Нечаева, я его просила, — повинилась Ольга, а Игорь догадался, что Нечаев и есть Костя. — Хорошо, что Ирка не знает, как правильно вскрывать вены. А так

решаемо, уговорим, а потом девчонки присмотрят, мы ей стакан водки налили. А вот, что делать с Сашей, не знаю.

— А его водкой накачать пробовали? — спросил Игорь, всматриваясь в глаза парня.

Это был полный парнишка невысокого роста с густыми черными волосами, которые завивались в кудри. Игорю стало жалко его, почему-то именно сейчас по его щеке скатилась слеза. Горы трупов студентов, убитая продавщица, героическая смерть Анны Кондратьевны, вот ничего не вызвало слез, а сейчас Игорю самому хотелось сесть в сторонке и расплакаться, его психика тоже конечно, он всего то человек. А как же тогда студентам? Этот парень, казалось, являл собой квинтэссенцию случившегося и сейчас творящегося вокруг.

— Думаешь, что нужно влить ему водки? — с сомнением спросила Ольга.

— А что, хуже будет? — ответил вопросом на вопрос Игорь, а голос предательски дрожал.

— А может и тебе? — спросила Оля и что-то рассмотрев в лице парня пошла в угол палатки-госпиталя, где звякнуло стекло и в руках девушки появилась бутылка «Столичной».

Не говоря ни слова, Игорь быстро вскрыл бутылку и стал пить, но быстро закашлялся. Лида и Оля, молча и с пониманием, и даже с одобрением в глазах смотрели на молодого мужчину, который проявил свою человечность и показал, что умеет чувствовать, просто он очень сильный и не показывает своих эмоций. Кому-то же нужно быть сильным в этом аду.

— А как раненые, как Артур, как укушенная? — спросил, откашлявшись, Игорь, водка, хоть и не принесла опьянения, но взбодрила хорошо.

— Да с ней все хорошо, передумала умирать, с температурой, но вроде бы нормально все. А Артур приходил один раз в себя, попросил укол из его аптечки и снова отрубился. Но пульс в норме, давление нормальное. Слаб, ему бы переливание сделать, да куда нам. А нога покраснела сильно и немного синее, думаю, чистить придется, возможно, гноение, температура повышена, но не критично, — словно заправский доктор описала состояние своего пациента-бойца, которое Игоря, командира, очень волновало, он рассчитывал на опыт кgbэшника. Пусть Солдат и сам служил в элите, но перед чекистами всегда испытывал некий пиетет.

Другие раненые были в разной степени плохи, в сознании был только один студент, который постоянно стонал, но делал это, как-то стесняясь, в полголоса.

— Девчонки, вы сами-то как? — спросил Игорь, протягивая бутылку, но девушки отмахнулись от алкоголя. — Восьмерых, я так понимаю, потеряли уже.

Ольга, передумав, с сильным резким движением забрала водку у Солдата и сделала большой глоток, после которого скривилась и, словно повторяя ранее виденное, занюхала рукавом спортивной кофты.

— Давайте сделаю последнюю ходку и будем перевозить больных, — решил Игорь не развивать дальше тему. — А парня напоите водкой, в Афгане не видел, как сходят с ума, но видел, как лечат психику спиртом.

— Солдат, как там дела? — спросил Алексей.

Шац все больше казался Игорю адекватным, нет, все еще неуважаемым за то, что не был в момент нападения на вверенных, в том числе и ему, студентов, да и, услышав звуки бойни в лагере, не прибежал спасать, по своему психотипу еще мальчиков и девочек, но выбитый зуб явно идет преподавателю на пользу.

— Ты сможешь оставить тут Лиду и Колю, а сам со мной наверх. Там сейчас идет

серьезный разговор с местными, пока Умник проясняет обстановку, но думаю уже пора и нам присоединиться, — сказал Игорь.

Парень уже собирался идти к машине, но его вновь окликнули, в этот раз Лида. Девушка дождалась, пока Алексей уйдет вперед, только после начала разговор:

— Игорь, ты извини, я дура, просто испугалась отношений. Ты мне нравишься. Моя ошибка, тебя не виню, что в тот же вечер...

Игорь только что-то хотел сказать, но Лида перебила его и продолжила:

— Стой! Ничего не говори, пожалуйста, я выпила, а от алкоголя становлюсь просто неадекватной, вот и бегала голая перед всеми, тебе нагрубил, с Колей... Я понимаю, что ты со Светой, она нормальная девчонка, при деньгах, но ее высокомерие только для виду. Я... да иди уже, спасай нас, но рушить демократию и запрещать гласность и право на выбор не позволю!

— И я! — выкрикнула Оля, услышав последние слова Лиды, которая те произнесла нарочито громко, но обе девчонки скорее говорили про выборы с юмором.

В кабине грузовика Игорь чуть не пожалел, что начал более уважительно относиться к Алексею. Тот засыпал парня вопросами о местных, как с ними общаться, можно ли тех привлечь к демократическим процедурам, или вообще жить от них отдельно. Солдат уже думал, что игры в «демократию» закончились, но нет, хорошо, что хоть пришло понимание о необходимости работать и создании нормального механизма принятия решений. А там народная сельская демократия от моховцев точно поколеблет веру Шаца в демократические нормы и процедуры. В деревне, как казалось Игорю, проще общение между людьми.

Подъехав к месту разгрузки, Игорь предложил выкопать глубокую яму рядом с более-менее густым кустарником для костра, чтобы не было видно яркого огня издали, нужно было хотя бы разогреть тушенку. Алексей артачился, приводя доводы, что тут городище и нельзя нарушать культурный слой, что можно и подальше во дворах домов распалить костёр, но Игорь был настойчивым, ему сейчас казались неуместными аргументы преподавателя-лаборанта и тот сдался. В конце концов, если они все же в прошлом, то именно их поселение и станет прямо сейчас создавать тот самый культурный слой.

А чуть поодаль от места будущего лагеря, или, по крайней мере, расположения, стояла большая группа из человек пятнадцати в основном взрослых, даже престарелых деревенских, шпионских было не много. Все они обступили Михаила и тот самозабвенно что-то вещал своей аудитории. Подозрительным было то, что шпана Шишона представлена только малой частью парней банды и одной девчонкой, а вот остальных нигде не было видно.

— Павел, — выцепил из толпы мужчину Игорь. — А где Шишон и его пацаны?

— Тут, Солдат, такое дело... — Павел замялся. — Там четверо взломали магазин и принялись бухать, а Шишон начал наводить порядок и парни побутькали Демьяна. Нет, я вписался и одному прострелил ляжку, так они попросили сами разобраться в своей банде.

— Поубивают друг друга? — с некоторой тревогой спросил Игорь.

То, что Шишон слово держит, это хорошо, но наличие крыс в его компании, это проблема и очень большая. Отдавать все на откуп Шишону и его оппонентам не хотелось, но еще меньше хотелось лезть в местные расклады. Тот же Павел, наверняка, будет против, а он мужик тертый, да и на вид другие деревенские тоже не забытые студенты. Есть кого под ружье поставить, но это уже усобица в, итак маленьком коллективе.

— Да не переживай, они уже бухают мировую, меня звали, но не время сейчас, вот завтра, если что прояснится, так ужрись, точно. Ты не обижайся, но пол ящика я себе из

магазина забрал, — Павел сделал паузу, оценивая реакцию Игоря, но удовлетворившись, что Солдат не начинает возражать, продолжил. — У магазина будут дежурить мужики по очереди, все равно там выход дубравы и нужно присматривать, никто больше ничего не возьмет, только два ящика водки то и пропало, да банок десять икры с хлебом.

— Нам по харчам нужно тоже что-то решать. Лучше вместе столоваться, нас меньше двух сотен всех выживших с вами. Есть две полевые кухни, назначить какую смышленную из ваших женщин, как главную по столовой, да наших девок в помощь ей дать. Все равно женской работы не так, чтобы много, — предложил Игорь, смиряясь с меньшим из зол, что уже часть спиртного ушло на сторону, как и продуктов.

— Дельно! Однако, пошли-ка к людям, а то твой Миша может и сутки болтать. Ох, и разумник какой! — сказал Павел и направил рукой Игоря, который в свою очередь махнул Алексею, чтобы присоединился.

У Солдата появлялось ощущение, переходящее в убеждение, что вся эта «демократическая камарилья» становится балластом и именно он ее тянет к формирующимся центрам принятия решений. А можно и обойтись. Но оттереть Шаца и Николая не решался, еще один удар по студентам, заключающийся в том, что их не слышат и не воспринимают всерьез, был неуместен и несвоевременен.

— ...бифуркация пространства, мы попали в пространство-временную аномалию. Физически это возможно, советские ученые говорят о таких явлениях, как о вероятности, — просвещал деревенских и с пяток студентов-бездельников Штейн.

— Миша, давай про теории вероятностей потом, к сожалению, но судя по всему, у нас будет много времени, если только не сгинем. Но, как говаривали наши предки: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», — прервал Михаила «оптимист» Игорь.

— Да ты, парень, прямо надежду вселяешь, — усмехнулся рослый мужик, сантиметров на десять выше Игоря и с явными признаками спортсмена.

Рядом с этим мужчиной стояли двое — парень лет двадцати и рослый, медведеподобный мужик с коротко стриженными волосами и черной, ухоженной бородой. Если парень походил больше на спортсмена, коим, наверняка, и являлся, то бородатый мужик выглядел грузным, но мощным человеком, забросившим спорт, но периодически тягающим гантели.

— Так, как там малец назвал нас, «хронопутешественники»? Мы, моховцы, уже давно и местами даже больно, знаем друг друга, с Викентием, извини, Рогом познакомились, с сыном его Степаном с Большим знаемы и ранее были. Что делать никто не понимает, но знаю одно, что держаться нужно разом, одним колхозом. И мальчикам никто сопли подтирать не станет. Пускай они сами по себе, лезть не станем, если все по уму, отпускать же вас так же нет желания, сгинете. Так что нужно строить новое общество, — выступил вперед Рыгор, начиная сложный разговор.

— Будь умнее и не двигай демократию в массы, тут не поймут, — шепнул Игорь Шацу на ухо, но Алексей и так уже проникся видом взрослых мужиков и умудренных женщин, тут преподавательским авторитетом не продвинешь идеи альтернативного избирательного процесса.

— Я видал, что у тебя, парень и автомат имеется и пистолет. Не поранишься случаем, или в кого стрельнешь по неразумению? — спросил тот же Рыгор, который выступал своего рода застрельщиком на переговорах, прощупывая своих оппонентов.

Нельзя просто назваться лидером, нельзя и быть слабым лидером. Люди должны

понять, почему они станут идти за предводителем. Игорь уже сомневался, хочет ли он брать всю полноту ответственности за людей, на фоне студентов, он точно выглядел грозно, мужественно, выше большинства. В сравнение с мужчинами и женщинами, умудренные опытом, прошедшими разные жизненные перипетии, точно не сверкал огнем, но и потухшим угольком парень себя не считал. Да, Павел, Рыгор, да и тот, кого тот назвал Рогом с мужиком рядом, больше тянули на авторитетных предводителей, но... И, искать это «но» Игоря заставляло осознание, что полностью подчиниться ему будет сложно. Вот хоть бы кто из присутствующих был действующим офицером либо в отставке, то было бы проще, на службе субординацию вбивали жестко и на всю жизнь, а так...

— Есть и автомат и мысли, как вооружиться от зверя и что делать. А стрелять умею, счет «духов» за пятьдесят перевалил, когда я сбился, — Игорь задумывался над несуразностью следующего поступка, но все же решил представиться по форме. — Старший сержант отряда специального назначения Генерального разведывательного управления, общий срок службы пять лет, направлен в запас.

Солдат непроизвольно принял по стойке «смирно».

— Вольно, солдат, — слово взял бородатый здоровенный мужик. — Паша рассказывал, как ты и Шишона проучил без падения авторитета, узнали мы и о том, что часть тех волков, что напали на вас, тоже ты упокоил, так что не тянись, парень, слушать будем, не погоним.

Игорь посмотрел на Шаца с осуждением, складывалось впечатление, что деревенские неплохо осведомлены о происходящем в лагере, скорее всего, посетили его, когда Солдат был занят, или наблюдал за странным кораблем, а президент либо не рассказал Игорю, либо и сам не осведомлен.

— Что предлагаешь, Старший сержант? — спросила дородная женщина лет сорока, ногу которой обнял мальчуган пяти лет, не больше.

— Предлагаю объединить усилия и жить, как, если бы навсегда. Миша рассказал вам, что были пришлые бородачи, они убили парня, тело которого еще лежит у Днепра и можно увидеть в оптику, — начал Игорь излагать свои предложения.

— Димка, а ну иди, погуляй! — сказала женщина, которая только что сама просила Игоря говорить, а сейчас посмотрела не его укоризненно, что тот при ребенке о смертях рассказывает.

— Нужно объединиться, собрать все ресурсы, укрепиться, начать охоту и следить за уцелевшими огородами. Что можно сохранить из консервов, сохраняем, времена могут быть разные, — слова Солдата вызвали оживление и интерес, но не было в лицах деревенских протеста.

Слушателей становилось все больше, к ним присоединились еще трое из банды Шишона, да и он сам ковылял, прихрамывая на левую ногу, со стороны одного из домов. Подтянулись и некоторые студенты, Света подошла и взяла Игоря за руку, демонстрируя толи поддержку, толи права собственности на парня.

— Оружие нужно под контроль, — высказался Рог.

— Отчасти согласен. Огнестрел под полный контроль. Выдавать только тем, кто знает, с какой стороны к нему подбираться, учить еще кого-то нет ресурсов. Там всего-то по рожку на «Ксюху». Это наши стратегические межконтинентальные ракеты для этого времени, ну, если все же девятый-десятый век, — Игорь обвел взглядом собравшихся и продолжил. — А вот холодное оружие, ножи, если будут луки, или еще чего, равносильно эпохе, считаю нужно всем, абсолютно всем.

Мужчины скептически посмотрели в сторону копошащихся студентов, которым все никак не удавалось поставить армейскую палатку.

— Научим, — усмехнулся Рыгор, проследив взгляды большинства собравшихся взрослых людей, а парень рядом с Рогом радостно улыбнулся.

— А какую общественную систему нужно взять за основу поселения? — неуверенно подал голос Шац.

Все переглянулись, было видно, что этот вопрос у них на повестке вообще не стоял. Эти люди привыкли относиться к другим по их поступкам и личным качествам, а не юлить, даже городские Викентий его гомельский приятель Владимир, больше ценили прямоту, несмотря на то, что по жизни приходилось встречаться и с карьеризмом и с лизоблюдством. Но вопрос был важным, как ни крути, пусть и подан несвоевременно логике переговоров.

— Вот ты вроде умный, говорят учитель в институте, предлагай, — сказал Рыгор, а Игорь еще раз поразился осведомленности прозорливого мужика.

Вот знает ли что-нибудь по деревенским раскладам Шац или его заместитель? Игорь был уверен, что — нет, а вот моховцы, похоже, многое успели узнать. Да тут можно и себя корить, что так мало вызнал о местных.

— Я предлагаю провести выборы. Мы уже избрали лагерем президента и других ответственных лиц, — выпалил Алексей, не правильно расценив обстановку и ситуацию.

— Слышь, выбиральщик, а что ты выберешь, если я тебя пошлю и на хрен и в задницу? — с угрозой спросил медведеподобный мужик, а Шац инстинктивно сделал шаг в сторону Игоря, что не укрылось от внимания мужчины. — С Солдатом все ясно, такого пацана я и бригадиром бы сделал, чтобы лохов стриг, ты сам ответь за себя.

— Алексей Михайлович выразился не совсем корректно, но этот вопрос действительно важен, — Игорь нарочито назвал Шаца по имени и отчеству, чтобы уже и так не великий авторитет, не столь стремительно таял. — Я предлагаю создать что-то вроде Совета старейшин, куда войдут главы каких-либо направлений: охотников, огородников, военных, завхоз, может еще кто. Тут я вижу много умных мужиков, пусть трое от вас войдут, Алексей Михайлович, через его, по крайней мере, пока, будет удобно общаться со студентами, грамотную и хозяйственную женщину из моховцов на хозяйство. Но так, чтобы была боевая, могла по рукам дать и студенту и мужику.

— Катька подойдет, — рассмеялся Рыгор, а Павел понуро опустил голову.

Как определил по реакции собравшихся и их взглядам, Катькой была стройная женщина невысокого роста, с очень боевым видом, метаящая молнии по сторонам, но очень нежно смотрящая на своего сынишку — того самого Димку. Женщина лет до сорока пилила взглядом то Павла, то Рыгора. И, если первый явно тушевался под острыми и пронзительными глазами, то Рыгора ситуация забавляла. Игорь немного взгрустнул, так как эта женщина чем-то напоминала ему Анну Кондратьевну, скорее волевым взглядом, чем внешностью.

— Есть кто среди вас, кто может возглавить что-то типа армии? — спросил Игорь, почувствовал некоторое волнение.

Солдат уже особо не надеялся занять главенствующее положение в выстраиваемой иерархии, уж больно матерыми казались деревенские мужики, ну, и приезжие рыбаки-охотники из Гомеля. Но пауза затягивалась, а предложений не было. По сути, кроме Игоря, никто не имел сколь существенного опыта командования, пусть и подразделением в десантуре, хпока не перешел в ГРУ.

Рог же был младшим сержантом во время службы в армии, да и то выступал больше на соревнованиях, чем служил, Большак демобилизовался ефрейтором, в чем никогда не признается, уже потом, увлекшись вначале тяжелой атлетикой, а после карате, набрал и форму и авторитета. Павел служил десантником, но остался рядовым и так и не бросил на погоны "соплю" Получалось, что именно Игорь, если не считать лежащего в бреду, Артура — особиста, старший по званию, но годков для управления было явно маловато.

— Тут вот как, парень, — Рыгор акцентировал слово «парень». — Я то и не против, кабы ты стал главою, но нужно, узнать нам друг друга, кто на что горазд. Думаю я, что, как заместитель ты подойдешь и проявишь, а я, к примеру, могу довериться Пашке. Или приезжие что думают.

Рыгор посмотрел на Рогова и Большого.

— Все мужики должны заняться безопасностью, а присмотреться можно друг к дружке. Как по мне, так Солдат подойдет, пусть под Пашей походит как Верховный главнокомандующий, с перспективой стать главным, а я пока и поохочусь, — высказался Большой.

Рогову же было не особо уютно понимание, что ему придется кому-то подчиняться вовсе, но обострять не хотел, всех противников положить не получится, а, если и положит, да власть возьмет, что он, малолеток прессовать будет, да постоянно оглядываться за спину? Да и идея обострять ситуацию, как пришла в голову, так и быстро подверглась абстракционизму. Ладно, зажавшихся маркетантов трясти, но слабых и наивных детей или тех, кто, наверняка и сам коммерсов шугает?.. Да и время расставит все на свои места, может и без потрясений получится занять свое место, а может через час вертолет прилетит и все эти разговоры покажутся бредом.

— Пусть так, — ответил Рогов после небольшой паузы, когда многие смотрели именно на его, так как этот человек остался один из реальных претендентов, по крайней мере, его вид бойца, пусть и немного запустившего себя, создавал причины претендовать на роль военного лидера.

Был еще второй здоровяк — Большой, но тот замахал руками в знаке, «такое счастье мне не надо».

— Казак, командуй, — обратился к новоиспеченному «воеводе» Рыгор.

— Да пусть Солдат, а я погляжу, если что нужно, так и подскажу, — решил включить «наставника» Павел.

— А глава общества кто? — подал впервые голос Шишон, опирающийся на палку, с изрядно опухшим от синяков и ссадин лицом.

— Так все и главные, присмотреться нужно. А ты, Солдат, командуй, что бы твой мудрый учитель оценил. Кхе, — высказался Рыгор и весело зыркнул на Павла, который и вправду корчил из себя просвещенного гуру.

— С чего начнешь, командир? — с некоторой ехидцей превосходства спросил Павел.

— Нужно распределить дежурство. Кто в ночь, того уже нужно отправить спать, назначить... — начал было перечислять Игорь, но был перебит «наставником».

— Ты бы добычу вначале обиходил, таскаешь кабана, пока черви не заведутся. И так уже в уксусе мясо нужно вымачивать, — пристыдил Казак парня.

Игорю было и самому понятно, что многое упускает, даже такие мелочи, как кабан, правда, мелочи ли. Вот, если бы еды не было вообще, то эта мелочь и жизнь спасти могла. Только, в таком случае нашлись бы и те, кто его свеживал, а не ждал с моря погоды, пока

кто-то это делает за них. Голод не тетка. Но научиться делегировать полномочия Игорю просто необходимо, если он хочет зацепиться за верхушку иерархии. Можно говорить, что нет людей, которым можно поручить работу для городского жителя не типичную, просто нет навыков. Тогда что? Два варианта: либо, опять же, сам, либо научи.

— Вот и поручение — возьми трех парней из студентов и покажи на примере, как нужно свежевать кабана, — так Игорь решил и проблему делегирования и учебы.

— Лихо! Это как про инициатора с инициативой. Добро, пойду искать живодеров, — с вполне доброжелательной улыбкой ответил Павел и уже выкрикнул в сторону студентов. — Эй, умники! Три человека свежевать кабана. Кто умеет?

Через минуту к Павлу подошли двое парней, о которых ранее Игорь не мог сказать ни плохого, ни хорошего — не увидел их в стайке трусов во время атаки туманных волков, но и сражающимися не застал. Оказалось, что они оба деревенские и жили в общежитии, после поступления на исторический факультет. А так знакомы с сельской жизнью и родители держали свиней. Так что, посмотрев на работу парней, Павел уже через двадцать минут позвал еще троих студентов для того, чтобы уже те учились на опыте своих одноклассников, что так легко управлялись с вепрем.

— Маленькое дело, но сделано! Нужно ещё на карандаш каждого взять с его умениями, пристрастиями, предпочтениями, — бормотал себе под нос Игорь, направляясь к Катерине, которая быстро одернула студентов и лично записывала в тетрадь количество съестных припасов.

Женщина быстро нашла общий язык с Лидой и та, вместе с преподавательницей Верой еще двумя девушками, перебирала ящики и мешки под руководством Катерины.

— Катерина! Так же можно обращаться? — спросил Игорь, подойдя к сосредоточенно подсчитывающей количество ящиков с тушенкой женщине.

— Фу, ты, сбилась! — чертыхнулась почти уже завхоз, ну или ключница. — Екатерина Филипповна Казакова, ты можешь звать и Катериной. Чего хотел?

— А я думал, что Павел и, действительно, казак, потому и прозвище такое, а тут фамилия, — слегка разочарованно произнес Игорь.

— Ты моего Казака не тронь, Пашка, и правда, саблю в руках держать умеет. Это он до армии на Кубани жил, а после в Витебске познакомились. Я там, в институте легкой промышленности училась, хотела одежду придумывать. А он десантник, красавчик весь такой. Вот в увольнительной его и познакомились. А тут мама жила, а хозяйство большое, переехали вместе. Паша же из казаков, но землю пахать умеет, в колхозе ценили, а в страду, так и деньги добрые зарабатывал, жили хорошо, — рассказывала, как оказалось, словоохотливая женщина, при этом рассматривая тушенку.

— Нужно учет начать с людей, — дождавшись паузы в биографическом повествовании, причем тоже важной информации, сказал Игорь.

— Надо, так сделаем, да и вон сколько девок без дела, — Катерина показала рукой в сторону группы девушек, которые сортировали одеяла, покрывала, куртки, свитера, и другую одежду и обувь, скорее всего, погибших. — Ты, это... Солдатик, девок береги, а то шкеты шпионские уже закинули за воротник, неравен час, так и горя не оберёмся. А так что спрашивать-то у людей твоих?

— Что умеют, чем увлекались, может, кто ходил на секцию по фехтованию, или рыбу ловил, охотился, умеет работать с деревом, хоть что-то знает о кузнечном деле, столярном и слесарном. Знает, как можно воспроизвести процессы изготовления бумаги, стекла,

арбалетов, да и много чего, — перечислял Игорь, обратив внимание на то, что на территории бывшего лагеря разгорается огромный пламя, которое стремилось перекинуться на деревья и кусты, и сокрушенно пробормотал. — Так нас видно за километры.

— Что? Я последнее не услышала, — сказала завхоз, не отрываясь от подсчетов.

— Говорю, живность видел, пару коров, коней, много ли перенесли с нами? — спросил о еще одном заболевшем Игорь, переживая, что дым от большого огня подымается высоко к небу, а он не учел ранее, что костер демаскирует их.

— Да, есть. Баба Клава закрыла у себя в сарае, да я приютила. Так... — Катерина задумалась. — Четыре козы, шесть коров, одна моя, две было у Римы, у нее еще с две сотни кур, свиньи, Заяц брал себе еще три поросся, кобылка наша, правда молодая, три жеребца, без того, что с Шишонскими, да в хату Никифоровны не ходила, там только часть дома перенеслась, но сарай, вроде целый. Это я к Риме по-соседски зашла. Вот и получилось, живность есть, а Римы нет, поехали они на поминки, а перед этим в Лоев одного теленка повели на убой. Вот, еще один теленок у нее есть. Получается всего: четыре козы, шесть коров, семь свиней, да пять поросят, четыре коня, да у Шишонской «республики ШКит» еще два, десятка три гусей, два десятка уток, их мало у нас держали, на болотах сотни плавали, да курей сотни две будет, в целом, цыплята еще малы, но тако ж имеется.

— Добра много! — резюмировал Игорь.

— Это, на такую ораву? Мало, очень мало, придется мужикам по лесам бегать. Нам же одна свинья на два дня, не больше. Считай две сотни ртов, да собаки. Паша сказал, что их нельзя не кормить. Вон и Рекс за тобой бегаёт, добрый «кабздох», умный, — просвещала Катерина, а Игорь, если бы не был заинтересован происходящим в лагере, то обязательно бы удивился, что угадал с кличкой пса.

А костер в бывшем уже лагере был поистине не пионерский, а, если пользоваться эволюцией от октябрят к пионерам и дальше, то огонь достоин ввода в Центральный Комитет КПСС. Метров десять в высоту поднималось пламя, и искорки от него устремлялись еще выше. Дым же, казалось, способен добраться до облаков. Увидев, результат, казалось, единственно правильного решения по сожжению тел погибших и волков, сейчас Игорь понял, что это ошибка. Вот только отыграть назад никак нельзя. А ведь можно было и волчьи шкуры взять.

— Слушай, Лида, а где этот парень, Георгий, кажется, который водитель машины? — обратился Игорь, как замороженный всматриваясь в зарево.

— А он убежал куда-то, — спокойно ответила Лида, не поднимая глаз, но Игорь напрягся.

— Минус один, — тихо произнёс он и пошел к Шацу, чтобы обсудить с ним ночные вахты.

Игорь был уверен, что этот приспособленец и бабский угодник обязательно сгинет. Ну, не соблазнит же он какую лосиху в лесу или медведицу. Или сможет?

* * *

Викентий Всеволодович Рогов в Мохове был случайным человеком. Он приехал в деревню на рыбалку со своим другом, или скорее временным товарищем, сыном и собирался взять жену. Вот только женщина не захотела участвовать в мужских забавах и осталась в Гомеле, где украинские гости из Днепропетровска гостили у своих родственников, вернее

родственников жены Рогова.

Там, в УССР, Рогов был не последним человеком и неплохо работал в торговле, была у него и команда друзей-спортсменов, которые уже начинали дергать кооперативщиков на предмет дани. Но Викентий-«Рог» не отличался жестокостью или стремлением подчинять, он видел возможности к заработку в доживающем свои последние годы, а может и месяцы, Советском Союзе, брал с нуворишей умеренно, но и этого уже хватало на то, чтобы купить себе волгу, начать строить дом в пригороде Днепропетровска, купить квартиру сыну. Все вроде бы нормально у Рога — хозяйственная жена, любовница — страстная красавица, сын-спортсмен-молодец, но чего-то всегда не хватало. И сегодня бывший чемпион области по боксу, призер Украинской ССР и полуфиналист всесоюзного чемпионата, понял, чего же ему не хватало — свободы. Нет, не так, воли! Казацкой воли, пусть он и не был казаком ни разу, а из рода сибирских охотников, но в Сибири крепка и казацкая кровь, еще Ермак Тимофеевич похулиганил. Викентий, который, к слову, ненавидел свое имя, тянулся к просторам, он задыхался в каменных джунглях городов.

Вот и сейчас, приехав в Гомель, погуляв по, и вправду красивому парку, посетив там же ресторан «Беларусь», а потом на остановке съев вкусный чебурек, Рогов повез свою семью обратно, в трехкомнатную квартиру к родственникам, где вновь стал пересматривать фильмы с Брюсом Ли и «Рембо. Первая кровь» со Сталлоне, которого сильно критиковал, когда главный герой ставил ловушки своим преследователям.

Появление на ужине Владимира, которого муж сестры жены, к ней они и приехали на годовщину смерти тещи, хорошо знал, внес разнообразие в скучные будни Рога. Это была родственная душа, человек, который тут, в Гомеле, уже как пару лет назад понял то, что и Рогов у себя в Днепропетровске. А эти волкодавы скорее почуяли, чем осознали, что в Советском Союзе сейчас можно делать хорошие деньги, открываются перспективы, которые ранее были просто невообразимы. Кооператоры плодились, а милиция мельчала, и, либо переставала работать, либо так же, как и они, пыталась урвать свой кусок пирога. Рэкетир становился предметом мечтаний для своего будущего юнцов и объектом воцелений для определенных девушек.

А еще, они оба любили активный отдых и охоту. У Большого, так звали Владимира близкие ему люди, были все разрешения на охоту и рыбалку. В Мохове же у Большого, который оправдывал свое прозвище не только фамилией Большак, но и внушительными размерами, был дом, доставшийся ему от деда. Соседи смотрели за хатой, в которую Владимир уже вложил немало денег, делая из нее убежище на крайний случай, который был весьма вероятен, из-за специфики занятий. В большом погребе, похожем на бункер были и припасы в виде тушенки и круп, обрез, динамит для не совсем легальной рыбалки, сети, да много чего. Большой собирался расширяться и завез кучу строительного материала в виде блоков, кирпича, цемента, бревен и досок.

Викентий с удовольствием принял пьяное приглашение Владимира и утром, на следующий день после застолья, позвонил тому в дверь, благо Большой являлся соседом родственников жены и потому и был приглашен на ужин. Взяв сына и оставив жену Надю с сестрой, они никак не могли наговориться, Рогов отправился на рыбалку.

Взять сына на выезд оказалось ошибкой, что и подпортило как Рогову, так и Владимиру настроение. Отношения со Степаном, так Рогов назвал своего единственного сына, в честь деда, у Викентия не были столь откровенными, чтобы брать с собой женщин. Поэтому и Большаку пришлось отказаться от приятной компании доступных барышень. Но впереди

была рыбалка и охота, баня и природа, просторы, по которым Рогов уже сильно соскучился. Большой предупредил своих пацанов-подельников и отправился показывать гостю белорусскую природу, не забыв отметить, что до границы с его Украиной всего-то семь километров через реку.

Когда послышались звуки выстрелов, Викентий-Рог напрягся и разбудил Владимира, но тот только отвернулся на другой бок со словами, что динамита полно, рыбу можно половить и днем.

Сразу по приезду они пили, так, как это можно делать в последний раз, ополовинив все привезенные изрядные запасы спиртного. Поэтому рассчитывать, что смогут подняться спозаранку, не приходилось. Однако, Рогов разбудил сына и на всякий случай прихватил ружье, которое лежало возле Большака, они вчера хотели пострелять и даже сделали один выстрел, но пришел сосед Павел и рассказал о ментах и археологах, к которым те приехали. Сколько друзья не уговаривали тогда Петровича посидеть с ними, тот выпил только сто граммов и пошел к жене.

Крики, звуки борьбы, стоны, которые были чуть слышны ранее, стали более чем отчетливы. Рогов, наказав сыну сидеть в доме, вышел к полю ржи, которое располагалось сразу за асфальтированной дорогой, проложенной у самого дома Владимира. Бинокль, который был у Большака остался в доме. А на склоне, а деревня и поле находились на возвышенности относительно озера, было плохо видно, что именно происходит у археологов, несмотря на то, что место лагеря было практически полностью освещено светом автомобильных фар. Между тем, было понятно наверняка, что произошло что-то ужасное с множеством жертв.

Рогов рванул назад в дом, настолько быстро, насколько мог, не занимаясь спортом уже больше десяти лет. Но в такой обстановке, он хотел оградить сына от опасности и не чувствовал усталости. Заведя Ниву Владимира, погрузив того еще сонного и не протрезвевшего в машину, дождавшись, пока сядет на пассажирское сиденье сын, Рогов рванул из деревни. Он понимал, что деятельность Большака не вяжется с необходимостью общаться с ментами и КГБ, а после того, что произошло в лагере археологов, а там точно был какой-то ужас, они будут в числе подозреваемых. У Большака была судимость, а шить дела следователи умели во все времена, во всех уголках огромной Родины.

Проезжая магазин, Рогов заметил идущую продавщицу, у которой вчера с большим удивлением покупали колбасу, таких товаров и в городе не было, даже в Днепропетровске ни в одном магазине вот так все и сразу не найдешь. А тут в сельском продмаге, как будто в другой стране очутился. Продавщица же спускалась, видимо на склад и не посмотрела в сторону машины.

Навстречу их Ниве поворачивали с трассы со стороны Лоева два грузовика. Рог чертыхнулся и выругался — их увидели водители и теперь получалось, что они убегают из деревни сразу после того, как что-то случилось в лагере археологов. Если там все погибли, то Ниву будут искать, как машину тех, кто все это устроил. Ну, кто мог подумать, что в четыре часа утра тут доставка товара в магазин, как это не похоже на советскую действительность.

Рогов остановился и сдал назад, чтобы развернуться. В данном случае было уже лучшим не убегать, так в тот момент думал Рог. В конце концов, никто не видел их ружей, динамита. Нужно быстро все спрятать, да, и быстрее ужраться вновь в усмерть, как будто были пьяными, и не могли промышлять, делайте экспертизу, берите анализы.

Густой лес возник сразу перед машиной, когда та отъехала на метров десять назад, где дорога была шире, для разворота. Протерев глаза, несколько раз открыв и закрыв их, Рогов убедился, что лес, внезапно возникший, никуда не делся.

— Ты это тоже видишь? — спросил Рогов у Степана.

— Пап, а что это? Тут же только что была дорога? — спросил тогда, ошарашенный увиденным, сын.

Это был один из немногих вопросов Степана, на которые отец не мог ничего ответить. Оставалось только ехать обратно. Побег не удался. Тогда Викентий Всеволодович Рогов еще и не подозревал, что побег-то, как раз удался, да такой, что еще не кому не было под силу, сквозь время, в прошлое.

Потом были выстрелы и разговор Павла с кем-то у магазина, Рог не встревал. Большой окончательно проснулся и только крутил у виска палец на сказки Рогова, нгвертя на ладони бутылку водки, предполагая, что та паленая и этот факт повлиял на психическое состояние друга. В Гомеле уже кое-где появлялся контрафакт, Владимир даже пытался узнать от куда и как, чтобы войти в дело.

Но время шло и через полтора-два часа деревня, та очень малая ее часть, ожила. Павел делился информацией, знакомил Рогова и его сына со всеми деревенскими, которые оказались в одной ситуации с ним. Потом узнали от Шишона, местного предводителя шпаны, что именно произошло в лагере студентов. Дальше началась еще большая фантастика, чем до этого читал Рогов, будучи весьма начитанным, опровергая стереотип об отбитых на голову боксерах.

Приплыли какие-то варяги. О варягах знал даже Большак, будучи в школе троечником, пусть и со светлыми мозгами, просто хулиганил и постоянно спорил с учителями. Ему сильнее всего хотелось на них посмотреть, но информация пришла поздно, и Рогов увидел в бинокль Большого только корму корабля, очень похожего на древнерусскую ладью, как ее рисуют в книгах и показывают в исторических фильмах. Степан вспомнил фильм, который его увлек больше других — «И на камнях растут деревья» про русича, который попадает к викингам. После фильма парень даже хотел оказаться там, в стране Одина и Тора и показать всем аборигенам, как нужно фехтовать. Двадцатилетний парень иногда еще витал в облаках.

Слова же щуплого умника Михаила, который был больше похож на Миху, или Мойшу и уже давно мог эмигрировать в страну обетованную, что-то перевернули внутри Рогова. Вдруг он понял, что это надолго, либо навсегда, и жить теперь они будут в дремучем средневековье. Осознал информацию Рогов? Нет, он, словно зверь, почуял, эти ощущения были очень развиты в мужчине. Викентий пытался заставить себя переживать за потерю жены, все-таки мать его сына, хранительница очага, прожили двадцать один год вместе, казалось, нужно сокрушаться и посыпать голову пеплом, но не получалось. От этого, Рогов чувствовал себя плохим человеком, еще большим предателем, чем когда спал с любовницей и другими попутчицами по жизни.

Уже давно он воспринимал жену, как необходимый атрибут, но не женщину. Потерял он дом, квартиру, деньги? Все тлен, ничего он не потерял, так чувствовал он, так объяснили свои эмоции Владимир и Степан. У каждого была своя мотивация жить и не тужить, никто не собирался рвать на голове коротко постриженные волосы. А Большой, казалось, даже обрадовался перспективе развернуться по полной. Оказывается, что благодаря неумной энергии и стальному характеру секретаря ОБКОМа Колосова, в Гомеле не так и легко было промышлять и наказывать непонятливых кооператоров. Тут же в этом мире ментов нет, а

какие-то варяги есть, но, по крайней мере, с ними и по понятиям разобраться можно. Кто сильнее, тот и прав.

Когда происходило собрание по совместному проживанию и все местные слушали любопытно, по мнению Рогова, парня Игоря, бывший боксер не стал выпячиваться и стремится к непонятной власти. Брать на себя ответственность за детей, женщин, кормежку, быт, ссоры и дразги, Рог не собирался. По крайней мере, не когда нерешенные проблемы лавиной ссыпались на головы тех, кто берет на себя ответственность. По мнению Рогова, Игоря, которого многие зовут Солдатом, подставили, он был проходной фигурой, чтобы хоть что-то улеглось. Приставили Павла к нему в соглядатаи, но Рогов, он был уверен, и Павел, Рыгор, Владимир, даже Заяц — один из близнецов, которых разделила неведомая сила — могли заменить Солдата, если ситуация выйдет из-под контроля.

— Наш командир, Солдат, просил все оружие поставить под учет, как ты думаешь? — спросил Рог у Большого.

— Думаю, что обманывать нет смысла, пусть видит и знает, что у нас есть, это важно, но вот отдам когда буду уверен в его компетенции, ружье же будет моим, а я попробую деток с охоты накормить. Только зря все это, скоро нас найдут и выяснят, что произошло. Пусть не нас, но Колосова искать будут. А жаль, такой воли и интереса к жизни я не ощущал давно, — ответил Большой и пошел в дом, переписать, что и в каком количестве у него есть, а то кидал в багажник в гараже, не считая, да и уже не помнил, что хранится в подполье.

* * *

Дежурство Игорь взял себе перед рассветом. Оно было усиленным. Вместе с Игорем дежурили Павел, Рыгор, Рогов, Алексей, Алик, Костя и еще семь студентов. Всем оставшимся парням, которые спали в большой армейской палатке и еще пяти малых, было сказано взять с собой хоть какое оружие. Лопаты, топоры, ножи, казалось, парни спят на железе, так как переборщили с металлом вокруг себя, страшась повторения прошлой ночи. Шишон и его компания была не в счет, там, после разборок продолжалась локальная пьянка, с которой обещали деревенские мужики разобраться на следующий день. Однако, пятеро парней из деревенских хулиганов, все же отдежурили первую смену и спокойно легли рядом со студентами, так же подготовившись к возможным ночным приключениям. Раненые, которых осталось уже пять человек, остальные умерли, были перенесены в дом Клавдии Ильиничны — бабы Клавы. Часть девочек отправилась спать туда же, девушки пошли спать и в дом Зайца, звали которого Слава, часть в дом к Большому, остальные же в пустой дом, хозяева которого уехали на поминки в другую деревню.

Случился у парня и первый разлад со Светой, которая обвинила его в недостаточности внимания к ней и надумала еще несколько абсурдных претензий. Среди них и то, что и много общался Игорь с Лидой, что другие девочки перешептываются о Солдате, который, по мнению Светы, дает повод для таких пересудов. Толи подразнить, а может и по другой причине, Света вечером много общалась со Степаном. Ревность затуманивала разум Игоря, и он, то и дело, отвлекался на веселое щебетание его женщины со статным, спортивным, одетым по последней базарной моде в костюме «Адидас», парня. Сквозь скрежет зубов и под хруст сжимаемых кулаков, Игорь понимал, что они хорошо смотрятся вдвоем. Солдат хотел даже пойти и выяснить отношения, добиться своего, как учил отец, что всегда нужно достичь цели и взять то, что необходимо, особенно женщину, но проблемы валились

нескончаемым камнепадом, так что и оставалось сжать зубы и работать. Получалось, что Светы на дежурстве не было, Игорь только знал, что она ночует в доме у Рыгора и был тому рад, главное, чтобы не в доме Владимира, которого в рождающемся обществе стали звать «Большой».

Многие студенты, да и деревенские были почти уверены, что ночью всех их вернет неизвестная сила обратно в 1990 год и все будет, как прежде, хотя, и понимали, что как прежде, после пережитого, уже не получится. Так что ждали тумана и со страхом и с ужасом, но и с надеждой.

Было решено, что, как только станет холодать, как главный маркер начала невозможного, будет объявлен подъем. Десять девчонок, которые остались при дежуривших, должны будут разбудить парней и быстро оббежать дома, чтобы и там поднять народ.

Однако, уже начали появляться первые, пока мало заметные признаки скорого рассвета, а резкого холода все еще не было. Нет холодно, как раз было и существенно, Умник дежурил во вторую смену, которую менял Игорь, и выразил мнение, что сейчас, с учетом, что девятый век, не лето, а весна. Начало мая, не раньше. Сделал свое заключение всезнайка, опираясь на особенности климатического оптимума, присущего этому времени. Он и рассматривал листву, что была действительно молодой, даже не достигшей нормальных размеров, анализировал он и погоду. Вот такой разносторонний мальчик, которого с трех лет закидывали книгами родители.

— Солдат, туман стелется, — выдернул Игоря из задумчивости Павел.

Он не видел ТОГО тумана, из которого нападали волки, поэтому предрассветную дымку принял за так всеми ожидаемое явление. Но дымка действительно казалась более густой, чем обычно бывает, о чем не преминул сказать Рыгор.

— Павел, Рыгор, Викентий Всеволодович, — Игорь задумался и добавил. — И Алексей Идем к туману на разведку, оружие проверить, Алексею взять арбалет. Ведущий я, замыкает Викентий Всеволодович, Павел мой второй номер.

— Еще раз назовешь меня Викентием, лицо обглодаю. Зови Рогом, — не так уж и шуточно сказал Рогов Игорю на ухо, когда выстраивалась колонна.

— А-А-А! — истошный крик послышался со стороны покинутого хозяевами дома, где ночевали девушки.

— Павел, Рог, продолжайте движение, Алексей с ними, ты видел ТОТ туман, поймешь. Рыгор, со мной, — уже, не взирая на какие-то условности возраста и статуса, раздавал приказы Солдат.

Все, включая Алексея начали переглядываться между собой, пока Рог не толкнул, пусть и легонько в плечо Шаца, заставляя того опомниться и начать движение. А так же выражая свою поддержку Игорю.

— Давай иди вперед, приказы обсуждать после задания, — пробубнил Рогов, и все подчинились.

Рекс ушел гулять еще в самом начале дежурства и Игорь его не видел, поэтому, когда его, бегущего по курганам и пробирающегося через кусты и заросли крапивы, обогнала большая лохматая тень, чуть не выстрелил из висящего на шее автомата в след, но все же признал собаку. Игорь же только ускорился, несмотря на то, что криков больше не было. Так получилось, когда одна из девушек заорала, группа была уже посередине тропы к бывшему лагерю и готовилась спускаться с горы, кротчайший же путь к месту, от куда слышался крик, был через могильник и забор, который ограждал дом с огородом.

Поранившись, порезавшись во многих местах, порвав одежду, Игорь все же перелез через преграду из дощатого забора, обнесенного колючей проволокой. Уже на подходе дома картина начала проясняться и Солдат, приостановившись, сделал выстрел в воздух из автомата. Однако, четверо из банды Шишона не легли, не стали убегать, или подымать руки сдаваясь, они усилили удары палкой по Рексу, который вцепился в руку одного из них.

— Лежать, суки, стреляю очередью на поражение! — истошно заорал Игорь и услышал еще один выстрел за спиной, скорее всего в воздух, стрелял отставший Рыгор.

Даже в этот раз, уже после недвусмысленного предложения, под угрозой смерти, на землю легли только двое, один же продолжал бить Рекса, пытаясь выручить своего подельника.

Игорь подбежал и ударом приклада со всей дури приложился по челюсти того, что был с палкой, Рекс же, сразу после команды «фу», отпустил руку обдолбыша и тот распластался на земле.

Только тогда Солдат увидел ужасную картину, передернул затвор автомата и уже хотел расстрелять тварей на месте.

На земле, возле сбитого деревянного туалета, лежала вся в крови голая девушка, которую Игорь видел часто, но не знал имени. Ноги ее были неестественно раздвинуты и скручены в коленях, тело исцарапано, на лице, как и на груди, ногах, уже проступали синяки. Глаза же открытые были безжизненными, но полные ужаса.

— Суки, пристрелю! — прокричал Игорь и направил дуло автомата на одного из насильников, но тот только смотрел одурманенными глазами на Солдата и молчал, не делая никаких движений.

— Стой, Игорь, Солдат, не надо, — вскрикнул Рыгор и попытался отобрать автомат у парня, но был бесцеремонно отброшен невероятной силой, которая родилась в Игоре, бешеная, неестественная сила.

— А-А-А, Ленка! — прозвучало из окна, откуда выглядывали сразу пять девушек.

— Рыгор, связать этих тварей и доставить в лагерь. Сейчас сбегутся сюда многие, девочку не прикрывайте, понимаю, что это жутко, но пусть видят, пусть прочувствуют к тварям ненависть и то, что здесь все серьезно. Хватит в игры играть, — зло и бескомпромиссно произнёс Солдат и опустился на колени, закрыв руками лицо.

Парень не плакал, он просто так стоял, постепенно отходя от того адреналинового водопада, который чуть не помутил рассудок. Он только что желал убить этих людей, но даже не это важно, он жаждал сделать это голыми руками, зубами, отгрызая по куску их плоть. Девочка была внизу живота вся в крови, лицо невинное, еще детское, только с признаками взросления, а эти твари насильовали ее до смерти, истязая.

Через минут пятнадцать, когда пространство возле дома было заполнено людьми, Игорь встал.

К этому времени уже прибежал и Алексей, чтобы сообщить об отсутствии новостей. Предрассветная дымка, не более. Не было ни волков, ничего, кроме увиденной лисы.

— Через час будет суд, первый суд нашей общины. Эти твари заслуживают только лютой смерти, и я хочу посадить их на кол, чтобы все люди видели их постепенно умирающие лица. Но я понимаю, что этого нельзя делать, поэтому, судьи будут другие. Нельзя оскотиниться, но очень хочется, — сказал Игорь и, убедившись, что все четверо насильников связаны, ушел.

— Игорь, что случилось? — спросила разгоряченная Света, которая так же прибежала

на звуки криков, и выстрелов, но парень только указал рукой на все еще лежавшую истерзанную девочку.

После выяснились подробности, полчаса понадобилось, чтобы восстановить картину происшедшего.

Так, Шишон и Ленька подрались за лидерство в банде. Они соперничали уже давно, но Шишон держал фасон, и за него было большинство. Вот только расклады немного поменялись после переноса в прошлое. Оказалось, что абсолютного большинства у Шишона уже нет, а силы разделились почти на половину, за малым преимуществом старого лидера, но только в числе, не считать же малолетнего Крота за бойца. Вот и подговорил Ленька своих корешей подрезать магазин. Сейчас, якобы «все вокруг колхозное, все вокруг мое», так частично и вышло, помешали мужики, но главное — ящик водки был украден первым, поэтому и стала пить команда претендента на деревенское лидерство. Сам же Леонид не сделал и глотка, ожидая реакции Шишона. На это и был расчет, вывести из себя старого лидера и выдвинуть свою кандидатуру на роль вожака стаи. И это произошло, они дрались неистово, мутузя друг друга до вывихов кулаков. В итоге, победил Шишон, который чуть не убил Леньку. Ну а дальше все начали пить, гулять, все-таки одна банда. В одном из кабинетов школы, запасную дверь в которую выломали, развернулась грандиозная попойка.

Однако, в скорости Шишон ушел, как и все парни, с Ленькой остались только трое самых верных соратника. Проспавшись немного, они вновь продолжили, периодически покуривая сушеную, до этого чуть подмоченную в ацетоне, коноплю. Ну и потянуло на приключения.

Ленька с компанией случайно узнали, что в соседнем с магазином доме, который, к тому же был немного удален от других из-за кустарника между участками, будут ночевать студентки. Вот, под утро, когда уже они опять немного поспали и вновь стали пить и курить, твари решились.

Лена вышла в туалет, он находился на улице рядом с домом, девушке не спалось, после вчерашних потрясений у всех был беспокойный сон. Тем более, что в колодце на территории участка была совершенно вкуснейшая вода. Выпила много жидкости, да девочки нашли варенье и перед сном разболтали его прямо в ведре. Поэтому, уже сходя в туалет трижды за ночь, Лена выходила из дома беспечно. Ее, или еще кого ждали наркоманы, не решаясь зайти в дом, где должны были быть хоть кто из парней, но как раз мужчины пошли на дежурство, когда группа должна была отправиться на разведку вместо бывшего лагеря.

У зверей с телами людей помутился рассудок, и они сами мало помнят, кто был первый, сколько раз насиловали, кто бил и царапал лицо девчонке. Девочки же, которые побоялись вначале выйти, а потом и не смогли, так как входная дверь умело была подперта бревном, по звукам рассказали, что они не только насиловали, но и с восхищением от полученных эмоций, избивали Лену. Не сразу одна из девчонок додумалась выломать оконную раму, так как та не хотела открываться, и закричать.

Судьями стали Катерина Казакова, Алексей, от археологов, и Рыгор. Игорю хотелось бы получить иной состав суда, два представителей деревенских, которые, несмотря на тяжесть преступления, могут, а точнее, должны быть, лояльными к преступникам, а в то, что Алексей сможет продавить позицию всех девушек и парней экспедиции, было спорным ожиданием. Катерина и Рыгор видели, как растут эти мальчишки, превратившиеся в тварей-насильников и убийц, они их отчитывали за шалости, лично общались, а, может, и дружили с родителями.

— Ясно, что они сделали, нам всем жаль и хочется просто убить в отместку, но так не должно быть, — говорила Катерина под полное молчание многих собравшихся.

Еще бывших вчера студентами, проживающими в сильной стране, где соблюдаются, может, и не все, но многие законы, накрыл когнитивный диссонанс. Да, большинство молодых людей просто не знали, или не хотели замечать изменения в советском обществе, появление все больше нестыковок с понятием стабильности, выраженное в росте организованной преступности, коррупции, сломе идеологии. Гласность и демократия представлялись яркими образами без всего нарастающего негатива. Но и это общество все еще было способно оградить своих детей от большинства неприятностей. Поэтому, предоставленные сами себе, сейчас, они за сутки больше повзрослели, чем за год до этого.

Там, от куда их перенесла неведомая сила этих детей родители всячески ограждали от знаний про изнасилования, суицид, укрепляя кокон вокруг сознания детей, а никем другим отцы и матери своих чад и не считали — они всегда для них малые дети. И сейчас эти малые детишки ощущают, что кокон слетает окончательно. Атака волков из тумана в лагере была больше понятна — зверь нападает на человека. Но ужас повторить судьбу Лены, которую характеризовали, как тихоню и сверх меры застенчивую девочку, не целованную, к слову, еще только семнадцатилетнюю, пугал, вселял ужас. Теперь на местных парней, которые, были помятые и гэрубо подняты Павлом в сопровождении с Рогом, Степаном и Большим, смотрели, как на врагов, предателей, может еще как, но с неизменным отвращением.

— Изгнание — единственный путь на исправление, проверьте места в тридцати километрах от нас и вернетесь, отработав свое преступление, — выносил вердикт Рыгор.

Игорь знал общественное мнение среди студентов то том, что необходимо крайне жесткое наказание за такой зверский поступок, система правосудия СССР могла применить и высшую меру социальной защиты — смертную казнь. Солдат был к такому не то, что готов, но и не мог придумать альтернативу. Были мысли о рабстве, но ресурсов на содержание, охрану должно было уйти больше, чем пользы, да и лишние рты при весьма спорной работоспособности — это не продуктивно.

Студенты говорили о том, что нужно наказать, но большинство не осмеливалось назвать казнь, как справедливый итог действиям преступников. Поэтому, даже не имея альтернативы, студенческое сообщество роптало, считая приговор мягким, но, не предлагая его ужесточить. Тихо, укоризненно студенты поглядывали в сторону своих еще вчера избранных «президентов», а те, не могли придумать, что именно им нужно делать. Алексей хотел было потребовать смерти насильникам, но сам же себя и одернул, укоряя за жестокость и отход от гуманизма и общечеловеческих ценностей.

Судьи же, как им казалось, приняли соломоново решение. Насильники имели шанс отсидеться неподалеку пару дней, а после вернуться в лагерь, когда тут уже остынут эмоции. Слишком много работы и впечатлений, чтобы этот эпизод оставался актуальным долгое время. Все были уверены, что разведку проводить никто не будет. И это несмотря на то, что разведка действительно крайне необходима.

— Солдат? — тихо обратился к Игорю Большой.

— Я понимаю ситуацию, есть совет, что сделать? — ответил парень, по тону поняв, что Владимир спрашивает его, почему Игорь не требует более жесткого приговора, а не такого хитрованского.

— Ну, я могу прошвырнуться за ними, — с очень прозрачным намеком сказал Большой. Игорь задумался, но ненадолго. Похожее решение витало в голове еще до суда. Убить

по-тихому, но чтобы многие догадались, что это и была казнь. Так, хоть немного сгладятся углы с деревенскими, опять же, другие проблемы перекроют потерю наркоманов. И судьи на свои души не взяли грех и приведение к порядку других произошло.

— Я понял тебя, жди здесь, — сказал Игорь и пошел искать Свету.

Отношения у них как-то разладились, дежурства совместного не было, утром же было не до выяснений отношений, несмотря на то, что они перекинулись парой слов. Потом следствие, суд... Но, и Света не стремилась, как еще позавчера, да и большей частью, вчера, быть рядом, выискивать Игоря взглядом. Почему? Солдату даже не хотелось ковыряться в догадках. Между тем, она чуть ли не более других кричала о казни и несправедливости приговора.

Но сейчас Солдат не собирался выяснять отношения, он хотел поручить дело, которое может оказаться не по силам девушке, прежде всего психологически. Убить выстрелом из лука, участвовать в охоте на насильников. Почему лук? Так использовать огнестрел, очень опасно, звук разносится далеко, могут и в лагере узнать, если насильников настигнут рядом, да и лишний раз привлечь внимание, не понимая, что вокруг творится, не стоит. А от выстрела с лука звук тихий, в сравнении, конечно.

— Я думала, ты меня для другого ищешь! — разочарованно начала свой ответ на предложение Игоря, Света. — Но я готова и Танька тоже. Мы все недовольны приговором Сегодня Лена, завтра я?

Девушка с вызовом посмотрела на Игоря, ожидая от него заверений о защите, но парень промолчал, он не любил обещать то, само собой разумеющееся, да и терялся, когда отношения становились сложными с разными ожиданиями, проверками и условностями. Если бы Солдат разбирался в женских капризах, когда женщины еще в самих себе не до конца разобрались, начинают действовать из разряда «сам догадайся», то не упустил бы Лиду и не был со Светой.

— Я так поняла, идем с Большим? Его Вова, кажется, зовут? Интересный мужчина, не Степа такой милый, интересный, — сказала Света и пошла искать Таню. Девушка резко отвернулась, поэтому не увидела багровеющее лицо Игоря.

Через час, когда уже насильники, нехотя и понуро опустив головы, углубились в лес, из лагеря исчезли две лучницы и один большой мужчина. Это могло вызвать различные фантазии у пубертатного возраста юноши, но реальность оказалась жестокой.

Ни Света, ни Таня не промахнулись, а Большой поработал ножом. Насильников раздели, бросили в небольшую яму, забрали еду и ножи, а потом, делая большой крюк, направились обратно в лагерь, подстрелив по пути двух крупных глухарей. Можно было еще взять толи лося, толи оленя, так как по еще теплomu навозу зверя точно определить не получалось его вид. Животное гуляло где-то очень близко, но не стали выслеживать зверя, цели вылазки были другие. Долгое же отсутствие обязательно было бы замечено.

— Пытаю ты еще, ты кто есть? — спрашивал гладко выбритый мужик, с крестиком на шее высшей степени странного чужака.

Георгий молчал. Нет, не потому, что не хотел выдавать тайны, как в фильмах про войну, а потому, что его организм, в вопросе защиты носителя, решил полностью игнорировать внешние раздражители. Но такое состояние могло привести и к лишению разума, а Жора очень хотел жить, поэтому, постепенно, но Георгий приходил в себя.

Он ушел из лагеря археологов, как только узнал, что они собираются общаться и действовать в связке с Шишоном, которого боялся до смерти и даже больше. Бывший водитель и представитель зарождающейся советской буржуазии был уверен, что опасный предводитель деревенской шпаны, сможет сложить два плюс два, и вычислит Георгия, как любовника несостоявшейся невесты моховского хулигана. Тот обязательно обвинит Жору и в смерти Зины, что отчасти было правдой. Если бы он тогда не оттолкнул, а, напротив, втянул девушку на склад, то Зина была бы жива.

Не поверил Жорик в ту чепуху, что несли студенты. Какое прошлое? Срочно выбираться и бежать в милицию. Георгия, конечно, смутило наличие дубравы рядом с деревней, как и густого леса, чужь в стороне, но в Мохове он бывал набегам и местность знал плохо. В полголоса ругаясь на плохую работу лесников, Жора шел в сторону колхозного коровника, до которого должно было быть не больше трех километров, но ни дороги, ни домов, он так и не увидел, посчитав, что заблудился.

Уже ночью Георгий выбрался на небольшое поле, где были заметны следы неглубокой вспашки и большого пожара. Редкие пеньки еще выступали над землей между пахотными бороздами. Впереди внизу большого обрыва был Днепр.

Крики, больше похожие на боевой клич, Жора услышал, когда присел передохнуть на обгоревший пенек. Беглец упал навзничь, практически полностью врывшись в землю. Страх обуял Георгия, и тот даже не смел некоторое время пошевелиться. Но желание быстро уйти от опасности, смогло войти в симбиоз с панической атакой, и Жора стал, истерично перебирая руками, «отплывать» назад, в лес. Идея с бегством в поиск адекватных людей уже последние часа три казалась самой глупой из всех, которые приходили в голову Жорику, даже с учетом безрассудства связи с Зиной.

Звуки борьбы и лязганья железа постепенно удалялись, по мере увеличения расстояния от обрыва и поля рядом с ним, они сменялись криком совы и шорохом вокруг толи листьев, а может и грызунов, один из которых уже укусил Жору за ногу. Однако, мертвецкая усталость, накопленная ночным подъемом на работу, переживаниями от кабана-убийцы, бесконечным переходом неведомо куда, взяла свое, и Георгий обмяк, моментально засыпая. А проснулся уже разбуженный грубым пинком.

— Элины бороду секут, а ты не элин, не норманн, али свей? Чернявый, кто ты? Пошто легаша? — задал очередной вопрос человек с усами.

— Я из Лоева, Георгий, — все же ответил Жора.

— Лоев — то селище, али град? Не ведаю сие место, — говорил незнакомец, одетый в мешковину, на которую нашиты были шкурки животных.

Но главное, у него был меч, на который Жорик постоянно пялился, в меньшей степени интересуясь окружающими его людьми. От оружия веяло смертью.

— Лоев — это град, — невольно подражая говору, ответил Жора.

— И пошто тут, вси варязи? — спросил терпеливый средневековый дознаватель.

— Людей искал, — вновь односложно ответил Георгий.

— «Искал» — попробовал слово на произношение человек с мечом. — Глаголь, отсель пришел!

Последние слова были неожиданно громкими для Георгия, и он начал выдавать все, что знал, даже немного больше. Рассказал и о студентах и о Зине, которая была красивая баба, но замуж брать ее запретил бы отец, как будто Жорик хотел этого. Пожаловался на жизнь, что приходится работать водителем, пока родитель ищет благ устроить отпрыска на достойную работу в областной город. Рассказал и про волков, которые напали на археологов, что они отбились, но с потерями.

— Гомель? — после долгого монолога Жоры выкрикнул человек с металлическим крестиком на шее. — Сие град Гомье?

— Я не знаю, что вы от меня хотите, отпустите, или идите и спрашивайте у археологов, — всхлипывая и потирая слезы, выпалил Георгий.

— То спытаем, веди нас до своего старшего, али до ярла, — после задумчивого взгляда на дрожащего и плачущего пришлого сказал Андрей.

Оставив незнакомца, Андрей подошел к волосатому с почти седой бородой мужику и, периодически показывая пальцами в сторону Жорика, стал что-то объяснять старшему среди толпы собравшихся людей.

* * *

Андрей, которого некогда звали Кривейтом, несмотря на свои тридцать два года испытал и увидел больше, чем и целый род за несколько поколений. Его еще в двенадцатилетнем возрасте радимичи отдали хазарам в счет дани, которую собрать в полном объеме не смогли. Кривейт был же не родичем, а пришлым, так как относился к тем, кого радимичи покорили, оседая по рекам Сож, Ипать, Друть. Селище Кривейта было разорено и сожжено славянами еще, когда ему было пять лет. Немногие, кто смог убежать, стали бродить по окрестностям, прибываясь к общинам извергов, но чаще погибая от зверей или охотников.

Когда Кривейт попал к хазарам, началась его учеба. Нет, с мальчиком никто не занимался, но он удивительным способом умел вычленять информацию с любых разговоров или увиденного. Быстро он овладел и хазарским диалектом, был готов принять и иудаизм, если бы сами хазары разрешили, но судьба распорядилась иначе и через три года парня купили новые хозяева в Византии. Это были люди, которые верили в распятого и воскресшего бога.

Еще дома, в родном миролюбивом селище, Кривейт посмеялся бы над неразумными людьми, которые верят в мертвеца, но три года в Хазарии подготовили мировоззрение Кривейта к тому, чтобы уверовать в бога Христа. Потом были войны и хозяева-армяне, живущие недалеко от величайшего города Константинополя, посчитали лучшим продать своего раба, во многом из-за обвинений в том, что не пристало держать в рабстве христианина, так Кривейта попал в армию.

После Андрей, взявший такое имя после крещения, пять лет воевал в основном с арабами, но пришлось отбиваться и от русичей — так они назывались, но в их рядах было

много словен и иных народов северных вигов.

А когда Андрею исполнилось тридцать лет, а у него нет ни дома, ни сколь серьезных средств для существования, решил он отправиться, как и его тезка, апостол, нести слово божие словенам, или славянам, по-разному они себя называли. Прибыл тогда он с торговцами-греками в Киев и понял, что в городе хватает уже и иудеев и греков-христиан, увидел даже Андрей, что некоторые воины Дира и Аскольда носят кресты на шее. Многие из них рядом с крестами вешают и молоты скандинавского бога Тора, воспринимая это, как двойную опеку со стороны богов, но были и верующие по канону.

Тогда и решил рождённый балт, как истинно верующий человек, уже больше ставший греком, простить обидчиков своего рода и принести истинную веру в земли родимичей, которые истребили его племя и самого Кривейта продали в рабство. Чудом убежал тогда Андрей от одного рода радимичей, возжелавших принести миссионера в жертву своим богам. Скитаясь по лесам, Андрей набрел на поселение извергов. Это были люди многих племен и родов, которые по разным причинам были отвергнуты своими родичами. Основал поселение Держан, которому пришлось бежать со своим родом от Рюрика, так как участвовал в восстании Вадима против варягов. Рюрик же мстил всем, кто поднял меч против его законной власти.

Держан умер три года назад, но поселение осталось, даже разрослось. Тут жило уже много людей. Были и дреговичи и радимичи, кривичи, или, как и Андрей, из балтских племен. Разрастались и поля. Уже четыре лоханки опалили и выкорчевали пни. Земли были тут песчаные, не очень хорошие, но год-два урожай с одного поля был неплохой. Зверья вокруг много, лоси, олени, есть бобровые запруды, коней можно выловить. Рыбу же и вовсе, руками ловят. Так что худо-бедно жили, да торговали иногда со свеями, иными норманнами, которые по днепровскому пути устремлялись в Царьград.

Горыня, младший брат и приемник Держана, уже тоже преклонного возраста сорока шести лет, принял поселение и собирался включить его в состав державы Рюрика. Он понял, что они с братом совершили ошибку поддержав властолюбивого Вадима, ведь при Рюрике все меньше варяжьи ватаги ходят по Днепру и грабят, а чаще ведут торг, единая власть только укрепит торговлю, и община Горыни сможет и дань выплатить за защиту, и заработать себе на прокорм. Тем более, что от последних гостей, с которыми довелось поторговать, глава поселения узнал о намерении ярла Олега, что принял державу при сыне Рюрика Ингваре, установить контроль и порядок на всем торговом пути до Киева, а может и дальше по Дикому полю. Хотел Горыня поклониться Олегу и готовил щедрые подношения ему, когда мимо будет тот проходить. Всех куниц, что набили за два года, решил Горыня отдать в дар князю, да припасов дать, две больших семьи бобров не трогают, чтобы в нужный момент поселение не осталось без мяса, но Олегу отдадут. Надеялся Горыня, что и ратных людей оставит с ним Олег, тогда никто не будет страшен, а то, если дреговичи сидят на своих болотах и редко выходят, радимичи же то и дело появляются, да ходят слухи, что и хазары заходят за своей данью, которой обложили песчанцев-радимичей даже до этих мест, не так давно к ним присоединилась семья, которая и бежала от этих иудеев.

Однако, как ни рассчитывал Горыня построить будущее своей общины извергов, получилось все иначе. Снор на двух ладьях, с мордами смока-дракона, пришел разведать обстановку перед тем, как по Днепру пойдет Олег с малолетним Ингварем. Этот варяг со своей ватагой не стал даже разговаривать, а принялся жечь слабые селения. Горыня успел отвести большую часть людей и скарба с животными в лес, но его сын, Ратмир с еще

десятью молодыми сильными мужчинами, надежде поселения, погиб, стараясь замедлить Снора и его дружинников, и дать время людям углубиться в чашу. Тогда варяги взяли в плен Бренко, чтобы тот провел Снора к местам-сховищам, но и на следующий день, варяги не пришли, значит, парень не сдал никого.

Теперь почти сотня людей, в числе которых много женщин, стариков и детей, прятались в лесу. Снор ушел в земли радимичей, разоряя пограничные поселения, не решаясь углубляться в места проживания родов племени. Радимичи могут дать отпор, значит люди хирда Снора скоро вернуться сюда, может, и захотят остаться и дожидаться Олега в землянках, которые захватили у общины Горыни.

Глава поселения решил сделать вылазку из их лесного убежища и сжег бывшее поселение, частично вместе с теми, кто спал в жилищах. Многие варяги успели выбежать из горящих полуземлянок и убили трех людей Горыни, но и варяги теперь будут вынуждены уходить. А построить новые жилища для остатков общины получится быстрее, чем найти пропитание для людей, при том, что охотников у Горыни оставалось уже очень мало.

Еще при отходе от горящего поселения, Горыня заметил извивающегося, как змея странного вида человека, который резко уснул ещё до того, как к нему приблизился верный соратник Горыни Бойко. Человека вначале приняли за лешего, сильно странно тот был одет. Люди Горыни отнесли спящего человека в убежище и даже дали время выспаться, пока женщины оплакивали потери от набега людей Снора. Когда же пришелец очнулся, он стал говорить невнятные, во многом не понятные слова, но «архи» и «логос» — греческие слова, произнесенные незнакомцем, заинтересовали Андрея, который уже второй год жил на поселении. Это было греческое слово «археологи», которого в греческом языке не используют.

Принимать у себя носителя веры в распятого мертвеца Андрея сперва Горыня не желал, но христианин общины знал много языков, ремесел, умел считать и вести прибыльный торг. Да и веру свою Андрей силой или упорством не насаждал, только лишь трое отроков, да две вдовы бабы приняли веру Христа. В поселении к вопросам веры относились спокойно. Были тут и велесовы дети и те, кто поклонялся Хорсу больше, чем Роду, кто почитал всех богам Ярило, или, как его еще называли, Коляда. Так что Андрея не стали гнать, а использовали, как главного торговца в поселении, да и кузнечному делу тот был неплохо обучен, владел и мечом, но никогда не брал его и не сражался, только периодически тренировался.

— Что поведал тебе сей прибулд? — просил Горыня, когда к нему подошел Андрей после более чем странного разговора с найденным человеком.

— А сказывал он, что родичи его стали селищем недалече, где озеру конец, да река протокой с Днепром едина. Есть сред тех пришлых греки, кои «архиологами» кличутся. Да и сам найденыш имя мае Георгий — у эллинов я слышал такое имя, да и у армян тако ж в вере сие имя есть, — Андрей задумался.

— Так они верят в бога-мертвеца? — сказал Горыня и не обратил внимания, как скорчил недовольную гримасу Андрей.

— Нет креста на нем, токмо ведает, яко крестится по канону, — ответил проповедник.

— Думаю, что нам треба говорить с теми пришлыми, сгинем мы с чадами, да со старыми. Снор возвращается, да ошукает сховище наше, — поглаживая растрепанную бороду, сказал глава уже потерянного поселения.

После изгнания насильников, среди всех выживальщиков из далекого будущего царило уныние и обреченность. Девушки ходили только большими стайками и опасливо смотрели не только на оставшихся парней из банды Шишона, но и на своих же одноклассников, ожидая и от них подлости. Парни, опускали головы, видя такое пренебрежение к себе, некоторые винулись, что не смогли уберечь. Да и в целом обстановка не располагала к тому, чтобы быть веселю.

— Ты, Солдат, поговорил бы с людьми, да определил задачи. Завтракали консервами, как такое допустить? Охоты нет, на огородах сорняков по пояс, на рыбалку никто не вышел, силки не смастерил, да и сети есть у нас, можем и на рыбе жить. Так, парень, не пойдет. Решай, коли нужда будет, помогу, но и ты давай, работай, — отчитывал Рыгор Игоря, стараясь говорить так, чтобы никто не слышал.

— Да, я думал уже, объявлю через полчаса собрание. Кто там по хатам или на огородах, скажи, чтобы подошли, — с максимальной уверенностью ответил на критику Игорь.

— И, это... — Рыгор замялся. — Ты же Свету, да Большого послал вслед насильникам? Игорь содрогнулся. Конфликта с мудрым и нужным для всеобщего выживания человеком, Солдат не хотел. Но и скрываться, юлить и обманывать не стал.

— Да! — с вызовом, после долгой паузы, ответил парень.

— Да не выкачивай грудь колесом. Все я понимаю, все понимают. Но и казнить здесь мы их не могли, и не только потому, что видели, как эти сорванцы выросли, а потому, что для всех нас нельзя потерять человечность. Вот так, по-тихому, да. Они просто не смогли бы выжить в лесу. Это и наука для тех, кто сбежать захочет, или прогуляться по окрестностям без дозволения. Вот только нужно всю эту вольницу заканчивать и работать. Я тут с Михаилом говорил, так он, ух, и умен, зараза, убедил меня, что сейчас весна, по-нашему конец апреля, пусть и довольно теплый. Так что поля можно и нужно разработать. Зерна на посев мало, но есть, может ячменя немного, да ржи. Бульбы же хватит на большое поле, кое какие семена есть с посевной. Два урожая соберем, прокормимся и сами и скотину откормим. Свиной больше нужно, так что не вздумай убойную какую выдумать, охотиться нужно. Давай, командуй, — Рыгор хлопнул по плечу Игоря и пошел к домам, чтобы позвать на общее собрание бабу Клаву, Зайца-Славу, да и всех, кого увидит.

Кроме как заканчивающейся ревизии, перенос продуктов в холодники и погреба домов, да заготовки дров, работа была только по установке столов и навесов, что принесли с низины — старого лагеря. Много человек просто сидели, ничего не делая, или бесцельно шныряли по округе. Шац и Романюк считали, что работа кипит, сами были в гуще трудовой деятельности, вкапывая столбы для столов и навесов. Но это было не так, больше половины рабочей силы не использовалось.

Будущее собрание было воспринято не однозначно. Часть студентов посчитали, что их отвлекают от работы, как и Алексей с Николаем. Лида с Катериной так же посчитали сборы несвоевременными, они еще не до конца все пересчитали и переложили, чтобы отчитываться. Были и те, кто хотел уже что-то делать, но не находил себя. Деревенские, из состава уже семейных, были на грани поругаться с ленивыми городскими, особенно Казак. Ну а остаток банды Шишона, откровенно боялась собрания. Парни-студенты точили на их зуб, Костя даже сцепился с одним, но получилось быстро разнять. Вот и опасались те, что могут и их изгнать из поселения.

— Кто хочет высказаться? — спросил Игорь, как только большая часть всех попаданцев пришла к почти построенному лагерю на возвышенности, прямо на средневековом городище у кромки поля ржи.

Рядом с Игорем стояли Рыгор и Большой, чем дополняли авторитета парню. Подошла и Света, причем без Степана, который в это время флиртовал с Ниной — интересной и привлекательной хохотушкой из состава филологов-первокурсниц. Сейчас она не смеялась в голос, но неунывающая голубоглазая брюнетка чуть улыбалась, благосклонно принимая компанию Рогова-младшего. Игорю же только предало уверенности то, что Света рядом с ним, а Степан увлекся другим объектом женского пола.

— Собрание, конечно было нужно, но вы отвлекли нас от работы, собираются облака, скорее всего, будет дождь, у нас даже навеса нет, одна палатка большая занята только инвентарем, людям некуда будет спрятаться от ненастья, — высказал свою претензию Шац.

— Да, соглашусь, но половина людей шастают без дела, девушки вообще не работают. Мы питаемся консервами, которые являются стратегическим запасом, чтобы не ощутить голод. Где приготовленное мяса убитого вчера кабана? — ответил Игорь.

— Критикуя, предлагай, — осклабился Николай Романюк, который стоял рядом с Шацем и полностью разделял мнение того, причем его пренебрежительные гримасы в сторону Игоря вызывали у Солдата острое желание еще раз почесать свой кулак о нос Николая.

— Предложу, если ты не слышал, то уже предложил сегодня питаться добытым кабаном, нужно суп сделать из дичи, что сегодня добыла Света. Даже Рекс притащил жирного зайца. Но главное скажу, что я готов уже морально разделить, если порядка не будет, поэтому, либо все работаем, либо разбегаемся. Говорили, что на огороде Клавдии Ильиничны много работы, есть огороды частично или полностью перенесенные, да и земли обрабатывать уже целинные нужно. Почему до сих пор в этом направлении ничего не делается. Всем уже очевидно, что весна сейчас. Так и в дубраве грибов уйма — взять для охраны парней и собрать хотя бы то, что близко к поселению? — Игорь посмотрел на Романюка и Шаца, но по неизменившемуся виду преподавателя он понял, что те не особо то и прониклись озвученным проблемам, а их еще полный воз и маленькая тележка.

— Вводится военное положение по поселению. Безопасность, прежде всего. Посты, секреты, дозоры. Формируем четыре охотничьих команды, под командованием Большого, Рога, Рыгора и Павла. Туда входят: один из местной молодежи, двое студентов. Кого отбирать себе в ученики выясните, когда всех опробуете и согласуете со мной, потому что я начинаю готовить армию, в этом мне помогут и охотники и Степан, да и Шишон, который отлично, насколько я понимаю, держится в седле. Охота только до вечера, выбиваем ближайшего зверя и для безопасности и для прокорма. Вечером работаем, несмотря на усталость, опять привлекая студентов, нужны арбалеты, внятный холодняк, кузнецов среди нас нет, но у Михаила есть теоритические знания. По такому же принципу работает и рыбная артель, руководит которой Заяц, в смысле, Слава. Девушки и парни, которые по разным причинам не смогут ни охотиться, не будут готовы убивать в жестоких схватках ни животных, ни людей, все, без остатка, идут на огороды и поля, занимаются одеждой, выделкой шкур, когда те появятся. Процесс Рыгор и Павел объяснят, — Игорь обвел всех взглядом, некоторые выглядели озадаченно, деревенские смотрели одобрительно, студенты больше со страхом в глазах, но Солдат продолжал. — Это средневековье и мы должны заключить общественный договор. Те, кто может воевать, должны быть обеспечены всем

необходимым от тех, кто хочет быть защищенным. Все работаем. Мы в отличных условиях, нужно только это использовать.

— А кто тебя вообще назначал главным? — задала вопрос Лида под жидкие поддерживающие ее аплодисменты.

— А никто. И к тебе, Лида, как раз меньше всего претензий, ты с Катериной большую работу проделала, сама же должна видеть, сколько бездельников было вокруг, — попытался Игорь перевести поднявшуюся тему собрания, немного польстив командирше.

— А раз никто не назначал, то и нечего указывать, или опять начнешь избивать людей? — осмелел Николай, ища глазами поддержку, но большинство присутствующих отворачивались.

Костя демонстративно подошел к Игорю, возле которого уже стояли все деревенские, ну кроме Катерины, которая с бумагами была за столом рядом с Лидой. Шишон так же подтянулся ближе к команде Игоря.

— Ты, вы все, не можете руководить нами, — выкрикнул Николай.

— А мне, например и не нужно спрашивать. Если надо, заберу, надо выгоню тебя на хрен. Радуйтесь, что у вас есть адекватный человек. Лучшего предложить никто не сможет, — высказался Большой, а Рогов улыбнулся, но эта улыбка была больше похожа на оскал хищника.

Проняло многих. Молчавший все это время Алексей Шац, укоризненно посмотрел на своего друга и заместителя, посмотрел он и на Ольгу, которая стала рядом с Костей, определяя свое изменившееся отношение к ситуации, что она теперь в партии Игоря.

— Ну, есть что сказать? — спросил Рогов. — Так что, детки, хватит ныть и отдыхать, нужно работать.

— Ур-Гав, — зарычал Рекс и убежал.

— Рекс, стоять! — закричал Игорь, и пес нехотя остановился.

— А-а-а! — заорали девушки.

В метрах пятидесяти от места собрания на волейбольной площадке стояли десять человек, в числе которых Игорь разглядел Георгия. Остальные же, может только за исключением бритого мужика, были похожи один на другого. Бородатые, низкорослые мужики с боевыми топорами за поясом, были больше всего похожи на тех, за кем вчера наблюдали в бинокль.

— Всем бабам быстро в дома, мужикам, вооружиться. Павел, Большой, Рог, Степан, сс мной, Рыгор, Костя, Шишон со своими пацанами страхуют позади с дистанции тридцати метров. Света и Таня по флангам, держать под прицелом гостей, никто не загоразивает лучницам вектор стрельбы, — стал четко раздавать приказы Игорь.

— Паря, я тоже подстрахую! — выкрикнул Артур, который, опираясь на неизвестно где взятые костыли, с карабином за спиной вышел из ближайшего к лагерю дома. Как он мог так быстро прийти в себя? Сильный мужик.

А Игорь обреченно вздохнул. Еще одна единица неучтенного оружия, что еще нужно знать об этом бардаке? Как получилось, что прямо в лагерь, в его центр, зашли посторонние? Сколько еще нужно сказать слов, чтобы что-то начало работать? Сколько сил необходимо потратить, чтобы организовать, к примеру, строительство фортификаций, чтобы было невозможным просто подойти к поселению?

Переговорщики ждали. Горыня рисковал, когда вышел на открытое пространство, но Здебор, следивший за варягами у их бывшего уже поселения, увидел приготовления тех к

выходу для поиска беглецов в лес. Уходить же глубоко в чашу со всеми домашними животными, детьми, подводами с припасами и товаром, нет никакой возможности, тем более, что в густом лесу вся эта процессия станет только мишенью и для варягов и для зверья. Горыня ещё раньше послал вести в два ближайших поселения извергов, с которыми были контакты, но те отказали в помощи.

Выйдя на открытое пространство, Горыню, между тем, прикрывали пять лучников — всех, кто сносно владел луком, если не считать воинов, которые вышли вместе с Горыней и тем неполным десятком, который остался с беженцами. Можно было вооружить и землепашцев, но толку от этого никакого. Давать же варягам бой тридцатью тремя воинами, большинство из которых безусые юнцы, это убить всех.

— Кто такие? — задал один из двух самых напрашивающихся вопросов Игорь.

— А ты, мал летами, а по первой слово держишь, али ярл, конунг? — ответил вопросом на вопрос Горыня.

— Меня зовут Игорь. И это ты пришел на землю, где мои люди и моя пашня, — подражая пришельцу, ответил Игорь, между тем, не решившись землю назвать своей.

— Я Горыня. Я ведаю сии земли, и тако не было, яко же сейчас, дымов тех в камне не было, — пришелец указал на деревенские дома.

— Тогда не было, сейчас же есть, — Игорю не нравилась бессмысленная пикировка, чтобы хоть что-то прояснить, он обратился к Георгию. — Мужик, ты в плену? Зачем вообще людей привел сюда? Тебе первому голову прострелить?

Жорик стоял отрешенно, он просто устал бояться.

— На них напали варяги, они бегут, хотят просить о помощи, все равно и вам придется отбиваться от бандитов, поэтому они решили посмотреть на вас и ваших воинов, чтобы вместе отразить нападение, — безучастно сказал Георгий, много наслушавшийся от лесных людей да последний день.

— Мы плату дадим за оборону животов чад и родовичей, — вновь сказал главный переговорщик от беглецов.

— Сколько тех варягов, и сколько людей приютить? — встрял в разговор Павел.

Пришлось повторять последний вопрос еще в трех формулировках, прежде, чем станет все понятно средневековым переговорщикам.

— Мы посоветоваться, — сказал Игорь, осознавая, что решение принимать самостоятельно никак не сможет. — Будьте гостями у нас, поешьте пока.

Гости начали перешептываться и что-то переспрашивать у Георгия, который стал чуть ли не переводчиком при общении с местными аборигенами.

— Катерина! — выкрикнул Игорь.

— Катька! — поддержал Солдата Павел.

Женщина вышла из ближайшего дома и направилась в сторону переговаривавшихся предков и их вероятных потомков, без особого любопытства, даже с некоторой брезгливостью, рассматривая пришедших гостей. Для чистоплотной и хозяйственной женщины видеть грязных и чумазых мужиков мало того, что с нестриженными бородами, но и нечёсанными клоками волос, было противно.

— Катерина, гостей нужно накормить, накройте столы в палатке, дождь начинается, — сказал Игорь и жестом пригласил пойти за ним.

— А чего им дать то? Тушенку открыть? Или икру? — сокрушалась Катерина, уже призывая себе в помощники парней.

— Колбасу копченую поставь, хлеба, икру не надо, думаю, они ее сами в немалых количествах могут потреблять, ну и тушенки можно, только не в банках подавайте, — пытался Игорь направить мысли Катерины.

Еще одним уроком не только Игорю, но и всем остальным потомкам-хронопутешественникам стало появление пяти лучников, среди которых была девушка, удивительно хорошенькая при этом. И вот она оказалась практически на территории лагеря, спрятавшись на березе, растущей на склоне.

— Похоже, солдатик, нам нужно учиться и учиться. Тут, если бы не огнестрел, то положили бы нас, как куропаток и пришлые могут думать именно так, что слабые мы, не внимательные, — высказался Павел, когда рассматривал спускающуюся с дерева девицу.

Внутри палатки сперва вошли два пришельца, потом, видимо, не обнаружив опасности, остальные, оставив только одного человека на выходе. Это был молодой парень, годами скорее даже младше любого присутствующего из студентов, но уже выглядящий воином, пусть и безусым. Как охранник не старался выглядеть невозмутимым, но парень все равно крутил и головой, да и всем туловищем по сторонам, девушки не все вышли из укрытий, но Катерине понадобилась помощь и она призвала Лиду с тремя помощницами. Когда же на горизонте показалась рыжая полненькая Вика, бедный славянский воин застыл, как статуя и в прямом смысле начал сглатывать слюну от невиданной красавицы, ну в понимании парня. Он видел, что девицы странных людей красивы, но уж больно худы, как будто вообще не едят. В его общине так же было больше худых, как та же дочь Горыни — Власта, лучшая лучница общины, после смерти Ветрана. Девица Власта красивая, но худа, да и занимается мужскими делами, даже Горыни часто помогала в кухне. Но вот эта конопатая, полная, с кучей комплексов девушка, жаждущая любви, сопротивляясь бурлящим гормонам внутри, была для Бушуя богиней.

* * *

— Что думаете? — спросил Игорь у мужчин и женщин расширенного Совета.

Собрались все деревенские, ну, кроме пацанов Шишона и детей Паши с Катериной. Николая так же пригласили, без его было сложно вести переговоры, оказалось, что именно этот преподаватель больше знает и понимает древнерусские наречия. Впрочем, поняли же друг друга, и ладно. Но чем может грозить, к примеру, приют беглецов, если те бегут от представителей власти. Что по этому поводу говорят местные традиции? Может это автоматическая запись попаданцев в людей вне закона и власть княжеская, или какая она есть, устроит геноцид перенесенных из будущего людей? Можно ли вообще допускать хроноаборигенов в лагерь?

Алексей Михайлович Шац, которого не взяли на переговоры, сильно возмутился. Не допустили же товарища к пришедшим по простой причине, что тот ни разу не боец, а в качестве переводчика выступил его коллега. Между тем, опасность столкновения была, никто же не знал, как себя вести и как поведут себя пришельцы. Когда же Алексей, а вместе с ним и Умник узнали, что встречающая делегация во главе с Солдатом не расспросила пришлых об историческом периоде, о геополитической обстановке. Не спросили кто князь, если ли вообще князь, или Рюрика еще не призвали, да был ли вообще этот Рюрик? Тогда и Шац и Михаил-Умник, уже не опасаясь ничего, ибо научный интерес побеждал даже страх, направились расспрашивать пришлых, выясняя, что время сейчас либо восемьсот

восемьдесят первый год, либо следующий.

— Я скажу, что нельзя, ни в коем случае, — высказывался Шац, прибежавший после быстрого опроса аборигенов. — Молодые девушки-студентки, почти дети. А эти мужики, масляными взорами рассматривают наших девочек.

— Да, страшно вводить их к нам, но нельзя же жить без внешнего общения. Вот, если можно было общаться издали, обмениваться, дружить, они бы могли нам сообщать информацию, мы им, — высказался Рогов.

— Перессорятся с пацанами. После той истории, если кто из пришлых только посмотрит на студенток, то мои глотку выгрызут, чтобы получить прощение, — сказал свое слово Шишон.

Все уважительно посмотрели на лидера вроде бы как хулиганов, но судя по словам Шишона, вставших на путь исправления. Игорь примечал, что ребята активно занимались заготовкой дров, не щадя себя.

— А я считаю, что нам нужны работники, охотники, учиться нужно местным реалиям. С меня, да, как и со всех других из будущего, не много толка в охоте. Мы тут силки мастерили, так потратили часа три, что-то сделали, но одна куропатка их разломала. Карабин, два автомата, два пистолета, три-четыре охотничьих ружья. Все это очень много, но при условии дефицита боеприпаса, которого ну очень мало, на один-два боя, в лучшем случае, ничто, — сказал свое слово Большой.

— Есть еще экспериментальный карабин «Тигр» и сто патронов к нему, четыре светошумовых гранаты и еще один «макаров», тридцать патронов к нему, — перечислил дополнение к имеющемуся оружию под удивленные возгласы Артур.

— И где ты это хранил? — поинтересовался Игорь, который вроде бы хорошо осмотрел и милицейский УАЗ и представительские Волги.

— В багажнике под подкладкой есть тайный кофр, — спокойно ответил Артур.

— Ну и хорошо, но ты, братка, иди-ка в больничку нашу, да отлеживайся, пригодишься еще, а то помрешь, вон бледный какой, небось, под пармедолом, — сказал Большой, уже все заметили нездоровый вид бойца, пусть и без одной ноги, но характер Артур продемонстрировал несгибаемый, бойцовский.

— Так, мужчины, вам все забавы, да пострелять, а я за приют людям дать. Завсегда нужно оставаться человеками, — взяла слово баба Клава. — С божьей помощью все переждем. Там же детишки, как их-то не защитить? А коли вы мужики, то и не допустите беды. Вон, свои шалапаи, росли же на глазах, а девочку-то до смерти разложили. Так что я за то, чтобы принять людей, у них поучиться, их поучить. Я вон и баньку истопила, можно было пригласить, да пообщаться.

— Еще кто выскажется? — спросил Игорь, все больше ассоциируя себя с ролью лидера.

— Давайте в этом случае проголосуем, как на собрании в колхозе, чтобы ответственность разделить, а то потом на парня, случись что, все навалимся. Станет тогда Солдат, как меченый Горбачь, со всей страны матюки принимать на свою душу, — предложил Рыгор, указывая на Игоря.

Голосованием за преимуществом двух голосов, победила идея, впустить все-таки хроноаборигенов, но выставить ряд условий. Жить в большинстве будут в школе, на полу спать и в кабинетах и в коридоре, по словам знатоков истории, такие условия были куда лучше, чем землянки и полужемлянки, которыми должны были пользоваться люди, вряд ли в поселении было много срубов.

И сразу же нашлась массовая и срочная работа — вычистить от всего лишнего школу и навести там нужный порядок. Необходимо найти каждый листик, карандаш, учебник, глобус и все, что там есть убрать и сохранить. А то только школьную столовую от продуктов и почистили, даже посуда ещё оставалась неразложенной. В школе перед переносом в прошлое был устроен летний лагерь и продукты были. Вот только три гаража и один немаленький склад, как и местную котельную на школу и магазин, где было много чего еще не перебранного, нужно было хорошо закрыть, да и поговорить с аборигенами, чтобы не лазили туда. Только разобрать склад понадобится не один день, загружен он хламом под завязку.

— Ладно, что там у нас из легкого алкоголя, Катерина, вина выпить что ли? — спросил Игорь, когда уже уходил проинформировать о решении Совета пришлых. Или кто тут на самом деле пришлый — изверги, что живут уже в этих местах семнадцать лет, или попаданцы, что вторглись в этот мир два дня тому как?

Женщина посмотрела видом «вам мужики только и пить» но послала Лиду куда-то за вином. Игорь сделал еще одну зарубку, — узнать, где хранятся продукты и алкоголь.

* * *

— Бушуй, — выкрикнул Горыня, как только услышал решение странных людей. — Поди до мира и веди сюда до горы. Токмо гляди, кабы варягов не привести.

Парень, который только голову просунул в матерчатую дверь армейской палатки, услышав слова старшего, сразу же побежал в сторону леса, взяв при этом завидный темп.

— А веруете в одного Бога Христа? — спросил, выделяющийся бритой бородой, абориген.

— Баба Клава, Клавдия Ильинична, вот та верует, молитвы знает, в смысле... ведает, не евангелие бормочет, библию читает, — сказал молодой мужчина, толи местный старший, может и сын главы рода, а у Андрея не просто загорелись глаза, он воссиял, боясь поверить в то, что у этих все более странных людей есть Книга.

— А возможно глаголить с Клавдией? Она из эллинов? — спросил Андрей.

Молодой вождь отправил одну из девиц за этой самой Клавдией. А разговоры продолжились.

Горыня прекрасно понимал, что ему не говорят всего, глава уже несуществующего поселения в отчаянии шел просто чуть подальше от варягов, а тут боги прислали трусоватого человека из большой общины. Когда он пришел на гору к пришельцам, которые успели построить каменные дома, о которых рассказывал Андрей, видя такие у эллинов, а Горыня никогда не видел подобного, то подумал о пришельцах от богов, или самих богах. Все, даже явно не войны были рослыми, бритыми, коротко стриженными. А еще глава заметил очень много металла. Как единственный, кто что-то умеет в общине в кузнечном ремесле, Горыня примечал железо, как опытные ковали, он иногда даже чувствовал металл. И у пришедших из ниоткуда железа было очень, очень много. Они даже на лопаты потратили хорошее железо, которое сам бы глава извергов пустил на оружие.

Еда тоже была не просто странная, такое Горыня еще никогда не ел. Нет, мясо маленькими кусочками умела готовить и его ушедшая к праотцам жена, да не менее вкусно, особенно из оленя и коня. Но хлеб... он был приготовлен в виде большого камня, а не лепешкой, или блина. И даже не это удивило, а то, что он был пшеничный и выпечен из муки

такого помола, что не было ни одного не домолотого зернышка, и помол был мельчайшим, чего не добиться жерновами, которые пришлось оставить в поселении. Было еще копченое мясо в кишках, ну или в чем-то похожем, странные люди эти кишки выкидывали. Принесли какой-то овощ, круглый, рыхлый, странный на вкус, но когда Горыня съел несколько кругляшей, то не мог оторваться, пока не пресытился. Вино же вовсе запутало мысли уже повидавшего многое в своей жизни человека, и Горыня решил не пытаться что-либо понять, пусть боги направляют его и дальше, но он видел решение проблемы безопасности в союзе с этими людьми.

Глава сожженного поселения не мог подумать, что большинство из молодых, здоровых, частью на вид сильных людей, несколько не воины. Повадками большинство этих людей явно уступали немногочисленным воинам Горыни, но и среди пришлых были очень серьезные противники, глава это видел, даже чуял. Тот же молодой вождь боец сильный, еще был один молодой и опытный воин, Степан, который даже в некоторых движениях, как будто, рубился мечом. Улыбнулся в бороду Горыня, когда увидел двух девиц, которые уверенно держали в руках очень странной конструкции луки, он то думал, что это только его дочь непутевая девица, все воевать стремится, а тут вон как. Сам факт наличия луков тоже удивил, пусть сравнительно и не сильно. В поселении Горыни был некогда умелец, который мог сделать луки, на изготовление которого уходило много материала и времени, рыбы и жил. Конструкция же пришлых была нетипичной, с колесами, такой не было ни у кого, с кем привелось встречаться главе, а видел он многих людей.

А еще удивило Горыню то, что пришлые не потребовали дани, службы, женщин, серебра, мяса, — ничего из того, что могло быть предметом для торга, это же они, оставшиеся пока в живых люди некогда спокойного поселения, пришли просить о помощи и крове. Любая община за защиту требовала много платы, чаще подчинения и дани. Глава очень боялся именно таких условий, прежде всего, рабства, от которого многие и становились извергами, избегая становиться безвольными.

— Что мыслишь, Бойко? — спросил Горыня своего верного друга, с кем еще много лет назад бился плечо к плечу, выгоняя рюриковых варягов из Нового Града.

— Не ведаю сие, токмо у нас али встреча с Мореной и погибель, али быть заодно с пришлыми. Они не боги, они пришли, как я разумею, от эллинов, есть среди них и христиане. Коли выйдет оборониться от Снора, то и породниться треба. Власту отдай за их воя, за Сол-дата, аще за кого, — поглаживая не менее седую бороду, чем у Горыни, ответил Бойко.

* * *

Уже ночью, когда большинство девушек под охраной парней пошли спать, начали пребывать люди. Измождённые, мокрые, так как дождь не прекращался, начавшись днем, люди были голодными и боялись всего, особенно, когда не поняли действий странных людей, стремящихся навязать опеку, в чем особенно старались две женщины, одна из которых была стара. И баба Клава и Катерина вместе с Лидой и преподавательницей-филологом Верой, приняли самое дельное участие в размещении и помощи приходящим.

Ольга прибежала в сопровождении Кости и еще пяти парней, такой охраны в лагере не было ни у кого, старается Константин угодить своей пассии. Медик стала быстро проверять, прежде всего, детей на жар. Три младенца и еще несколько деток лет до пяти были с

высокой температурой, они и удостоились отдельного внимания с растолченными таблетками и примочками с компрессами. Ольга, было дело, попыталась выгнать странную, еще больше чем остальные дикие люди вида, старуху, но не встретила понимания со стороны матерей детишек. Ведьма ходила вокруг заболевших и постоянно что-то кричала, поджигала какую-то вонючую траву, причем, костер был распален сразу в учебном кабинете школы и грозил общим пожаром.

Наличие тюфяков, которые наличествовали на складе и были явно уже повидавшие виды, аборигены восприняли, как роскошь, на одеяла смотрели с недоумением, многие привезли с собой шкуры, которые в большинстве были мокрыми.

Когда всем прибывшим начали раздавать еду, макароны с тушенкой, что наготовили в полевой кухне с запасом, Игорь выматерился и, сразу же насел на Славу-Зайца, местные больше его Зайчиком называли. Было необходимо, чтобы тот немного слабоватый на голову, но заядлый рыбак с сетями и неводом, уже завтра прошерстил берег озера и наловил рыбы.

Этот деревенский был немного, так сказать, недостаточно умственно развит. Школу не закончил, читал и писал с большим трудом, но руки росли с нужных мест, особенно Зайца хвалил Рыгор, к слову не последний в деревне рыбак. К сожалению, пока решится вопрос с варягами, идти на охоту было опаснее обычного в разы. Но куропаток и зайцев и прямо на территории лагеря и ближайших кустах и на склоне, очень много, а длинноухие, при своем большом количестве представляли реальную угрозу огородам. Так что необходимо переходить на то питание, которое дает природа и в немалых количествах. Это не технологический век с его выбросами и многочисленностью людей, тут зверь практически не пуган, а о качестве сетей, которые были у людей из двадцатого века, местные хроноаборигены могли только мечтать. Да и были у них вообще сети?! Игорь решил уточнить этот вопрос по возможности, но среди вещей пришедших аборигенов в лагерь, ничего подобного не было видно.

Так что нужно делать запасы, приспосабливаться и жить, это начинают понимать многие, Игорь точно понял. А в то, что прилетит волшебник на голубом вертолете и спасет, уже почти не верилось никому в лагере, может, только самым малахольным.

Еще когда люди только обустроивались, священник Андрей, не выказывая интереса к своему месту жительства, сразу же нашел в бабе Клаве единомышленника. Та также забылась о своей миссии помочь обустроиться аборигенам и стала поучать Андрея, поправляя его слова и сразу же заставляя учить то наречие, на котором говорила женщина.

— Клавдия Ильинична, почитайте, пожалуйста, еще, — увидел Игорь занимательную картину, где священник-проповедник Андрей раболепствовал перед бабой Клавой. Уже и слово «пожалуйста» и «почитайте» выучил.

Баба Клава же степенно, словно княгиня, выдерживая паузы, поучала самого проповедника, поясняя тому догматы и постулаты православия, постоянно приводя в доказательство цитаты из библии и евангелия. Между тем, удивили и слова Андрея — все сказанные без единого акцента и затруднений, слова частью и не режущие слух, современные и понятные Игорю. Другие, как старейшина Горыня, так же моментально повторяли слова, сказанные студентами и деревенскими. Такое сверхбыстрое восприятие могло объясниться светлыми, незашареными умами местных обитателей, как говаривал один родоначальник мировой педагогики «*tabula rasa*».

— Пусть век твой и твоих людей будет долгим, — обратился Горыня к Солдату. — Мя поведали и про имя твоё иное, истинное — «Сол-дат». Доброе имя, дарующий сурью? Твои

люди рекли сурью солнцем. Коли так, то доброе имя по ведам, токмо богов вы не чтите.

— Не обижайся, но среди нас есть те, кто верит в бога — Клавдия, и другие, есть много тех, кто верит только в себя. Это не должно стать проблемой для нас, — сказал Игорь, наблюдая за реакцией Горыни.

По представлениям Солдата, вопрос веры в Средние века являлся очень острым, чуть позже, чем в то время, куда его занесло, за религию, малейшее отклонение от канона, сжигали не задумываясь, уничтожали целые области, чуть ли не народы. Тут же людям, по крайней мере, Горыне, было не принципиальным в кого кто верит. Однако, Игорь намекнул весьма сообразительному старейшине пришлых, что вступать в дискуссию и навязывать свою точку зрения по поводу поклонения богам, станет причиной для ссоры.

— Ты, Солдат, поведай мне, а возможно ли петуха до девицы послать? — спросил Горыня.

— Не понял, — ответил Игорь и, как это было уже не раз, пошли взаимные разъяснения.

Оказалось, что молодому воину аборигенов, которому уже шестнадцать лет, приглянулась рыжая Вика. Тот парень сам мог подойти к девушке и поговорить с ней, а потом с ее родичами, но, не зная обычаев, решил действовать через своего наставника Бойко, ну, а тот обратился к Горыни.

— Спрашивать нужно у нее, но я поговорю с девицей, — ответил Игорь, растерявшись от ситуации.

— А где твоя супружня, али нет ее? — с хитрецей спросил Горыня.

«Там все, как-то сложно» — подумал Игорь, но ответил иное:

— Есть девица одна, может, и станет женой.

— Ты укажи мне доброго молодого воя, кои аще не имают жены, может и сгодится для наших дев, — поспросил Горыня и Игорь, даже не задумываясь, назвал имя Степана.

Со Светой же нужно было что-то решать, а то намеки от предводителя беглецов были не праздные. Горыня увидел у попаданцев то, что подвигло его искать более плотного союза, или даже слияния двух поселений. Лучшим же способом, чем женить свою дочь Весту, он не видел. Дня хватило Горыни для принятия решения. Сложно было найти достойного жениха для любимой дочери, особенно если она воительница. А тут были девы с луками, и было видно, что стрелять они умеют хорошо. Да и когда живешь в поселении извергов, кровь обязательно нужно обновлять. Родимичи не примут, отдавать за воина-торговца, что идет к ромеям-эллинам, это обречь дочь на страдания и лишиться ее. Было еще одно поселение меньше чем в дневном переходе через реку, которое располагалось у крупного озера, там и думал раньше искать жениха для Власты Горыня, но община Рыси или другая еще дальше были намного беднее, чем странные люди, поселившиеся рядом с поселением Горыни, возможно, уже бывшем поселении.

— Света, нужно поговорить, — Игорь выцепил девушку возле армейской палатки, в которую встроили печку-буржуйку и установили там место для согрева дозорным, погода изменилась в сторону похолодания по ночам, да и дождь серьезно зарядил.

— Удивительно, ты со всеми находишь время поговорить, но не со мной. С Лидой больше общаешься, — пошла сходу Света в атаку.

— Ты тоже со Степаном время проводишь замечательно. Не видно тебе, что у нас пока мало что получается в поселении нешем? Даже вон дозоры не выставили нормальные, а в лагере чужаки. На одних и тех же вся безопасность держится, а парни уже устали, — начал заводится и Игорь, повышая голос.

— Опять проблемы, но только не личные отношения. А Степа интересный, почему бы и нет. Иди, проверяй дозоры, товарищ командир, нечего мне уделять больше положенного времени, — еще громче закричала Света.

Алик, было дело открыл палатку, в которой и шел разговор двух влюбленных, но сразу же ретировался.

— А может и так. Ты со Степаном, он, вроде бы парень нормальный, рад за вас, а меня к Власте сватают, — не оставлял без ответа слова Светы Солдат.

— Отлично, сегодня же пойду к Степану, у него с отцом целая комната в распоряжении, отца выгоним и... — Игорь не дал договорить Свете, впившись своими губами в губы девушки.

Парень помнил ситуацию с Лидой и не хотел повторения подобного уже со Светой. Что думают девушки, когда в сердцах, на эмоциях, отказывают парню? Как сама же Света и подсказала, — они ждут поступка. Игорю не хватало той идиллии, которая между ним и Светой до тумана, он очень хотел ее вернуть. Даже был не против и женитьбы, почему нет.

Света сопротивлялась, даже поцарапала лицо Игорю, но тот не отступал, и, наконец, девушка поддалась и уже сама страстно целовала парня. Дальше, больше — не было ещё такой страсти, которая привела их в горизонтальное положение уже раздетыми. Страсть, которой Игорь никогда не ощущал, как о таком и не догадывалась Света. Заходил ли кто в это время в палатку, или нет, они не видели, как и не знали, сколько времени прошло.

— И зачем все эти капризы? — отдышавшись от самого приятного вида аэробной нагрузки, спросил Игорь.

— Тебе не понять, — ответила Света, так же восстанавливая дыхание. — После нападения туманных волков, твой статус изменился, ты фактически глава, как ни пыжится Шац. Деревенские мужики, а они то и могли стать главными, решили слушать тебя, может потому, что не хотят меряться, этим... силой в общем, а может еще чего. Я же не изменилась, как была Светой, так и осталась, ни командир, ни какой-нибудь заместитель заместителя.

— Так для меня это не существенно, — попытался встрять в монолог Игорь, но, натуженный от занятий стрельбой из лука, указательный палец лег ему на губы.

— Я скажу, как чувствовала, скажу. Вот смотри, ты послал меня с Таней в лес, чтобы мы прикончили тех насильников. И все бы ничего, сама рвалась. Но уже после, когда они были мертвы, мне стало так больно, стыдно, противно. Я столько пережила, украдкой слез пролила. Убить человека, пусть и гада, сложно, ты же убивал, неужели так все просто для тебя. И когда нужна была поддержка, где ты был? Решал свои вопросы, но не утешил, не успокоил. Алик и тот Таню обнял и помог отойти, а я все одна. Да и не только это. Ты же не видишь, не слышишь, но почти все девки, которые с парнями раньше гуляли, не против с тобой закрутить. Видят, что ты на меня мало обращаешь внимание, спрашивают даже напрямую. Ты же защитник, красавчик, главный, пусть эти курицы и выступают за преподав, но на тебя облизываются. Тут появляется Степан — единственная кандидатура из незанятых парней, нормальных парней. Он и вправду крутой, но я с тобой и буду с тобой. Я не стану тебе обузой, — Игорь все же прервал исповедь любимой, иначе в данную минуту он Свету и не осознавал.

— Значит так, Степана женим на Власте, если только тот сильно сопротивляться не будет, она девчонка красивая, не отнять, ни прибавить. А ты готова выйти за меня замуж? — утопая в голубых глазах девушки, спросил Игорь.

— Да, но как-то слишком все быстро... — растеряно ответила Света, потом спохватилась и добавила. — У Степана и Весты быстро, а у нас норм, я согласна стать твоей женой.

* * *

— Без происшествий? — спросил Козака Солдат, когда проснулся под конец последней ночной смены.

Толком Игорь и не ложился спать, попросил только Свету пободрствовать полтора часа, когда он покемарит. Уж слишком бурным оказалось примирение, энергозатратным. Пусть и молодость с присущей ей силами для творения глупостей и безрассудства, тренированные тела, сила воли, но возможности человеческие небезграничные и Игорь засыпал на ходу, накопленная усталость прорывалась. Парень решил, что днем обязательно поспит, даже, если на лагерь нападут полчища варягов.

— Как тебе сказать? Вроде бы происшествий и нет. Но в перспективах охоты все печально. Ребят нужно учить даже ходить, я сам не мастер, а они вообще слоны. Я пообщался с одним аборигеном, Бойко зовут — он у их воинов что-то за командира, так тот парня отправлял, что стоял на страже, когда были переговоры. Этот молодой бесшумно сбегал километров за пять по лесу, услышал варягов, вернулся и пошел обратно уже с тремя воинами. Понимаешь? Я его не услышал, когда тот появился уже в пяти метрах. Если у врагов будет человек десять таких, как этот парень, Бушуй, вроде бы, его зовут, нас вырежут, как зайцев, — сокрушался Павел.

— Ну, зайца еще попробуй поймать! Но тебя понял. Считаю, что нужны группы с наставниками и взаимным обучением. Вот пусть этот парень из пришлых гостей, сегодня и поучит, хоть пару часов и тебя и меня и остальных, ну или кто другой. А насчет того, что нужно обеспечить свою безопасность, то сегодня будем этим заниматься, — ответил Игорь и пошел искать либо Лиду, которая знает нахождение всех девчонок, либо саму рыжую Вику.

Лучше было поговорить с девушкой, чтобы та не попала в очень неловкую ситуацию со сватовством.

— Вика, я не должен вообще в это вмешиваться, но в той или иной степени, я отвечаю и за твою безопасность тоже. Поэтому скажу прямо, что к тебе хочет свататься парень их беглых аборигенов. Тот безусый воин, что охранял дверь во время переговоров, ты должна была его видеть, — девушка покраснела, закрываясь ладонями, но при этом глуповато улыбаясь. — Понял, сватов пусть засылают, если в живых останется.

Вика, постоянно обделенная мужским вниманием, при этом с невероятно бурлящими, внутри уже созревшего женского тела, гормонами, была не просто обрадована вниманием парня, пусть и аборигена, а счастлива. Для себя она уже давно решила, что готова быть с парнем, пусть он ее и не любит, пусть хоть какой, но обратит внимание на девушку, готовую всю себя, без остатка отдать. Она еще не целованная, но готовая на все. А тот парень из пришлых так беззастенчиво пялился на нее, и она так часто старалась пройти мимо него, чтобы почувствовать еще раз то тепло, что растекалось по телу и будоражило, что в какой-то момент просто мужчина и просто женщина, пусть их и разделяла пропасть в тысячу лет, смотрели друг на друга, не моргая. Сколько она потом нафантазировала себе, сколько передумала и украдкой наплакала от невозможности такого союза, не знает никто. И тут возможное предложение и при всей нелепости, фантастичности, она не могла, да и не

сможет отказаться от своего глотка счастья, пусть пока еще только выдуманного. Это путешествие в прошлое скоро закончится, почему бы от него не взять всего, в том числе и внимание местного парня.

После у Игоря был разговор с Шацем о выделении максимального количества людей на обустройство рва и вала. Было бы хорошо, если бы получилось использовать ковш, но чего не было, того уже и не будет. Однако, шансового инструмента наличествовало за три с половиной сотни одних только лопат. Это с экспедиционными, хозяйскими, школьными и теми, что были в продаже в магазине. «На лопату» ставили даже девушек, которые не были привлечены к готовке пищи или работе по хозяйству. Пока ничего экстраординарного никто придумать не мог, кроме как выкопать ров и насыпать вал.

Несмотря на то, что работали все без исключений, как и беглецы-аборигены, дело было затеяно долгое, сложное в исполнении. Обнаружилась и существенная разница в работоспособности студентов и аборигенов. Женщины пришлых извергов не уступали самым работоспособным парням из студентов, там даже дети шести-семи лет лихо управлялись лопатой. Да, все охали и ахали, беря в руки металлические лопаты, такого роскошества пришлые не могли вообразить, но очень быстро уже переставали удивляться, увлекаясь работой для них на новом технологическом уровне.

Игорь попробовал было поработать одной из лопат, которые принесли аборигены, но деревянная, пусть и подточенная лопата, с большим усилием и ненадолго по своему КПД могла приблизиться к железному инструменту, но на короткое время и с риском для лопаты и психике работника.

Павел с Роговым, взяв в помощь хиленьких девочек, занялись созданием «коктейлей Молотова», ну, по крайней мере, заливали невозполнимый ресурс — солярку в еще один ресурс — стеклянные бутылки. Был расчет, что те, попадая по щиту, будут разливаться и на соседних врагов. Готовилось и первое и на тысячу лет единственное, применение танковых соединений. Рыгор с Большим и Степаном подбирали металлический хлам для защиты мотора и кабины трактора, использовать который при предполагаемой обороне, поселенцы должны были в последнюю очередь, если не получится отбиться малыми усилиями.

Казалось, работа и так кипела, но после полученных от Бойко и Врана сведений, усилия работников еще больше увеличились. А разведка говорила о том, что варяги уже очень близко и чего-то ждут. На импровизированном совете во время скорого приема пищи, Горыня предположил, что те ждут драккар, что уже должен был прийти с половиной варягов на борту, по крайней мере, иначе, чем ожиданием подкреплений, объяснить нерешительность агрессоров нельзя. Видимо, большое количество людей на поселении было воспринято, как и большая возможность места к обороне.

Как не переживал Солдат, да и все из бывших уже студентов-археологов, моховцов, что отношения между людьми, разделенными тысячей лет, доставят много проблем, подобного не случалось. Изверги были благодарны людям из будущего, что те и приютили и накормили и лечили, давали одеяла. Такое отношение к себе подобным было не свойственным, скорее в рабство могли определить. Между тем, люди находили точки соприкосновения, будь то симпатии между парнями-студентами и девушками-аборигенками, что были не против, и даже проинструктированы старшими, влить новую кровь в общину, понести ребенка от чужих людей.

Были и иные общие интересы, к примеру, Власта Горынична сошлась с Таней и Светой на почве своей воинственности стрельбы из лука, и девчонки с переменным успехом больше

трех часов соревновались. Учитывая то, что на их девичьи плечи может лечь доля в необходимой обороне, девчонок никто не привлекал к хозяйственным работам, поэтому они упражнялись в своем ремесле. Так, в тепличных условиях, с возможностью долгого прицеливания, побеждала Таня, чуть реже Света. Но на время или же с движением, имитируя бой или активную охоту, вне конкуренции была Власта.

Поражала та скорость, с которой беглецы и их вероятные очень далекие потомки, в лице студентов и моховцев, находили общий язык. Казалось, что между людьми пропасть в тысячу лет, ан... нет. Слышались словечки из конца двадцатого века, которые произносились аборигенами, попаданцы то и дело использовали анахронизмы, но главное — в итоге все друг друга понимали. Маты и ругательства перенимались вообще моментально, и уже было слышно, как какой-то мальчишка лет десяти из пришлых кроет трехэтажной матерной конструкцией своего младшего брата.

— Мы не успеваем вот этот участок оборудовать, как и со стороны огорода, где нет даже забора. Могут же обойти, поэтому давайте туда больше колючей проволоки на деревянных ежах поставим, да волчьи ямы оборудуйте, — давал распоряжения Игорь после одобрения своими консультантами — Михаилом, как теоретика фортификации, Большого, как главного критика всех теорий Умника.

Сперва конструктива в решениях не получалось из-за споров теоретика и скептика, но после третейским судьей выступил Горыня и дело понемногу сдвинулось с мертвой точки. Пусть глава извергов даже и не представлял возможностей попаданцев, но знал и понимал тактику вероятного противника. Оборонять все пространство с лагерем, уцелевшими после переноса домами и постройками было невозможно, по крайней мере, такими силами, что были в наличии. Это, если даже не брать чисто психологический аспект, — убийство себе подобных. В разговорах все более-менее боевитые ребята храбрились, утверждая, что готовы сражаться насмерть, но как оно будет на практике...

Наиболее сложно преодолимыми участками для атакующих становились находившиеся рядом с выставленными палатками. Чуть дальний подъем к поселению через заросли кустарника и деревья было решено залить соляркой с возможностью подпалить в нужный момент, пусть и с некоторой угрозой для поля ржи. Еще на одной тропе, которая лучше всего подходила для обхода во фланг с выходом к перенесенным деревенским домам, оборудовали растяжки со свето-шумовыми гранатами и Большой убедил в том, что он подготовит некоторые ловушки в тех проходах, чтобы подпортить настроение атакующим. Ну и студенты уже понесли куски колючей проволоки в ту сторону. Это не обязательно остановит атаку, но внесет сумятицу, когда и сработает Артур, которому сегодня было легче, и он утверждал, что найдет хорошую позицию для стрельбы и перекроет почти весь сектор атаки с тыла, залегая на чердаке одного из домов и используя свой «Тигр».

Однако, вероятная атака в тыл поселения не может являться единственной, если только варяги не глупцы, а с их опытом, со слов того же Горыни про Снора, рассчитывать на глупость противника не приходится. Этот варяг, к слову один из немногих действительно скандинавского происхождения, когда остальные вполне себе солянка из славян и балтов, имел уже на Днепре определенную славу. Прежде всего, в том, что вроде бы как разведчик, или патрульный отряд для выкорчёвывания бандитских логов по торговому пути, чаще всего ошибается в выборе противника и грабит, с последующим уничтожением, мирные поселения, даже входящие в союзы племен. Так что там волки матерые будут, живущих на острие ножа. Ведь, подчинены они были блюстителю князьему Олегу, он им верил, скорее

всего, поэтому, прознав про их бесчинства на землях, кои тот хочет подчинить, жалеть бы варягов не стал. Это была одна из причин, почему ватага Снора не оставила в покое извергов Горыни, которые могли каким-то образом рассказать про бесчинства людей конунга Хельги, который так стремится, напротив, к тишине и мирному торгу по пути в греки.

Одним их сложных вопросов при обороне, был куда девать детей, женщин, стариков, да, и чего замалчивать — неспособных к сопротивлению парней-студентов. В домах спастись опасно, если только не концентрировать там большие из и так мизерных, резервы. Школа так же отпадает по той же причине, тем более, что она вплотную подходит к дубраве и не имеет даже склона, или обзора для стрелка, а атакующему проще простого спрятаться за стволами деревьев и прорваться в здание, где шансы выжить если и есть, то катастрофически малы, да и сулит многими невосполнимыми потерями. А это уже вопрос выживания всех остальных.

После долгих споров и предложений было принято решение оборудовать некий укрепрайон, ну или усовершенствованный вариант вагенбурга. С тем, что частью этого укрепрайона будет трактор с прицепом. Уже на прицепе будут выставлены щиты для защиты лучников и пока только одного арбалетчика с шестью болтами. В укрепгородке будет и маневренная группа из четырех воинов-беглецов и семи парней-попаданцев, возглавляемых Костей. Сейчас они усердно пытались отработать хоть какое-то слаживание. Опасно было объединять студентов, двоих шишонских и аборигенов. Но, именно в последних были уверены все многоопытные деревенские мужи. Беглецы пойдут в атаку и потащат за собой и остальных, которые все не робкого десятка и пусть неумело, пока, но активно работают копьями, а идти в первый бой — тут только смелости мало, тут еще и определенный, особый, психологический настрой нужен. Копья в качестве основного оружия были выбраны потому, что древковое в освоении немного легче, чем топор, тем более хозяйственный тяжелый, других не было. Да и у аборигенов было полтора десятка копий, вот и вооружили ими ребят.

Из лагеря все ценное переносили в дома, которые уже и до этого превратились в склады, где на тюках и коробках спали люди, входы в дома предполагалось забаррикадировать. После коллективных долгих дебатов, которые можно было назвать, если бы не наличие многоэтажных матерных конструкций, штабными учениями — а, может, они так и проходили всегда, с матом — было принято за правильное, что предотвратить подъем врага на гору будет сложно. Нет, всеми силами это будет делаться, надежда и на колючую проволоку и на автомат, но патронов на АКСМ шестьдесят, противников до восьми десятков. Поэтому обстрел атакующих будет, даже бутылочки с соляжкой покидаем им потом отступление, где опять же обстрел, предпоследний аргумент — залп из трех двустволок с близкого расстояния максимально большой дробью, или покусанными гвоздями, ну и как последний аргумент — атака в строю и рукопашная, которую очень хотелось бы избежать.

Важно, что никто из варягов не должен уйти. Нельзя давать возможность тому же Снору сбежать и объявить свою версию произошедшего. Неизвестно откуда взявшихся людей со странным оружием легко представить, как разбойников, ставших на выгодном участке торгового пути. Вся мощь зарождающегося древнерусского государства сметет попаданцев и не особо поморщится. Вот если бы крупнокалиберный пулемет, а еще лучше вертолет с нескончаемым боекомплектом и топливом...

Самым же авантюрным во всем плане защиты поселения, была атака. Именно, попаданцы собирались атаковать корабли варягов, когда те увязнут в бою на поселении.

Причин лишиться на столь опасное разделение сил было минимум две — одна, как уже ранее отмечалось, нельзя допустить ухода Снора или его людей, ни одного. Второе — банальная... как говорили большевики: «экспроприации экспропрированного». Думается, что такую сложную фразу Ленин с его дефектом буквы «р» говорил больше, как анекдот, чтобы Свердлов с Зиновьевым посмеялись. Те же корабли в перспективе очень нужны, может и для того, чтобы попробовать самим построить схожее или лучше — Рыгора все хвалили, как хорошего плотника, да и найдутся еще руки, лес, как и металл и олифа в наличие. Выдюжить бы и побить варягов.

— Корабль выходит из Сожа в Днепр! — закричал Арнольд, который был в это время на дозоре с оптикой.

— Все, товарищи, считаем, что мы в осадном положении. Павел, это что? — Игорь приметил ножны под саблю, или шашку.

Вместо ответа, Казак достал все же саблю, сверкнувшую на солнце, и продемонстрировал несколько финтов.

— Прапрадеда сабля, на людях никогда не доставал, чтобы проблем с милицией не было, а тут... только вспоминать много нужно, руки подзабыли уже, ослабли, — высказался Павел и вложил свой, на данный момент лучший в поселении, а может и во всем мире, клинок.

— Мужики, удачи! — сказал Игорь, и группа из десяти человек отправилась к месту вероятной остановки кораблей, если те, все же не рискнут зайти по протоке в озеро.

Отправлялись Бойко, Павел, Большой, Рог, Степан, с ними Алик и еще четыре парня — студентов. Подходы через кустарник вдоль протоки были уже разведаны и бойцы ушли.

— Часа два до сумерек, будут они сегодня наступать? — спросил Рыгор у Игоря, который за сегодняшний день еще более повысил свой авторитет, его боевой опыт и умение принимать решения было оценено всеми.

Уже тот факт, что по настоянию Игоря огнестрел должен был использоваться по минимуму, так как крайне стратегический аргумент в вероятных будущих схватках, прибавил уважения к Солдату. Были те, кто сокрушался от ненужности всех приготовлений, так как можно легко победить противника оружием будущего. Но Игорь вел себя стратегически и отмел потуги некоторых решить проблему расстрелом с дальних расстояний, пусть таковые и будут.

Были и учебные бои для понимания возможностей будущих ратников. Так, в одном таком бою, Солдат победил всех, кроме Большого, с кем вышла ничья, ну и со Степаном долго провозился, тот был очень техничен во владении боевого топора, пусть и не типичного для парня-фехтовальщика оружия. Игорь же был с саперной лопатой. Да, парню пришлось использовать много подленьких приемов — подсечки, обманные движения, притворство, но это как у нинзя, которых все больше рисовали на видеокассетах, как благородных и феноменальных воинов, но на самом деле не было той подлости, как и унижения, на которое не пойдет нинзя, если это приведет к выполнению задачи. После таких боев в парне признали лидера если не все, то здравомыслящие точно.

Попаданцам нужно было почувствовать свои силы и определиться с моделью поведения в бою, ну а аборигены хотели понять, стоит ли вообще рассчитывать на странных пришлых людей в бою. Пришлось показать и возможности огнестрельного оружия, чтобы свои же союзники не испугались, да и пристреляться, несмотря на дефицит боеприпаса, было необходимо. Аборигены нельзя сказать, что в панике удирали после грохота выстрела, но

определенная опаска у них появилась. После вопросов в очередной раз о взаимодействии попаданцев с воинами извергов и кто дал людям такое оружие, получив объяснения, воины-русичи успокоились и не пугались вовсе. Вполне себе нормальное поведение хроноаборигенов при стрельбе было неким разочарованием для многих студентов, которые были почти уверены, что только звуки стрельбы способны прогнать всех диких пришлых оборванцев. Ну, может, еще динамит поможет, но так не хотелось бы его использовать, это оружие может уничтожить и целый корабль с воинами, как последний аргумент две шашки динамита отправлялись к рейд к кораблю варягов.

— Их предупредили и отданы приказы, — комментировал Игорь увиденное в бинокль у подошедшего к днепровскому обрыву корабля. — Отследите, куда именно побежал посыльный, может, получится в кустах и деревьях что-нибудь рассмотреть, так мы пойдем, где находятся первый отряд.

— Вран, Бушуй! — выкрикнул Горыня и буквально через десять секунд рядом с Игорем и главой беглецов появился тот самый парень, который собирался свататься к рыжей Вике в сопровождении еще одного, на вид опытного воина.

Игорю не пришлось в поединках встретиться с опытным Враном, а Степан проиграл тому, если можно так говорить «по очкам», то есть воин-абориген лет за сорок, что для этих людей уже много, с серебряными полосками волос на голове и бороде, выстоял в долгую против тренированного спортсмена-многоборца. И вот этим воинам нужно было провести разведку и окончательно выяснить, куда и когда будут выдвигаться варяги, в нападении которых уже сомневаться не приходилось. У Солдата были мысли об организации засады и она была бы оправдана, имея все шансы на успех, если бы рядом с парнем было хотя бы подразделение проверенных и уверенных в своих силах бойцов. Но с кем организовывать засаду, со студентами, аборигенами? Нужно боевое слаживание, учеба и тренировки и может быть, через месяц еще можно рискнуть, но не сейчас.

В это же время, почти четыре десятка воинов, коих уже все в поселении называли варягами, проведя какой-то ритуал и принеся в жертву какого-то бедолагу из разоренного поселения радимичей, из тех двух десятков, что были связаны на корабле, степенно выдвинулись в сторону поселения.

* * *

Снор, сын Ульвбьерна с демонстрационным прилежанием выполнял все поручения своего ярла Хельга, которого словене зовут Олегом. Еще отец Снора пришел к Ладоге е дружине ярла Трувора, а уже потом, через десять лет, когда Ульфбьерн был в родной Бирке, он забрал с собой сына-подростка. И стал тогда Снор с отцом ходить по рекам Руси, да исполнять веления конунга Рюрика, который, после смерти братьев своих Трувора и Синеуса оказался единым правителем словенских северных земель, да и чухонские земли воевал много.

Два лета назад в битве с чухонцами и был убит князь Рюрик, оставив двухлетнего сына, за которого встал Олег и не позволил, прикрываясь наследником, разразиться смуте. Снор тогда стал рядом с Олегом, как и многие лендрманы и хевдинги, другие ярые в бою люди. Теперь правит конунг Хельге, но при князе Ингваре, которого словене зовут Игорем. Вот и получалось, что Снор служит Игорю.

Как только лед начал сходить с рек, приказал Хельг-Олег идти Снору со своей малой

дружиной в разведку на Днепр, чтобы проверить торговый путь на предмет разбойников, беспокойных людей, на которых жалуются торговцы, часто теряя товар и сопровождение в стычках на большой реке. Разбойничали и радимичи, и кривичи, чаще изверги сбивались в ватаги и промышляли грабежом на активно используемом торговом пути, так поступали многие, те же хазары доходили до днепровских порогов пограбить и дальше вдоль реки, обходя Киев стороной.

Дружина же Снора состояла в большинстве из свеев, меньше норвегов, а так же и кривичей, которые одни из первых поддержали Рюрика, а их родоплеменной город Полотеск, как и Плесков-Псков вошел в единую выстраиваемую державу Хельге. Вот только железной рукой в своей дружине Снорр потребовал, чтобы все научились говорить на его норманском наречии, да и почитать более своих Чернобога, Коляды, воинского бога Перуна. Элитой же в большом хирде Снора оставались норманы, чья власть держала и на Сноре и на страхе перед Олафом-берсеркером. Вероятно, одной из причин, почему Олег отослал хирд Снора подальше от всего войска, и стало то, что Снор и Олаф уже убили в поединках много воинов Хельге, получая славу непобедимых. Последний конфликт, зачинщиком которого стали кривичи из хирда Снора был с отрядом Волькомира, который так же был из полочан-кривичей. Олег вовремя отправил Снора вперед, иначе два отряда обязательно подрались.

Все в команде Снора были сорвиголовами и приняли Перуна, как своего бога, так сильно похожего на скандинавского Тора, или балтского Перунуса. Но это был кровожадный бог, он постоянно хотел человеческих жертв, для чего в захваченных селениях постоянно оставляли людей, чаще лучших воинов, проигравших свою битву, но не погибших, чтобы бог был доволен сильной жертвой. Предводитель малой дружины гордился своим решением в выборе почитаемого дружинниками бога, который был не чужд ни славянину, ни балту, ни свею с данами и норвегами.

С момента выполнения поручений конунга уже шесть поселений были разграблены и спалены воинами Снора. Два из них, действительно, были очень похожи на логово разбойников с рабами и награбленным. Пришлось даже оставить два десятка воинов и один драккар, чтобы те хранили награбленное и пленников. Рабы очень ценились у хазар, которые в Киеве могут выкупить пленников, чтобы увезти их через булгар по Итилю, — реке, которую словене зовут Волгой.

Снор вполне осознавал, что поручение, которое он с таким рвением выполнял, приносит ему большое богатство. Понимал он и то, что рискует, когда грабит все поселения, что появляются на пути от Смоленска. Почти все, были и те, что могли стать проблемой для отряда Снора, поэтому он обходил такие стороной. Но мало защищенные селища все спалил. Если узнает Олег, то несдобровать Снору, конунг хочет мира на Днепре, да чтобы больше было поселений для торговли на Великом пути. Контроль пути в греки позволит создать сильную державу, а вот он, Снор мешает этому. Те два поселения родимичей, которые так удачно спалил и разграбил Снор, могли вызвать гнев как у племени на Соже, так и у их хозяев — хозар, тогда Олегу придется столкнуться с серьезным противодействием, большим, чем он мог получить от Диры и Аскольда в Киеве. Но варяг был готов идти на риск, а потом вернуться в родную некогда Бирку и стать важным человеком, его награбленное богатство даст возможность выкупить немало земли и, наконец, стать виком, меняя Одина и Тора на Фрейра и Фрею — асов на ванов, войну на земледелие.

Когда Олаф, ближайший соратник Снора и берсерк хирда прислал посыльного с информацией, что сильная община извергов окончательно не разгромлена, а успела уйти в

лес, да еще и с хорошим скарбом и немалым количеством скота и железа, предводитель варягов, ищущий себе титул ярла, не усмотрел ничего проблемного. В лесу выжить не так просто, если тебя преследуют так же бывшие охотники, а ныне воины, а тебя замедляют женщины и животные. Тут и проблема обустройства в лесу, нужно много хороших топоров, пусть они у них и есть, но тут проблема с питанием, хищниками.

Если забьют скот, то изверги могут остаться без средств пропитания, охотников у них стало меньше, их частью выбили люди Снора, а тут еще потеря полей. Да они, этот сброд, сами сдадутся на милость сильным, не могут же они знать, что у Снора милости нет. Но он мог бы взять себе в жены дочь главы Горыни, по словам пленных, она прекрасная валькирия, а сильных женщин Снор уважал, его мать была воительницей. От сильных женщин получаются хорошие сыновья.

Однако, по мере доклада Олафа, настроение варяга менялось, лицо Снора извратилось кривой улыбкой. Появился еще один неучтенный фактор — поселение со странными людьми, которые были идентифицированы, как эллины, но некоторые, те, кто видел эллинов, с этим анализом не согласились. Тем не менее, мечей у этих людей нет, только трое носят большие топоры. Лук был замечен только один и очень странной конструкции. Так что уже давно не ведающие поражений варяжки ватажники, решили, что воинов среди странных поселенцев нет. А вот то, что у них есть, не позволяло пройти мимо странных людей без оружия. К слову даже лопаты у этих людей из металла и их очень много. Видели разведчики и просто отличные рыболовные сети, которыми общинники выловили за час столько рыбы, сколько не получилось бы разместить и на драккаре, а они стали рыбу солить, значит и соли у них много, раз тратят ее на рыбу. Чтобы столько рыбы заготовить нужно много одного из самых важных ресурсов этого времени, а соленых залежей рядом не было выявлено, иначе пленные бы об этом сказали. А еще у них много, даже слишком много, молодых девиц, за которых харазы, да и эллины, дадут хорошую цену. Если все это забрать себе, то можно, распродав хазарам награбленное, возвращаться в Бирку.

«Покорение этого поселения станет отличным завершением рейда по этому, ранее опасному участку торгового пути» — думал Снор, когда приказал выдвигаться в сторону горы, на которой находилось поселение. Он рассчитывал, что хватит времени до темноты, чтобы успеть убить и пленить всех людей. А, если дать ночь

* * *

— По местам! Всем быть готовыми! Начинаем после выстрела, — выкрикнул Игорь, переключаясь на боевой режим.

— Вран и Бушуй возвращаются, Вран ранен, — выкрикнул Витек, который был рядом с Игорем, но держал под наблюдением левую сторону с дубравой.

Солдат посмотрел в направлении, от куда и должны были выходить разведчики, ни Врана, ни Бушуя не было видно, они скрылись скорее всего за дубами. Сквозь редкие просветы между кронами больших деревьев были видны люди, которых уже нельзя было идентифицировать, как союзников.

Выстрел! Еще выстрел!

— Твою маковку! — выругался Игорь. — Группу реагирования к Артуру, нас обошли.

Витек рванул к укреп-городку, и оттуда с претензией на слаженность выбежали с десяток наших воинов и направились к домам. Действовать они должны были только в

крайнем случае, но не пропустить атаки с тыла, как и грабежа домов. У Константина был один из пистолетов с одной обоймой, а у Ильи, еще одного парня из студентов, арбалет, пусть и с крайне ограниченным запасом болтов к нему, но это изделие было первым изготовленным уже здесь, в прошлом. Все ребята имели что-то похожее на доспех — ватники из запасов деревенских и на них, на скорую руку, несимметрично нашиты железные пластины. Двое были в строительных касках, один умудрился приспособить кастрюлю для защиты головы. Выглядело бы все это комично, если только не учитывать, что даже плотный ватник при касательном ударе может смягчить эффект и оставить в живых, да и не каждый прямой удар достигнет цели, чтобы выбить бойца.

Выстрелы же временно прекратились, и Игорь уже подумал, что зря отправил ребят, но, как только Костя скрылся за забором, входя на территорию двора одного из домов, то послышался выстрел из пистолета.

Какое-то отчаяние посетило Солдата. Как же хотелось избежать смертей, и даже, если быть честным, дело не в человечности, гуманности. Игорь опасался остаться без защитников, которых просто неоткуда брать, если подходить к проблеме цинично. Столько девчонок и может статья, что очень мало парней. Там, в том времени, нагнали бы молодежь и восстановили численный состав потрепанного подразделения, здесь же таких ресурсов нет. А еще, часть ржаного поля, на котором находилось поселение, было загублено приготовлениями к войне. Как не просили ходить только по уже протоптанным тропам, и вообще больше обходить, ничего не получилось. Только бы отбиться и заняться вплотную уже наведением порядка в поселении.

В своих раздумьях Игорь чуть не упустил рывок подходящих к горе захватчиков. В метрах четырехстах варяги начали ускоряться. Постепенно, как в фильмах, атаковала конница, представленная десятком всадников, так и пехотинцы все более увеличивали темп, стараясь держать подобие строя. Вначале это происходило тихо, но уже на полпути варяги начали кричать. Нет не «ура», а кто на что горазд, больше, может, громко рычали. Один из самых крупных, относительно большинства низкорослых бородачей, бежал почти голым, только с обмотанным тряпкой причинным местом. Мышцы берсеркера, а не было сомнений, что это он, бугрились, это были вымученные, рабочие мышцы, а не накаченные коктейлями и таблетками. Большая секира берсеркера отсвечивала последними в этот день лучиками солнца. Вечерело.

Выстрел! — это уже стрелял Игорь, с колена, прицельно одиночным. Переключившись на другой режим стрельбы, Солдат дал несколько коротких очередей по набегающей толпе. Семь человек получили свои порции металла в организм, два сразу упали сраженные, остальные получили ранения и, кто хромя, кто не обращая внимания на кровоточащее плечо, продолжали движение в сторону поселения.

— Вот настырные! — проговорил Игорь и вновь стал выцеливать противника одиночными.

Послышались хлопки — это шесть лучников, из которых половина лучницы-валькирии пустили в полет стрелы. Не отставал и Игорь, который уже держал на мушке автомата голого мужика с большой секирой. Выдох! Палец уже плавно нажимал на спусковой крючок, но резко что-то опалило щеку и в районе уха стало очень тепло. Автомат дернулся и снес бегущего рядом с берсеркером воина.

Пока Игорь хотел выбить самых опасных, по его мнению, врагов, варяги, десять из них, стали стрелять из луков. Послышались крики боли в метрах десяти от позиции Солдата, но

для парня главным было то, что это были звуки, издаваемые явно мужчиной. Значит не Света!

Прицел, выстрел! Было очевидным, что пуля пролетела в самой близости от берсеркера, но не задела его, войдя в ногу одному из лучников, который остановился и целился в сторону горы.

— Ты что заговоренный? — зло пробурчал Игорь и стал отстреливать уже других атакующих.

Выстрелы звучали и со стороны домов, где разгорелся бой, в том числе и ближний. Как ни старался Артур минусовать всех наиболее быстрых и рьяных бородачей, сорвать атаку не получилось. Костя уже так же отстрелял все до железки, половину «в молоко», несмотря на то, что враги были в считанных шагах от него, но были и попадания. Илья успел выстрелить из арбалета два раза, оба удачно попал, чем уже начинал гордиться, пока брошенный топор с маленькой ручкой, чем то напоминающий индейский томагавк, не пробил ему череп и парень упал замертво. Лежали и еще двое студентов, один «защитничек» сбежал. Костя понимая, что ситуация проигрышная, а отступить уже не получается, в порыве боя изловчился достать свисток, который был для забавы взят одним из погибших от туманных волков и уже потом достался Косте. Со всей силы парень засвистел, пусть и еле слышно, но на краю сознания, Игорь услышал звук отчаяния.

— Шишон! — заорал Солдат. — В дома, к Косте!

Шишон был в числе тех, кто ожидал атаки с левого фланга, откуда и выходили варяги, но те обхитрили попаданцев, как и беглецов из числа аборигенов. Шишон услышал и рванул в сторону поселения, за ним же отправились Бушуй и Вран, который, пусть и хромотал, но не собирался отсиживаться.

Между тем, главные вражеские силы, атакующие «в лоб», нарвались на препятствие в виде колючей проволоки. Отрадно было Игорю боковым зрением заметить, что берсеркер, рвущийся вперед, как танк в далеком будущем, завяз в проволоке и уже изрядно расцарапал себе руки и ноги. Солдат же отстреливал последними патронами лучников, которых оставалось уже только трое. Но варяги, как будто не замечали потерь, перли вперед, несмотря, а скорее, вопреки... Оставалась чуть поодаль только конница, видимо призванная догонять защитников, когда те побегут.

— Витек, ты живой? — выкрикнул Игорь, отбрасывая ставший ненужным автомат.

— Нога! — простонал студент.

— К черту ногу, потом поплачешь, поджигай бутылки! — Игорь встал с колена, провел по правому уху, откуда все еще хлестала кровь, как и со щеки.

— Света, Власта, Таня, отходите! — выкрикнул Игорь и всмотрелся вниз, где уже бежали у склона варяги, еще больше обозленные от неожиданного препятствия в виде проволоки.

Врагов стало не больше двадцати. В это же время прозвучал глухой звук от светово-шумовой гранаты.

— Они еще справа кого-то послали. Обложили, — прошипел Игорь, принимая стойку, — в правой руке максимально заостренная саперная лопата, в левой «Макаров».

Нельзя сказать, что Солдат левой рукой стрелял так же, как и другой, но рубить лопатой было точно сподручнее правой.

Выстрел из пистолета по поднимающемуся первому бородачу прозвучал, когда в полете была первая зажженная бутылка с соляжкой. Повезло то, что «коктейль» нашел обо что

разбиться в конце своего пути, упав на склон и скатившись до единственного на ближайшие десять метров камня.

Разлитая жидкость вспыхнула, другие бутылки добавили эффекта. На десять секунд атака замедлилась. Выстрелов наступающие не испугались, огонь же у варягов чуть не вызвал панику. Если бы эффект не был столь коротким, то они бы побежали, однако и выигранные десять секунд боя многого стоят.

«Поспешил с лучниками» — подумал Игорь, что возникшей паузы и заминки в рядах атакующих хватило бы если не на два, то на один залп стрелков точно, а он уже отправил подальше Свету с коллегами. И стрелы нашли свою добычу, не хватало только трех, так как Власта с Таней и Света послушались приказа, который был обращен к ним, а так был бы реальный шанс не допустить рукопашной, а расстрелять варягов на склоне.

Враги были уже готовы отступить, и их выдержка конечна, но увидели уже взобравшегося на гору своего берсеркера и воспряли духом, Олаф еще никогда не проигрывал в схватках, мог потом долго лечиться, но во время боя не проигрывает, он их главный таран.

Берсеркер, весь в дыму, который исходил от голого тела, с ходу оттолкнул плечом Горыню и устремился к Игорю. Как этот безумный воин выбирал себе противника, Солдат так и не понял, но голый, немалых размеров мужик, шел на него, замахиваясь большой секирой. Солдат должен был себе признаться, что страх — это эмоция, которая ему не чужда.

Игорь, пятясь назад, успел сделать два выстрела в берсеркера, когда тот нанес удар секирой. Парирование секиры лопаткой смягчило могучий удар, и лезвие прошло по касательной, но вспороло кожаную куртку с железными накладками в районе левого плеча. Выстрел! Еще один, но берсеркер стоит на ногах, в глазах ни боли, ни осознания, что уже должен умереть, а патронов больше нет. Очередной замах секирой, но Игорь реагирует и подныривает под руку, рассекая острой лопаткой живот, казалось, бессмертному мужику. Даже после этого «вскрытия брюшной полости», вкупе с ранениями в разные места туловища, берсеркер попытался вновь занести для удара свою секиру, пусть и делал это очень вяло. Однако, прилетевшая со стороны укреп-городка стрела прошила бритую голову и туша наркомана, а иначе поступки мужика, Игорь никак для себя не оправдывал, рухнула.

Оглянувшись, Игорь увидел, как Горыня проигрывает свою схватку рослому мужику с серебряной шейной гривной, другие же союзники так же были заняты своими соперниками. Пять варягов с правого фланга, которые попали на растяжку, жаль что свето-шумовой, а не боевой, гранаты уже так же участвовали в рукопашной. Немного пошатываясь то ли уже от усталости, а может и из-за потери крови, Игорь приблизился к поединщикам в момент, когда варяг с гривной уже продавил оборону Горыни и ударил ногой по бедру Снора, тот подкосился и меч Горыни вошел в грудь главы варяжьей ватаги.

Когда еще три стрелы, выпущенные женскими руками, нашли свои цели, эти бесшабашные валькирии вышли-таки из-за укрытия, бой закончился. Восемь варягов бросили оружие и, склонив головы, стали на колени.

— Что с Костей? — выкрикнул Игорь в сторону укреп-городка, сваливаясь на колени.

— Жив! — кто-то откликнулся в тот момент, когда сознание покинуло Игоря.

В это время все уже было закончено, причем на всех направлениях. Сложнее всего пришлось как раз Косте, который во время первого напора потерял четыре парней убитыми и еще троих ранеными, одного дезертира, который, впрочем так же был убит, но в спину. В

итоге парень, по сути, отмахивался один от напора троих бородачей, что могло только отсрочить его поражение. Артуру из своего укрытия на чердаке дома Большого получилось остальных варягов отсечь от парня выстрелами, уничтожив почти всех. Когда же в бой вступил Шишон и другие прибежавшие с ним, оставшиеся трое варягов сдались.

На левом фланге и так варяги не шли в бой полноценно, только отвлекая силы защитников. Но и они сдались, как только узнали, что предводитель Снор и берсеркер, которого больше всего боялись ватажники, Олаф, погибли. Начали, было торговаться с Горыней на предмет своей почетной капитуляции, но тот продемонстрировал голову Снора, и захватчики сдались без предварительных условий. Конные попытались было удрать, но промедлили с решением, без четкого понимания происходящего на холме, те просто ждали. Ну, а после лучники взяли под прицел и конных, срезав стрелой самого резвого из них.

Потеряв предводителя хирда выжить воинам было почти невозможно, бежать же на корабли, а потом к месту встречи, где много награбленного было сложно, как и уходить с поля битвы без тела предводителя, позор большой, чем сдача в плен.

Драккар так же получилось взять быстро. Варяги оставили охранять своих рабов молодняк, посчитав, что легкой прогулкой взятие странного поселения не будет и все опытные воины нужны на горе. Молодые же воины без жесткого, порой жестокого присмотра, расслабились и службу несли плохо. Только пять отроков были на корабле, остальные же поспешили занять места в «зрительном зале» и пытаться что-нибудь рассмотреть из происходящего у горы, а чуть позже и на ней.

Вот эти зрители и были расстреляны практически в упор из охотничьих ружей с большой дробью. Убить сразу всех охранников не получилось, но и бойцами те уже престали быть. Большой с Роговым-младшим и Бойко ворвались на палубу и стали крушить там оставшихся, не готовых к сопротивлению отроков. Наиболее сильно сопротивление оказал один раненный боец, явно вундеркинд среди всех варяжьих недорослей, да и, видимо, этот парень занимал немалую позицию в иерархии завоевателей, одет был намного лучше остальных и был опоясан мечом. Только усилием уже взбежавшего на корабль Рогова-старшего, пришедшего на выручку сыну, уже раненому молодым варягом, удалось зарубить, несомненно, могущего стать великим воином, если бы не странные пришельцы с палками, извергающими огонь и металл.

На этом схватка и закончилась, а вопрос же с пленниками, что были на корабле связаны, был отложен, решили и не развязывать людей, только напоили их. Остались караулить добро Павел и Бойко, остальные побежали к поселению, в желании помочь, понимая, что не успеют, все же два с половиной километра, да и бежать было нелегко после пусть и скоротечного, но энергозатратного боя. Однако, иначе не могли, там были дети, так это понимал и Большой и Рог и напрягали все силы, чтобы меньше думать о том, что может произойти в поселении, если среди молодняка варягов оказался такой неслабый боец.

Лазарет, или госпиталь, если можно так назвать выделенный дом без какого-либо медицинского оборудования, был переполнен. Дом в три комнаты был устлан ранеными и больными. Ольга и еще три девочки, переступая через спящих и бодрствующих лежачих больных, старались помочь всем, но это было крайне сложно. Баба Клава так же помогала девчонкам, оказалось, что она очень много знает о травах, как и лекарствах будущего промышленного производства. Накоротке Клавдия Ильинична стала общаться и с ведьмой из числа беглецов. Та, тоже, к слову, пожилая дама часто спорила с бабой Клавой по поводу того или иного состава травяного лекарства, вводя христианского проповедника Андрея в когнитивный диссонанс, — он не мог понять, как соединены в одном человеке и ведовство и вера в Христа. Ведь баба Клава траву заговаривала, на ухо болезным шептала, при этом истово молилась на красивые иконы.

Девушки же также начинали учиться премудростям бабок. Пока только травам, не трогая метафизическую составляющую, в которую продолжали не верить. Между тем, когда от мазей, как бабы Клавы, так и старухи Виданы никогда не было на ранах загноений, а при простуде горло лечилось моментально, о чем свидетельствовали бегающие дети, еще вчера лежащие с гнойной ангиной, бывшие студентки-материалистки проникались.

Стрептоцид, самое ходовое сейчас лекарство, был ограничен, пусть его и оказалось много по всем аптечкам: и автомобильным, и школьной, и личных деревенских. В экспедицию же набрали просто невообразимое количество средств для лечения травм и от поноса. Меньше было аспирина и анальгина.

— Как он? — спросил Константин, пришедший на перевязку к Ольге в лазарет.

— Пока еще бредит, приходил в себя пару раз, но ненадолго, успевали хоть бульона влить немного. Раны зашили, но части уха он лишился навсегда, — сказала девушка, а потом приняла позу обиженки и продолжила. — Я потрачу листы бумаги и буду вывешивать ежечасный отчет о состоянии здоровья Солдата. Сколько уже можно, все ходят и интересуются? И ты туда же. Я-то думала, что меня захотел увидеть.

— Оль, я... — парень растерялся от напора.

— Да ладно, — усмехнулась Ольга, резко сменяя настроение и радуясь, что вновь получилось женскими чарами сделать парня без вины виноватого. — Слушай, тут такая история закручивается. Представляешь Власта — дочь старейшины Горыни ходит навещать Солдата, говорит, что женой будет его, так сказал ей отец, а Светка Кручинина тоже вокруг Игоря круги нарезает. Так вот, они встретились час назад и чуть друг другу волосы не начали выдирать, а до этого уже чуть ли не подружками были, все стреляли из луков на интерес. Власта Светке, типа, а ты его разувала? А та ей, что, мол, уже и раздевала и не только, не подходи к нему, он мой! А та ей, — это старшие решат. А еще Степа Рогов глаз не отрывает от Власты и собирается драться с Солдатом, чтобы тот не обижал аборигенку. Спрашивал меня, когда тот выздоровеет, чтобы вызвать на поединок нашего главного, в смысле Игоря.

— Оль, но ты же не сплетница?! — сказал Костя.

— Так, интересно же! — возмутилась Оля, но перевела тему разговора. — А что там с варягами? Всех победили?

— Взяли врасплох остаток хирда на бывшем поселении Горыни, они пили какую-то муть, — парень поморщился. — Я пробовал, этот «мед», сладкая брага какая-то, у меня

родители лучше делали что-то похожее. Так теперь у нас есть два драккара и много разного добра, там даже больше двух тысяч дирхем, представляешь? А шкурок вообще дохрена. Все ждут, пока Солдат очнется, собираются идти на кораблях к месту, где у варягов хранится остальное награбленное. Но Горыня сказал, что без Солдата ничего больше решать нельзя, и Большой с Рогом поддержали это. Так что Игорь становится нашим князем.

— Князь, — посмаковала слово Ольга. — Только придет князь Олег и покажет маленького Игоря Рюриковича, скажет, что это истинный правитель. Тогда и с ними воевать станете?

— Не, тут не получится, нужно думать, — Костя погрустнел. — Девять человек хоронить будем, тех, на кого можно было положиться. Так сточимся очень быстро. Ладно, пойду я, дел много.

— Я освобожусь, Ленка сменит, и ты найдешь время на меня! — утвердительно проинформировала Ольга, а Костя вновь повеселел, понимая, за чем именно придет он в следующий раз, вот только где уединиться — проблема.

* * *

Игорь очнулся уже на следующий день после того, как случилась битва, и он потерял сознание. Внутри была какая-то пустота, голова кружилась, немного саднило плечо и сильно чесалось правое ухо.

Увидев, что Солдат очнулся и пытается подняться с кровати, на которой тот, в отличие от большинства размещенных на полу раненых, лежал изначально, Лена выбежала из дома. Уже через десять минут в комнату вошла баба Клава с проповедником Андреем и травницей Виданой. Игорь не удивился, увидев такую странную процессию, голова еще трудно соображала.

— Вот же Ольга, шельма, побежала уже кусты мять с Константином, а тут воно как... — причитала Клавдия Ильинична. — Ты, Ленка иди до Катерины и чтобы через час тут была гречка с печенкой и мясо с кровью. Там мужики лося приволокли, с него пусть и выделит. Да мигом.

Лена исчезла из дома, как ветром сдуло.

— Как все прошло, сколько раненых, убитых? — начал задавать волнующие его вопросы Игорь, при этом чуть шевеля губами.

— Ты болезный не лезь пока в дела те, сам богу душу чуть не отдал, — сказала баба Клава и перекрестилась под улыбку умиляющегося Андрея.

— Света жива, мужикам удалось отбиться? — настаивал Солдат.

— Так, позову я кого из старших вояк, нехай пораскажут тебе, коли так, — проявляя некоторое недовольство, сказала баба Клава, потом обратилась к Видане. — Пошли, Видана, поразмыслим, какую траву заварить парню.

Колдунья кивнула, под недовольство Андрея, и все вышли на веранду. А через полчаса Игорь пил ужасно горькую настойку, а комнате уже шли разговоры.

Солдат и огорчился и обрадовался исходу битвы. С одной стороны, девять погибших, где большинство студентов, но при таких раскладах, как складывалось сражение, могло быть намного больше. Между тем, убиты семьдесят три варяга, двадцать три взяты в плен. Освобожден двадцать один пленник, это были почти все воины, взятые в плен кто по ранению, кто был связан или оглушен. Четыре девушки, которых, к слову, не попортили, и

выглядели, по местным меркам, очень привлекательно — полноватые с густыми русыми волосами и вполне милыми лицами. Так описывал ситуацию Рыгор. Все пришли к выводу, что девицы точно шли на продажу и были выбраны среди прочих по современным критериям красоты и возраста. Все пленники захотели присоединиться и жить на поселении, так как их селища были взяты боем и разграблены. Но спешить брать их в рождающееся сообщество не стали, определили что-то вроде испытательного срока, когда те на ночь будут запираются и охраняться.

По оружию так же было теперь много интересного и способного вооружить всех, кто может стать воином. Солдату же предложили на выбор либо секиру убитого берсеркера или же меч самого Снора — предводителя варягов.

Вообще по этому Олафу — берсеркеру у местных считалось, что убить такого зверелюда можно только, если ты сам берсеркер, или любимчик богов. Игоря посчитали по второму варианту, так как стрела все же сыграла последнюю ноту в реквиеме по варягу. Казалось, все это предубеждения, но тело убитого голого мужика тщательно осмотрели. Вердикт: больше двадцати мелких порезов, два крупных, включая распоротый живот, четыре пулевых ранений. Про последнюю стрелу, которая и положила конец существованию воина, никто не говорил, чтобы не умилять вклада в победу военного предводителя поселения. Толи решили создавать из Игоря образ великого воина, а может и еще какие причины. Тем не менее, люди станут более охочи подчиниться тому, кто убил непобедимого ранее берсеркера, чем тому, кто берсерка не убил.

Принципиальное решение о включении всех новых людей в состав общины было принято, и не встретило какого-либо сопротивления, пусть и с испытательным сроком. Если речь шла об общине Горыни, то оставшиеся воины извергов показали, что на них можно рассчитывать, союзничество в бою убирает много условностей.

Сложнее было с освобожденным пленниками, но и с ними, в конце концов, выбора в принятии решения особо не было, кроме как приглашать воинов в общину. Да и вдовых аборигенок очень много, получится создать семьи, тогда и крепче будет стоять община.

Алексей Шац пропускал данное собрание, горевал по своему другу Николаю, который все же пал во время боя. Тогда и Шац и Романюк решили пойти в рекруты, ощущая, что их власть тает на глазах. На решение Николая большое влияние оказала реакция Лиды, которая хотела видеть рядом с собой статусного мужчину. А бегая от опасности в выстраиваемом новом обществе, достичь статуса не было возможным.

Оба молодые мужчины-преподаватели были поставлены под командование Кости Нечаева, и так вышло, что попали в самое пекло. Алексей был ранен в руку, скорее в предплечье, а Николай и был тем бойцом, который побежал с поля боя, как только запахло жареным, он, оказывается, получил в спину сулицу. Игорю подумалось, что Лида грустит, но он прогнал эти мысли — одним деструктивным элементом меньше, а Шац проявляет все больше реализма и адекватности. Пусть сотворить из Алексея бойца и не получится, но стержень все же у парня есть и это главное.

— Так что, без меня хотите идти на логово варягов? — спросил Солдат, когда начали обсуждать состав воинов, которые должны были отправиться на место схрона с награвленным разбойником Снором.

— Лечись, справимся. Тут быстро действовать нужно. Пусть и бойцы из пленных проявят себя, да мы с Рогом прошвырнемся, приглядимся, ребят Шишона возьмем. Нельзя сидеть сиднем, нужно знать обстановку вокруг. Там еще говорил Горыня за одну общину

извергов, ну тех, кого из племени выгнали, к ним тоже нужно наведаться, может какое соглашение или торговлю учинить, — сказал Большой и улыбнулся. — А ты, воин, с девками своими решай, уже космы друг другу пытались вырвать.

— А кто еще, кроме Светы моя девка? — Игорь задумался. — Лида что ли?

— Еще одна! Хорошо живешь! Так и гарем можно организовать. А что Михаил, наш умник, говорил на обеденной лекции, что у местных многоженство в порядке вещей, — высказался уже Рыгор, а Игорь усмехнулся, что Михаил нашел себе благодарных слушателей и читает сейчас лекции по Древней Руси.

— Ты, Змей Гарыныч, сказывай, пошто твоя Власта женой Солдату зовется? — фамильярно обратился Большой к Горыни.

Игорь уже ожидал какой-нибудь конфликт от шутливости обращения к предводителю аборигенов, но старейшина беглецов только провел лекцию, что змеем он быть не может, а Солдат человек важный, может и двух жен взять, он, дескать, не понимает, зачем девушкам спорить. Выздоровеет парень и хватит сил на двух девиц — делов-то заделать сыновей двум девкам, а семья такого «производителя» не должно простаивать без дела, поселению нужны молодые воины и охотники. Но Игорь не разделял такого подхода к матримониальным делам, да и эмоции к Свете становились все более яркими, однозначно перерастая в сильное чувство.

— Вы обскажите, как дела у нас ладятся, пашем ли землю, спорится ли охота, — спросил Игорь, подражая говору Горыни.

Вообще удивительно, как быстро меняется разговор людей, причем в сторону современной Игорю речи, может потому, что она богаче и красочнее. Уже все беглецы сносно матерятся, используют слова «гулять», «пайка», «круто», «фирма», «товарищ» и другие. Языковой барьер стирается семимильными шагами.

Из сбитчивых рассказов собравшихся стало ясно, что работа не останавливалась. Чтобы быстрее забыть о бое, всех загрузили работой. Уже прогорели две больших лоханки и у леса отвоевали больше пяти гектаров земли. Завтра, когда уже выкорчуют пни, над которыми работает половина мужского населения и даже трактор, начнут посадку кукурузы, подсолнечника и картофеля. Заяц нашел где-то у себя дома зерна, в которых определили пшеницу и их посадят на огороде бабы Клавы. Там всего-то жменя, но можно будет через год немного посадить уже на поле. Ячмень и овес тоже есть, но это под другие лоханки. Было необходимо освободить от леса еще не меньше двенадцати гектаров земли. При этом луг, который стелился между озером и Днепром где-то два на один километр, будет использоваться для заготовки сена на зиму, а поляна, что рядом с поселением, на опушке леса для летнего выпаса скота. Не стоит забывать о главном бонусе при переносе — поле ржи, да и перенесенные пять-шесть соток некогда колхозного поля кукурузы давали, пусть и немного, но разнообразие для корма скотины.

Выгодное, с точки зрения времен года, хронопутешествие с переносом в весну создавало дополнительные возможности для выживания. Так, клубника, которая уже прекратила плодоносить, должна была дать еще один урожай, не поздно засеивать новые поля, главное, чтобы было чем. Интересно, но факт — полно грибов, как колосовиков, так и появлялись лисички. Уже сейчас, под возмущенные возгласы местных, грибы солились и закатывались в банки. Новостью стало, что местные не ели боровики, считая съедобными трубчатые, но не губчатые грибы!

Было решено использовать картофель в пищу по минимуму, чтобы больше посадить, а

семена, которые остались у деревенских, все дело. Тут и огурцы, и кабачки, у запасливых сельчан даже нашлись и семена сахарной свеклы.

Несмотря на большие виды на урожай, соления решили поберечь, как еще один стратегический продукт, соль не бесконечна, ее осталось четыре мешка и лучше использовать для производства тушенки: банок хватало, крышки под закрутки были в большом количестве, как в магазине, так и у рачительных хозяек бабы Клавы и Катерины. Собирались женщины организовать и соление грибов в бочки.

Кстати, именно грибы стали основным аргументом в спорах о времени года. Дело в том, что белый гриб был вполне массово представлен в лесу, такое в будущем, чтобы в апреле, даже в мае повылазили не сморчки, как самые ранние грибы, даже не лисички, а белые, представить сложно. Но и баба Клава и Рыгор выразили свой скепсис по такому доводу. Они и слышали, да и сами не раз собирали белые царь-грибы еще до того, как устанавливалось календарное лето. Это так называемые «колосники», которые быстро отходят, уступая, после продолжительной паузы, поля и леса своим собратам — боровикам. Так что охотникам было дано указание собирать грибы, хотя бы на обратной дороге к поселению, а вокруг обитаемой зоны, которую уже признали условно безопасной, выбив только сегодня кабанью семью из взрослой свиньи и трех достаточно крупных подсвинков. Видимо секач, уничтоженный в первый день попаданчества, был главой этого семейства. Теперь же, чтобы не работать на полях и по благоустройству поселения, охотники переквалифицировались в собирателей. Даже Шишон подговорил Бойко и Бушуя идти в лес, а не стоять их охотничьей артелью на лопате. Моховец захотел освоить искусство охоты, как и еще трое парней из его банды.

Зайца-Славу остановили в его рыбацьем деле. Этот фанат рыбалки получал слишком большие дозы рыбацкого счастья, мешками таская более мелкую рыбу и волоча огромную. Столько рыбы пока просто не осилить в переработке, а солить решили больше мясо. Охотники же работают и уже к столу есть свежая конина и лось. Стадо маленьких лошадок обитало неподалеку, на их навели местные. Было принято решение захватить кобылок, чтобы получить потомство от коней из будущего и тех, девяти, которые были захвачены в бою.

Оборудуют и кузню. Рыгор и Рогов потребовали полностью освободить один из гаражей школы, где уже думают, как ставить печь. Споры разразились по поводу самой печи. Вариант древнерусской домны отвергли сразу по его крайней непродуктивности. Но и английские варианты времен промышленного переворота так же забраковали из-за отсутствия сырья и добавок при выплавке металла. Михаил-умник присоединился к дискуссии и предложил индусский вариант для производства дамасской стали. Игорь так же решил, что примет участие в процессе. В конце концов, он уже год проработал на заводе Центролит, где занимались отливкой металлических изделий, кое-что в деле понимал.

— Рог, Рыгор, вы же видели арбалет, что скажете? — задал вопрос Игорь.

— Да так себе игрушка. Натяжение можно увеличить еще килограммов на пятнадцать, а то и до ста метров не добивает. А так я тебя, Солдат понял, нужная вещь. Мы сделали одну реплику по имеющемуся. Так себе получилось, но то собирали впопыхах и на коленке, — высказался первым Рогов.

— Плечи в тех арбалетах деревянные, а можно и стальные, тогда натяжение увеличится вдвое, да ложе кривое и кособокое, — раскритиковал Рыгор имеющиеся в поселении два образца самострела.

— Вот и займитесь этим и привлекайте всех, кто нужен. Металла по поселению много,

есть стальные листы на школьном складе, сами же говорили, я подсказу чего, но поговорите с Умником, у него книги есть, там разделы по оружию Средних веков, да он сам ходячая энциклопедия. Арбалетами можно вооружить почти всех, много умений, как стрельба из лука, он не потребует, — сказал Игорь.

— Так можно и примитивное ружье сделать, — подал свою идею Большой.

— Можно, даже нужно, но порох где взять? Силитряные ямы, если мы их вообще сделаем, будут зреть год, может больше, серу вообще не знаю где взять, так что пока имеем то, что имеем, и не распыляемся на прожектерство, — с повелительными нотками в голосе сказал Игорь.

— Да, мой повелитель, — в шутливой, даже немного ироничной, манере отвесил поклон Большой. — И откуда все это берется? Власть развращает. Был же простым парнем, с девками разобраться не мог, а тут взрослыми людьми командует.

Все заулыбались, но Горыня воспринял слова о повелителе с серьезным выражением лица.

— Мужики, идите уже работать, а то парень только оклемался, а вы его тут нагружаете проблемами. Уже лбы здоровые, чтобы все самим порешать, — с претензиями в комнату вошла баба Клава. — Там у его дела любовные, нужно разобраться, а то девки поубивают друг друга. Да и хлопцы також.

Из комнаты быстро, улыбаясь во все зубы, вышли попаданцы и старейшина беглецов с озабоченным видом.

— Вот, когда успел, кобель? — в комнату, расталкивая в дверном проеме выходящих, ворвалась Света, все остальные посетители ускорились ретироваться, как и баба Клава.

Девушка была не одна, рядом с ней с перебинтованной рукой стоял угрюмый Степан. Игорю самому хотелось спросить, зачем тут Рогов младший, но предыдущий разговор и так забрал много сил, чтобы вступать в противостояние с напором Светы. А девушка-фурия осмотрела комнату и определив лежащих на полу пятерых больных, как несущественную помеху для разбирательств, продолжила:

— Почему, эта деваха, Власта, говорит, что выходит за тебя замуж, что ее отец собрался с тобой породниться? Предлагает мне быть твоей второй женой? — негодовала Света.

Игорю хотелось пошутить, что готов сделать ее первой, самой-самой главной, женой. И, если в этом проблема, то вопрос решен, и можно собраться всей семьей: он и две его жены. Даже улыбка озарила его лицо.

— Что молчишь? Улыбаешься? Да ты извращенец, все кончено, больше не подходи ко мне, я буду искать мужа из бородачей, — Света сделал вид, что собирается выйти из комнаты.

— Стой! — крикнул Игорь и чуть не потерял сознание от напряжения. — Объясните мне, что происходит!

И они рассказали, за незначительными подробностями, Игорь уже мог этот разговор слышать, когда Оля пересказывала Косте самые пикантные новости поселения, но тогда Солдат еще не пришел в себя, поэтому его глаза расширились и выглядели в крайней степени удивленно.

— Так ты не собирался обижать Власту? Ты женишься на Светке? — спросил Степан, а Света превратилась в «само внимание».

— Да, а Власту давай за тебя сосватаю, только учти, что тут вопрос уже и политический, нельзя будет поматросить и бросить, — высказался Игорь.

— Да я...не против... классная девчонка... — смущенно сказал Степан.

— Ну и решили, — удовлетворенно констатировал Солдат.

— Меня тоже нужно было спросить, — фыркнула Света, но отказываться стать женой Солдата не стала.

Насколько все это серьезно? Это как воспринимать сложившуюся ситуацию — временное жестокое приключение или жизнь. Сражение забило еще один гвоздь, может и не последний, в гроб надежды на вертолеты и спасение. Все прониклись и в разной степени смерились с ситуацией. И уже начинается сватовство и завязывание союзов. Вот, даже взять Степана и Власту. Ну, перенесет попаданцев проведение домой в 1990-й год, так вся эта любовь станет, как реалистичный сон, и ни каких обязательств. Вот такое вот, скотское, отношение к людям, но на Игоря накатывал и такой цинизм.

* * *

На следующий день Игорь, проснувшись и умывшись дефицитной водой, которая уже заканчивалась в некогда привезенных бочках для нужд экспедиции, а колодцы только копались, собирался выйти из дома и принять хоть какое участие в делах поселения, по крайней мере, оценить работу, которую проделали за прошедший день. Был один колодец у дома Павла, но его нужно было вычистить, уже как два года воду из «журавля» — такой конструкции был колодец — не брали. Единственный отличный источник воды был в брошенном доме, у которого случилось преступление с изнасилованием, но кто бросил туда мертвую кошку, которую не сразу удалось обнаружить, и вода приобрела опасный привкус, выяснить не получилось.

В деревне были уже большей частью заброшенные колодцы. Зачем они, если на огороде, как и в доме, была вода центрального снабжения. Была, да утекла. Откуда ей взяться, если водозаборная башня осталась в будущем. Можно, конечно нагнать студентов таскать воду из ключа возле бывшего лагеря, и это будет организовано. Вот только носить воду ведрами за километр от поселения и в гору, было сизифом трудом. Поэтому сейчас организуется команда заполнить бочки, бывшие некогда с водой, предоставленной руководством Лоева. Для этого уже разогревается мотор трактора и залита солярка в его бак. Невосполнимая солярка! Да и работа эта надолго.

Солдат же уже вникал во все проблемы общежития, которые ранее игнорировались из-за опасности угрозы от варягов. Безопасность превыше всего! Но сейчас и мелочи важны.

Нельзя сказать, что Игорь чувствовал себя хорошо. Голова кружилась, ноги при ходьбе подрагивали, болело в левом боку, наверное, в сражении травмировал ребра. Однако, будь даже парень в более худшем состоянии, чем сегодня, он бежал бы прочь из дома-госпиталя и срочно созвал Совет, настолько много проблем оказалось.

Постельного режима не получилось Выкрики, о том, что два корабля идут в сторону Сожа по Днепру требовали срочного выздоровления. «Никак нас не хотят оставить в покое» — думал Игорь. Оказывается, движение по одной из двух основных торговых артерий Древней Руси, вторая — Волжский путь, исключительно интенсивное. Или это такая удача, но скорее, что весной многие торговцы спешат по своим коммерческим делам, чтобы к осени вернуться домой.

Во время выхода трофейного драккара в сторону убежища Снора с награбленным имуществом, Большой, рассматривая окрестности в бинокль, увидел очертания кораблей

ниже по течению Днепра, где должны были быть дома пригорода Лоева.

Новоиспеченные речные волки, ну или волкодавы, быстро изменили планы окончательно расквитаться с варягами и устремились назад, пытаясь вновь пройти по узкой для корабля протоке в озеро, что им удалось сделать ранее только с использованием магических слов, которые в приличном обществе не употребляются.

После непродолжительной исторической дискуссии, была выдвинута теория, что корабли явно греческого происхождения, так как сильно отличались от ладей и драккаров, при этом внешним видом смахивали на древнеримские триеры и, в отличие от кораблей северян, имели надпалубные постройки. Если бы с отрядом Большого был умник Миша, то он смог бы определить в силуэтах греческие судна типа видоизмененных триер.

Горыня высказался, что это торговцы и нельзя их проигнорировать, можно качественно расторгнуться. По такому случаю, чтобы привлечь внимание эллинов, была выпущена единственная сигнальная ракета, которую опять же выделил Артур. Игорь взял себе на заметку поговорить с этим бывшим сотрудником, да и полезно будет включить того в Совет, по крайней мере за то, что тот убил при нападении не меньше врагов, чем сам Игорь вместе с лучниками. А поговорить нужно на предмет наличия еще каких-то сюрпризов, не учтенных факторов.

Игорь принял решение под согласительные кивки членов Совета пообщаться с эллинами, которые с очень малой вероятностью могли быть агрессивными, но торговцами быть обязаны. А торговать нужно, да заявить о себе, как о нормальных, адекватных людях, а не о стойбище речных разбойников.

Ракету торговые гости заметили, и пять лодок, которые не даром назывались «однодревками», так как каждая из них была выдолблена из одного массивного ствола дерева, устремились вперед, а массивные корабли сбавили ход. Где были ранее эти лодки-однодревки, рассмотреть в бинокль не удалось, скорее всего, они шли на сцепке с кораблями и были предназначены для разведки, чтобы максимально обезопасить сами корабли от захвата. Со стороны поселенцев так же отправилась делегация на двух лодках, но уже не однодревках, а вполне себе нормальных, даже невероятных для этого времени, так как одно из плавательных средств было металлическим, а у Рыгора имелся к лодке мотор. Но шокировать еще и самодвигающейся лодкой, мало того, что металлической, никто не собирался, экономя топливо.

Семь бойцов с Большим и Роговым в том числе, приближались к примитивным лодкам гостей, крепко сжимая заряженные охотничьи ружья.

— Чьи будете? — прокричал бородач с одной из долбленок.

— Вольные изверги старейшего Игоря, алкаем торг учинити, — прокричал в ответ Вран.

— Что они торг учинить? Слово «алкаем» никого не смущает. Это Вран так зовет алкать, в смысле, бухать? — вполне серьезно спросил Большой, чем вызвал у Рогова приступ смеха.

Вот как в этом человеке могли соседствовать и кажущаяся наивность, граничащая с глупостью и рассудительность прожитого годы человека? Рогов понять не мог. Но буквально за несколько дней стал доверять Большому, как себе, и проникся дружбой человека, так схожим по духу с Рогом.

— Алкаем — это слово «желаем», то есть они, говорят: «Мы, торговать хотим», — сквозь смех ответил Рог.

— Столько событий, что я уже сам алкаю алкать стать алкашом, — с тем же серьезным

лицом, не понимая, почему друг смеется, пробурчал себе под нос Большой.

Между тем, диалог бородачей продолжался. Из сказанного стало понятным, что корабли, как и предположили ранее, принадлежат грекам и те, действительно, шли торговать к радимичам, а сопровождали их некие бродасы.

Название народности мужиков, что использовали однодревки, рассмешило Большого, который стал экспериментировать со словом «бродасы» до крайне оскорбительных для гостей рифмованных определений, благо те не поняли о чем идет речь.

— Бредкий вой, паче ветрогонки, мудити не стане, понеже гости борзитуся, — сказал Вран, как бы отчитываясь перед Рогом и Большим по результатам переговоров.

— Вот сейчас все понятно! — саркастически заметил Большой, посмотрев на Рогова, ожидая перевода.

— Не Большой, сейчас и сам ни хрена не понял, — ответил на немой вопрос Рог.

— Вран, скажи русским языком, о чем добазарились? — задал вопрос в своей манере Большой, а Рогову пришлось объяснять уже Врану, что именно спросил его друг.

Еще минут пять понадобилось, что бы все друг друга поняли, двое молодых аборигенов, которые были на веслах, только заразительно смеялись от развернувшегося спектакля «объясни, что ты сказал».

* * *

— Солдат, я тебе сам расскажу, а то Вран, как загнет, так и не знаешь, толи тебя уже обматерили, толи водку пить позвали, — в своей манере докладывал Большой. — Придут они торговать, сейчас товар подготовят и придут, Вран какими-то богами клялся, просил и меня и тебя, чтобы ничего не сделали плохого греческим фарцовщикам-коммерсам.

Игорь улыбнулся. Большой ему нравился — рослый и мощный даже по меркам будущего, не говоря уже о чаще всего низкорослых аборигенах, обладал мудростью. Нет, не академическими знаниями, как тот же Умник, даже не жизненным опытом, как Рыгор, Большой умел чувствовать момент, когда именно и что сказать, чтобы побудить к действиям, прекратить рефлексия, умел моментально, может и интуитивно принимать решение, которое другие могут только выстрадать. У Солдата даже было ощущение, что за маской «глуповато-юморного бандита», находится настоящий Владимир Большак, способный любить, уважать, прощать, но маска уже сильно приросла к Большому. Уважать маркетантов-лохов? Прощать долги терпилам? Нельзя, свои же сожрут! Но Игорь видел, что в этом человеке что-то меняется. Тут бы напиться с мужиками хорошенько, да пообщаться, но постоянный цейтнот и штурмовщина не оставляет время и на уединение с будущей женой, не то что на душевные мужские разговоры. И кто сказал, что жизнь в Средние века была медленной и вялотекущей?

— Как сам думаешь, чем поторговать нужно? — спросил Игорь у Владимира.

Солдат уже придумал, что можно будет продать эллинам, размышлял над этим вопросом, но еще одно мнение могло натолкнуть на еще одно оригинальное решение.

— Я не знаток истории, но точно знаю, что железо продавать нельзя. Ни-ка-ко-го, — выделил по слогам последнее слово Большой. — Шариковую ручку им продай за корабль. И еще, людям нужна разрядка, как по мне так праздник и напиться. Я не железный, а как детям-студентам, вообще не представляю. Купи вина, чтобы свое в бутылках не открывать.

Вот вроде бы опять шутка и кажущаяся глупость, но мысль то дельная. Ручка, спички,

зажигалки, которые были в продаже в магазине — при удаче можно было обменять на что-то полезное. А еще серебряные монеты, доставшиеся от Снора, пока не выглядели всеобщим эквивалентом и в понятии Игоря почти бесполезны. Были еще ковры в деревенских домах, мало имеющие практичности, но могущие сильно заинтересовать греков, стекло и даже немного хрусталя, вазы, да те же тарелки вроде как фарфоровые и стеклянные в превеликом количестве и в домах и в школьной столовой, на складе в магазине, в принципе, большой спектр вероятных товаров.

А что нужно поселению? С этим вопросом Игорь шел к Катерине, как главному и единственному завхозу поселения. Было важно еще спросить, что можно у торговцев купить для кузни.

С этими мыслями Игорь и подошел к столовой на свежем воздухе, хотя какой еще может быть воздух в этом времени.

— Ковры? — переспросила Катерина. — То есть все, что у меня дома, уже общественное?

— Как и все, что есть вокруг, — спокойно ответил Солдат.

— Так возьми в доме у Римы, там много ковров на стене, — пыталась выкрутиться рачительная домохозяйка Катерина, но встретилась в непонимании своих буржуазно-собственнических чувств.

В итоге, когда делегация из греков, выделяющихся даже не столько одеждой, сколько носами и иссини черными волосами, в сопровождении бородачей и воинственного вида бойцов с бритыми головами и заливчатскими усами, при бритых и бородах, подходила к подножию горы, навстречу гостям вышел Игорь, одетый по моде варягов. Одежды у поверженных воинов было не много, но среди ее выделялся цветной раскраской наряд, видимо, самого Снора. Пришлось одеть и шейную гривну, чтобы подчеркнуть статус.

— Гой еси, истынь! — произнес один из греков. — Аз есмь Леонидос.

— Ленька, значит, — тихо, за спиной Игоря прошептал Большой.

— Гой еси! Аз есмь Солдат, — ответил Игорь, напустив на себя маску повелителя, дальше показал рукой, куда двигаться, и вся процессия пошла за парнем.

Солдат уже позже понял, что торг — это очень опасное дело. Языка древнерусского он не знает, пусть некоторые слова уже и спокойно воспринимал, мог что-то сделать не так, не соблюсти обычай, обидеть. Нет, парень хотел передать право торговли Горыни или проповеднику Андрею, который и одной веры был с эллинами и знал их язык, но те резко запротестовали, утверждая, что именно он, правитель поселения должен был начинать торг, иначе обида может быть, или потеря авторитета.

Вот и вышло, что на «гой еси», пришлось ответить так же, по принципу «привет, — сам привет!». Кто такой истынь, Игорь понял позже, когда слово прозвучало раз пять в разных моментах. Так грек обратился к Солдату, не зная его имя, в нейтральном значении «друг, приятель» или ближе для советского человека «товарищ».

По протоколу торговли нужно было что-то предложить главному выпить. Какого-нибудь взвара — компота. Ничего лучшего не придумав, Катерина принесла в хрустальном бокале крепленого вина. Тут уже не выдержал Леонидос и стал что-то восклицать, показывая на бокал, давая попробовать вино своим соплеменникам.

Может греки думали, что никто в поселении не сможет разобрать греческий язык, но хитрый Рыгор придумал взять в делегацию Андрея и наказать тому, чтобы пошпионил не отсвечивая, одевшись в варяжское. Пусть проповедник и сопротивлялся, испытывая пиетет

перед эллинами, но на маленькую хитрость пошел, тихонько переводя с греческого, как и объясняя некоторые телодвижения торговых эллинов.

Андрей же еще стал одним из первых, кто в большинстве уже воспринимал современный Игорю язык и мог лучше объяснить, что говорят и греки, и другие их сопровождающие. Те же суровые воины-охранники, которые оценивающим и одновременно недоуменным взглядом рассматривали все вокруг, говорили вообще на непонятной тарабарщине с использованием и славянских и греческих и еще каких-то слов.

Купцы крутили головой так, что слышался хруст шейных позвонков, при том, что коммерсантов привели в место с минимальным обзором на дома и школу. Те же остеклённые окна могли вызвать бурю ненужных вопросов.

— Глаголят эллины, что диковинный сей кубок. Такого и у василевса нет, — шепнул на ухо Игорю Андрей, а Солдат мысленно потер руки и с показным сожалением посмотрел на Катерину, стоявшую в стороне, она только что лишилась как минимум одного бокала.

— Что желаешь, за кубок? — спросил Леонид.

— Мне треба олия, соль, овцы, — начал перечислять Игорь, но был перебит Андреем.

— Овны, — сказал проповедник.

— Толстина, узцина, тончицы, — перечислял виды тканей Игорь, заранее поинтересовавшись у Горыни о названиях такого товара. При этом глаза парня закатывались, как у вспоминающего следующую строчку стиха ученика. — Черную земляную воду еще треба.

Как именно называют в этом времени нефть, не знал ни Умник, ни Горыня, поэтому оставалось только приблизительно обозначить название требуемого товара для купцов.

Напрягающегося Игоря спас Горыня, который перехватил процесс торговли и уже пошел более дельный разговор, к которому присоединился и проповедник Андрей. Важно торг начать главе поселения, уважить гостей, а потом можно и делегировать хоть кому полномочия, уважение и намерения были проявлены. При торгах также присутствовали Горыня с Враном, Бранко, Большой, Рогов, Степан, Умник, Павел и Рыгор. Ну и Катерина, которую, только чтобы она не слышала, выбрали в свиту, потому что была некрасива, по современным купцам канонам, да и волосы были короткие. Неподалеку же ходили кругами парни с оружием. Даже те, которые были неспособны к бою, для массовости бродили и пытались делать грозный вид. Посчитали, что демонстрация многочисленности вооруженных мужчин будет некой гарантией от глупостей гостей.

— Треба рабы-трелли? — спросил подошедший к Игорю Горыня.

Игорь, чтобы не мешать и не мешаться, отошел в сторону. Товары были разложены, уже демонстрировались грекам, торг шел, зачем было там присутствовать. Но вопрос о рабах был не однозначный. Задорого покупать человеческие жизни Игорь не собирался, он не мессия, спасти всех и вся не намерен, да и не получилось бы, кроме как увеличить предложение и сюда стали бы свозить рабов сотнями. Так можно было и переориентировать рынок рабов на их поселение. Однако, сильные мужчины, могущие стоять на лопате, да и охотники или бывшие бойцы, поселению не помешали бы. Пять, шесть человек можно было ассимилировать без особых трудностей. Насчет же женщин, так их и так было больше половины.

— Коли ремесло ведают, или вои, то можно, — ответил Игорь и Горыня быстро вернулся к торгу. — Стрелы еще нужны, Горыня!

— Ты, Дионис? — услышал Солдат голос Большого, причем немного подвыпивший, тот

обращался к одному из греческой делегации. — Пошли еще вина выпьем.

Игорь, было дело, хотел рвануть в сторону Большого, чтобы тот чего не натворил и не сорвал сделку, но остановился, когда Владимир моргнул парню.

— Завистно! Аще куш! — спорили Леонид и Горыня.

Что такое «завистно», что такое «куш»? Игорь не понял, но торговались люди неистово, без агрессии, но эмоционально. То вставали и ходили, присаживались и просили еще вина принести крепленого, что и делала Катерина.

Парень же успокоился, напряжение сошло, и он немного ушел в себя. После торга Солдат хотел поговорить с Викой, собирается ли та замуж, уже за руку по поселению с Бушум ходят, а аборигены смотрят с непониманием на эти прогулки. Ну и нужно решить вопрос со Степаном, себя не забыть. Вот и будет тот самый праздник, о котором говорил Большой. Нужно сплотить людей не только общим горем и проблемами, но и радостными эмоциями. Наконец, сделать Витька-гитариста вновь веселым. Он, после атаки туманных волков, так больше и не брал гитару в руки, да и ведет себя слишком тихо, работает за двоих, да и в битве участвовал, но угрюмый и молчаливый, некогда балагур еще больше наводит уныния на всех, кто был знаком с прежним Витьком.

— Они спорят и хотят решить спор дракой, — это уже обратился к Игорю Рогов, который оказался еще тем полиглотом и уже лучше всех, может только за исключением Шоца и Миши Штейна, разбирался в местных говорах.

— Хреново, эти волкодавы серьезные противники. Что предлагаешь, валить наглухо? — спросил Солдат, надеясь на отрицательный ответ.

— Ты перегрелся на солнце? — удивленно ответил Рогов, он то видел и слышал торговые споры.

Леонидос предложил, скорее, спортивный поединок, и было видно, что таким хитрым ходом, коварный византиец пользуется часто. В его свите был крупный, но скорее плотный, чем полный, соотечественник, вот его и предлагал «для подраться» купец. На кону ставил две амфоры с оливковым маслом, два мешка соли, рулон какой-то бесцветной, но плотной ткани. Просил же, в случае победы своего бойца, в чем грек не сомневался, три бутылки бывшего полусладкого молдавского вина, которое попробовал, ковер, хрустальный бокал, пятьдесят монет и одну из палаток, которую и назвал «куш», выкрикивая «Мало, давай еще и палатку».

— И кого я поставлю? Себя, да с удовольствием, но плечо еще тянет, Большой уже вина подпил, да и он больше качок, но не техничный боец? — пытался принять решение Игорь, но Рогов понял это по-своему.

— Да понял я, что мне идти. Давай свое согласие, они ждут, — сказал Рогов и стал разминаться.

Грек улыбнулся, как будто все необычные товары с этого поселения, что он выбрал для торга, достаются ему бесплатно.

— Он явно борец, греко-римская, будет делать захват и вначале толкаться, — пытался подсказать опытному спортсмену щуплый Михаил, за что получил снисходительную улыбку, по типу «не учи ученого».

Бойцы разделись до пояса и начали сходитьсь. Грек рванул вперед и попытался взять в захват руку Рогова, но тот, сместившись вправо, нанес двоекку из хука и апперкота, один удар из-за быстрого смещения борца пришелся в плечо, но второй достиг головы соперника. Казалось, что грек должен уйти в нокаут, но тот только отступил, помотал головой и вновь

стал сближаться, но уже медленно, контролируя руки попаданца. Игорь подумал, что сейчас отличный момент, чтобы пробить ногой по ноге грека, так как тот сильно ее выдвинул вперед. Викентий Рогов не был ни каратистом, ни кигбоксером, он умел только работать руками, поэтому выжидал дальше.

Резким выпадом грек смог схватиться за левую руку бывшего боксера и чуть не провел прием с последующим броском. Неожиданный для всех удар Рога головой по ноу борца дезориентировал того и грек ослабил хватку, сразу же последовала двойка в голову. Купеческий поединщик и в этот раз не упал, он попробовал поднырнуть под правую руку Рогова, но эта попытка была уже вялой и только открыла затылок борца. Следующая серия ударов направила, наконец, грека в нокаут, а Леонидос что-то в сердцах выкрикнул.

— Так его, Рог, — выкрикнул захмелевший Большой, выглянувший из армейской палатки и сразу же скрылся в ней, а потом уже изнутри послышался громкий голос. — Давай подымайся, Дениска, выпьем за моего кореша.

— Бардак, — сказал Игорь, но улыбнулся от ситуации, уже не обращая внимания на безрассудность поступка Большого.

Может и есть в этом что-то — напиться в компании при торге, чтобы были яркие воспоминания и устройство долгосрочных отношений. Да, нет же — это безрассудство!

Дальше, после поединка, инициативу взял в свои руки Горыня и торг вновь разгорелся, но ненадолго, все позиции были подтверждены. Оставалось только дожидаться рабов, и, если будет нужно, сторговать их. После, все, — греки должны будут отправиться восвояси.

Через полчаса привели и бесправных пленников на продажу. Все были голые, чтобы можно было рассмотреть товар лицом. Несмотря на то, что женщин просили не вести, двух молодых девиц, в качестве товара показали во всей красе. Еще и шесть мужчин, трое из которых были лет так тридцати, как по виду, но можно было ошибиться и на пять, а то и десять лет, люди имели вид обреченный, кроме, может двоих из всего числа пленников. Те не поднимали глаз, но спину держали гордо. Был среди рабов и старик, казалось, что пожилой мужчина, смирился и сгорбился, потеряв всякое стремление к воле, но при близком осмотре стало очевидным, что старика скрутила боль, он держался за правый бок и тихо постанывал. Решать судьбы кому жить, кому умереть, если люди не угрожают собственной Игоревой жизни, или поселению, парень еще не был приучен, поэтому решение принял быстрое, обращаясь к главе беглецов:

— Горыня, торгуй всех, за серебра и куницы.

Увидев одобрение во влажных глазах Катерины и кивок Рогова, Солдат растерял всякое сомнение. Может и эмоциональный порыв с далеко идущими последствиями в том, что теперь начнут сотнями везти рабов на поселение, но... Игорь не потерял человечность и приобрел еще баллы к своему авторитету, как лидер. И, как мог бы сказать Большой: «Правильный пацан».

Тут же, сразу за рабами принесли и те товары, которые были куплены. Только их, в отличие от живых людей не стали тащить на гору, а выложили внизу, в метрах пятидесяти от холма. Туда же понесли и товары поселения: пять ковров, ящик портвейна, десять полулитровых банок варенья, десять зажигалок и двадцать коробков спичек, пять стеклянных бокалов и фужеров, сорок шкурок куниц, десять беличьих и лисьих, семь сотен дирхем. Ну и одна шариковая ручка.

Взамен поселение получило: шесть мешков соли, примерно по семь-восемь килограмм, два килограмма черного перца, четыре овцы, шесть амфор оливкового масла, две уксуса,

четыре корчаги вина, шесть рулонов разной ткани. Ну, и рабов, которых сразу же накормили и отдали на откуп женщинам во главе с Катериной, но, конечно, под пристальным присмотром мужчин.

По мнению Горыни, торг был очень удачным, часть ткани подходила для парусов, из другой же можно было сшить одежду. В целом получалось, что и эллины и поселенцы считали, что надули друг друга.

— Ну, поторговали, что такого, почему не работаем? — задал вопрос изрядно повеселевший Игорь, обращаясь громко ко всем праздно шатающимся вокруг парням.

— Э, а где Дениска? — из армейской палатки, изрядно шатаясь, вышел Большой.

— Унеси домой твоего греческого друга, — ответил пьяному товарищу Рогов.

Игорь был не совсем справедливым к людям, обвиняя тех в лености и отлынивании от работы, часть девушек, под руководством Алексея Шаца и под непрерывные советы бабы Клавы, даже во время торгов, занимались посадкой картофеля на новой делянке. Да и копался ров у школы, поодаль от места торга.

Вроде бы все нормально, торговля прошла спокойно, но без проблем опять не обошлось, и опять похоть и глупость виной тому. Как только греки отправились к своим кораблям с приобретенными товарами, к Игорю подошел Рыгор.

— Там этот Жора отличился — попользовал девку из беглянок. В целом, ничего, все нормально, но бабы требуют жениться, — сообщил Рыгор очередную совсем не нужную сейчас проблему.

— Значит, женим, или на хрен, на корм рыбам, — зло ответил Игорь, чье настроение опять ушло в минус.

* * *

— Я хочу объявить о ближайших свадьбах, — объявил Игорь собравшимся в армейской палатке молодым людям.

После отъезда греков, Солдат решил заняться сплочением коллектива поселения. Учитывая все любовные страсти, которые бурлили, в том числе и вокруг него, да и внутри самого Игоря, лучшим решением для, как говорил Большой, «веселой перезагрузки», стала коллективная свадьба. Общее гуляние с алкоголем и весельем, песни, общий костер и сытный стол.

Перед Игорем были Света, Степан, рыжая Вика, Жорик, Костя и Оля. По каждому эпизоду межполовых отношений можно было говорить отдельно и по-разному, но и потратить на это часы драгоценного времени, а то и больше, дни, а время ценный ресурс, глава поселения был не намерен.

— Света, ты уже давала свое согласие и я надеюсь, что не изменила решение, — сказал Игорь, улыбнувшись, но поспешил продолжить, не давая возможности своей будущей жене начать дискуссию. — Георгий без претензий и возражений — ты женишься.

— Но... — попытался что-то сказать Жора, однако Игорь не дал ему возможности договорить.

— Нет у тебя никаких «но». Женишься на той женщине, перед которой не удержал свою похотливую натуру, или... — Солдат зло посмотрел на Георгия. — Или лишишься жизни. Больше отпускать тебя, придурка, чтобы привел кого-нибудь в поселение, я не стану.

— А я не против, мне нравится Власта, если придется, то заберу ее и в наше время, —

высказался Степан.

Вика молча кивнула в знак того, что и она готова на замужество и, стесняясь, отвернула голову.

— Попрошу Лиду, Витька и кого-нибудь из аборигенов, чтобы организовали торжество, так что готовьтесь, — подвел итоги совещание женихов и невест Солдат и вышел первым из палатки, утянув за собой Свету.

Игорь не только не хотел оставлять свою будущую жену в одиночестве после окончательного решения о свадьбе, но и имел практические намерения — опробовать те стрелы, которые были куплены у греков. Солдат ни разу не лучник, а Горыня не рассматривал полученные товары, может по причине, что они ему не принадлежат, и сомнения в качестве были. И Солдат спешил уединиться со своей будущей женой, как бы проверить стрелы на качество.

— Мужики завтра отправляются в рейд на убежище бандитов? — спросила Света.

— Да, собирались сегодня, но видишь, купцы прибыли, а нам торговать просто необходимо, — спокойно ответил Игорь, но девушка по какой-то причине взбеленилась.

— Вот скажи, ты же собираешься идти? Уже почти уверена, что — да. А почему меня не взять? И еще, что это за рабовладение, ты зачем женщин купил? Вот объявишь меня своей женой и станешь с рабынями развлекаться? — высказывалась эмоционально Света, начиная заводитьсь.

Объясняться Игорь не стал, а подхватил девушку и понес в палатку, в которой условно должен был ночевать, условно, потому что за все время после тумана, ни разу в ней так и не отдыхал. Света же, как будто только этого от парня и ждала, так как гнев моментально сменился на милость, и почти уже жена жадно поцеловала своего почти уже мужа.

С любовными играми, а потом, все же и осмотром стрел, Солдат чуть не опоздал на собрание, которое проводилось на бывшем волейбольном поле за магазином, практически во дворе бывшей школы. Там были поставлены еще три аналогичных уже установленных лавочек, да и тенек, что сыграло немалую роль в выборе места. Жара стояла под тридцать, в палатке же во время любовных единоборств было жарче натопленной бани, поэтому Игорь выглядел, как только что с парилки, в прилипшей к телу майке. Другие жители поселения выглядели не лучше. Большинство девушек все еще ходили в тех рабочих вариантах одежды, с которыми приехали в экспедицию, она, одежда, у многих была попросту грязной из-за интенсивной работы и ограниченности воды. Аборигенки же сперва и вовсе появлялись раздетыми по пояс, но Горыня, поняв, что это для странных людей неприемлемо, провел разъяснительную беседу с женщинами.

Проблема помывки встала остро. Постоянно протопленная баня или у Большого, или у бабы Клавы из-за работ не позволяла охватить помывкой всех нуждающихся каждый день. В озере купаться было запрещено. Тот пляж, на который ходили моховцы купаться и который собирались использовать археологи, не переместился в прошлое, видимо находясь дальше отпущенного неведомыми силами радиуса перемещения во времени. Другие же подходы были просто неприятны и даже опасны. Заяц во время рыбалки видел и гадюку и рассказывал о невероятном количестве пиявок, были там и выдры и андатры, даже последняя щука, которую выловили рыбаки в чуть ли не два метра в длину с зубами, которые показались акульими, пугала многих.

Так что мытье и стирка тоже проблема. Для того, чтобы помыться в бане всем поселением, а аборигены так же оказались любителями подобной гигиенической

процедуры, нужно двадцати парням три часа носить воду из крынички. Павел давно уже собирался у себя на участке бить скважину, трубы есть, колонка есть, но это было не особо актуально ранее, когда в кране стабильно работало централизованное водоснабжение. Теперь же все готово, чтобы исправить ситуацию и пусть не значительно, но ожидается улучшение санитарно-гигиенической обстановки. А вообще, нужно было копать больше колодцев. Остались колодезные кольца, еще бы подъемный кран был, но есть вероятность справиться и без него.

— Я не могу говорить так, чтобы меня поняли все. Люди из общины Горыни лучше осваиваются с языком и наречиями, если же они что-то не поймут, помогите им, — Игорь перевел дух перед тем, чтобы сказать самое важное. — Кратко — я предлагаю общине Горыни, моховцам, приедем из города и, конечно, археологам стать одним родом, кланом, суть от этого одна. Никаких извергов, или пришедших от богов, чего то в этом духе. Мы должны быть едиными.

Солдат посмотрел в сторону сидящих, стоящих и даже лежащих на траве людей, ожидая возмущения, альтернативных мнений, менее вероятно было ожидать ликования. Все были в предвкушении продолжения.

— Скажу далее... Мы развиваемся хаотично, неправильно, нет системы. Сражения я строю, взаимодействия на поле боя, — из этого не видно ничего. Редкие тренировки по владению оружием, больше напоминающие детские игры в войнушку или индейцев. Но, опять же, где система? Тут война, суровый мир, не жизнь, а выживание. Поэтому, предлагаю создать три равных подразделения, отряда, где командовать будут Павел, Рогов и Большой, за ними, как учителя и заместители Вран, Бранко и Горыня. Отдельно создать кавалерию. Пусть Шишон определит, кто лучше держится в седле. У нас есть кони, которых можно было обучить бою, по меркам тех, что водятся в лесах, они вообще гиганты, есть девять трофейных лошадок. Понимаю, что животные нужны для сельского хозяйства, но оставшиеся три клячи и два бычка общинников справятся, тем более, что на крайний случай, есть два трактора, пусть и солярка конечна, но и кони сейчас важнее. Нужно продумать вооружение и тактику кавалерии и ширить ее. По оружию после, отдельно, сейчас о другом. Так, я предлагаю принять в свою общину бывших рабов и пристроить их на общих основаниях на работы по умениям, разводить тут рабовладельческий строй считаю не продуктивным. Только пленные варяги остаются в рабах.

— Все, кто будет не задействован в тренировках, работают по обустройству поселения. Ров, вал, частокол, вырубка леса, заготовление древесины. Бойцы помогают не менее трех часов в день. Соли предостаточно, пусть эта проблема наличия консервантов и остается актуальной, так что Клавдия Ильинична собирает себе способных девчонок и занимается закатками, банок много, пока много, есть с пяток бочек, которые нужно мастерить больше, овощей на огороде хватает, мясо добудем. Так же пора строится, частокол точно пора бы поставить, этим предлагаю заняться Рыгору и Горыни, либо пусть старейшина покажет на иного человека. Еще... девчонки, да и парни одеты, как...ну не очень, а мы купили немало ткани — займитесь пошивом. У Катерины есть швейная машинка с ножным приводом, еще три машинки в классе трудового обучения в школе, вот и обеспечьте достойные одежды, а то принимаем греков, как нищие. Я попрошу Лиду проследить за этим. И вот мое распоряжение, прежде всего, девушек касается — быть на свадьбах в красивых одеждах пусть из новых тканей, пусть из того, что досталось нам после перехода, включайте фантазию. А свадьбам быть — Виктория приняла предложение Бушуя, я женюсь на Свете.

ожидаем еще два решения, так что комитет по подготовке мероприятий должен быть сформирован, в ближайшее время должны сыграть свадьбы, уж не знаю по какому обычаю, но все должно быть празднично. Дата гуляний определяется сразу же после возвращения бойцов из небольшого похода.

— Школа нужна, у меня сын семилетка, дочь девяти лет, у союзников двадцать шесть детей до четырнадцати лет. Хотя бы грамоте выучить, — высказалась Катерина, когда Игорь показал жестом и паузой, что пламенная речь уже прозвучала.

— Согласен, более чем, предлагаю такую работу поручить Вере Николаевне, при содействии и помощи Алексея Михайловича Шаца, когда у него будет свободная минутка, — сказал Солдат и найдя глазами Алексея, продолжил. — Еще хотел бы сказать «спасибо» Алексею Михайловичу за многое, но прежде за работу в полях, пока все занимаются, чем и как попало, он и люди с ним, методично работают.

Шац поднял до этого опущенную голову и в жесте благодарности кивнул Игорю. Преподаватель чувствовал свою ненужность и некую ущербность. В формирующемся обществе больше ценились бойцовские качества, умение дать в морду, а не продемонстрировать свою эрудированность, тем более, что нашелся Михаил-Умник, кругозор которого был шире, чем у любого присутствующего. Да и специфика направления научно-исследовательской деятельности Шаца не особо позволяла проявлять себя в лидерах. Нет, и тут были определенные возможности, к примеру, развитие ремесленного производства и металлообработки Древней Руси, как тема исследований, давало некие преференции для организации той самой металлообработки в поселении, но этого мало, так как предки не отличались высокой продуктивностью в этом вопросе. Те же мечи на Руси не производились, а, если и были, то скорее реплики северогерманских изделий. Может и был один мастер, оружие с клеймом славянского умельца в единичном исполнении было найдено, но скорее всего, позднейшего периода, чем конец девятого века.

Между тем, Игорь знал, что Алексей уже контактировал с Рыгором и Горыней, да и Большим, которые чешут головы, как нужно организовать кузню. Результаты этих дискуссий пока до Солдата не дошли, все интересные пока отмалчиваются, так как четкого понимания еще нет.

— Строиться нужно, — сказал Рогов. — Принимать тех же купцов в палатке — урон статуса, да и вообще... Если не дворец, но что-то нужно в таком роде.

— Ну и кто умеет строить дома? Леса хватает, топоры пилы в достатке, даже шифер можно частично снять со школьных сараев. Знаю, что рубероид есть на школьном складе и с десятков рулонов на магазинном складе. Кто займется? — Игорь обвел взглядом присутствующих и прежде всего первый ряд, где восседало «боярство» в виде четырех мужчин из беглецов и пяти мужчин из будущего.

Солдат усмехнулся такому «местничеству». Получается, что подспудно, но формируется элита, только где-то запропастился Большой, который точно должен был быть в первом ряду и своей могучей фигурой закрывать обзор на сидящих сзади. И что интересно и в некоторой степени отрадно, что Артур, пусть и без ноги, но был включен в это боярство. Игорь в последнее время мало общался с бывшим сотрудником КГБ, но тот уже бродил на костылях по поселению, общался с людьми, что-то примечал, после ранения с лишением ноги такая активность была сродни мистике. Можно было и поволноваться, что Артур Викторович станет претендентом на власть в поселении, но его инвалидность вряд ли способствует такому стечению обстоятельств. Однако, Солдат решил, что разговор по душам нужен, уже

несомненно, что ни глава поселения, никто-то еще, даже не знает четко, все ли оружие было продемонстрировано Артуром, или что-то еще есть «про запас».

— Ладить дымы, то можно, чертоги княжеские возможно ставить, людей треба вельми много, — высказался Горыня.

Игорь ожидал от главы беглецов вопросов об общежитии, но, видимо, для себя аборигены решение приняли и остаются с попаданцами.

— Да сладим, Солдат, кстати, а как ты по батюшке, а то уже большим человеком становишься, — толи подначил, то ли в серьез сказал Рыгор.

— Игорь Романович Посталовский, — не тушуясь, ответил Солдат.

— Сурьезно, — буркнул Павел-Козак.

— Горыня, бери строительство на себя, — обратился к старейшине аборигенов Игорь, не обращая внимания, как тот наморщил лоб, не до конца поняв, что именно ему поручили.

— Есть еще вопрос, — выкрикнула Лида, зло посмотрев на Игоря, на что были личные мотивы, но вопрос задала по делу. — Нам уже сложно кормится с общих котлов. Еще купленные пленные прибавились, да количество людей большое, пора бы как то об экономике подумать.

— Соглашусь, что сложно, но это пока необходимо, наладим больше быт и разделимся на артели с выдачей продовольствия. И систему, где используем, прежде всего, дары леса, озера, реки оставляем. На всякие случаи тушенку и рыбные консервы сохраняем, как и копченые колбасы, впрочем, тех не так много. Стуженное молоко не расходует так же, думаю, это может быть неплохим товаром. Лида, и проверь, пожалуйста, чтобы сроки годности были нормальные и в муке и крупах не завелись насекомые или мыши, правда, Васька с Мусей стараются, но котов только два, — высказался Игорь, используя эпизодически некие просительные нотки. Парень чувствовал некоторую свою неправоту в отношении девушки, которую так быстро забыл, а может чем-то и обидел, в ее понимании ситуации.

— Ну, давайте работать, а то столько лясы точим, — высказался Рыгор и Игорь завершил собрание.

Послышались выкрики типа «Маринка, идешь со мной», «мы в кузню», «жду хлопцев на тренировку» и так далее — муравейник заработал. Только Артур никуда не спешил, всем своим видом показывая, что не только Игорь хотел бы разговора.

— Высоко взлетел, Игорь Романович, — подначил парня одноногий попаданец. — Ну, и то правда, лидер нужен, а ты компромиссная фигура. Осознай свою роль и лавируй между всеми, тут еще та сборная солянка получается. Но я не за этим. Понимаю, что, как боец, я теперь никак, ну или почти никак, только издали пострелять, было бы чем, обещаю, что арбалет освою за то время, пока есть огнестрел.

— А есть? Я имею в виду не время, а стрелковое, — спросил Игорь.

— К сожалению, не так уж, что и есть. В бою с варягами почти семьдесят патронов сжег, в остатке сто тридцать, да сорок пуль к охотничьему ружью Колосова, дробь есть, но она так, на зайца, можно обрез смастерить и гвоздей нарезать. Я отчитаюсь, — уже серьезно произнес Артур, прямо и пристально посмотрев на Солдата. Этот взгляд говорил: «Признаю тебя, парень!».

— Плохо, но хоть что-то, хотелось огнемёт, да и от танка не отказался бы, — Игорь улыбнулся.

— РСЗО «Ураган» да по супостату вдарить. Но что имеем, тем воюем, — Артур

поддержал шутку, но быстро посерьезнел. — Ты никак не наладил службу внутренней безопасности. Или я о чем-то не знаю?

— Да какое тут ЧК? Постоянно куда-то бежим, все не успеваем, — отмахнулся Игорь, прекрасно понимая, что Артур прав и нужно тщательно и на профессиональной основе заниматься вопросами внутренней безопасности.

Люди сейчас могут быть с таким психическими расстройствами, что грозит становлению анархии и всеобщего помешательства. Да и где-то рядом есть еще одно поселение извергов, есть радимичи, с ближайшими поселениями в десяти-пятнадцати километрах. Есть и такие вот, как варяг Снор, если элины-торговцы — много потенциальных противников обнаруживается только навскидку.

— ЧК и не надо, пока не надо, а вот видеть, слушать, наблюдать — необходимо, — одноногий особист обвел головой вокруг. — Смотри, сколько людей вокруг, разных эпох, характеров, мировоззрения. Можно ли предположить, что удастся быстро научиться сожительствовать? Не отвечай, понятно и так. Аборигены вынуждены были прийти, и не хотят уходить от того, прежде всего, что тут сытно и тепло, да и прекрасно видели они действие нашего оружия. Что может быть, когда они поймут, что наш огнестрел кончен, может на один бой серьезный хватит, или на пару скоротечных. Вопросов они задают много и уже знают, по крайней мере, Горыня, догадывается, что все мы пришельцы из будущего, но молчат, не говорят об этом даже среди своих. У них особый взгляд на случившееся — боги прислали, чтобы спасти их общину. Но и эта вера поколеблется, когда, или, если, будет поражение в бою. А оно будет, тот бой, что мы провели, был бездарным.

— Чего лучшего плана сражения не предложил? — буркнул Игорь, словно обиженный ребенок.

— А лучшего и не предложишь. С кем в бой идти? Пацанва да и только. И ты взрослей, коли старшим стал, — среагировал Артур на проявление детскости у Солдата. — Я бы лучше вообще не воевал, но как случилось, путь уроком будет. Нам всем нужно включать голову и действовать. Я готов в поселении стать что-то вроде безопасником-чекистом. И уже сейчас готов поделиться своими наблюдениями о некоторой особе. Интересно?

— Не томи, дел за гланды, — ответил Игорь.

Парень чувствовал в Артуре некоего учителя, или, как принято говорить в карате, сансея. Игорь оценил то, что его авторитет не был поставлен под сомнение, а разговор был наедине и таким, каким он должен быть. Не было упоения властью, пусть Солдату и нравилось чувствовать свою важность, но груз ответственности был сильнее, чем тщеславие. Так что послушать Артура, как советника ничем зазорным не представлялось, пусть при этом и ущемлялось самолюбие.

— Рабы, которых ты купил, что скажешь о них? — и сам Артур вживался в роль наставника, поэтому хотел, чтобы парень самостоятельно пришел к тем выводам, что и советник по делам внутренней безопасности.

— Еще не общался, да и наблюдать за ними времени не было, но, как минимум четверо либо были воинами, либо охотниками — развитая мускулатура, пусть и не выраженная из-за плохого питания. Не особо они были и сломлены, я видел сломленных людей, это не про них. Как только прочувствовали наше милосердие, осмелели, а один потребовал, чтобы его в дом отвели, — Игорь задумался. — Пожалуй, и все...

— И этого уже немало для некоторых выводов, — Артур сперва показал на лавку, которая была в метрах двадцати от того места, где он с Игорем стоял, но передумал — лавка

стояла вплотную к зарослям и поросшему травой яблоневому дереву, где можно спрятаться и подслушать разговор. — Итак, смотри: первое, — х один из пленников не такой уж и тощий, но явный боец, правое предплечье развито непропорционально больше, чем левое. Следовательно, работает много правой рукой. Еще он много ходит по поселению, то отлить от одного сартира к другому, то еще зачем, их же не особо и охраняют. Много разговаривал с аборигенками, те быстрее идут на контакт, студентки побаиваются. Короче, отсеки мне вторую ногу, но он никогда не был рабом.

— Не раскидывайся ногами, этот ресурс у тебя и так истощён, — высказался Игорь, улыбаясь.

— Я знаю, о чем говорю, — немного обидевшись, сказал Артур. — Я переговорил с другими пленниками, так они, либо из одного поселения, либо, как дед, уже давно с эллинами ездит, а этого лазутчика они не знают, утверждая, что он появился в их компании только сегодня и с другого корабля, где... Внимание! Никогда ранее не перевозили рабов, а только дорогие товары. И не нужно считать местных дураками, бой показал, что они только незначительно уступают в тактике, а это веками нарабатывалось. Так почему они не додумаются соглядатая подослать, чтобы понять, кто тут вообще стал, что ковры диковинные продают, хрустать опять же...

— Ты думаешь, что он шпион? — недоуменно спросил Игорь, о таких играх он еще ни разу не задумывался, беря на веру, что хроноаборигены более прямолинейны, бесхитростны, забыв выражение «византийское коварство».

— Уверен! — сказал Артур и удовлетворенный произведенным эффектом, продолжил. — Греки не могли не удивиться всему, что заприметили в поселении. Было ошибкой, в принципе, вести их сюда, хотя... все же нет, не в этом недоработка, а в товарах, поведении, одежде. Такую локацию, как наше поселение, после того, что они поняли и приняли перспективным, пройти мимо теперь не смогут. Вот и оставили информатора. Ну и еще, на собрании не было Кости и Саша, которого вы зовете Арнольдом, они и повязали беглеца, когда тот пытался убежать через дубраву, а паренек из местных помог разговорить его.

— Не, ну ты жук хитрый, надо же было с этого и начинать, а то играешь тут в Штирлица, — сказал Игорь, ему не понравилось, что Артур, пусть и по делу, так макает парня в ошибки.

— Может и хитрый, но это я попросил парней присмотреть за этим шустрим, так бы точно сбежал. И то, и Арнольда и Костю хорошенько отмузузили, насилу одолели шпиона. Но службу безопасности организовывать нужно, отдай мне Костю и Арнольда, — Артур вопросительно посмотрел на Игоря.

В итоге, Костю Солдат не отдал, а другого, помня, что тот в бою трусоват, но, как цепной песик Артура, будет полезен, согласился отдать, дабы пополнить только что образованную службу безопасности численным составом ровно в два раза — до двух человек, из которых один был без ноги, а второй трусливый малолетний великан. Но почему то верилось, что и в этом направлении будет прогресс.

После собрания поселение забурлило деловитостью и пересудами, вначале от того, что все обсуждали реалии и перспективы, а после от работы. Звоны топоров и пил, взметающаяся ввысь земля, где продолжали копать ров вокруг поселения, где-то в стороне от озера и поселения разгорался пожар, но никто не бежал спасаться, не паниковал — это очередной гектар земли отвоевывали у леса. Заработала даже бензопила, пусть и с расходом топлива, но она позволяла увеличить КПД не менее, чем в десять раз, более того, подогнали и трактор, на который уже с помощью какой-то матери и десяти мужиков, грузили массивные стволы дубов. Аборигены уже особо ничему не удивлялись, наверное, просто чаще возносили хвалу богам и все обещали устроить святилище своим кумирам.

В кузне же гремела на все поселение очередная дискуссия, щедро сдобренная матами и проклятиями. Некоторые девушки, которые были привлечены к готовке обеда, проходя недалеко от «кузнецов» улыбались. Они примечали, как с неким, где-то милым, акцентом, Горыня, до того не ведавший таких многоэтажных бранных конструкций и многих базовых слов, не отстает от своих визави и выдает матерные многоуровневые построения. Первое, чему научился Горыня в овладении языка пришедших из будущего, как и его близкие, то это ругательства.

Сейчас же, всего-то, мужчины хотели пробно расплавить в печи, собранной из кирпича и глины, кусок металла, но, сколько экспрессии и энергии вкладывали в этот процесс будущие кузнечные кудесники!

Игорь наслаждался видами кипучей деятельности, не было ни одного праздного шатающегося человека. Хотя, пожалуй, был такой — Большой.

Владимир Большак с видом философа, который подобрался к решению вопроса бытия человеческого, и вот-вот ему откроется истина, брел по центру ржаного поля, которое так хотелось бы сохранить, но все больше колосков приминалось по разным чаще уважительным причинам. Сейчас же по полю шла причина неуважительная, раз она не соображает, каким ценным ресурсом является рожь.

— Большой? Не охренел ли? — закричал Игорь и направился в сторону Владимира тщательно выбирая тропинки в колосющейся ржи, или как белорусы говорят — «жито».

— А? Что? — потерянно откликнулся Большой.

— Стой! Стой, где стоишь! — потребовал Игорь, а то после отклика Владимира, тот еще больше стал топтаться на месте и вокруг.

— Что такое, все еще пьяный после греков? Так уже немного, но должен протрезветь, или еще где нашел выпить? — стал допытываться у Владимира Солдат.

— Понимаешь, малой, я пошел к одной женщине, она мне сразу приглянулась, а там другая, а я пьяный, вот... — Большой приобнял Игоря за плечи. — Когда я уже... ну это... с той бабой... приходит туда та, первая, а я с этой второй.

— Ох, запутаться можно первая, вторая. Ну, бывает, застукала одна, когда ты с другой, так что? С бабами разобраться не можешь? — уже успокоившись, спросил Игорь, которому и самому была знакома ситуация.

— Да не, малой, тут другое, — Большой вновь запнулся. — Они-то не против, говорят на своем немецком, что готовы быть обе со мной, я, мол, мужчина большой и сильный, им обеим хватит. И обе вдовы, у одной двое детишек, у второй парень двухлетка. И теперь что?

Вот и думаю.

— Знаешь, Большой, я тут не советчик, — Игорь улыбнулся. — Сам еле-еле со своими бабами разобрался. Но тут, думаю, советская мораль и семейные ценности не актуальны. Женщины ищут сильного мужчину, ты сильный, они готовы без ревности обе быть с тобой, толи потому, что ты такой красивый, толи потому, что можешь прокормить их с детьми. Прости, скорее второе. Что же тебя не устраивает? Мужик ты уже битый, детей и жен не оставишь без куска хлеба, чего тут думать?

— Слушай, — Большой усмехнулся. — А ты прав, Игорь Романович. Зачем множите сущности, когда решение инстинктивно примитивное. Все довольны, всем выгодно, так чего же тут думать. У меня в том мире не было детей, а тут получается, аж трое. И я их воспитаю правильно. Спасибо тебе.

— За что? — недоуменно спросил Игорь.

— Да за то, что дал возможность принять решение, — с усмешкой ответил Большой, подружески боднул Игоря в плечо и спешно ретировался.

У Солдата случился когнитивный диссонанс — такие умные глаза были у Большого, такой житейский опыт, столько разума и понимания, что образ, уже сложившийся покрылся трещинами и стал опадать. Оказывается, этот бандюган и слова знает умные, но, что важнее, умеет их употреблять, за кажущимся инфантилизмом обнаруживается мудрая и еще более странно, высокочувственная личность.

Между тем срочные дела на то и срочные, чтобы в первую очередь ими заниматься. Боевой выход, который был запланирован сразу после сражения с ватагой Снора, все еще не случился. Постоянно что-то мешало, а время, как стало понятно с допроса пленных, очень мало. Неделя-две и появятся десятки драккаров, спешащих к Киеву, чтобы захватом города оседлать торговый путь. И какая бы спешка у князя Олега не была, пройти мимо такого поселения, он не сможет. И все должны быть готовы к этой встрече.

Очень скользким стал вопрос о пленниках. Нет, как рабы они поселению пригождались, их можно было не щадить, в конце концов моральные терзания о человечности и гуманности разбиваются об острые рифы злобы за вероломное нападение варягов и девять смертей среди общинников. Однако, насколько такой труд был эффективен, стало понятно сразу после его применения. Восемь пленников-рабов требовали отвлечение внимания как минимум четырех парней общины, причем боевитых парней. А кормежка, охрана по ночам. Так что никакого проку от этих бывших воителей не было. Но и отпускать пленных пока никто не собирался.

Очень скользкий вопрос образовывался, при вероятном контакте с князем Олегом и его дружиной. Как объяснится с создателем древнерусского государства, коим, несомненно, был Олег даже в большей степени, чем Рюрик и, уж тем более, Игорь Рюрикович, что его воине «покрошили» некие люди, ставшие городом в очень выгодном месте. Понятно было, что Олег будет стремиться иметь контроль над радимичами, послезнание говорило о том, что регент сына Рюрика отвадил хазар от восточнославянских племен, по крайней мере, начнет этот процесс. И тут данники Олега — радимичи выходят своими ладьями из Сожа, а в пару километров находится поселение, способных брать дань для киевского князя. Так что поселение должно было быть либо под контролем, либо его быть не должно.

Собранное совещание по проблеме общения с князем Олегом после дебатов и откровенно дурацких предложений вынесло свой вердикт. Решили все прямо и без утайки рассказать Олегу, если сложится такая ситуация. Нет, не про то, что большая часть жителей

поселения являются пришельцами из будущего, не посвящая в производственные процессы или в сельскохозяйственные дела, а вот про войнушку с варягами рассказать, как и о торговле с эллинами.

Наши «профессора местного права» Горыня и Умник сделали заключение, что князь будет в праве своем потребовать виру за своих воинов, пусть они и сами напали. Вира не должна быть большой, так как пленники не убиты и могут просто быть переданными Олегу. И пусть это не справедливо — отдавать виру за тех, кто хотел уничтожить тебя, но... Право сильного. Пришли так же к мнению, если учитывать модель поведения Олега, что он может позволить существовать поселению, но обязуется выплачивать дань, что абсолютно не критично для поселения.

* * *

Плыть вверх по течению — не самое приятное мероприятие, тем более, что сменных команд гребцов попросту нет. Двадцать семь человек гребли уже восемь часов, только дважды приставая к берегу для небольшого отдыха. Теперь попаданцем стало понятно, откуда у этих низкорослых людей такая сила и мощнейшие плечи.

— Если наш император Солдат Великолепный решит создать флот, то я пойду туда только коком, — утомленный от изнурительной работы гребцов, Большой не переставал ворчать.

— А я — вперед смотрящим — залез в гнездо, и зыркай по сторонам, — поддержал разговор Рог.

— Слышь, Змей Горыныч, там еще долго вообще, только без твоих этих «гой если», нормально скажи? — спросил у Горыни Большой, получив неодобрительный взгляд от Рога.

Однако, Большому уже многое сходило с рук, даже аборигены прочувствовали его прямолинейность и незлобивый характер, никто не обижался на подначки большого человека.

— За гбежем три версты, — ответил Горыня.

— Понятно, — вполне серьезно ответил Большой, а Рогов недоуменно посмотрел на него.

— Понятно? — спросил Рог у своего товарища.

— Гбеж это поворот, вот за ним чуть меньше четырех километров и осталось, чего тут не понятного? — ответил Большой, потом выхватил у Врана банку тушенки. — Болезный, смотри, как нужно открывать банку.

Большой одним лихим движением вскрыл банку тешенной говядины производства Жлобинского мясокомбината и передал ту обратно Врану.

— Эх, как там наш император без меня? — со вздохом сказал Большой.

— С ним остался Рыгор, справится, — выразил свое мнение Козак-Павел, выходявший из кустов, куда отлучился по надобностям.

— С этим сельским философом точно справится, Артурчик, если что подскажет. Он мутный, правда, но какой особист не мутный?! — ответил словоохотливый Большой.

* * *

День двигался к своему завершению и Солдат решил обойти все основные рабочие

площадки и производства. Пользуясь своим положением, Игорь взял с собой Свету, которой было весьма лестно оказаться «первой леди» поселения, и с важным видом, пока ее не одернул Игорь, она давала даже советы и пинала на нерадивость работникам.

Между тем, сердце парня радовалось при обозрении масштабов строительства. Прав Рыгор, когда повторяет присказку «большой компанией и батьку бить сподручнее». Крепость уже получала свои очертания, и ряд участков были неплохо укреплены. Так, со стороны дубравы уже вырос вал, углубился частокол, стоял, нет, не частокол, нечто большее — стена из четырех метровых полметра в диаметре дубовых бревен, остро заточенных сверху. К этой стене уже мастерились площадки для будущих защитников. А вот перед рвом был как раз таки частокол из остро заточенных двухметровых жердей, впереди и этого сооружения были рогатки с колючей проволокой. По задумке доморощенных «фортификаторов» тут должны быть и ворота, рядом с которыми две башни. После первых ворот должен был быть узкий коридор до других ворот, с тем, чтобы там могла пройти только одна повозка, а атакующие попадали в огневой мешок, да и встречались со вторыми воротами, которые предполагалось сделать железными, снять со школьного гаража. Таким образом, один из самых опасных участков обороны становился по существовавшим на Руси этого времени реалиям, неприступным.

Без сложностей не обошлось. Неприятность случилась в начале строительства стены со стороны озера, на том самом месте, где средневековое поселение и должно было возникнуть, если бы не путешественники во времени. Так, когда стали вкапывать первые столбы, то на двадцатом бревне получили оползень и обрушили часть горы вместе с этими самым бревнами. Пришлось к делу подходить с умом и высчитывать то расстояние от обрыва, где было бы правильным поставить стену. В итоге стена стала возводиться не менее пяти метров от обрыва, а на ту площадку, которая образовывалась перед стеной, вполне достаточную, чтобы приставить лестницы, решено было уставить рогатками с колючей проволокой. Ну и рядом, на дороге между могильником и поселением строились главные ворота. Начинали строиться. Некоторые полуразрушенные здания, как один полу срезанный сарай разбирались на отдельные секции из кирпичей и блоков, их то и собрались использовать в качестве строительного материала для главных ворот будущего города, но строительство такого сооружения начнется не раньше, когда решится проблема прохода князя Олега.

И вот что главное, работа, которая казалась просто колоссальной, шла непостижимыми для аборигенов темпами. Да, работали две бензопилы, работали два трактора, один на подвозе бревен, другой для поднятия их и укладывании в траншею. Качественные хозяйственные топоры, пилы, как двуручные, так и ножовки, лопаты, веревки, — все работало на скорость роста стены и эволюции поселения в средневековый город. Как говорил Умник, наш город, пусть и меньше Ладоги или Киева, скорее всего и Смоленска с Полоцком, но точно может быть сравним с Любечем, а это уже летописный неоднократно упоминаемый город.

— Ну как тут, Рыгор, дела наши скорбные? — спросил Игорь у моховца, когда установили очередное бревно, и стена вокруг поселения приросла еще на полметра.

— Да тяжко, Игорь, тяжко! Мужики воевать пошли, так приходится по всем участкам бегать, да многое делать лично. Спасибо Алексею, он старается и много проблем сам решает. Ты бы не обижал его, парень растет, получится хороший управляющий, — ответил Рыгор.

— Да кто его обижает? — встряла Света, но моментально натолкнулась на неодобрительные взгляды двух мужчин, да и девушка поняла, что не права.

— Добро, Рыгор. Завтра, если все будет хорошо, то мужики вернуться, да не одни, а еще с прибытком, есть у меня мысли кое какие, как еще силу рабочую привлечь, — сказал Игорь.

— Там еще, это... — начал было говорить моховец, но запнулся.

— Ну, не тяни кота за причинные места, — резко сказал Игорь, предвкушая очередную подлянку.

— Чухонцы наши, ну люди Горыни идола смастерили из дуба, да краской желтой его морду выкрасили, собираются ставить на углу могильника, где спортивная площадка у обрыва горы, — боязливо, что было нетипично для Рыгора, поведаль моховец.

— Тьфу ты! И что это проблема? — выдохнул Игорь. Он-то думал, что действительно что-то произошло.

— Так это религия, да и еще поганство, баба Клава чертыхается, да и Катерина так же, — начал прояснять сложности с обустройством капища Рыгор.

На самом деле, Игорь уже давно ожидал чего-то подобного. Тот же Горыня неоднократно интересовался, какому божеству поклоняются в среде хронопутешественников. Для него было чуждо и непонятно, как можно вообще не верить ни в Хорса, ни в Велеса, Дажьбога и Коляду, да в того же распятого мертвеца. А так, вообще ни в кого не верить, по мнению аборигенов, могут только сами боги. Поэтому, по совету Михаила-Умника, Игорь говорил, что верит в Мордука, другие доморощенные юмористы придумывали себе богами и Зевса и Ленина и КПСС, которому возносили славу. Горыня, как и другие изверги не были столь наивными людьми, чтобы не понимать некое несоответствия религиозности пришлых в их места людей с тем, как они при этом смеются. Но в мировоззрении главы общины было немыслимым неверие в некие сверхъестественные силы.

— Пусть ставят святилище, или правильное, капище, нам тут еще инквизиции не хватает для очищения веры, как будто проблем мало. Тем более, что отсутствие святилища демаскирует, вероятно, больше, чем кирпичные дома с остеклением окон и металлические заборы, — ответил Игорь, он действительно не видел никакой проблемы в ситуации.

Ну, а что до чувств верующих христиан, в лице той же бабы Клавды, то она, может еще большая ведьма, чем местная ведунья. По крайней мере, и заговоры читает и боль заговаривает.

— И, кстати, насчет заборов, — перевел тему Рыгор. — Я тут еще с Казаком посчитал по метражу сетки-рябицы, что вокруг моего дома, Большого, в магазине есть четыре мотка, в школе на складе нашли. С полкилометра точно наберем. Поставим сразу за первой линией из рогаток и колючей проволоки, закопаем хорошенько столбы, как-никак, но сразу не пройдет супостат, пока свалит столбы.

— Можно при штурме бревном свалить сетку. Но, если чаще столбцы вкопать, то уже сложнее для штурмующих, да грамотно рассчитать расстояние с колючей проволокой, — размышлял Игорь и, придя к мнению, что хуже точно не будет, дал свое добро на такое решение, но реализовывать его чуть позже, по мере освобождения рабочих рук.

— Гав, гав! — прервал лай собаки производственное совещание, в очень узком кругу.

— Что, сукин сын, приперся? — с укоризной, причем без доли юмора, спросил Игорь у приближающегося Рекса.

— Ой, это ж волк! — выкрикнула Света и очень быстро изготовилась к стрельбе,

моментально изъяв лук из чехла и стрелу из висящего на левом боку девушки колчана.

— Глянь, солдат, волчица в пасти зайца тащит, а Рекс ее как бы подталкивает к тебе. Невесту что ль привел. И чего Марту мою не покрыл, волчицу, прям, подавай, — Рыгора картина только забавляла.

Еще перед вечерним боем с ватагой Снора, Рекс, а Игорь уже считал себя хозяином этого шерстяного предателя, убежал, с полчаса что-то вынюхивая. И вот только сейчас и вернулся, ловелас, да волчицу привел. И как тут не считать животных умными: чтобы умаслить хозяина своего друга, эта волчица тащит зайца, как взятку за благосклонность.

— Ну и как это возможно? — ошеломленно спросил Игорь. — Оставить волчицу на поселении?

— Да нормально, не гладить и не дразнить только сучку, да и все. Видал я волкопсов, или собаководов, там пятьдесят на пятьдесят — либо гениальные щенки, либо такие дурни, что глупее нашего мажора Жорика будут. И не гони, аборигены вона, не боятся, чего нам, а я предупрежу, чтобы держались подальше от волчицы, — советовал Рыгор.

— Дядька, ты хоть понимаешь, что в лагере семь десятков людей такие, или похожие, волки погрызли студентов, — задумчиво сказал Игорь и увидел такие просительные нотки в морде Рекса, что Солдата аж передернуло.

— Сам себе вона волчицу выбрал, а псу нельзя. Он Марту не хочет покрывать, ему воительницу подавай, ты тоже волчицу покрываешь. Смотрит на хозяина и пример берет, умная скотина, она и не на такое способна, — с улыбкой говорил Рыгор, наслаждаясь смущением Светы, которая покраснела и отвела взгляд, а сельский шутник так и старался почаще употреблять слово «порывать», вбивая гвозди в доску девичьей гордости.

— Так, Рыгор, харэ смущать мою волчицу, — с улыбкой сказал Игорь, которого так же немного забавляла реакция девушки, но если бы он не вмешался, то мог получить такой каприз от будущей жены, что лучше не допустить проблемы.

— Так, Рекс, жить придется вам у школы, определим место, волчице твоей пока не гулять по поселению. Не поймешь, придется выгнать. Ну, а за прокорм, службу станете нести, — научал пса Игорь.

— А тебе сегодня задача — обязательно покрыть меня, — шепнула зардевшаяся Света парню, но ушастый Рыгор услышал и в голос рассмеялся.

* * *

Лида пыталась уgomонить свои эмоции, который были как в песне Наутилуса Помпилиуса, прослушанной ею тайком год назад: «Я пытался уйти от любви, я брал острую бритву, я правил...» Вот только править себя бритвой она бы никогда не стала, как бы ни было тяжело. А тяжесть в голове ломила, сердце ныло. Глаза, — да если бы кто всмотрелся в ее глаза, то понял сразу, что с девушкой не все в порядке.

Терять былой рассудок и получать нечто новое Лида стала еще до нападения волков и переноса в прошлое. Тогда, она совершила ряд таких ошибок, недопустимых проступков, что ее высокоморальное естество вошло в такой конфликт с тем, в какие ситуация она попала, что теперь в голове все чаще только какая-то каша и головокружение, сменяемое необычайной легкостью.

Сначала она, сама не понимая, что с ней происходило, стала цепляться, как легкодоступная девка, за Игоря, скорее образ, который себе нарисовала. Лида сама потащила

парня в какие-то кусты и там делала такое, что никогда и ни с кем, и это при второй встрече. Но и это можно было перетерпеть, да и Солдат не стал бы болтать о случившемся, но ушлые студенты поймали их практически с поличным, а она еще так стонала, что не услышать в лагере звуки аморальщины было нельзя. Уже тогда Лида была готова провалиться под землю.

После девушка стала вести себя еще более неадекватно. Попытавшись залить свой стыд алкоголем и, как она себе нафантазировала, полную потерю авторитета, стала винить во всем случившемся Игоря. Ну не могла она, умница, отличница и активистка так вот слететь с катушек в крапиве и хвое, с комарами и полной антисанитарией в кустах. Нет, конечно, Игорь виноват, поэтому она его и прогнала, а уже изрядно пьяная решила назло этому выскочке пойти спать с Николаем. Она не любила вроде бы неплохого парня, преподававшего уже в университете, но он стал ее первым, да и Лида была уверена, что сможет затащить Колю в ЗАГС, но вот так, отдаться через несколько часов, как занималась любовью с другим... Она себя ненавидела.

Потом, как себя Лида не сдерживала, но постоянно подначивала Игоря, и старалась как-то ужалить своими колкостями и Свету, его новую пассию, но те также в карман за словом не лезли, а чаще просто и не реагировали на нападки, раздражая Лиду своим счастьем. Девушка не могла объяснить себе, насколько на ее психику повлияло нападение волков, смерть студентов, героическая гибель ее кумира — Анны Кондратьевны, перенос в прошлое, потом еще и смерть Николая — единственного плеча, пусть и трусливому, слабому, но ее плеча, к которому она могла прислониться и, ничего не объясняя, поплакать. Эти события уже были как в тумане уже начавшегося помутнения.

Лида работала, хорошо работала, она понимала, что должна работать, нельзя показывать свою слабость, иначе она вообще будет не нужна никому, или как другие девчонки-плаксы, которые ничего не умеют и в перерывах изнурительной работы украдкой плачут. Тем более, что был шанс, что либо Света, либо Игорь будут убиты во время сражения, больше Лида надеялась на смерть соперницы.

Теперь же комсомолка и материалистка с восторгом и внутренним трепетом взирала на то, как под монотонное, завораживающее пение подымается пятиметровый идол божка, имя которого Лида даже не помнила, но это состояние ей понравилась. К черту весь этот материализм, коммунизм и все прочее, вот она, сущность, воплощенная в дереве, которая перенесла ее в этот мир, и для нее теперь ее свое предназначение. Какое? Вот сущность и подскажет, но она не серая мышь, она не может быть никем.

* * *

Подходить по воде прямо к месту, где располагался временный лагерь разбойников Снора, было бы глупостью несусветной. Пришлось на повороте Днепра оставить драккар и вытаскивать его на пологий берег. Потом маскировать хотя бы ветками.

Оставлять больше трех человек на охране корабля было бы не рационально. Если получится, большим стечением обстоятельств, нарваться на какую-нибудь силу, обнаружившуюся на реке, то отбиться может быть сложно и вдесятером, а вот взять лагерь варягов половиной отряда с предполагаемым противником в больше двадцати рыл, это много крови, крови поселенцев.

Избежать же не то что погибших, но и трехсотых для Рога, который был условно

командующий в этом мероприятии, было нельзя. Горыня же на совещании был настроен на потери, он не представлял, как можно добиться чистой победы, с ним были солидарны Вран и Бойко. Однако, Бушуй, неожиданно для всех аборигенов, так же приглашенный на разговор, принял сторону пришельцев из будущего — работать быстро, на рассвете и при малейшем серьезном сопротивлении уходить на подготовленные позиции.

Вот на сооружение этих позиций и было потрачено время минимум до часу ночи. Выставлена свето-шумовая граната на самом напрашивающемся участке отхода, быстро вырыты ямы и замаскированы. На большее времени не было, а шуметь в трех километрах от лагеря варягов, пусть ветер и был со стороны стоянки разбойников, было опрометчиво.

— Выходим, — скомандовал Рог, после того, как еще раз все повторили условные знаки, так как идти нужно было максимально бесшумно.

Хорошо сказать, но сложно сделать. Все хронопутешественники, за малым кроме Козака и, как ни странно, Большого, шли громко, цепляя, казалось все, что можно зацепить. Поэтому уже через километр такого движения, Вран и Бушуй ушли на метров двести вперед на разведку, а остальная группа сильно замедлилась, более осмотрительно, насколько помогала полная луна, ступая в сторону лагеря.

Пленники не обманули, вскоре Бушуй услышал звуки некого толи веселья, толи драки. Разведчики еще прошли немного вперед, но, как только стали проступать сквозь прибрежную растительность, в основном представленную ивами, проблески костров, остановились.

— Работаем по плану, — сказал Рогов, когда остальная группа догнала разведчиков.

— Рамено буетися польно боронитися требо, — сделал последнюю попытку донести свое мнение Вран.

— Твою мать, даже я не понял... — сплюнул Большой, не проясняя слова почему «даже я», до сегодняшнего дня, мягко сказать, громила не проявлял лингвистических способностей.

— Быстро и открыто атаковать, — перевел Бушуй слова. Если Вран хуже всех усваивал язык пришлых людей, то Бушуй, будучи более коммуникабельным, уже неплохо говорил и почти правильно переводил многие слова.

— Не Вран, тако не нужно, — ответил Большой Врану и обратился уже к Рогу. — И твой план так себе. Ну, как мы их слепить станем фонарями, если там костры есть?

— Костры не яркие, они не стремятся проявить себя с реки, фонари наши яркие, давайте уже начнем, скоро брезг начнется, — ответил Рог, употребляя слово «рассвет» из старорусского для хоть какого-то понимания для присутствующих аборигенов.

План был не так уж и мудрен, но с использованием технических средств. Первым этапом должна была быть разведка. Вран и Бушуй должны определить диспозицию, определить число пленников, охранников, их состояние и расположение. После прикинуть, сколько человек можно снять по-тихому и вообще вероятность этого. Далее четыре лучника и один арбалетчик должны были начать отстрел варягов. Как только станет понятно, что на лагерь напали, включаются три самых мощных фонаря, они должны были не только выхватывать силуэты и по возможности их слепить, но и отвлекать на себя ответный обстрел. При этом светить фонарем нужно из укрытия. Тогда в разборку вклинивается Козак, как самый профессиональный пользователь автомата Калашникова, лучники же постоянно меняя позиции, продолжают обстрел, крайним аргументом является свето-шумовая граната и двустволка в руках Рогова. Нежелательным аргументом становится уже рукопашная

схватка, где тараном становится Большой со своей секирой берсеркера, которую все же ему отдали, никто более использовать такое массивное оружие был не приспособлен. Ну и сабля Козака оказалась в руках Степана, который смог показать лучшие навыки фехтования, чем тот же Павел.

После разведки оказалось, что всего бодрствующих варягов было не меньше десятка, это с теми, кто «портил» товар в виде не самых молодых женщин. Девушки, или даже девочки мерно спали, мужчины пленники так же, как и девицы были привязаны к двум деревьям. Однако, самым интересным было то, что варяги устроили гладиаторские бои, чем и можно объяснить их бодрствование почти уже в предрассветное время.

Один рослый мужчина, полностью голый, с многочисленными порезами, прихрамывающий на правую ногу, сражался с еще одним, не уступающим ему в росте и габаритах варягом. Оба поединщика были с ножами, у варяга был и огромный нож, больше схожий на малый меч, пленник же держал в левой руке небольшой ножик.

Они танцевали, это был поединок воинов, которые прекрасно владели ножевым боем, ну может не на том уровне, как учат в спецвойсках в СССР, там вообще легенды ходили о подготовке, да и не дотягивал уровень на умения того же Ширы — быка из бандитской бригады Большого, но уровень боя был достойный. Своих болельщиков имел только варяг, его подельники кричали, давали советы на жуткой тарабарщине, из которой было вообще ничего не понятно, пленные же мужчины смотрели на забаву с ножами спокойно, некоторые пытались спать.

Первым должен был выстрелить арбалет и этого момента нападающие ждали под стук своих сердец. Адреналиновый всплеск накрывал всех и людей будущего и прошлого, а правильное, настоящего. Естественно, арбалет был за спиной у командира — Рога, он так давал команду на атаку, и «полководец» степенно, пытаясь дышать глубоко, чтобы унять волнение, снял далеко не совершенный агрегат. Целиться Рог решил в скопление варягов, чтобы не промахнуться. Сказать, что он хорошо владел навыком стрельбы из арбалета, — солгать.

В тот момент, когда поединщик-варяг изловчился и полоснул по ноге своего визави из пленников, арбалетный болт устремился в одного из варягов, рука которого была перевязана какой-то материей. Первый минус. Следующим завалился со стрелой в голове поединщик — Власта, это был ее выстрел. Девица-воительница упростила отца взять ее с собой в последний момент, даже не так, а самовольно сбежавшая на корабль, спрятавшись под тряпьем. А, когда уже Власту обнаружили, Рог махнул рукой, решайте сами.

Атакующим везло, лучники умудрились сделать по три-четыре выстрела, а Рогов перезарядить арбалет, когда началась паника у варягов. Но это был кажущийся хаос, так как в кусты уже были пущены три стрелы и два дротика. Хорошо, что лучники меняли позиции, а темень позволяла обороняющимся стрелять только на звуки, которые еще нужно было вычленивать из всей какофонии из криков, рычаний и брани.

Расстреливать себя безнаказанно охранники все же не позволили. И перед фронтом атаки выстраивалась стена щитов, окружить же лагерь вариантов не было возможным из-за рельефа и вероятности отхода. Назвать монолитом боевое построение обороняющихся было нельзя, раненых в рядах варягов было много.

Большинство варягов, которые были здесь, представляли собой опытных, матерых воинов, которые прошли не одну схватку, некоторые были и в Европе и в Константинополе, иные воевали с чухонцами. Из молодняка оставались только трое. Причинами, по которой

столько воинов было собрано всего-то на охранении, стало то, что дружина Снора уже успела повоевать, и часть варягов была ранена. Как правило, не сильно раненые были легко, тяжелые ранения в этом мире приводили только к смерти в виду отсутствия медицины как таковой. Да и награбил Снор изрядно товара, а возить его с собой было не целесообразно, варяги рассчитывали чуть позже собрать все свое имущество, нацепить на лица добродушные маски честных торговцев и плыть к грекам, или к хазарам, смотря какой именно товар из награбленного будет превалировать.

Между тем, варяги уже сносно защищались от стрел своими круглыми щитами, но такая защита оказалась бессильной перед гениальным детищем Калашникова. Засветили фонари, которые все же слепили варягов из-за их скученности и высокой концентрации света, застрекотала автоматная очередь, выкашивая обороняющихся и тем самым создавая дыры в их обороне, куда сразу же полетели стрелы. В ответ только две сулицы полетели в кусты. Уже скоро гениальное детище конструктора Калашникова окажется бесполезной забавной вещичкой.

Азарт схватки захватил Рога и он, находясь рядом с Горыней и Враном и даже в полутьме не видя, а скорее, ощущая, их недовольство, дал команду на выход на поляну и атаку. Первым выбежал Большой, которому уж очень хотелось обогреть свою секиру кровью. Взмах и уже раненый стрелой в плечо варяг валится с перерубленной ключицей. Рог наблюдал эту атаку и ему хотелось одернуть своего товарища, уж больно неплохой казалась кольчуга на сраженном Большим варяге. Вран схватился со своим противником, который, несмотря на то, что при шаге подламывал себе ногу, оказал достойное сопротивление, даже в какой-то момент, продавливая защиту изверга, но стрела в шею варяг решила исход этого поединка. Власта, понимая, что дядька Вран будет на нее злиться, что та лишила его противника, приняла решение, основываясь на уже больших потерях в их общине.

Последнему в рукопашной схватке «посчастливилось» участвовать Степану, который показал отличную школу советского фехтования, выписывая финты казацкой саблей, к чему были не готовы два его противника. Аккордом, завершившим предрассветный бой, стал выстрел дуплетом Рога, который свалил двоих бездеспешных варяга крупной дробью.

— Все, шабаш, — констатировал результат побоища Большой.

— Увер сие, елико сеча, — проворчал Вран.

— И не говори дружище, — ответил Большой, получив вновь недоуменный взгляд и Рога и Константина, оказавшегося так же рядом.

— Вран кажет, что то не бой, а праздник, или смех, — попробовал перевести слова своего наставника Бушуй.

Трофеи были... ну, они были, ценность такого ресурса хронопутешественникам сложно определить. Горыня же, рассматривая кольчуги, топоры, три небольших сабли и один меч, впал в протрацию. Для него это было несусветное богатство, достойное ближников самого князя. Три составных лука так же были важны. Для Рога же такие находки были скорее разочарованием. Он был уверен, что уже в самое ближайшее время в поселении смогут выплавить такой холодняк, что все местные умельцы слюной захлебнутся.

Более значимым были амфоры с маслом, уксусом и вином, ткань, какая-то одежда и пять лошадей. Пусть лошадки были и невысокими, имели что-то похожее на сбрую восточной стилистики, но это был важный ресурс. Ну и монеты, их особо не считали, собрали в немалый такой горшок, да тряпицей прикрыли.

Пленников было много. Двадцать пять женщин, включая и очень молоденьких девушек,

даже девочек, двадцать один мужчина. Вот мужики были почти все статные, не хилые, видно, что либо работающие, либо воины. Определить же действительно бойцов было не сложно, это были пятеро мужчин, которые смотрели с выкопдытыми головами на своих вроде бы освободителей, что не спешат снимать путы. Эти мужики были более других биты, с многочисленными порезами и синяками. Особо выделялся тот самый поединщик, который, несмотря на кровопотерю и разные травмы, гордо встал во весь рост.

— Потяша нас, али как? — прохрипел несломленный пленник, возможно уже и бывший.

— Горыня, иди, базарь со своим корешем, — отмахнулся от «поединщика» Большой, который не пошел смотреть и считать хабар, а стал жадно срывать куски мяса с опьяняюще пахнувшего кабана на вертеле.

— Ты бы накормил людей, — сделал замечание Большому Константин.

— Не ты, а Вы, и я — не обещит. И вообще, у нас вон генералиссимус Рог есть, ему и думать, — ответил Большой, но все же достал свой большой нож и стал нарезать куски мяса, укладывая их на примятую траву. — Давай помогай, раздавай хавку кощям.

— А почему кощям? — спросил Костя, пристраиваясь с другого бока сочного кабана.

— Учи язык, Костя. Кощей — это по-ихнему раб или пленник. Вон, оно как! — Большой нравоучительно поднял указательный палец кверху.

Костя только вздохнул, для него Большой был странной и непонятной личностью. Вот урка же, бандит, но как быстро он учит местное наречие, иногда философские и умные вещи говорит, быстро сходится с людьми, со всеми людьми. Вон грека в первый раз увидел, языка не знают, но ведь что-то даже пели пьяными в палатке во время торга.

— Ты сегодня убил? — неожиданно спросил Большой, когда Костя уже сгреб часть нарезанного мяса и собирался отдать его женщинам.

— Не пришлось, с фонарем стоял, а потом все быстро кончилось, но Рог заставил сделать контроль и добить двоих, — ответил Костя и резко посмурнел.

— Все правильно, вы должны стать волкодавами, для этого и здесь. Ты, если надо плачь, убить человека — это грань переступить, как прежде уже все равно не будет, — сказал Большой сам себе, глядя на удаляющегося молодого парня и отпил какого-то сладкого хмельного пойла из кувшина. — Шмурдяк! Как такое пить можно?

Пленные были накормлены, практически все мясо с кабана ушло на их прокорм, а жарить двух глухарей, которые общипанные лежали в одном из шатров посчитали ненужным. Тем более, что эти тушки были уже не первой свежести. Да, так раскидываться ресурсами тут не принято, но свободных рук не оказалось, всем пришлось тащить на себе хабар, несмотря на то, что лошади были гружены максимально. Возникал вопрос, как это все погрузить на корабль, но драккар оказался весьма устойчивым на воде и вполне вместил все и всех, пусть и стало очень тесно, и порой гребцам было неудобно работать. Ну а попутное течение, как и способствующий ветерок, быстро погнал корабль домой.

* * *

Не успели еще все в поселении позавтракать, не закончилась планерка с распределением на работы, как все обживаемое пространство огласил звон в найденную где-то рельсу. Это могло означать только два варианта — появление посторонних, либо кто сошел с ума. Последнее вряд ли, даже те, кто был на грани умалишения, пришли уже в

относительный порядок, ну или Игорь чего-то не замечал. А вот пришлые вполне возможно.

Еще до своего отбытия на ратные подвиги по окончательному истреблению банды Снора, Горыня с Бойко сходили к другой общине извергов, которые прятались в болотистой местности у относительно небольшого озера. До Днепра этой общине было километра три-четыре, поэтому они рыбачили, но основу их существования составляла охота и немного земледелие. Получалось у этих людей еще мед добывать и, по словам Горыни, они в этом сильно преуспели. Ну, так говорил глава наших беглецов только до того, как увидел пассики Казака и бабы Клавы.

Между тем, гости стояли со стороны «отсечённого» переносом кукурузного поля, где уже был ров и вал, но пока отсутствовала стена. Входить на уже определенную территорию соседи не решались.

— Гой еси? — строго спросил гостей Игорь. Это прозвучало, может, и грубовато, но из-за неполноценного владения местным наречием, как начать разговор Солдат не знал.

А Игорь непроизвольно сравнивал пришедших со «своими извергами». У тех уже и лица аккуратные, бороды, по крайней мере, чесаные, частью и пострижены, одежда уж явно приличнее, да и уверенность у людей Горыни появилась, чувство достоинства и принадлежности к чему-то, пусть пока до конца и непонятному, но важному и правильному. Тут же замученные сгорбленные, низкие с широкими натруженными плечами мужики.

— Аз есмь Рысь, а ты Игорь, Горыня поведал мне сие, — начал вещать один из гостей, слегка обозначив поклон. — Горазд ты окормляти земли сии, наряд ладны.

Игорь вопросительно посмотрел на стоящего за его спиной Рыгора.

— А что тут не понять то? Он представился, что зовут Рысью, это ему сказал Горыня и гость восхищен, как под твоим чутким руководством мы наводим порядок в этих местах, — поведал моховец, то, что в общем понял и Игорь, но сомнение в своих талантах переводчика Рыгор не переоценивал. — Позову ка я Злату, она лучше многих освоилась с языковой проблемой, уже лучше меня матерится. Но мутные они, эти товарищи.

Через пять минут практического молчания, к компании мужчин, все еще стоящих у входа в поселение присоединилась одна из извергов. Это была одетая в пестрые, несуразно подобранные одежды, женщина. Казалось, что выбор ее гардероба был обусловлен только одним критерием — больше красок. И вот такая «радуга» сильно впечатлила гостей, которые только что на колени не бухнулись, потеряв интерес к важному разговору. Женщина же с чувством превосходства смотрела на пришлых, то и дело поправляя свои одетые несколько юбок под красочный женский домашний халат с принтом из розочек.

Игорь с улыбкой смотрел на это действие, не желая нарушать такой немой спектакль.

— Злата, ты ли узрел я, али сама Лада ступила на землю? Зрак лепы вельми, — сделал вычурный комплимент Рысь, который, видимо был знаком с женщиной, сравнивая ту с богиней.

Женщина улыбнулась, но оставила в дальнейшем без ответа флирт гостя. Между тем Рысь и его молчаливого сопровождающего, в котором наша «радуга» признала ведуна общины, пригласили для разговора в палатку для переговоров на краю поля ржи, пусть и школа и дом бабы Клавы и были намного ближе.

Там, под чай и вареную колбасу, которую уже срочно нужно было есть из-за ее сроков годности, разговор, наконец, вошел в нужную колею. И предметов для разговора было немало. Первое, что хотели гости, так проявить наши намерения и вероятную агрессивность. Род извергов был немалый и они уже давно общались с общиной Горыни, не уступая той в

численности, что была еще до нападения варягов. Но эти изгнанные из родов, объединенные в свою общину изгоев, оказались менее воинственны, но с маниакальным стремлением к выживанию. Однако, у общины уже подрастает большая группа активной молодежи, которой не хочется постоянно прятаться на болотах и трястись от любого прямоходящего человека.

— Поросль отроков у них великая, три десятка пацанов и два десятка дев, они и желали, прознав про бой, идти к нам на помощь, — переводила Злата слова Рыси для Игоря и Рыгора, с присоединившимся к ним Алексеем.

— И чего они хотят? Скажи Злата, что мы бы с оплатой пригласили этих молодцев к себе на строительство. Нам сейчас сильно не хватает мужских рук, — высказался Игорь.

Ведун закивал, и Рысь дал свое согласие быстро. Складывалось впечатление, что глава соседской общины, стремился избавиться от бойкой и эмоциональной молодежи. Из дальнейшего разговора стало понятно, что молодые воины желали более открытой и воинственной политики для своей общины. Место, где жили изверги Рыси, было богато на природные ресурсы, прежде всего дары леса, но у них было катастрофично мало инвентаря, оружия и вообще не было своего кузнеца. Когда соседи узнали о нападении на общину Горыни, они сильно заволновались, что единственный источник получения железных предметов иссякнет. Именно Горыня торговал с Рысью топорами и стрелами.

— Рысь говорит, что увидел у нас металлические лопаты и за две таких готов предоставить на седмицу сорок мужей к нам в помощь, — переводила Злата.

— Не, так не пойдет. Даем одну лопату, и один боевой топор, а работников покормим, — начал торг Рыгор с согласия Игоря.

Отдавать лопаты, сделанные из лучшего железа, что тут делают те же топоры, Рыгор посчитал неправильным и в этом с ним был солидарен Алексей. Кроме того, кормить такую ораву ртов, которые придут к нам на работу, стоило, как, по мнению, Игоря куда больше, чем те смогут наработать, тем более, что придется снимать с работ своих парней и организовывать более действенную охрану поселения из-за неминуемых столкновений цивилизаций и менталитета. Чего ожидать от соседей было не понятно, поэтому лучше «перебдеть».

— Наряд сие, охоту сладим и снесь буде, — проговорил ведун, который, казалось, был «серым кардиналом» в этой паре гостей.

Был и еще один вопрос, который заботил переговорщиков-соседей — женитьба. Молодые парни, которые стали проблемой для общины, были в большинстве перешагнувшими пубертатный период, и им следовало завести свои семьи. Рысь собирался обратиться с такой проблемой к Горыни, обе общины ранее уже ни единожды роднились, а тут гости усмотрели явный перекося в сторону женского пола на поселении Игоря. Долго пришлось объяснять, что мужчин, на самом деле, у объединенной общины больше, кто на охоте, часть рыбачит, ну, и в походе есть люди. В объяснении же специфики межполовых отношений, которые были присущи людям из будущего, ни Рыгор, ни Игорь не преуспели. Для Рыси и ведуна, так и не представившегося именем, были не понятны такие правила, когда девицы были вправе выбирать себе мужей, когда нельзя было на празднике Купалы сносить девку для последующего замужества. Не понятным было и то, что глава поселения, Игорь, даже не хочет и слышать о том, чтобы девицы шли жить в другую общину, когда муж забирает свою супружнюю.

Однако, разговоры на тему брачных отношений сошли на нет, когда в палатку, по брезенту которой начал накрапывать дождь, внесли каравай, испеченный женским

коллективом под руководством Катерины. Этот каравай предполагали сладить к приезду мужчин из похода, но женщины не рассчитали время и испекли его днем ранее. Вытаращив глаза, гости встали из-за скамеек и низко поклонились вначале поставленному на стол караваю, а после, менее глубокого поклона удостоились и хозяева.

Ну а наши кухонные кудесницы действительно сделали истинно кулинарное чудо. Огромный, не менее четырех килограммов каравай был украшен косичками и лепестками с розочками из теста, в котором присутствовал в изрядном количестве ванилин, изюм, ну и сахар. Сверху же каравай был посыпан сахарной пудрой.

После поедания такого лакомства, все вопросы решались быстро и с большой пользой для поселения, гости просто были не в состоянии торговаться и спорить, пребывая в гастрономическом экстазе.

— Ух! — выдохнул Игорь, когда Рысь и ведун уже скрылись в лесу за кукурузным полем.

— Мда! — философски отметил Рыгор.

Столько разговоров, с решением скользких вопросов, что для Игоря лучшим было бы разгрузить вагон цемента, ну или кросс с полной выкладкой километров на семь-десять.

Оказывается, что поселение людей из будущего в достаточной близости от своих соседей. Они находятся буквально километров в десяти от общины извергов. И это было проблемой. Община Горыни была в большей удаленности от извергов Рыси, и проблем особых не было, но тут охотники имели немалые шансы повстречаться. Охотничьи угодья, как и два заболоченных озера, об одном из которых говорили люди Горыни, становились камнем преткновения. Дело в том, что на обоих озерцах жили большие семьи бобров, которых прорежали только осенью. Водились на одном из озер и лебеди. Вот и боялись изверги, что пришлые люди станут бездумно тратить такие природные ресурсы, не говоря уже о полном выбивании зверья в этой части леса. Решение было принято и одно озеро, что было ближе к поселению хронопутешественников, закрепилось за попаданцами, второе же в коллективном пользовании двух общин, по согласованию при заготовке мяса на зиму. Эта договоренность стоила одного трофейного топора и двух копий, но теперь без проблем можно было ходить на охоту в сторону соседей.

Были соглашения и по торгу. Рысь сильно удивился, что поселенцы, пока что не нуждаются в меде, который изверги считали своим главным товаром, но Игорь был готов скупить все выделанные шкурки животных и за серебро и за металлические изделия. Готовы поселенцы из будущего были скупать и мясо, что так же удивило гостей, они успели заметить загоны со скотом и считали, что домашних животных у странных соседей много, что на такое количество мяса просто неоткуда взять соли для сохранности продукта. Видели бы они, сколько мешков соли хранилось в охраняемом, некогда магазинном складе, то впали бы в еще больший осадок.

Но самым главным было косвенное сообщение, что радимичи, а, скорее их сюзерены хазары, готовят ответку за набеги как Снора, так и других искателей приключений. Хазары очень хотят показать свою власть и влияние на регион и по согласованию с радимичами иудеи собираются прислать свои отряды, скорее всего по осени, когда все соберут урожай и будет чем поживиться. Радимичи уже и сами были готовы восстать против своих хозяев, которые не так уж и пристально смотрели за далекими данниками. Песчанцы, как иначе называли радимичей, в свою очередь, ослабнув после не особо-то и триумфального покорения балстского населения Посожья искали союзников или силу, которая сможет

противостоять хазарам, бравших дань, в том числе и самыми красивыми девами, да и ремесленными людьми, еще больше ослабляя потенциал к развитию союза племен. Но тут появляется человек князя Олега, с которым радимичи были готовы договариваться, и грабит жестче, чем это делали хазары и сжигает целые поселения. Да и пусть две силы — хазары и рождающаяся сила Руси — столкнутся, рассчитывали старейшины радимичей. Ведь, как известно, в мутной водиче лучше ловится рыба. Славянское племя хотело выждать противостояние и сделать свой выбор позже.

В этот же день, как только поселенческое начальство распрощалось с гостями, удивила артель рыболовов. Две двухметровых рыбины осетра, обе с икрой, да три десятка форели по два-три кило, большей частью так же с икрой, с трудом притащили в поселение. Намечался деликатесный рыбный обед и, наверняка и на ужин хватит. Ну а икру, которую, к слову, не особо жаловали местные аборигены, решили засолить и закатать в банки, такой сытный продукт зимой, может, ой, как пригодится.

И да, не оставалось уже ни одного человека в образовавшейся общине, кто все еще надеялся на волшебника в голубом вертолете, или еще каких спасителей. Все осознали, что они тут навсегда, ну, или очень надолго.

— Мойша, извини, ты не любишь, когда его так называют, с парнишками из местных смастерил гончарный круг, который, как аборигены утверждают, не имеет аналогов, они уже и горшки какие-то лепят, да печь мастерят для обжига, — просветил Игоря Алексей.

— Отлично, а чего меня не позвали? — отреагировал Игорь, выходя из своих раздумий.

— Так чего тебя, всего такого начальника, беспокоить за зря. Умник так и говорил, что покажет «конечный и обязательно высокотехнологический продукт», — высказался Рыгор, проявляя свою осведомленность рождения еще одной ниши производства. — Пошли-ка к Лиде, она с бабой Клавой звала тебя, есть разговор!

Баба Клава, в неизменном сопровождении миссионера Андрея, который считал себя что-то вроде апостола, ловящего каждое слово своего учителя — сына божьего, была на новых полях, которые распахали буквально недавно.

Неожиданным было появление волчье-собачьей семьи. Как только Игорь вышел за пределы уже оконтуренного поселения, Рекс со своей подругой сразу же взяли своего хозяина под охрану. По правую руку был пес, ну а волчица-приживалка шла в ногу с парнем по левую. И никто ее не дрессировал, а выход получался, как на выставке.

Такое эффектное появление вызвало оцепенение в бабско-девичьем коллективе аграриев. Кто-то пытался найти глазами убежище, другие просто глазели на волчицу с расширенными глазами.

— Не бойтесь, это... впрочем, я еще не придумал имя, но она не кинется, — говорил Игорь, не особо веря в свои же слова, волчица все же дикий зверь, пусть и очень умный.

Поразила всех, причем и Игоря и волчицу, Лида, которая с каким-то отрешенным видом, с пустыми глазами, подошла к хищнице и потрепала ту за холку. Рекс глядя на такое непотребство всем своим видом, словно говорил: «Волчица и мне не разрешает того, что делает эта полоумная человеческая самка». Но поступок бывшей командирши разрядил обстановку.

— Тьфу ты, ящерово племя, — чертыхнулась баба Клава и перекрестилась, вновь объединяя и языческие мифы, упоминая Ящера и христианство, истово крестясь. — Парень, ты уже вообще с глузду съехал, волка за собой таскать.

На это Игорь только лишь пожал плечами, мол «не виноватая я, он сам пришел».

— Что за дело ко мне, баба Клава? — спросил Игорь, переводя фокус внимания с волчицы на насущные дела.

— А дел много, касатик, давай-ка все обстоятельно... — начала главная в поселении христианская ведунья, — вот такой оксюморон, что возможен только здесь и сейчас.

Дела касались многого, но начала баба Клава с того, что предложила убирать кукурузу, оставив под семена не больше сотки посевов. Початки в американском растении пусть и были не зрелыми, но необычайно большими, а стебли уже можно под силос крошить, только придумать чем. А нужно это для земли, посевных площадей катастрофически не хватает, в то время как посевного материала, оказывается, полно. И все бы можно было успеть, и погода пока еще позволяет высаживать ту же картошку, как и многое другое, но свободной пахоты нет.

— Мужиков отправил на войну, те, что остались, строят крепость, а мы тут бабами и жнец и на дуде игрец. Мне травки девкам нужно показывать, есть такие, что только сейчас и собрать то можно, ан нет... Девки пахут целину. Потом еще цикорий вполне созрел. Его бы собрать, перемолоть, так хоть какой заменитель чаю будет, щавель нужно собирать и мариновать на зиму, работы тьма, а тут в помощи ни одного мужика, кто заборчики строит, кто мастерит что-то, говорят «с перспективой на будущее». А у нас своя перспектива, девки своим трудом всех не прокормят, — баба Клава выдохнула, такой длинный спич ей дался нелегко.

— Будет решение, Клавдия Ильинична, отойдем, — Игорь взял под локоть женщину и увел ее немного в сторону, чтобы их не слышали. Решения обозначенных проблем были и не одно. — Уже завтра должны прийти три десятка парней от соседей, это раз, второе — сегодня же придут четыре из пленных, кого нужно уже и так проверять на лояльность. Это из варягов, но клянутся и божатся, что посмотрев на нашу жизнь, хотят войти в общину. Они будут работать с вами, якобы свободно, подальше от девчонок, самостоятельно, но под присмотром в прицел винтовки Артура. Но и Вы присматривайте за ними. Так же буду просить прислать от соседей и девиц, чтобы те цикорий собирали, это отличное решение за исключительный дефицит кофе с чаем. Ну и завтра, если уже не этой ночью, придут наши воители, так что частью мужики будут отправлять к вам в помощь, да девчонкам для развлечения. И это... баба Клава, проводи с девками пропаганду, что замуж нужно выходить хоть за наших парней, хоть за аборигенов, а то каждую недотрогу защищать — никакой армии не хватит. Пусть мужние станут. Могут присмотреться к парням из соседней общины. Говорят, там боевые молодцы, нам такие нужны. И чтобы и речи не было о том, чтобы переходить в другие общины, только к нам переманивать.

— Ох и змей, ты, искунитель, — баба Клава перекрестилась. — Тебе опыта председателя колхоза, какого и самого Горбача бы скинул с Олимпа власти. Обскажу девкам, тут столько рядом с ними разговоров наслушаешься, что ночь потом молюсь богу за ихние души грешные. Готовы девки уже и сами к мужикам приставать, только там много малохольных, а таких орлов, как ты, мало. Пусть помнут девок пришлые хлопцы, так и сладится, а детишек воспитаем.

После Игорь с Клавдией Ильиничной обсудили, что именно будут сеять и расположение новых огородов. Баба Клава не особо осматривается вокруг нашего поселения. Оказывается, большую делянку освободили от вековых дубов, что ушли на строительство крепостной стены, а частью там и выкорчевали пни. Получилось не менее полутора гектара. Вот на этой площади и можно было садить ту же картошку, как раз больше под эту культуру и не нужно.

И так больше всего площадей, как у поселения, так и на месте прошлой стоянки извергов, отдано под «бульбу».

А вот там, где все же решили убирать кукурузу, пусть и оставив две сотки, для полного созревания, посадят сахарную свеклу. Семян так же должно хватать, ну или добавить еще кормовой свеклы. Получится ли сахар, а Умник говорил, что гарантирует даже продукт белого цвета, Игорь точно не знал, Михаил много обещал и увлекался прожектерством. Вообще технологии производства «сладкой смерти» Солдат не знал, но раз говорят, что может получиться, то нужно пробовать.

Так получится, что все поселение на километры будет обложено огородами, да полями. И возникнет вопрос охраны, да он уже есть.

— Эх, девчата, мне бы разделиться на десять Витьков, да всех вас скопом на сеновале потискать, — непривычный для слуха смех раздался вдруг.

Игорь улыбнулся, наконец-то сущность Витька проснулась и он уже отщучивается, а не олицетворяет вселенскую скорбь.

Солдат был осведомлен, что этой ночью Марина Светлова заглянула в палатку к Витьку, которого специально в этот раз разместили отдельно от походных общежитий. Света знала о тоске Марины о Витьке, так как, несмотря на свой заносчивый характер, общалась в девичьем коллективе, где все обо всех знают. Знали девчата, что Маринка уже давно готова была закрутить роман с легкомысленным парнем. Серьезную девушку ранее смущала поверхностность характера Виктора, а тут увидела его умеющим сострадать, и девичье сердце пожалело, и себя, и Витю. Да и само бегство за тысячу лет от папиного и бабушкиного контроля, мама умерла три года назад, способствовало легкомысленности девушки. Вот и подговорила Света свою новую подругу, имя которой только и узнала после переноса во времени, самой сделать шаг навстречу своему счастью. Так и вышло, что ночь, ну или сколько-то там минут любви, вернула парня к жизни.

— Витек, ты бы колхозников на поле порадовал концертом, а то там такое уныние, — посоветовал Игорь, но вместо ответа Витька, Солдата оглушил визг и крик девушек.

Это была реакция на волчицу. Солдат уже и свыкся с соседством Рекса и его подруги.

Однако, волчица оказалась более стойкой характером, даже не повела ухом. А Игорь вновь подробно рассказал о новом звере в их зоопарке и что девчонки с поля уже погладили волчицу. Некое соперничество в женском коллективе было и обвинения «колхозниц» в том, что «кухарки и подавальщицы» лентяйки и ничего не делают, имело место. Поэтому вызов, что девчонки с полевых работ уже погладили волчицу, был принят, и Вера, как-то затертая руководящей работой преподавательница филологов, первая погладила хищницу. Так вот и приживается подруга Рекса в коллективе, пока еще не имея собственной клички.

Виктор же, как дисциплинированный школьник поднял руку, и, испросив разрешение взять с собой Марину, сияющую счастьем, отправился развлекать «колхозниц» в поля. Вот ни разу не слышал и не замечал, что Витек отлынивает от работы, так что освободить воскресшего балагура от трудовой повинности для развлечения и создания населению приподнятого настроения, Игорь посчитал правильным. Вообще, нужно же и культуру развивать, пусть и такую примитивную, которую может предложить Витек. А еще Игорь знал, что есть девчонки в поселении, которые занимались хоровым и эстрадным пением, есть две флейтистки и еще с пяток пианисток. А в школе стоит пианино. Вот вам и концерт. Нужно озаботиться этим, да пригласить соседей, чтобы те прониклись культурой, да быстрее становились частью единой общины. Можно и танцы организовать с использованием старых

* * *

Насколько не было совестливо Рогу возвращаться за полночь домой, чтобы своим прибытием переполошить всех людей, но останавливаться на еще одну стоянку, посчитал не правильным. В конце концов, погода была зябкой, то и дело моросил дождь, а у них полностью забитый людьми и животными корабль. Да и пленные были по большей степени изнеможены и понуры. Все ждали своей участи, не надеясь на то, что их освободители чем-то лучше поработителей. Кто-то из женщин тихонько плакал, называя какие-то имена, как догадался Рог, убитых грабителями-варягами, кто-то сокрушался по своей девичьей гордости. Мужики же, как и прежде, делились на тех, кто был с опущенной головой, и на тех, кто уже пытался вызвать на поединок и Большого, и Врана с Бойко, отмечая только, что Рог, как старший, для поединка не подойдет. Особенно старался тот «поединщик».

Между тем, когда драккар повернул за поворот, что был перед схроном варягов, Рог во всеуслышание объявил:

— Никого не держим, все люди свободные и никакой виры за волю не нужно. Здесь имеете возможность уйти. Но вы можете присоединиться к нашему поселению и стать ее частью. Работать, получать еду и одежду, жениться и рожать детей. От каждого по способности, каждому по потребности. Вот такой, мля коммунизм. Бушуй, переведи! — произнес свою пламенную речь Рог, получая свою порцию аплодисментов от Большого.

— Да, мля, коммунизм, строили, строили и вот так... рабов везем, — Козак философски прокомментировал слова Рога.

Покидать корабль после такой речи, а Бушуй еще что-то от себя прибавил, да и другие бывшие изверги подтвердили, никто не хотел. Только боевитые пленники поинтересовались о том, действует ли предложение после того, как они прибудут к пункту назначения. Был и один коренастый мужик среди этих несломленных, который выделялся немалыми статями и, даже более чем у всех виденных ранее бойцов, широкими плечами. Тот спрашивал, есть ли в поселении, куда их везут свои ковали-кузнецы, он, дескать, хороший мастер и некогда из самого Гомля бежал, спасаясь от родственников опороченной им девицы, а раньше много и оружия и иного мастерил. Но кузнеца разочаровали, когда сказали о потребности его мастерства, но что кузнецов у них хватает. Многие задумались, что это за поселение такое, где не один кузнец, да оружие богов, извергающее пламя, имеют.

Был и тот, кто представился «здателем», поясняя, что и этот мастер так, как и кузнец общается с богами и он уж такой нужный, такой незаменимый, что любое поселение, если не город, будет процветать только из-за этого «здателя». Большой почти даже поверил хвастуну, но, когда прояснил для себя, каким именно ремеслом владеет бывший пленник, так споро набивавший себе цену, только хмыкнул. Здатель — это, оказывается гончар. Большой был одним из тех, кто видел чертеж гончарного круга Умника, ну не может тут быть столь технологической приспособы для производства не только горшков, но и всей номенклатуры гончарных изделий.

Прибытие к обрывистому берегу Днепра и сбрасывание камней в качестве якорей, которые долго не хотели фиксировать судно в одном положении, ознаменовало быстрое возгорание костра у поселения. Это было и определенного рода ориентиром и знаком, что они замечены, и охрана не спит. Уже через час две небольшие лодки с помощью моторов

двигали две так же не отличающиеся большими размерами деревянные баржи. Рог просигнализировал, что нужна помощь и что корабль никак не пройдет в протоке заранее согласованными сигналами мощного фонаря. Отбил предводитель первого экспедиционного отряда и сигнал, что все у них в порядке, чтобы не было лишнего волнения дома. Для мужчин, которые в очередной раз воевали за благополучие людей на холме, это место все больше становится домом.

— Ну, как все прошло, трехсотых нет? — спросил Игорь, как только моторная лодка, на которой он ехал навстречу отряду, о погибших Солдат даже не хотел спрашивать.

— Нормально все, Солдат, ни трехсотых, если не считать Павлушу-студента, который умудрился сильно вывихнуть ногу, но перелома нет, — ответил Рог и скомкал в объятьях Игоря.

Вот чего не хватало в жизни Викентия Рогова, таких встреч, отдыха после боев, благодарности женщин и признания от мужчин, соперничества и постоянного напряжения, штурмовой работы. Рог раньше просто кипел энергией, очень неплохо учась в школе, Викентий был отъявленным хулиганом. Еще в начальной школе он заставил себя уважать, до иступления дерясь с каждым, кто попробует назвать его, Викентия, «Викой», или даже посмотрит косо в сторону гордого мальчика. После, в пятом классе попал в секцию бокса и уже на тренировках хоть как-то смог унимать свою энергию, тренируясь до семи потов. Ну, а жена, о которой он сейчас и не думал вовсе, попыталась сделать его домашним, и ей это почти удалось, если бы не полубандитские дела в Днепропетровске. Но, вот она, тут, воля, вот она жизнь, на острие. И это он уже не хотел менять, будет возможность уйти в двадцатый век, он не пойдет.

— Что с людьми то делать? Мы еще не определились с купленными рабами, пленные-варяги тоже, теперь эти. Очень много мутных лиц, это опасно, — говорил Игорь, рассматривая в свете распаленного костра бывших пленных.

— Так у нас особист есть, пусть у Артура голова и болит, — высказался Большой.

— А он и действует, вот сегодня одного из варягов, что клялся всеми богами в верности и желании жить в общине пристрелил при проверке его на благонадежность, пытался удрать, гад. Но некоторых бывших рабов, по словам Артура, вполне можно вводить в наше общество, — ответил Игорь Большому, и обратился уже к собравшимся бывшим пленным. — Кто еси кметь, да мае пых, да дублий? Ну, это... давай ратиться.

— Вот и все знание языка у нашего лидера, призвать тех, кто имеет яйца драться, вот это недостижимый уровень дипломатии и работы с кадрами, — Большой весело прокомментировал неловкие потуги Солдата вызвать на бой кого-нибудь из пленников.

— Хупавы! — вскрикнул тот самый подраненный «поединщик».

— Если ты, Солдат не понял, то этот борзый назвал тебя пи... пустословом, в общем, — подстрекал Большой Игоря, но парень именно такого и добивался.

Показательное выступление на тему «я тут главный самец» прошло удачно, лучше тысяч слов. Солдат использовал свои навыки и умения, которые были недоступны местным бойцам, пусть они и были выносливыми и настырными. Парень был уверен, что нужно показать силу, в этом мире ее уважают, таким образом можно снизить вероятность, пусть и частично, глупых поступков в поселении. Если знают, что есть люди, способные навалить им, то лишний раз подумают, стоит ли корчить из себя важного и непобедимого.

Все пять бойцов, по крайней мере, как их определили еще Рог и другие в отряде, были выкачены в землю с явным преимуществом главы поселения. Солдат четко дал понять, что он

лучший боец, чем эти пятеро. Да, если бы драка была с использованием того же топора, или меча, то Игорь имел меньше шансов, но он постепенно осваивал и это оружие, в том числе используя навыки ножевого боя.

— А я вначале не понял, чего это тебе ночью приспичило голых мужиков по траве валять, думал, Светка уже другого нашла, а тут воно как, показал, кто главный. Мудро, молодец, — тихо, чтобы не могли слышать окружающие, толи прошептал, толи прорычал Большой на ухо Игорю. — Вот только поговорю я со Светкой, чтобы обратила внимание на твоё стремление наказывать голых мужиков.

— Иди к Ящеру, — улыбаясь, ответил Игорь.

Поселение, взбудораженное не спало, Катерина, как по тревоге подняла своих помощниц и те стали готовить столы в армейских палатках, так как вновь стал моросить дождь и расположиться на улице было нельзя. Между тем, Катерина хотела сделать праздник для всех. Это оговаривалось и с Игорем, благосклонно позволив использовать резервы, в том числе и спиртного. Солдат рассчитывал, что общее ликование от удачной, а иного он не предвидел, карательной вылазки, сплотит людей. Уничтожение тех, кто ранее решил разрушить зарождающийся новый мир для переселенных в прошлое, да и просто убить их и разграбить становилось тем достижением, которое позволяло смотреть в будущее с оптимизмом.

Копченая колбаса, салат с горошком, икра и всевозможное мясо, это только малое, что было выставлено на столы, в армейских палатках и в бывшей школьной столовой. И даже так разместить полноценно людей не получалось, была еще охрана, которая не сядет пировать, но и им должно было перепасть еды, а Катерина, втихаря дала парням самогонки.

Когда почти строем герои входили в строящиеся ворота центрального входа в город, их встречали овациями, словно римский полководец реализовывал свое право на триумф. И вот, когда только стало рассветать, в строящемся городе начался праздник.

* **

Карп являлся личным охранником вождя вятичей Ростислава и сотником рождающегося войска. Вождь стремился объединить все роды немалого племени для противостояния, как хазарам, так и угорцам. Варяги, как и болгары мало интересовались землями легендарного Вятко. Но, как и многие реформаторы, Ростислав не был услышан большинством рождающейся вятской знати, и его убили. Убийцей стал сын Ростислава, Вячеслав, стоящий за старые порядки, когда все важные дела племени решались на общем сборе всех знатных старейшин родов.

Тогда Карп со своей сотней напал на Вячеслава и в славной битве, как считал бывший охранник, убил сына своего господина, которого считал за отца. Однако, сотник потерял почти всю свою сотню, кроме четырнадцати наиболее удачливых воинов, с которыми и бежал в земли наиболее родственного племени радимичей. Нет, появляться в больших городах песчанцев, как иногда звали соседей, Карп не собирался, напротив, он хотел стать на Большой реке и начать новую жизнь.

Тут желания воина путались. Вначале изверг со своими немногочисленными, но сильными воинами думал пограбить торговых гостей на Днепре, но понял, что такое занятие не выдержит конкуренции. На пути в греки шла оживленная торговля, но не было беззубых купцов, все имели охрану под сотню и больше. Тогда Карп попытался войти в один из родов

радимичей, который жили ближе всего к Днепру и неплохо промышляли и торговлей и рыболовством. В этом роду хорошо встретили сильных мужчин, которые собирались жениться на вдовых женщинах и принять их детей. Но кто гуляет свадьбы до Коляды? Поэтому новые члены рода пока доказывали свою полезность, удачливо охотясь и тренируя молодых воинов.

Но потом пришли варяги... В свои двадцать восемь лет Карп встречался в бою с таким противником, когда вождь Ростислав самолично ездил на торг с булгарами, а северные разбойники возвращались по волжскому пути к себе домой. Вождь, возомнив, что глубоко посаженные два корабля северян, а среди этих варягов славян не было вовсе, станут легкой добычей. Куда там, с преимуществом более чем в три раза, дружина Ростислава потеряла, из почти трех сотен воинов, чуть меньше сотни. И то, если бы не воины Карпа, бед было бы больше. Отчаянные воины эти варяги.

И этот враг пришел и в новый дом Карпа и его людей, где убил всех, вообще всех людей, оставив в живых только его и еще троих мужчин, где только двое были воинами из его некогда сотни. Почему разбойники не взяли женщин из рода, Карп не знал, пока не увидел десятка три молодых и красивых женщин, уже находясь в плену. Бывший сотник знал, женщины, после активизации торговых путей, сильно потеряли в цене, по крайней мере, в хазарском Итиле. Тут только можно было хорошо выгадать, если дева не тронутая, ну и ликом хороша. А для этого следовало бы очень хорошо товар кормить, тратить на его деньги, при этом и охранять от своих же соратников по оружию, чтобы не тронули.

Другое дело, мужчины, особенно имеющие профессию, за таких даже хилых и тощих могли дать хорошую цену. Хазары не работали, и полей практически не возделывали, поэтому ценили рабов-мастеров своего дела и хороших крестьян. Карп же увлекался кожевненным делом и ладил неплохие сапоги, в которых было не стыдно и в болгарских городах появится. А болгары были лучшими в мире сапожниками. Пришлось одному из варягов рассказывать про ремесло, чтобы сохранить свою жизнь, так как до десятка людей убили, когда те терялись при экзамене на мастерство, который принимали пять варягов.

Тогда, ночью, Карп специально провоцировал варягов на агрессию, но так, чтобы горделивые воины дали шанс кожевеннику. Карп уже ложно подволакивал ногу, демонстрировал усталость, чтобы выгадать удобный момент для последнего рывка и убить ненавистного варяга. Тот был самый кровожадный из всех, кто мучил и мужчин и женщин, варяг при изувержствах возбуждался, как от ласк девицы.

Но вмешалась третья сила, — воины, которые, как лесные духи, расстреливали из темноты ненавистных разбойников, тогда были и странные звуки, словно гром ударил и много света, а потом новый плен. Но уже другое пленение, с пищей и водой, с нормальным обхождением.

Когда же освободители предложили идти на все четыре стороны, Карп быстро перекинулся парой слов со своими двумя воинами, и решение было принято. Куда еще бежать извергам, которых ждет смерть дома, у вятичей убиты семьи ратников Карпа, убиты и женщины, которых они хотели брать в свои семьи. Они ни с чем и даже без накидки на тело.

А потом... Карпа опустили на землю и доказали, что он вовсе даже не такой уж и боец. Парень, который выглядел еще моложе бывшего сотника, раскидал и его и всех рослых мужчин, которые выглядели воинами. Вот и наука, значит, нужно учиться и, возможно, учить, так как мало было настоящих воинов среди освободителей, Карп чуял себе подобных,

а вот от Солдата исходил сильный воинский дух. Ну а встреча в большом поселении, которое активно выстраивалось в детинец, расставила все приоритеты, Карп хотел здесь жить и быть полезным. Может вот он, новый дом...

** *

— Что такое быть главой такого поселения, где все на виду? Это пустить газы, а через тридцать секунд уже все знают, что главный обос...ся. А еще кто-то баб тискает, что собирает целые компании слушателей рядом со своей палаткой, а кто-то только приобнял любимую, а тут сразу срочный вызов, — бурчал Игорь, но шел навстречу с пришедшими трудовыми резервами от соседей.

— Сколько их, Рыгор? — спросил Солдат, подойдя к толпе молодых оборванцев.

— Тридцать четыре, три старших и тридцать один от лет четырнадцати до двадцати, — ответил Рыгор, который благоразумно ночью спал, не реагируя на бурные встречи мстителей.

Ну не совсем самостоятельно Рыгор уснул, а по личной просьбе Игоря. Работы не должны прекращаться, да и текучки слишком много, а праздник на рассвете не мог прибавить работоспособности и трудового энтузиазма. Солдат только решил отдать свой почти уже супружеский долг и поспать часа три, но не судьба.

— Сколько там напилили стволов на стену за вчера? — спросил Игорь.

— Повалили дубов под полсотни, ты же сам говорил, что нужно делянку завершить для огородов, вот и завершаем, только оставшиеся ветки осталось подпалить, да с пнями разобраться, — отвечал Рыгор.

— Слушай, там мне наставника представили. Где Павел, когда нужно его личное участие? Так и не услышу его мудрых наставлений, то он в походе, то жену «мнет» после долгой трехдневной разлучи, — немного раздраженно говорил Игорь, который завидовал прибывшим ночью героям, их то никто не тревожит на предмет работы, по крайней мере, до обеда не станут дергать. — Да, это я так, ворчу. Давай распределяй соседей на делянку, так же пусть и плугом поработаю, выясни, кто вообще на что горазд. Еще нужно отправлять на заготовку сосны, строиться нужно. Еще в помощь бабе Клаве на поля часть соседей отправь, она выйдет на работу, в празднике особо не была замечена.

— Да понял я, может и сам бы справился, но чухонцы эти попросили твоего присутствия. Мол, с тобой ряд заключили, так и треба лик твой узреть. Вот узрели, ты кивни им и иди, поспи, работы сегодня много, а к вечеру обещали презентацию первых наших горшков, — сказал Рыгор и энергично зашагал к толпе оборванцев, которые пришли батрачить на строящийся город.

Продемонстрировав «свой лик» пришедшим общинникам Рыси и подтвердив договоренности, Игорь умылся холодной водой, попросил на кухонном блоке крепкого, очень дефицитного кофе у дежурившей там Веры, которая была и за няньку детей Катерины с Павлом и кладовщицей. А, выпив бодрящий напиток, пошел к Свете. Не хотел парень создавать проблемы в личной жизни, когда можно приятным способом их предупредить.

— Нужен дворец, а я тут в палатке, — пробурчал Солдат и ловко прошмыгнул в свое полевое жилище, где его ждала самая прекрасная девушка этого мира.

* **

Несмотря на праздник, немного опухшие, но с еще не иссякшим энтузиазмом, которым зарядились во время ночного триумфа, из своих жилищ выходили герои. Большой и Рог расхватили бывших пленников, и повели их по мастерским, или тем местам, где они еще только планировались. Рогову понравился в использовании арбалет, и он хотел такими вооружить и себя и еще кого, создавая новый род войск, поэтому Рог застрял в кузне, куда взял и кузнеца, который вчера бахвалился перед ним своим непревзойденным мастерством. Большой пошел смотреть за строительством крепости, а по сути, просто убежал от женщин, которые были так рады видеть своего мужчину, что изматывали уже не молодого Большого не один час. Горыня со своими ближайшими решил самостоятельно проинспектировать четверых бойцов, которых освободили из плена. Степан же с Властой куда-то и, видимо, они друг друга так же усердно инспектируют.

Только часа через два, когда Заяц вновь радовал крупным уловом, на этот раз, выловив не сома, а какого-то монстра, вышел из своего дома необычайно счастливый Павел и просто сияющая Катерина. Женщина даже не стала отчитывать своих подчиненных, что те и окончательно не прибрались в местах празднеств, да и не поставили на баланс трофеи, которые привезли воины, как и не переписали новых людей, учет которых Катерина вела. Такого плодотворного общения с мужем, женщина не получала уже... Да она и не помнила когда Паша был таким неутомимым и внимательным. Теперь Катерина была готова молиться, чтобы только не случился обратный перенос в будущее, если только муж будет хотя бы изредка повторять такой вот «забег» по семейному ложе. Ну а детей?.. Тут сложнее, но выучат, и они станут людьми и в этом мире.

* **

— Ну, давайте начнем, — открыл совещание Игорь. — По насущным проблемам и их решениям.

Был вечер, уже смеркалось, и важно было собраться Советом, чтобы хоть что-то понять из того, что творилось целый день. Просто огромное количество людей, которые, казалось, находились в беспорядочном броуновском движении. Между тем, как по волшебству в этом хаосе, продолжали возводиться стены крепости, рылся ров на уже последнем, юго-западном направлении. Да много чего делалось как бы само по себе, но все же управление было, пусть и не системное. Тот же Большой был Игорем замечен и при исследовании Умником и Павлом в протоке, потом его заметили, а, скорее, услышали матерные конструкты, на строительстве главных ворот будущего замка, еще он ошивался на вырубленной части дубравы, помогая выкорчевывать пни.

— С чего начать? Может с кавалерии? — предложил обсудить ЧП Козак.

— Да, дурень Крот, мал еще, вот и полез не на свое поле, — высказался приглашенный на расширенный Совет Шишон.

— Дурень и есть, — подхватил определение умственных способностей моховского подростка Горыня.

А проблема была в том, что Крот решил порисовать и показать джигитовку на коне, привезенном из варяжского схрона. Малой хотел только повторить хотя бы что-то из того, что продемонстрировал один из пленников Карп.

— Баба Клава с Веданой говорят, что жить будет, перелом ноги, да пару ребер. Я сама

посмотрела и согласна с ними, — проинформировала Оля, как глава уже не только академической медицины, но больше санитарно-гигиеническая службы.

— Спасибо, Оля, чуть попозже поговорим о твоём направлении, — сказал Игорь одной из двух приглашенных на Совет девушек, была еще Вера, которая сейчас вновь заменяла Катерину, а вот Лида отказалась идти, указывая на свою бесполезность.

— Давайте расскажите мне об этом Карпе, что за карась приплыл в наше болото!? — не изменяя своей манере шутить всегда и везде, поинтересовался Большой.

— Добрый вой! — лаконично ответил Горыня.

— Все они добрые, когда спят у стеночки, вот только стеночка клыками погрызена, — вставил вновь свою реплику Большой.

— Владимир... — попытался было Игорь привести к порядку Большого.

— Вот за Владимира ухо откушу, называй меня Большой, но я все, я статуя, у которой нет..., короче, совещайтесь, — незлобно, но все же с нотками наигранной обиженности сказал Большой.

— Так, вот... — решил высказаться Рог и с некоторой укоризной посмотрел на Большого. — Так вот, этот мужик действительно крут и нравом и опытом. Получается, без обид, Шишон, он лучший среди нас наездник, работает луком просто на загляденье, я такое только в кино видал про индейцев. На мечях мастер, Степа протестировал, а сын то у меня республику выигрывал.

— Карп поведал мне про свою долю. Он изверг, и хочет рядиться на живот свой. Сотник он, добрый сотник, да еще два гридня при нем, — продолжил Горыня, демонстрируя отличное уже знание языка попаданцев.

— Артур, что думаешь, будет от этого гриба яд? — спросил Игорь у безопасника.

— Не уверен, но он очень старается проявить себя и занять хоть какое место в нашей иерархии, смотрит на некоторых девиц, вернее на одну, да не масляным, похотливым взглядом, а как на нечто потерянное. Думаю у него свое горе и погибшая семья, — докладывал Артур под удивление присутствующих, при этом смотрел на Веру, намекая, на какую именно девушку смотрел Карп.

За неполный день особист сумел много рассмотреть и понять, да и демонстрировал бывший пленник стремление закрепиться за шанс жить в поселении.

— Я правильно понял, что девица сможет такого бойца приручить и оставить в общине? И еще нужен ли он нам? — играл свою роль модератора Игорь.

— Уверен, — приняв на свой счет слова Солдата о нужности Карпа, первым свое мнение высказал Рог. — Я не претендую на генерала. Вообще мое участие в операции было скорее вынужденным. Нет, я не отказываюсь и далее, если нужда будет, но по мне лучше создавать оружие, да учить молодежь боксу и общей физической подготовке. А этот волкодав, да при правильной гражданско-патриотической и политической обработке, станет хорошим сотником, а многим больше бойцов мы не соберем никак.

— Ну, не согласен. Начинали мы, может, с тремя-четырьмя десятками, но как-то быстро люди становятся воинственными. Сейчас, если всех ополчить, включая бывших рабов, то под сотню и наберем. А еще, что-то мне подсказывает, что станет перетекать к нам молодняк от соседей, — высказался Игорь.

— Только вопрос, а оно нам нужно? — включал «адвоката дьявола» Большой. По сути, такой прием-провокация, был перспективным в выработке наиболее выверенного решения.

Вот и проходил Совет в прениях и спорах, когда Большой почти безэмоционально

критиковал любое решение, а другие стремились доказать ему свою правоту, выискивая новые доводы и корректируя вероятные решения.

Так, фундаментально было принято решение, что локальная экспансия — единственный шанс для выживальщиков-попаданцев и всех тех, кто к ним присоединяется. Поэтому нужны люди и коли будет такая возможность, то купить тех же рабов, но выборочно, заниматься гуманизмом в этом времени не стоит, не поймут и сочтут слабым. Да, и прознают все окружные ватаги, что некий град скупает большое количество рабов, так только увеличат количество набегов на поселения для грабежа, а поселению не хватит ресурсов выкупать многих.

Разговор был и о строительстве крепости. Многих пугала тенденция, что дубрава, кажущаяся некогда огромной, уже лишилась не менее сорока процентов от своей площади. Пусть и осталось не так уж и много мест, еще не обнесенных крепостной стеной, но тенденция в целом не очень привлекательная, если учитывать, что дуб представляется важным ресурсом, в том числе и из-за желудей. Была еще одна поменьше дубрава вдали от поселения, превращающегося в город. Это километров шесть-семь в сторону бывшего поселения Горыни, практически на берегу Днепра.

— Так что мешает прийти туда либо по лесу, либо по воде, напилить, нарубить, да можно и почти вырубить ту дубраву, связать бревна в плоты, да пустить по Днепру, а тут их ловить, через протоку почти к самому городу протаскивать, а дальше можно и на гору затащить. Это и стена и новые постройки. Уже скоро соберем, урожай ржи, неделя-две и нужно срочно строиться в самом центре будущего города, — говорил Игорь, выражая мнение многих собравшихся, просто такие простые решения нужно было озвучить для мозгового штурма.

— Там хозяин живе, аще вельми много туров, кои за той дубравой и затоки, — выразил сомнение Горыня.

— Хозяин — это медведь? — спросил Игорь и, получив согласительный кивок, продолжил. — Уверен, что нам удастся его уговорить, если тут нет заморочек по тотему, с запретом убийства. Вообще хорошая шкурка большого зверя — статусная вещь при приеме тех же купцов. Ну, а что касается туров, то это даже хорошо, можно же отлично запастись мясом.

— Ты понимаешь, что такое стадо туров, особенно с боевитым вожаком. Это машина смерти, чем их возьмем? Крупнокалиберного пулемета у нас нет, не всякой стрелой можно пробить шерсть со шкурой. Да и как обработать столько мяса, — Большой продолжал отыгрывать свою роль.

Игорь не спешил отвечать, используя паузу, он хотел определить вероятных единомышленников, а то получается театр двух актеров — его и Большого.

— Я так думаю, — почесав уже изрядно подросшую бороду, вступил в дискуссию Рыгор. — Туров тех бить нужно, это сладим. Конечно не всех, но нам срочно нужно задумываться о зиме. Во что одевать станем детей? Да, мы скупили уже немало шкурок и бабы уже думают, как шить шубы, но этого мало, очень мало. Побьем бобров, еще кого, но шкуры нужны. Это раз. Два — проблема заготовки мяса упирается по большому счету в соль. Ее сейчас много, но стоит ли жертвовать тем же огурчикам соленым, помидоркой, да и много чему, что, между прочим, и продать можно. Нужно посчитать количество соли, и всегда ее закупать, помногу. После даже организовать соляной поход под Мозырь, вот, не знаю, есть сейчас там город, или нет, но точно немалые залежи соли будут, я был некогда на

предприятия и, надеюсь, найду место и сейчас. А так, по таре: банки стеклянные это не все решение. Заработала гончарная мастерская, все сегодня видели, что горшки знатные вышли, пусть из десяти только семь и можно использовать. Есть воск, и будет его больше, я вот надумал пассику расширять до хотя бы двадцати ульев. Так можно мясо в горшки, воском закупорить, да в погреб. Да таким и торговать будет удобно.

— Перчику бы туда, — мечтательно пробормотал Козак.

— Так, на следующий торг с греками и закажем, а пока во всех домах, да из археологических запасов, специй немало. А гвоздики с лавровым листом, вообще, как будто стратегический продукт, мешки стоят, — выразила свое мнение Вера.

— Вот и хорошо, видите, сколько советский дефицит дал нам возможностей. И банок с запасом и лавровый лист мешками, что на всю жизнь рачительной хозяйке хватит и перец и крышки на закатки, да и мука, соль, сахар мешками, а то в магазине не купить, — с долей сарказма высказался Алексей.

И это была сущая правда. Когда провели, наконец, полную ревизию всего и вся, нашли нужное сейчас, но незначительное для двадцатого века. В семи полностью перенесенных домах, двух частично, но, главное с погребями, инвентаризировали очень много чего. Люди в деревне были не просто запасливы, а маниакально запасливыми. Закатки, домашняя тушенка, сало в банках — это было своего рода фетиш. Не было ни одной хозяйки, у которой не был полон и погреб и, если был «холодник», так как холодильники и к 1990-му году были не у всех, то и он.

Местное сельпо было скудно на товары, если не сказать больше, это только к приезду Колосова из Лоевского района выгребли весь дефицит для одного единственного магазина. Поэтому, люди закупались, как и где придется. Так, каждые выходные через Лоев ходили по Сожу, дальше в Днепр ракеты на Киев, который снабжался куда лучше даже Минска. Вот там и закупали сразу на недели, а то и на месяцы вперед. Или как у бабы Фроси, чей дом, точнее только его треть, перенесся без хозяйки, в подполье Катерина, Лида и Вера нашли даже большой мешок лаврового листа и много других специй. Это ее внук ездил в Ялту и там лично в ночи обдирал лавровое дерево для всей семьи. Там же были и пустые банки, ожидающие начала «закаточного сезона», как и исключительно большой запас крышек. И такая ситуация была в каждом доме.

— Товарищи, я все понимаю, нужно сельское хозяйство и все такое, но то, что творится, это же сущая вакханалия. Еще не успеваешь очистить поле, как туда нагоняют девок, и те уже засевают. Вокруг нашего города уже все больше поля, за лесом приходится ходить за пару километров, — Большой сегодня выражал апологет скепсиса, критикуя даже, казалось понятные вещи.

— Большой, ты что, не выспался, или твои жены не так встретили своего героя, чего ты все критикуешь? — взбеленился Рог. — Мы еще не обсудили конкретику по доставке дуба с дальней дубравы, а ты уже другие вопросы накидываешь.

Большой лишь пожал плечами, мол «отыгрываю свою роль, да и только». Вот только никто его не назначал «адвокатом дьявола», но такой раздражитель для мозгового штурма оказался интересным новшеством.

— Да, мы должны на выходе с сельского хозяйства получить много, надеюсь больше, чем нужно, да и рабочие руки с полей можно было бы распределить на другие участки, вон даже обучение детей даже не организовали, а у нас много детишек в возрасте до четырнадцати лет. Можно посчитать, что у них каникулы, но работа нужна и в этом

направлении. Все это ресурсы. С теми же болотниками, так я называю сейчас наших соседей, мы будем торговать, в том числе, и едой. Они кормятся от природы, но огороды, как я понял, у них слабые, а охота не всегда дает достаточно еды. Так что поля будут, еще больше нынешнего, будут склады с возможностью сидеть в осаде до полугода, — Игорь оглядел всех собравшихся. — Мы уже почти час в говорильню играем, давайте чуть быстрее, а то все участки без пригляда.

— Экого ты, Казак, ученика вырастил, — усмехнулся Рыгор, поддевая плечом Павла.

«Наставник» только что-то буркнул, сегодня Игорь демонстрировал отличное понимание проблем и осведомленность о делах всего поселения. Да, парень готовился к совещанию, общаясь с разными людьми, выпытывая у Светы последние сплетни, с интересом наблюдая за процессами, происходящими в складывающемся обществе.

— Добро, но скажи, Солдат, а что тут за легенды ходят, что ты с волчицей закорешился? — Большой задал мучивший многих, особенно аборигенов, вопрос.

— Теперь она мой телохранитель. Но какой-то неправильный — вот опять они с Рексом убежали куда-то, — ответил Игорь и демонстративно перевернул страницу блокнота, зачитывая следующий вопрос на повестке.

В итоге не стали возвращаться к проблеме сплава древесины по Днепру к поселению, глава общины Игорь Посталовский просто назначил Рога ответственным за этот процесс, с заместителем в лице Алика, пусть тот учится управлению, и все. Единственно, что попросил не трогать в этом деле Горыню и Врана, Солдат хотел назавтра видеть в них консультантов по строительству фортификации. Вроде бы эти товарищи жили некогда в Новгороде и бывали в Ладоге, пусть сравнивают и скажут, что улучшить.

Еще озадачил обязательным присутствием в проекте вырубке природных ресурсов и последующем их сплаве, Карпа. Пусть опробуют парня, понаблюдают. Если этот бывший сотник пожелает сбежать, то там будет самый удобный момент, ну, ежели проявит себя покорным, трудолюбивым, неспесивым, то можно и двигать мужчину далее по иерархии поселения.

Князь Олег, как его называли словене, или Хельги, как обращались к князю заморские варяги, выходил из палат, которые занял после покорения Смоленска. Хельги было больше прозвище, смысловая нагрузка которого уже ставила Олега выше иных людей. Так, для скандинавов Хельг — есть суть священный, видящий то, что иным не под силу. И князь отвечал этим требованиям, зачастую выполняя роль жреца на капищах. Да и все те рисунки деревьев, что были на его теле, воспринимались как охранительные обереги. И дружина верила, что Перун, а для иных Один с Тором, берегут Олега, и это боги разукрасили тело предводителя. Сам же князь, будучи умным человеком, не развенчивал мифы, не рассказывал, что подобные рисунки он уже видел, и что-то похожее было даже на телах некоторых чухонцев.

Несмотря на утро, Олег был утомленным. Он опять очень мало спал. И причина его бессонницы для многих могла быть сладкой фантазией, но не для Хельги. Вновь он провел ночь сразу с тремя молодыми женщинами. Нет, Олег любил женщин и до поры с превеликим удовольствием демонстрировал девушкам, а через их рассказы, и всему войску свою мужскую силу, но не каждый же день. Уже две недели он пьет брагу и мед и услаждается женщинами в Смоленске, закрепляя свою власть над городом и его окрестностями. Это сколько же детей появится в этом большом граде после отъезда князя? Однако, такое поведение было обязательно, в коллективе воинственных мужчин нужно демонстрировать свое превосходство и в поединках и в любвеобильности. Тем более в походе и когда жена не стремится присоединиться к своему мужу, проживая все больше в своих имениях во Пскове.

Между тем, Олег выполняет наказания, даже мечту, своего шурина Рюрика, имя которого так созвучно с прозвищем «Сокол». И пока все складывается как нельзя хорошо. Тот же Смоленск был взят практически без боя, только некоторые представители элиты, особо ретивые, были зачищены.

Ефанда, родная сестра Олега была женой Рюрика, этот союз был сперва вынужденным, приглашенный конунг на княжение в словенские земли решил укрепить свою власть, женившись на дочери одного из знатных новгородцев, после уже немолодой Рюрик влюбился в свою суженую. Не мог допустить князь-сокол еще одного восстания словен, подобного кровавой бойне с Вадимом Новгородским, поэтому привлекал к себе и словенскую знать через влияние тестя.

В многочисленных походах, как в земли воинственных словенских родов, так и к чухонцам, при отражении набегов иных варягов, чаще данов, реже свеев, Олег у костра много разговаривал с Рюриком. Тогда, с кувшином хмельного меда в руках, под треск горящих палений, Олег много спорил со своим старшим товарищем, другом и родственником. Рюрик говорил, что в случае взятия под контроль торговых путей, можно создать такую державу, что и франки позавидуют, а ромеи за равных считать станут. Шурин строил планы большого «полюдья» по пути в греки, его разведчики и отдельные отряды много вестей принесли с Днепра, Припяти, других рек. Рюрик даже отправил в град Кия своих людей Диру и Аскольда, и те смогли важный торговый город взять под контроль, но со смертью князя, те мужи перестали слать послания и начали чинить много преград для торговых гостей, а про дань в триста гривен серебром забыли напрочь.

Почему Рюрик выбрал Олега в качестве своего самого приближенного человека, шурина

успел объяснить, когда уже сгорал от не самого опасного ранения в бою с чухонцами. Рюрик видел силу и богатство только в единстве всех варягов, словен, кривичей, веси и иных народов. Норвеги, ни свеи, тем более даны, могли совершить только набег и после уйти, а это только отвадит торговцев и сделает всю Русь еще слабее. Олег же был из знатного рода словен, его уважали все варяги, он был своим и для кривичей и для мери с весью не чуждым. Вся эта, пока еще очень шаткая, сила могла реализовать цели и мечту Рюрика. Хельги-Олег был сильно набожным, почитая и воинственного Перуна и чтя других богов, воздавая и им свою дань и кланаясь, никогда не обижая, что еще больше ценили разнонародные племена.

И Олег поклялся. Тогда, уже умирающего от жара Рюрика, принесли на капище, как и только что рожденного Игоря, туда, где еще недавно сжигали умершую Ефанду. И Олег, в присутствии своих родичей и самых ярых в бою воинов, дал свою клятву в верности младенцу Игорю и в том, что сделает все для реализации задумок Рюрика, имя которого восславит в веках. Пользуясь случаем и эмоциями собравшимся, Олег добился подобной клятвы и со всех собравшихся, уже тогда, еще за несколько часов до смерти Рюрика, новый князь формировал свою собственную элиту и сподвижников.

— Конунг, к тебе воин из дружины Снора, — на скандинавском наречии обратился к Олегу один воин из его ближней дружины, который сегодня дежурил у княжеского терема в центре Смоленска.

— Пусть зайдет, — на том же языке ответил Олег.

Вообще, князь знал два северных наречия, словенский язык, одно чухонское наречие и всегда общался на том языке, на котором к нему обращались. Этот прием имел и плюсы и минусы. Так, единообразие в использовании языка способно сплотить дружину, но тут могут обидеться словене, если использовать одно из северных наречий, или северные варяги обидятся, если словенский язык станет единственным. Между тем, Олег все больше опирался в своем общении на словенский, но не сейчас, пришедший Кнут говорил на свейском наречии.

— И почему ты, Кнут покинул Снора, я говорил быть при нем до моего прибытия в Любечь, а может и дольше. Мне нужно все знать об этом беспокойном варяге, — проявлял свое недовольство Олег.

Именно что «проявлял», князь очень редко выходил из себя, всегда старался думать, прежде чем делать, но ратные люди такого характера лидера не поймут, тут в цене лихость, чаще безрассудство, но не расчет. Зачем думать, если человеком все равно играют боги?

— Не гневайся, князь, но нет больше Снора, как и всего его хирда, — Кнут выпрямился и посмотрел в глаза Олегу, как это пристало делать, принимая гнев конунга с достоинством.

— Давай по порядку рассказывай, — спокойно сказал Олег.

Кнут был, как это бы сказали люди из будущего, шпионом. Олег внедрял, или подкупал в независимых дружинах варягов, которые приносили новости о настроениях и деяниях внутри хирдов. Да таких дружин и было то всего четыре, остальные лично подчинены Олегу. Снор же, как и другие вольные варяги, — наследие от Рюрика, который нанимал много варягов для войн с чухонцами, отодвигая тех все дальше на Восток от Новгорода и Ладоги. До князя уже доходили слухи о том, что его распоряжения Снором выполняются с некоторыми отклонениями. Да и то, что во время остановок войска Олега, Снор и его непобедимый берсерк Олаф уже в поединках убили почти два десятка хороших воинов, повлияло на то, чтобы князь думал, как избавиться от буйного нрава Снора.

Вот и сейчас, Олег отправил немалую, а что еще важнее, очень сильную, дружину Снора

разведать обстановку на торговом пути до Любеча, организовать две-три стоянки для всего воинства. Нужно же было подклепать корабли, по необходимости, смастерить новые весла, которые часто ломаются, да и воинам нужен отдых, нормально поесть, выпить хмельного меда. А еще задачей Снора было разведать обстановку с радимичами, которых Олег хотел привести к покорности и брать дань с этого племени. Князь предполагал, что угроза перекрытия торговли с Сожа может способствовать большей покладистости песчанцев, а Снор должен был понять, насколько радимичи зависимы от торговли и кому те платят дань. Да, скорее всего, хазарам, но расстояние от Итиля до Сожа уж очень велико и песчанцы могут иметь и самостоятельность, а это, по мнению Олега, неправильно.

Но регент при сыне Рюрика, был хитер и прозорлив, мог не волхвованием, но своим разумом предвидеть и планировать. Поэтому Олег посчитал, что от Снора нужно избавляться, как и от всех наемных варягов Рюрика. Князь был почти уверен, что варяжий хирд начнет грабить на торговом пути, могут и тех же радимичей на их рубежах пограбить, не сдержится Снор. И тогда Олег, проявит свою волю и очень строго накажет варяга и тех, кто будет с ним до конца. Шурин Рюрика покажет всем на торговом пути, что именно он, Олег, является гарантом безопасности торгового пути, что никто, даже его люди, не может бесчинствовать на пути в греки. Авторитет князя должен будет взлететь в регионе, а племена станут сговорчивее. Ну а Олег уберет от себя ненадежного варяга.

— И что берсеркера побили? — после рассказа своего шпиона князь не мог сдерживать своих эмоций, впервые за долгое время.

— Олафа-берсеркера в бою одолел ярл того вика. А когда Олаф уже проиграл, ему прямо между глаз прилетела из темноты стрела. А я прикинулся мертвым, а потом отполз к кустам и быстро ушел, когда жалкие остатки хирда Снора стали на колени, а сам он пал от меча престарелого воина, — продолжал шокировать Олега Кнут.

Рассказ о необычном поселении, которое возникло вроде как бы из ниоткуда, но там, где было бы целесообразно ставить город, был невероятен. И то, что после грохота падали воины Снора, и что оборонявшиеся поселенцы использовали греческий огонь, который они поместили в горшки, все было еще большей выдумкой, чем саги скальдов. Был бы Олег не таким расчетливым, он мог подумать и о происках богов, но нет... Это люди.

— И что мне делать с этими новостями? — задал скорее себя самому вопрос Олег.

Кнут же промолчал, не ему давать советы конунгу, на то Олег может и тинг собрать.

* **

Месяц прошел со времени переноса экспедиции археологов с некоторыми местными жителями деревни Мохов. Как определял Михаил-Умник, сейчас был где-то конец мая. По утвержденному календарю принято считать, что сегодня 28 мая.

Жара стояла просто невыносимая, точно июньская. Но погода, между тем в достаточной степени благоприятствовала, дождей было не мало, сильной сухости не ощущалось.

Но этот месяц был и метафорически жарким, из-за того объема работы, что было проделано.

Затея со сплавом строительной древесины по течению Днепра была частично удачной, если не считать потраченных литров двадцать невосполнимого ресурса в виде бензина. И тут речь не только о заправке бензопил, с этим-то все вполне объяснимо и рационально. Но то, что пришлось в срочном порядке на моторной лодке вылавливать часть плотов, догоняя их

чуть ли не возле того места, где должен был быть Лоев, вот это плохо.

Однако, справились и уже все поселение огорожено стеной, после чего было принято называть наше место обитания городом. Шли споры о названии. Огородили же, значит уже град, тем более, что и кирпичные здания у нас имеются. Теперь кипят работы по сооружению площадок на стене, да бойниц, так сказать стационарных стрелковых сооружений. Умельцы смастерили уже три просто адских арбалета, силой более шестисот джоулей и способностью пробить кольчугу на расстоянии до ста семидесяти метров. Собрали и две катапульты, но они сейчас проходят испытания и, как знал Игорь, не очень то и удачные, несмотря на то, что собирали с точностью по картинке из одной из книг Умника.

Между тем, как ни критикуют женщины, городская промышленность все равно больше ориентируется на оборонку. Много мужики, как аборигены, так и попаданцы провели времени в кузне. То не получалось плавить стальные листы, то формы плохие, то мешки поддувал рвутся в день по нескольку раз, но немалая часть мужского населения занята изготовлением угля для не всегда удачных экспериментов. Но шесть человек, в той или иной степени имеющие отношение к кузнечному ремеслу, при том, что часть из них из другой эпохи, добились своего. Пять изделий, типа «шашка казацкая», Павел настоял на названии «казацкая», тем более, что он принимал активное участие в производственном процессе, были изготовлены.

Теперь шесть человек отчаянно тренируются, постигая мастерство владения шашкой. Тут инструктором чаще всего выступает Степан, реже Павел, Карп и Горыня. А клинки достались еще и Игорю с Константином. На очереди Рог, Алик, Шишон, Бушуй. Им обещали в течение трех дней сделать оружие.

Армия формировалась, и уже было на что посмотреть, когда парни и три девчонки постоянно тренируются, маневрируют, соревнуются и спаренгуются. Сейчас дружина составляет восемь десятков человек, из которых даже неполный десяток конницы, но без учета «стариков» Большого, Рога, Горыни, которые больше заняты в ремесле или на административной работе. Дружина города, как понимал Игорь уже сила, тем более при использовании технического превосходства и стен города. А еще Арнольд попросился в дружину, он не только осознал свою никчёмность, если и дальше праздновать труса, но и ощутил на себе некоторое презрение и со стороны девчонок и парней. Тут, как ни кричи, что ты мускулистый и владеешь восточными единоборствами, без подкрепления заявлений в жестоких поединках, становишься трусливым брехуном. Но его все больше привлекал к своей работе Артур.

Кроме того, больше двух десятков парней от соседей очень хотят стать горожанами, часть из них уже и свататься пыталась к девчонкам. И, что удивительно, были девушки из бывших студенток, которые соглашались, но без переезда. Как-то быстро стало неправильным оставаться без мужчины, особенно приспособленного к местным реалиям. Аня Миронович, Инна Короткая, Люба Баталова уже готовятся к свадьбе, другие еще «нагуливают аппетит». Неожиданно Вера, бывшая преподавательница-филолог закрутила роман с Карпом, чему Игорь был только рад, так как хорошего воина любовь уже приковывала к общине, а Вера никуда не уйдет из города.

Глава поселения Игорь женился на Свете Кручининой, Степан Рогов брал в жены Власту Горыничну, Константин становился мужем Ольги Потаповой, Бушуй женился на Виктории Мишиной, неожиданно Алик, точнее Александр Меньшов решил на официальный, в пределах города, союз с лучшей лучницей дружины, Татьяной Вержбицкой,

самым же неожиданным стала свадьба Большого сразу с двумя своими женщинами.

Было на бракосочетании и «именем града пока еще не названного» и «молодые можете кольца одеть» и поклоны с подношениями идолам и благословление отца Андрея с напутственным христианским словом от бабы Клавы. Столы и песни Витька, коллективное исполнение «Черного ворона» и других народных песен будущего. Душевно так вышло, особенно, когда, под удивленные возгласы многих, Рыгор притащил гармонь и исполнил и барыню, и камаринскую, и рио-риту.

Сплачивается коллектив и вообще создается хорошая атмосфера в городе. Поэтому никто из бывших рабов или пленников не сбежал, может, кроме одного деятеля, который попытался залезть на склад и прикарманить себе пару бутылок какого-то алкоголя. Деятель вдруг куда-то исчез. Арнольд ходил тогда смурной, Артур довольный, ну, а народу не стали говорить, что здоровяк впервые пролил чужую кровь, убив в поединке вора. Тогда особист и дал свою рекомендацию на вступление Арнольда в ряды еще не легендарной, но и пока непобедимой, армии.

— Игорь, — обратилась Света к своему мужу, в волнении теребя край одеяла.

Молодожены отдыхали в своем доме, в том, что находился на некогда курганном могильнике, а ныне на почти окраине города. Игорю постановили выделить целый дом и постараться оборудовать его под прием, может, каких делегаций, да и соромно было горожанам, когда их лидер ночует в двухместной палатке. Девчонок расселили, семью градоначальника, заселили.

— Ну, чего ты волнуешься? Что произошло? Сама не своя, — Солдат нежно погладил свою валькирию по голове.

Сегодня, как, впрочем, и вчера, в их отношениях витает какое-то недопонимание. При объятьях Игоря, или проявлении парнем страсти, слышит в ответ «осторожнее», «может не надо», «нежнее». Нет, это не были отказы в близости, но что-то не так, не похоже на Свету, которая была раньше пожаром в постели.

— Я не знаю, что делать, мы доигрались... — выкрикнула Света и заплакала.

Игорь сумел сопоставить поведение своей любимой с ее же словами и его глаза заблестели, а идиотская улыбка сама собой появилась на лице.

— Ты беременна? — дурацким голосом, вдруг сошедшего с ума человека, спросил Игорь.

— Угу, — ответила Света и спряталась на груди у парня, разревевшись.

Так они просидели минут десять, пока Светлана не проплакалась, а Игорь смог совладать с настигшем его идиотизмом. Поняв, что девушке нужны его слова, он их сказал:

— Спасибо, любимая, это счастье — дети. Я мечтал стать отцом, тем более ребенка от самой красивой девушки тысячелетия.

— Я боюсь здесь рожать. А как растить потом? А образование ребенку, да и тут опасно, постоянно готовимся к войне. Вон у пришлых женщин три ребенка умерло маленьких, у одной были очень сложные роды, — Света объясняла свои страхи, и ей уже было легче.

«Первая леди» города уже три дня, после того, как авторитетная баба Клава сказала Свете о беременности, была нервной и невероятным образом сдерживала себя в общении с Игорем, который после женитьбы стал еще более внимательным и каким-то, своим что ли, родным. Но когда у них была близость, то Света не могла получать удовольствие, а только боялась, чтобы не случилось чего с ребеночком, хоть баба Клава и говорила, что пока спать с мужем можно. К Ольге же, как к медику, Света постеснялась обратиться.

— Бабы говорят, что еще такого не было, чтобы пять женщин родили и сами остались живы и здоровые малыши. А то, что трое маленьких умерло, это не от родов. Ты вникни в каждый случай. Так, двухлетняя девочка пошла гулять и упала в ров, это мать не углядела, а в детский сад наш не отдала ребенка. Второй умер от болезни, и то, опять же мать-аборигенка не обратилась вовремя ни к Ведане, ни к Ольге, а только хлеба положила идолу, да не помогла религия. Так во всем, чаще случаи из-за дремучести, но мы работаем. Тем более, что ты не одна такая, вон Катерина третьего ждет, обе жены Большого тоже уже успели, вроде бы, как и Власта, но это пока не точно, — успокаивал свою женушку с уже бурлящими гормонами Игорь.

— Что, правда? А откуда ты это знаешь? — уже весело спрашивала Света, настроение опять резко перевернулось.

— Ты только никому не говори, но я обязал всю медицину сообщать обо всех случаях обращения, чтобы избежать ситуаций, когда все перенесенные студенты начали чихать и кусты обгаживать, поймав какой-то вирус, — с серьезным видом сказал Игорь, но девушка рассмеялась.

Да было то, чем так долго пугала Ольга — вирус. И, если девушка-медик ждала больше заболеваний от аборигенов, но те оказались с лучшим иммунитетом. А вот попаданцы получили и смех и грех. Вдруг, с разницей в день, у всех перенесенных, кроме Большого, начался жуткий понос, начала подниматься температура, у некоторых выступила сыпь типа «ветрянки», но не похожая на нее. При этом обращений в медслужбу было мало, посчитали многие, что «что-то не то съели». Потом, когда полгорода слегло и не вышло на работу, понадобилось три дня, чтобы как-то подлечить попаданцев. А, если бы была более опасная инфекция и так же вовремя ее не определили? Теперь, в ультимативной форме все должны ходить к медикам, прежде всего Ольге и трем девчонкам — ее помощницам, а уже после к бабе Клаве, или Ведане.

Стук в дверь с самого утра мог означать что угодно, но только не то, что сегодняшний день будет рутинным и в соответствии с запланированными событиями.

— Прикройся, зайка, и выкинь из головы все страхи, я рядом с тобой, и все будет хорошо, — Игорь попытался успокоить жену, но та, как будто не слышала его и по поводу прикрыться, будоража парня своей наготой, и на счет успокоиться.

— Нет, это то, чего мы боялись, — чуть ли не замогильным голосом произнесла Света.

Игорь накинул одеяло на соблазнительное тело своей любимой и сам направился на выход из дома. Парень не нашелся, как еще попытаться успокоить Свету, он сам вдруг почувствовал, что сегодня будет тот самый момент истины, который покажет все и возможность развития и сама вероятность прожить еще.

— Глава, — обратился к Игорю Крот. Это обращение было принято недавно, когда все больше нарастало противоречий в иерархии и, несмотря на демократичность жизни в городе, титулатуру вводить приходилось. — Совет уже созван. Дальний дозор сообщил, что в нашу сторону идет много кораблей с северного направления.

— Момент истины, — с нотками обреченности произнес Игорь, и сразу же, взяв себя в руки, стальным тоном сказал. — Дальний дозор, значит, сутки должны быть. Пошли, Крот.

Город готовился к этой встрече. Умник, при пособничестве Алексея, сложили мозаику из только им понятных обрывистых сведений и слухов от аборигенов и несчастных торговых гостей и пришли к выводу, что князь Олег обязательно пройдет мимо, пусть их вывод о времени немного не совпадал с реальностью. Знатоки утверждали, что князь будет

проходить мимо не раньше, чем к середине июня.

Между тем если не все, то многое было готово в материальном отношении, люди были не готовы, в чем вина и самого Игоря, так опасаящегося встречи с Олегом. Будь это враждебный конунг, то было все более понятно. Город уходил бы на осадное положение, использовал все имеющиеся ресурсы и готовился отражать штурмы. Тут был шанс выстоять с использованием неожиданных решений в обороне. Но как противостоять князю? Пусть они победили бы Олега, убили его и проредили княжью дружину, что дальше? Безусловные потери от такого противостояния станут критическими, что и община Рыси просто придет и заберет все то, что останется. Если и не так, то можно ли будет надеяться на успешное противостояние тем же радимичам, хазарам, северцам, древлянам? Так что одна надежда — стать данниками сильного князя и дальше развиваться.

Что делать, если, а, как утверждают знатоки, — не если, а когда, Олег потребует женщин для утех? Готовы ли попаданцы из будущего делить своих женщин, пусть даже с легендарной личностью? Нет, никто не готов, даже горожане из местных аборигенов, быстро проникаясь моралью людей из будущего, не желают отдавать своих женщин, некоторые из которых и есть те самые попаданки из двадцатого века. Взять Карпа, который, можно сказать, уже вошел в команду и в Совет, за свою Веру уже трижды морду бил работникам от соседей, пока все мужики не прониклись и смирились, что эта, еще больше расцветшая влюбленная красотка, занята и тем счастлива. Так что при поползновении на городских женщин драки не избежать.

Игорь частично решил озвученную проблему, пусть его и сильно осуждали многие женщины. С четырех мимо проплывших торговых караванов, кроме тщательно выбранных пятерых рабов, бывших воинов, скупил всех женщин, кажущихся привлекательными в понимании аборигенов. Этим тридцати четырем девицам и предстояло взять на себя роль соблазнительниц для дружины Олега.

Как тогда кричали правозащитницы, обвиняя Игоря, да и всех мужиков скопом в деспотии, извращении, трусости?! Пришлось собирать вече и прояснять ситуацию, чтобы тенденции не переросли в некую стачку или в иные формы протеста.

— Придет Олег с большим войском. Может десять, а, может, и все тридцать тысяч отборных воинов рождающейся Руси в один момент окажутся под стенами нашего города, — вещал тогда Игорь для собравшихся на вече горожан, где повестку задавали женщины из будущего. — И скажет тогда князь или кто из его свиты, чтобы дали женщин его лучшим воинам, развлечься после дальней дороги. По праву сильного, они могут это требовать. Я не готов делить Свету ни с кем, другие мужики так же не собираются этого делать в отношении своих жен. Может, кто из женщин готова лечь с диковатым воином и, как следствие, понести от него?

Тогда установилась тишина, все молчали. Мужчины ждали реакции женщин, некоторым парням было интересно посмотреть, кто именно готов возлечь с первым попавшимся аборигеном. Но таким любопытным и недолюбленным молодым парням пришлось разочароваться, никто из молодых девиц не пожелал стяжать своим телом благополучие для общины.

— Ну, коли никто, то я согласна, — громко и с вызовом произнесла баба Клава, вызывая у собравшихся улыбки, перерастающие в истерический хохот. Полная уже изрядно пожилая женщина с растрепанным волосами, сейчас больше напоминала образом ведьму. — Ну, бабоньки, кто со мной мужикам естество гнуть?

Юмор Клавдии Ильиничны тогда разрядил обстановку. Женщины требовали привести на вече одну из тех красавиц, что были куплены для срамных дел, она, девица должна дать свое согласие. Когда же привели требуемую девку, она недоуменно, не осознавая вообще смысла в ее допросе, сказала, что согласна, что Глава города обещал ей дать серебро и после сделать вольной и переселить на селище, которое планировалось возродить на месте прежней стоянки общины Горыни. И она, как и иные девицы, дали свое согласие без принуждения. Удивительно, но ни одного осуждающего взгляда со стороны женской, тогда наиболее активной, делегации, девица не получила. Взгляды женщин выражали слово «спасибо», уже полностью внедренное в язык городского общения.

Уже после появились и другие женщины, которые оказались не против заработать. Правда, все они были из уже рожавших дам от соседней, так как даже пожелай какая горожанка таким вот образом заработать, то женский коллектив, бессмысленный и беспощадный, просто уничтожил бы ее морально.

Готовы ли были мужчины сражаться с такой большой ратью? Да, пусть это противоречило и здравому смыслу. За время пребывания в новом мире, бывшие студенты нашли каждый свою нишу. Кто в ремесленники пошел, кто осваивал азы зодчества и строил дома, под чутким руководством Рыгора, оказавшегося и в этом направлении не мастером, но и не новичком. Другие парни были на производстве кирпича, заготовке угля из Ивы и других деревьев. Ну а кто не был занят в ремесле, поголовно постигали воинское искусство. При том, что и ремесленники проходили боевое слаживание на трехразовых в неделю тренировках. По крайней мере, каждый мужик и большинство женщин умели держать в руках арбалет, как и перезаряжать его.

И эти люди, осознав уровень жизни, ее сытость и комфорт, в сравнении с любыми поселениями хроноабorigенов, начинали ценить что имели, тем более, когда сами стирали мозоли на работе, то результат труда ценится десятикратно, относительно получения благ за «просто так». Так что, если придется, воевать город будет уже более грамотно, с использованием и бутылок с зажигательной смесью и динамита и всего крайне малого запаса боекомплекта. Сулицы, большое количество стрел и болтов, стационарные мощнейшие арбалеты, две катапульты-каменёта, десяток лучников, десяток конницы, даже пращи были и ими умели пользоваться подростки двенадцати-четырнадцати лет. Ну и два трактора оборудовали для тарана строя противника с огневой точкой для стрелка и с запасом бутылок с зажигательной смесью. Эти «танки» могли быть уже завершающим аккордом, если оборона рухнет окончательно, трактора, оцетинившиеся длинными шипами, должны были собрать немалую жатву.

— Начнем! — более, чем серьезным тоном, даже с нотками властности, сказал Игорь, входя в чертоги. Все присутствующие, поднявшиеся при появлении Солдата, сели на свои места.

Только четыре дня назад, наконец, достроили сооружение, которое было прозвано «чертогами». Так, после уборки огромного для местных людей урожая ржи в сам 26, сразу же началось строительство на месте бывшего поля, доставлявшего ранее столько неудобств. Теперь же посреди поселения высилось большое, скорее длинное строение со столами и лавкам внутри, тронем, открытыми очагами больше для антуража и тремя большими печами. Тут могло поместиться и сто человек и еще будет небольшое пространство.

— Более двух сотен кораблей типов драккар, русские ладьи или что-то схожее с этим. На каждом корабле от тридцати до шестидесяти человек. Первым идет самый

разукрашенный драккар с безбородым, но усатым мужиком на носу корабля. Весь в татуировках и суровый какой-то, — рассказывал Алик.

Появление долгожданных визитеров нужно было предупредить, и заранее, хотя бы за сутки, чтобы в городе успели реализовать план, под кодовым названием «Олег Вещий». Поэтому организовывалось дежурство по неделям для четверых человек, которых направляли в место, представляющего собой господствующую высоту, с которой хорошо просматривалось извилистое русло Днепра. Усиленное зрение шестикратным приближением задолго заранее сообщало о движении на торговом, а, может, и военном, пути. Дальше, включалась рация, ранее лежащая в схроне, и информация уходила в город, а сами наблюдатели быстро ретировались на моторной лодке.

— Почему не разбудили меня, как только стала известна информация? — обратился Игорь ко всем собравшимся.

— Мое дежурство было, — встал со своего места Шишон. — На точке стоял Корилл, но тот уснул, а рация разрядилась.

— Ладно, потом разбираться будем, русские мы люди или нет? Не немцы же, чтобы все шло по порядку, нам нужны трудности, чтобы героически их преодолевать, — высказался Рыгор, стремясь направить Совет в сторону от разбирательств «кто виноват» в более конструктивному «что делать».

— Ты прав, Рыгор, — после небольшой паузы и выдержанного строгого взгляда на Шишона, Солдат продолжил работу Совета. — Давайте по своим направлениям. Что уже сделано, что еще нужно сделать.

— Дозволь Глава, — встал Карп, он рвался выслужиться перед Солдатом, который, как считал побродивший по миру сотник, дал ему и кров и семью и маниакальное желание убить любого, кто позарится на город и его благословенные богами порядки. — Кмеди по тревоге собраны в ополчение, аз устряши с тобой кнеза, стерво варягу, буде брань.

Все собравшиеся, может кроме Горыни, улыбнулись. Карп так стремился выказать свою верность и намерения идти до конца, что ничего важного и не сказал. Да, все воины подняты по тревоге в войско и даже формируется ополчение, да, сотник готов убить и Олега, если тот затеет свару с Солдатом. Между тем, Игорю было не до смеха, с таким рвением, Карп может натворить дел, сорваться там, где нужна покорность. Сотник сам понял, что перегнул.

— По воли твоей и деяния мои в смирении, — ответил Карп на невысказанное опасение Солдата, баба Клава могла после такого откровения и перекреститься, но ее в Совете не было.

В дальнейшем Совет подтверждал все мероприятия в рамках плана «Олег Вещий», как уже совершенные, так и начинаемые.

Окна закрывали ставнями, или забивали досками, предварительно избавляя их от остекления и пряча стекло. Скот выводили из стойбищ, оставляя только местных, купленных в этом времени коров, коз, коней, да и то не всех. Навешивались массивные замки на двери складов, а кое-где даже заваривали переносным сварочным аппаратом, найденном в школе, при использовании генератора под слезы и стенания из-за сжигаемого топлива. Девушки тоже в большей части должны были уйти, но чуть позже нужно много чего приготовить и заготовить. И каравай испечь и в тандыре лепешек и приготовить лебедей, забить свиней, подготовить полевую кухню и еще три кострища с большими казанами, чтобы там приготовить в дальнейшем гречневую кашу с тушеным мясом. Только уток варено-копченых было приготовлено пять десятков, закоптили два десятка немалых рыбин форели, два осетра,

да еще большое количество овощей. А еще сладкие пироги с вишней и яблоками, варенье, творожные десерты, ну и медовуха, вино греческое, самогон Рыгоровский и Козака, пиво крепленное водкой.

Солдат очень рассчитывал умаслить Олега, максимально по богатому встречая его. Так же была готова шашка для подарка из хорошей стали, с отлично выделанными ножнами, которые украсили цветным стеклом и красиво расписали растительным орнаментом. Еще Олегу предполагалось подарить один из самых удачных арбалетов с тремя десятками болтов. Ну и дань сразу же отдать. Как было известно по летописи, князь требовал с подчиненных племен дань от каждого дыма по черной кунице. Если посчитать такие дымы, то в городе их условно пятьдесят, с магазином, школой и теми полуземлянками, что расплодились в качестве временного жилья. Но обманывать и хитрить не стоит, поэтому заготовлено было сразу сто шкурок, выменянных у соседей, а те еще у кого-то, в чем не признаются, видимо, монополия на общение с городом общины Рыси приносит тому немало барышей.

Так что расчёт при общении с Олегом был на то, что тот, получив сразу же и дань, и богатые подарки, немало припасов, пусть и недостаточно для всего войска, не станет захватывать город. Как показывала история, князь был мудрым правителем и не забивал корову, которая давала молоко. А тут еще обещание платить дань оружием, которое Олег должен оценить. К примеру, брат-близнец клинка-подарка без особого труда перерубил меч, который некогда пользовал один из знатных варягов. Но тут Солдат хотел и определенную выгоду поиметь. Игорь хотел просить своего вероятного сюзерена помочь организовать доставку свейского железа на поселение, обещая платить и бисером, стеклянными обручами и браслетами, ну и при необходимости серебром и продуктами.

Долго совещание не продлилось, все быстро отчитались по своим направлениям и еще быстрее ретировались, спеша по своим участкам. Остался только Михаил-Умник. Вернее он без спроса пришел на Совет, когда тот уже заканчивался. Ходячую энциклопедию уважали все, поэтому Умник не получил в свою сторону даже негодующего взгляда, что пришел туда, куда его не звали. А Игорь для себя отметил, что Михаил как раз таки должен был присутствовать, пусть летописных сведений по Олегу и его деятельности не много, но они все аккуратно сложены в голове этого чернявого парня.

— Говори! — сказал Солдат, обращаясь к Умнику.

— Я должен идти с тобой встречать Олега, — Михаил хотел было произнести эти слова твердо и безапелляционно, но «дал петуха».

— Спокойно проясню тебе ситуацию, и ты успокойся, оцени риски. Ведь там нас могут просто покрошить в капусту. Я не собираюсь скрывать от Олега тот факт, что это мы побили его людей, по возможности, даже буду предъявлять ему бесчинства со свидетелями, для этого, в том числе, идет со мной Карп. Идет и Степан, в качестве раздражителя, если кто захочет поединка, он у нас на шашках лучший. Я, как Глава города и как боец, Вран, как боец и представитель извергов. Это просто очень опасно, даже если нас будет страховать Артур, — уже поднявшись с немного доработанного кресла, типа трона, Игорь объяснял Михаилу логику принятия решений. — Да и прости, но твои очки... Они вызовут лишние вопросы.

— Могу и без очков, если что. Учти в своем решении, что я знаю много о периоде, не только летописи, многое по вооружению и археологии, я определю даже по виду многих их характер, — Умник задумался на время, ища пример в доказательство своей нужности. — Вот, к примеру, Карп только неделю назад снял с одежды шестилучевое височное кольцо,

которое определяло его, как вятича. Это значит, что он отказался от своих корней и полностью перед собой и богами покоряется воле нового рода, а ведь он лично себе ранее изготовил височное кольцо. Нужно ли объяснять все вытекающее последствия из примера?

— Нет, тут много есть направлений для мыслей, — Игорь улыбнулся. — Эх, Миша, Миша! Пойдешь в качестве переводчика, на всякий случай. Ты же немецкий знаешь, пытался узнать у варяга еще какой-то диалект, да и на словенском шпаришь лучше иного.

Игорь вышел из чертог, и звуки, которые внутри помещения были приглушенные, ударили по ушам. Какие-то команды по военной стезе, ругательства Катерины на весь город, что до сих пор что-то там не сделано. Стук молотков, тарыхтение бронетракторов, которые проверяли на работоспособность, чтобы не подвели в нужное время.

— Глава! — подошедшая Лида, а, скорее, караулившая Солдата у входа в чертоги, низко поклонилась, чем ошеломила Игоря. — Дозволь остаться в граде, насилья не страшусь, да и подавать к пиру яства требо али отрокам, али девам.

— Но, если тот же Олег скажет, что хочет тебя? — все еще пребывая в недоумении, спросил Игорь.

— То пойду с ним, — спокойно, без эмоций ответила Лида.

— Но ты же даже не видела его, может он урод, или женат? Мы ничего толком не знаем об Олеге! Что с тобой происходит? — возмутился Игорь такой откровенностью.

— Он повелевает и великий человек, — дала объяснение Лида, которое для нее было первостепенным аргументом.

Солдата только передернуло, настолько уверенными и целеустремленными глазами на него, даже скорее, сквозь него, смотрела бывшая командирша. Она переварила внутри себя страсть к Игорю, она потеряла Николая, пересмотрела ценности и захотела быть больше, чем средневековым агрономом. И, если добиться цели стать женой главы города она не рассчитывала, то постараться стать кем-то больше, должна, либо ее существование не имеет смысла.

Бывшая командирша за последнее время вовсе потерялась в рутине событий и работы. Она качественно выполняла все, что ей доверяли, показательно качественно. Но как-то подыматься по социальной лестнице отказывалась. Как ни отказывалась от ухаживаний мужчин долго, при этом мужчин у нее было немало. При этом, Лида стала очень умело подчеркивать свои несомненные физиологические достоинства. Игорь даже поймал себя на мысли, что такая внешность Лиды настолько преобразила девушку, что некогда Игорь даже побоялся бы к ней подойти первым. И хорошо, что именно сейчас произошло такое преобразование, что Солдат со Светой и настолько влюблен в свою жену, что просто не замечает того, от чего подтирают слюни многие в общине. Лида же, не стесняясь, говорила всем потенциальным ухажерам, что либо она станет женой Игоря, либо никого. Света даже пару раз кидалась к луку, чтобы пристрелить нахалку. Однако, Лида никаких действий, даже лишних взглядов в сторону Солдата себе не позволяла, даже чересчур церемониально общаясь с Главой.

— Это твой выбор, но знай, что скажи ты, что бы обижена и оскорблена, я сделаю все возможное для твоей защиты, — сказал Игорь и попытался взять Лиду за плечи, но та быстро отступила.

— Спасибо, Глава! — ответила Лида и, поклонившись, степенно ушла.

— Уж ты, мать моя — женщина. Вот и вроде с ума не сошла, но как же ее передернуло, «Глава», поклоны, еще бы книксен изобразила, — сказал сам себе Игорь и направился к

главным воротам, еще раз посмотреть на массивные конструкции и внутреннюю железную опускающуюся решетку.

Солдат считал, что именно вот это, коридор с решеткой, самое удивительное, и успешное, что смогли создать попаданцы. Две башни типа донжон, на шесть метров в высоту относительно стены из блоков и кирпича, с последующей деревянной надстройкой, стена с возможностью перекрестного огня с двух частей поселения, узкий коридор в воротах, так же простреливаемый и далее решетка. Тут враг не пройдет. Но такие ворота нужны и в других местах, не только со стороны озера и строящихся причалов.

Игорь инспектировал ключевые точки города, но понимал, что сегодня община превратилась в единый организм. Настолько люди прониклись к проблеме, осознали ее, что работают с остервенением и полным погружением. Не слышно в городе смеха, что в последнее время было частым явлением, нет и празднующихся людей, у которых затянулись «перекуры» или «обеденные перерывы». Все готовятся к появлению силы, победить которую в бою невозможно, проигнорировать не получится, непрогнозируемую силу. Олег может посчитать внезапно возникший город угрозой своей власти или ненужным явлением на торговом пути, или отомстить за своих «разведчиков», не принимая во внимание их разбой, который вполне вписывается в менталитет предводителя этого времени. Надеялся же Игорь на другое, что подарки растопят вероятный гнев Олега, теплая встреча с невиданными яствами, как и обязательная выдача дани выше установленной таксы, заставят задуматься о выгоде такого данника. Ну а обещание еще большей прибыли может поставить не точку, а запятую в начавшемся сотрудничестве.

* * *

Солдат, в сопровождении своего пса и волчицы, а так же Михаила, Врана, Карпа и Степана стояли на обрыве у Днепра и ожидали прибытия первых кораблей. Чуть поодаль, метрах в тридцати, рядом с лодкой в протоке, были Бойко, Козак и Большой, которые отыгрывали роль носильщиков и слуг, что должны были по повелению Игоря подносить дары Олегу. Так должно это выглядеть для прибывавших, но, на самом деле, у Большого была последняя в городе свето-шумовая граната, пистолет, а Козак должен был прикрывать автоматом с последними двадцатью двумя патронами собравшихся, еще в лодке были заряженные крупной дробью два ружья. Такое решение было принято в самый последний момент, продиктованное больше опаской, а, может, и страхом от надвигающейся армады кораблей. С вышки у главных ворот смогли члены Совета оценить это эпохальное зрелище, сбившись в итоге со счета драккаров и иных типов судов.

Теперь же оставалось только надеяться, но и быть готовым на все.

Грозная морда дракона, с подкрашенной красной краской пастью, а может это была кровь, уже был рядом и без оптики, которую оставили в городе, четко можно было увидеть мужчину с богато одетым ребенком лет двух-трех на руках. Сам же Олег, а не понять, что это он с малолетним Игорем было не сложно, был по пояс голый. Поджарое тело, явно тренированное бугрилось рабочими мышцами, воля, мощь и сила, исходящая от этого великого человека, стремилась покорить все и всех вокруг. Между тем, ростом Олег был не гигантом, даже, напротив, может чуть выше среднестатистического аборигена. Он не был бородатым, как многие художники рисовали князя в двадцатом и ранее веках, только с длинными усами, а лысая, бритая голова, была в татуировках, как и все тело, по крайней

мере, те его участки, что не были скрыты широкими штанами, типа шаровары, заправленными в красные узорчатые сапоги. На правом бедре был меч, что говорило о том, что Олег был, скорее всего, левшой, ножны крепились на поясе с наклеенным костяными резными узорами и пряжкой из металла, стилизованной в двуглавого дракона.

Когда корабль уже приблизился на метров пятьдесят к месту, впадения протоки в реку, где и ожидала команда встречающих, Солдат и все остальные преклонили одно колено в знак признания власти над собой, но не рабства. Этот жест долго заранее обсуждался с аборигенами и был признан уместным.

Исподлобья Солдат увидел, что Олег поднял правую руку, не занятую ребенком в знаке, «стой», потом отдал наследника Рюрика кому-то из приближенных. Солдат выдохнул, подозревая, что князь отменил какие-то действия своим людям, может и лучникам.

— Вот и правильно, — зло, но очень тихо, чтобы никто не слышал, прошипел Игорь. — А то лишилась бы Русское государство своего создателя.

В этот момент Глава города чувствовал некое унижение. Он никогда в своей жизни не становился на колени, ни перед родителями, ни перед врагом, ни перед женщиной, а тут... Но это все — волнение, и Игорь, сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, успокоился.

Встречающая делегация оставалась коленопреклонённая, ожидая обращения к ним Олега. Прошли долгие шестнадцать минут, пока флагман древнерусской флотилии сбросил якоря в виде больших валунов на веревке и возле перенесенного на обрывистый берег трапа из сбитых грубо обтёсанных досок встал во всем своем величии Олег, уже облаченный в ярко-красную накидку-плащ, скрепленную краями у шеи большой золотой фибулой. В лучах уже перевалившего за полдень солнца сверкнула массивная золотая гривна на шее.

— Гости еси, роду Рюрикова едем в греки, а вы кто есть? — задал вопрос создатель древнерусского государства.

— Люди селища сего изверги от родов своих, — ответил Солдат медленно приподнимаясь, внимательно наблюдая за обстановкой в ожидании реакции Олега и его людей.

В это время на лбу Артура, следящего в оптику с восточной еще недостроенной башни за происходящим у Днепра, выступила испарина. А у Козака, стоящего также на колене, но рядом с лодкой, дернулась рука к автомату, но Павел взял себя в руки. Большой же спокойно и расчетливо вдел палец в кольцо гранаты.

Однако, Олег не стал обращать внимание на то, что некий молодой парень привстал.

— Гой еси, Ольг, здрав буде Игорь, сын Рюрикове, — произнес Солдат и поклонился.

* **

Олег не спешил приближаться к странному городу, как будто перенесенному в это место самими богами. Князь еще рано утром был рядом, но решил послать разведчиков. Не в правилах Олега было кидаться в омут с головой. Он больше года готовил этот поход, рассылая своих людей под видом гостей торговых и в Смоленск и в Любечь, да и в Киеве уже были люди, не отрекшиеся от своего рюрикова рода. Но тут... нужно было знать, что происходит и что за люди живут.

Вот только разведчики в один голос сообщали интересные вести, что их всех вычислили, как будто кружащий в небе сокол людям в городе все рассказывает. Но никакого противодействия не было, группы наблюдателей из горожан, которые показывались с

максимально большого расстояния, сразу же удалялись, демонстрируя разрешение смотреть и примечать. Сотник Волькомир даже приблизился к воротам в город, что располагались за дубравой и возделанными полями, но и его никто не тронул, даже предупредительная стрела не взмыла в небо. За такое самоуправство вольнодумного кривича, который один из первых из своего племени привел сотню молодых воинов Олегу, Волькомира нужно было наказывать. Однако, сотник сделал очень важное дело, он проверил степень доступного и настроения горожан. Так, если бы подошедшего к вратам воина убили или ранили, то можно было считать город враждебным, но нет...

По сути, если не было бы истории с хирдом Снора, то строящийся немалый город, пока следовало оставить в покое. Олег видел главной целью своего похода взятие Киева. Ну а после, опираясь на базу для своей экспансии, начать диктовать свои условия на торговом пути, да подчинять все племена, что рядом с Днепром и его притоками.

Даже сейчас, если бы не встречающие его на берегу Днепра люди, Олег мог еще принять решение пройти мимо города, чтобы прийти через год, он колебался в принятии решения. Но ожидать года не придется, его ждали.

Князь умел подмечать многие детали и то, что он увидел, еще до остановки его драккара, так это одежда. Яркая, дорогая ткань явно эллинской выделки, странные сапоги, не богатые, так как были не раскрашены, но обувь не нищенская, точно. Странное у встречающих было и оружие. Длинные изогнутые ножны, словно хазарская сабля, но явно длиннее ее. Между тем ни эфес клинка, ни ножны не были украшены ни камнями, ни византийским цветным стеклом.

Встречающих держали на прицеле лучшие лучники из ближней дружины Олега, но горожане проявляли сдержанную покорность, как будто знали кто он и что сын Рюрика так же на корабле. Или эти люди встречают так всех торговцев, — тогда нет в них воинской чести. Второй вариант Олег отмел быстро, рассмотрев натренированные тела троих молодых коленопреклонённых воинов, пожилой воин выглядел опытным и побывавшим не в одной схватке. Только последний худой отрок явно мало ест мяса, как и ленится тренироваться.

— Гой еси, Ольг, здрав буде Игорь, сын Рюрикове, — сказал вставший с колена один из встречающих Олега и князя внутренне передернуло.

От то хотел оставаться тайным для всех людей на торговом пути, чтобы Дир и его побратим Аскольд не убоялись простых торговцев. Мало ли кто в греки идет с награбленным в Западной Европе богатством английских монастырей, да прибрежных франкских городов. Тем более, что Олег вез немало цветного стекла для своего прикрытия, как торговца.

— Отсель ведаешь мя? — спросил Олег у встречающего его незнакомца.

— Поведал сие мне кнеть твой Снор, что свене котору взвел, предав на стерво роды и радимичей, и извергов, о походе Ольга з сыном Рюрика, — ответил молодой воин, заставляя своим ответом князя задуматься.

В своих словах встречающий, являющийся, наверняка, кем-то из местной знати, очень хитро выставил и себя и Олега. Так, он признался, что Снор является воином Олега, причем не ярлом, а только воином. За ярла виру платить нужно в разы большую или кровная месть предусматривается. Кроме того, молодой воин обелил роль князя в бесчинствах Снора, который предавал разорению и гибели и радимичей и разные общины, что обживаются вдоль большой реки. А еще, хитрец этот, обвинил Снора, что именно тот неблагоприятный варяг рассказал о приближении Олега с княжичем Игорем. Это так встречающий воин оправдывает тех пленных из поверженной варяжской дружины, что есть у него.

Олег усмехнулся, не смог сдержаться. Это какой хитрец... Его люди видели варягов Снора и возле города и на его стенах. Да, разведчикам горожане специально показывали пленных. И вкуче со всем, что сейчас видит князь коленапреклонённых воинов, что проявляют покорность, но разгромили одну из сильнейших варяжских ватаг, Олегу сообщают: «Мы сильны, мы понятливы, мы принимаем тебя, как своего князя». Что ж, теперь Олегу нужно заключить ряд с этим городом и не продешевить, для чего обязательно посетить его.

— Ключи ты, вой, — князь вновь улыбнулся, а потом показал на сидящих рядом с Солдатом Пса и волчицу. — Егда Один иде при нем хорты, якоже ты, токмо ты не Один.

* **

— Поясни! — тихо, не поворачивая голову, обратился Игорь к Умнику, так как не все понял из сказанного Олегом, а в таком разговоре важной может оказаться любая мелочь.

— Ты хитрый воин, сказал, а потом, — когда бог Один ходит, его сопровождают волки, как и тебя. Только слово «хорт» больше определяет волков не Одина, а Хорса, — увлеченно переводил Умник.

— Тсс! — шикнул на увлекающегося переводчика Солдат.

Фрека, как в итоге прозвал волчицу Солдат, в честь волка Одина — Фреки, и Рекс почуяли, что разговор о них, и заинтересовано посмотрели на корабль и уже сходящих на берег Олега с десятком воинов. Лучники же, что прятались за тканью на корабле, но были «срисованы» и Солдатом и другими горожанами, не расслаблялись. Игорь был уверен, что и Артур пристально наблюдает за происходящим. Парень не знал, что вопреки всему сказанному, даже приказанному, Света так же выхватила бинокль и из башни главных ворот следит за встречей с древнерусским князем. Девушка впервые использовала свое положение «первой леди» и ей позволили, считая, что муж и жена сами разберутся кто прав, кто виноват. А вот ссорится с «ночной кукушкой», которая, как известно всех дневных перекукует, не стоит.

Когда Олег в первый раз улыбнулся каким-то своим мыслям, после слов Солдата про Снора, у Игоря как камень с плеч свалился. Все напряжение куда-то ушло, и парень понял, что сейчас будет именно что игра в торговлю. Они, горожане будут торговаться за свое будущее с сюзереном, который, в свою очередь, не спешит лишить жизни своих вассалов.

Между тем, все ждали от Игоря оценки разговора с князем. Заранее были определены условные знаки, каждый из которых определяет номер плана, по которому предполагается действовать. Солдат решил, что все складывается по первому, оптимистичному плану и завел левую руку себе за спину, чтобы показать друзьям один указательный палец.

Насколько же попаданец из будущего недооценил внимание русских дружинников... Как только его рука оказалась за спиной вне поля зрения ратников Олега, моментально были натянуты тетивы луков воинов на драккаре, которые даже перестали скрываться, сошедший уже на берег рослый воин, который держал княжича Игоря, резко повернулся спиной к встречающим, чтобы таким образом своим телом прикрыть будущего Киевского князя, русичи среагировали на возможный бросок ножа. Дернулись, вторя нервозности княжских дружинников, и сопровождающие Солдата горожане.

Глава еще неназванного города быстро, но без рваных движений достал из-за спины руку и продемонстрировал пустую ладонь. Воздух вокруг наэлектризовался, и казалось, сейчас родится шаровая молния... но вместо нее русичи разразились громогласным

несдержанным смехом.

— Ох уж этот средневековый юмор, — проговорил Игорь и так же попытался улыбнуться, но получилась какая-то гримаса, но точно не улыбка.

— Разгаляндаша, — прокомментировал ситуацию Карп, который уже так же поднялся с колена.

— Слово обозначает громкий, может не совсем уместный смех с нарушением некоторого этикета, — сразу же дала справку «энциклопедия» в лице Михаила.

Между тем, все воины Олега сразу же умолкли и посерьёзнили, как только князь взял на руки княжича и приподнял его, видимо, исполняя некий сложившийся в дружине ритуал.

— Се сын Рюриков, — провозгласил Олег, и его воины начали стучать кто по щиту, если кто держал его в руках, кто по бочкам на корабле или по самим надстройкам драккара.

Солдат и вся его «свита» изобразили поклон тезке под одобрительный кивок Олега.

После началось подношение даров. Особенно долго рассматривал Олег оружие, прежде всего ножны и саму шашку. Этот абориген не был индейцем, которому стекляшку можно было продать за его дочь или за большое количество золота. Князь достаточно скептически посмотрел на цветные стекляшки, которыми были украшены ножны, чуть более снисходительно на рисунок, но вот сам клинок пробовал по руке, замахивался и разрубал ветки. Но на этот случай был горожанами придуман фокус. Один из мечей, который затрофеили ранее, был явно плохого качества, вероятно, являлся подделкой северогерманским изделиям. Вот его исследовали и дали заключение, что шашка разрубит этот меч и, скорее всего, без особых щербин. Демонстрация такого фокуса понравилась Олегу, и он сразу же подвязал ножны на левое бедро. Арбалет также был не особо понят князем, и поэтому потребовалась еще одна демонстрация. Да, получилось эффектно, и было оценено Олегом, но не восхитило. Лук быстрее и ловчее, но вот не учитывал князь, что лучника готовят десятилетиями, а арбалетчика месяцами.

Пока шли вручения даров, маленький княжич резвился с рослым пожилым воином, пытаясь убежать от того, но воин наигранно старался догнать мальчугана. Эта картина сильно смешила все больше кучкующихся на берегу воинов, обстановка окончательно становилась благоприятной.

* **

В это время уже накрывали столы в чертогах, варили кашу и макароны, переливали водку, вино, самогон и наливки в глиняные кувшины, чтобы не дразнить русичей стеклянными изделиями. Два кабана и один лось, которые были куплены утром специально под встречу с княжеским родом у соседей, так же крутились на вертеле. Болотники не преминули воспользоваться ситуацией, прекрасно о ней осведомленные от своей молодежи и продали за двойную цену мясо, потребовав еще и бонус в виде неплохого кухонного ножа из двадцатого века. По подсчетам Катерины таким количеством еды, что заготавливалось можно накормить не одну тысячу человек.

— Все, девки, я пошла, — Катерина вытерла руки об фартук, потом его скинула и посмотрела в серьезные, даже строгие глаза Лиды. — Лидочка, может, все же со мной?.. Нет? Ну, тогда не забудь, все, что я сказала.

Катерина, так сказать, спешила на «последнюю электричку» — телегу, с запряженным в нее конем Шишона. Женщина, сделав все, что нужно было и даже больше, уходила в лес, где

должна вместе с иными дожидаться вестей из города. Как не убеждала своего мужа главная по кухне и завхоз, что она уже не так хороша, чтобы на ее клюнул мужик, Павел был непреклонен и настоял, тем более, что их дети так же уходили.

Лида же оставалась на хозяйстве и получила кучу инструкций что кому и как подавать, где что лежит, что можно еще достать, где можно расселять пьяных или просто гостей, желающих отдохнуть, в том числе и с теми девами, что останутся в городе.

А дев было более, чем предостаточно. Дело в том, что кроме специально купленных для этих нужд девиц, к возможному разврату присоединились еще почти три десятка девушек. Это были и соседские и... с еще одного поселения, с которым имеют контакты «болотники».

Это не были какие-то легкомысленные дамочки, пришедшие в город для развлечения, даже не для оплаты за пользование своим телом. Пусть для Солдата, да и всех попаданок, местная мораль была еще до конца не понятна, но аборигенки желали возлечь с сильными воинами издалека. Сами главы общин и получается, что один северянский род послали девушек «принести в род свежую, сильную кровь». Так что задача этих девиц была обязательно забеременеть от сильного воина.

Когда уже все, кто планировал, покинули город, внутри огороженного поселения началось представление. У каждого воина был свой маршрут, по которому тот должен был передвигаться. Как правило, такие манёвры совершались рядом с местом штатного расписания при обороне города. Учения, последние из которых были проведены неделю назад, показали двухминутную готовность всех служб и воинов для отражения атаки. При том, что ворота в город закрывались моментально, с приоткрытой калиткой для пропуска опоздавших. И для того, чтобы еще больше увеличить время развертывания обороны, выбирались выгодные маршруты патрулей.

Кроме того, продуманы были и появления в зоне видимости гостей, когда они поднимутся на гору для пиршества, только более-менее сильных воинов-горожан. Все, и Умник, и аборигены сошлись во мнении, что задирать поселенцев ольговы дружинники будут обязательно, а не ответить будет уроном чести. Поэтому те, кто хоть как-то может постоять за себя, попарно прохаживаются с теми, чье мастерство и умение воевать, мягко сказать, неважное. Главные же бойцы города будут на пиру, если князь все же решится войти в город.

* **

— Яко наречен сей град? — спросил Олег, когда постепенно определялась делегация для посещения города.

— Славград, князь, — ответил Солдат.

Первоначально планировалось дать возможность выбрать название городу Олегу, еще больше его умаслить таким жестом, но Игорь предположил, что фантазия князя может иметь не совсем лицеприятные последствия. В древнеславянском языке было много таких слов, что резали слух. Например, «фигля», «хухря», «заблюдник». Так что жить в «заблюдинске» или «хухрянске» не особо хотелось. Назвать город Моховом или Лоевом, то обречь большую половину горожан рефлексировать и вспоминать свою жизнь до переноса. Ну, а Славград и звучит неплохо для восприятия, и неплохой задел на будущую репутацию. Может так называться город, в котором ремесло и сельское хозяйство передовое? Думалось Солдату, что, да.

Олег оглядел своих сопровождающих, которых было человек двадцать в ближнем круге и две сотни в качестве охраны, которые стояли чуть поодаль, но собирались сопровождать своего предводителя. Солдат отметил, что в «гвардии» Олега слышна урманская речь, там присутствовали те самые викинги. Но был один нюанс — примерно четверть гвардейцев были скорее славянами, так как носили на одежде височные кольца. Умник уже просветил об этом этноопределяющем элементе убранства, теперь Солдат мог определить человека по височному кольцу. И в гвардии Олега было большинство кривичей с их проволочными большими кольцами. Но, что удивительно, попадались и поляне с соединенными в несколько небольших проволочных кругляшей, и даже вятичи с шестилучевыми солнцеобразными височными кольцами.

— Узок, — дал свою оценку кто-то из ближних Олега, осматривая впадающую в Днепр протоку.

— На плотях идем, — принял решение князь, тем более, что неширокие плоты действительно были готовы к переправе по протоке.

Можно было наладить понтонную переправу через неширокий ручей с выходом на болотистое место, которое уже засыпано песком и вполне безопасно для прохода. Но, по здравому разумению, зачем облегчать вероятному противнику задачу подобраться к городу, если все же разговор пойдет не так и придется сражаться.

— По здорову, князь Олег, княжич Игорь? — спросила Лида, кланяясь Олегу, княжичи не выносили вперед, вероятно, все еще опасаясь засады.

Лида встречала делегацию у главных ворот в сопровождении еще двух девушек. Бывшая командирша выглядела необычайно притягательно. Красивое в древнерусской стилистике платье, вероятно пошитое уже тут с помощью Катерины, минимум косметики, но так к месту, когда искусственности видно не было, но все линии красивого лица подчеркивались. Заплетенная коса и множество украшений на запястьях, пальцах, шее, самом платье. В руках Лиды был огромного вида украшенный розочками и косичками каравай, который помогали придерживать две ее спутницы.

— Лепа дева, сие твоя мужняя? — спросил Олег у Солдата, который был вместе с Умником по правую сторону от князя, заговаривая создателя древнерусского государства.

Да и Игорь заметил, что сопровождение волчицы, что не отлучалась вместе с Рексом от главы Славграда, очень нравилось Олегу. Вот бы как-нибудь подсуетить ему такой подарок, уговорить Фреку привести волчонка для князя.

— Нет, князь, — лаконично ответил Игорь на вопрос, не является ли встречающая девушка женой главы Славграда.

Лида резко подняла глаза и томно посмотрела на Олега, после чего продемонстрировала игривое смущение. Такой прием был повторен пока князь, после пояснений Солдата, преломлял каравай. Такой традиции «хлеба с солью» Олег не знал, но она, как и сам хлеб, были высоко оценены князем. Сладкий, румяный, но что еще более удивительно, пшеничный хлеб, был самым вкусным из всего немногочисленного мучного, что ел в своей жизни князь. И это в таком городишке, что только появился на пути...

Ворота в город Олега удивили. Пусть тут была видна некая небрежность в строительстве, так нигде не строили, но грандиозность замысла не оставила князя равнодушным. Пусть князь не был у франков и даже немцев по Рейну, откуда к варягам поставлялись мечи, но Олег был любознательным и общался со многими путешественниками, знал о мире немало. Тут же кирпич, надстройки из дерева, зачем? От

огня?

Не успел обдумать князь увиденное перед входом в детинец города, как и то, что Славград вообще не имел посада, как возникли новые вопросы. Несуразные кирпичные здания, назначения которых было не понятным, а, скорее длинное здание на краю города казалось лишним. Олег увидел школу и бывшее здание магазина. Они, как и другие перенесшиеся дома и постройки действительно выглядели нефункциональными. В сознании людей средневековья, использование крайне ограниченного пространства детинца должно быть маниакально полезным. Тут же странная скученность домов и почти чистое поле в центре города. Князь в своих мыслях почти догадался, что еще двумя неделями ранее тут и было поле ржи.

Более понятным местом для Олега и его приближенных стали чертоги. Вот тут все более-менее, как у всех. Князь с тремя десятками воевод и наиболее близких сотников, которым не выпала очередь дежурства с войском, зашел в строение и одобрительно разгладил усы. На столах уже стояли разные блюда и какие-то напитки. Чуткое обоняние Олега уловило в числе напитков и мед и пиво.

Ничтоже сумняшеся, князь занял главное место за столом, присев на кресло из двадцатого века, которое стояло на небольшом постаменте, чтобы возвышаться над остальными. Люди быстро занимали места за большим и длинным столом, некоторые с интересом рассматривали стулья, которые очень редко использовались. Да и наличие столов было для некоторых необычным явлением, пусть и логично объяснимым.

После началась «гигиенические процедуры». Об этой особенности Солдату рассказывал и Карп и Горыня. Для всех аборигенов было обязательным умыться, высморкаться, сплюнуть, — и все это, используя одну кадку с водой. Приходилось людям из будущего задвинуть свою брезгливость и собственные понимания гигиены и вторить действиям гостей. Тут более всего повезло Солдату, который вторым, после князя умылся, а тот только один раз то и сморкнулся.

— Да минует земь сию злыдень, — провозгласил здравицу князь, как только последний пирующий воин умылся.

— Да минует землю эту несчастье или в значении ненастье, — перевел для Игоря Умник, пусть Солдат и сам прекрасно понял смысл княжеского тоста, но Михаил должен был переводить все, чтобы не упустить смысла и не попасть в неловкую ситуацию, а предпосылки для таких казусов уже были в процессе разговора по дороге от Днепра к городу.

Глава Славграда сидел по правую руку от князя и так же на кресле, пусть то и было подобрано визуальное менее величественное. Далее, по правую сторону сели горожане, начиная от Михаила и заканчивая Карпом. Напротив, по левую руку от князя расположилась свита Олега.

После первой здравицы все как с цепи сорвались, накидываясь на еду. Вот тут этикета не предусматривалось. Уже была битая посуда, которая недешево обошлась городу. Гончарная мастерская, как не старалась, но не успевала обеспечить нужным количеством керамики для полной замены железных мисок, фарфоровых тарелок, стеклянных салатниц. Можно было расшить производство, но здраво помывшись, нашли иное решение. Зачем развиваться чуть ли не до завода, насыщая потребности города за один месяц, но дальше неминуемое сокращать производство. Поэтому покупали керамику у соседей, выгребая у них все, что можно. И теперь эта посуда разлетается осколками. Ну а после, если это «после»

будет, соседям же и продадут свои изделия.

— Многие лета и хвалы князю Вольгу и сыне Рюрикову князю Игорю, — провозгласил свою здравицу Солдат, как только увидел, что поглощение пищи гостями достигло своего пика, и наметился спад.

— Многие лета! — подхватили гости и через мгновение и горожане.

Олег привстал со своего «трона» и сделал какой-то знак одному из своих людей. Тот стал и вышел, а через пять минут в чертоги вошел пожилой воин с княжичем на руках, прошел к Олегу и отдал мальчика на руки князю.

— Лида, тащи вторую смену блюд, а то обожрут закусками, — сказал Игорь стоявшей подле его девушке и та повела только рукой, подавая знак девкам на входе в чертоги, те не отрывали взгляд от Лиды, но бывшая командирша атаковала глазами Олега.

В какой-то момент у Солдата начала просыпаться ревность, но он, убеждая себя, принял решение никак не реагировать. Похоже, морально Лида уже давно готовилась к чему-то подобному. И что она метит в жены к Олегу? А есть ли у него жена?

— Любо! — послышалось среди пирующих, когда появились горшки с горячей гречневой кашей, котлеты, цельные куски мяса, еще скворчащий шашлык, цельные варено-копченые утки и куропатки, три красиво украшенных варено-запеченных лебедя и два огромных осетра. При этом на столе появился лук, морковь, горошек.

— Снедь житня, — прокомментировал вынос блюд Олег.

Игорь остановил жестом Умника, прекрасно поняв, что князь сказал о богатстве еды.

— Дозволь, князь, вполченью твоему дать снеди, — обратился Солдат к Олегу, который в очередной раз «зацепился» глазами с Лидой.

Игорь махнул Карпу, и тот вышел из чертог. Выход одного из горожан не прошел бесследно и вслед за славградским сотником вышли два княжьих дружинника. Солдат это так же заметил и усмехнулся. Не только он и его люди пируют в напряжении, гости также готовы к подвохам и отслеживают любое движение.

Между тем, бдение за обстановкой не мешало всем собравшимся вливать в себя всевозможные жидкости, что нескончаемым потоком вносили в чертоги девушки. Уже начались хватания девиц за разные места, хмурые взгляды на это со стороны попаданцев. Рог уже чуть было не решился на эскалацию, и схватил одного похотливого самца из гостей за руку, но сразу же одернул себя. Варяг, говорящий не на славянском наречии, пристально посмотрел на Олега, но князь помотал головой и скандинав сразу же сел на лавку, одарив Рогова приторной ухмылкой.

— Витька зовите, и гармонь Рыгору тащите, — шепотом проговорил Солдат Умнику.

Солдат подумал, что музыка сейчас способна сгладить обстановку, а то и гляди начнется смертоубийство в алкогольном угаре.

— Как ныне собирается Вещий Олег отмстить неразумному Диру... — начал песню Витек под проигрыш гармони.

Эта песня не совсем плагиат «нашего все» Александра Сергеевича. Пусть на основе некоторых рифм, с использованием канонического стиля, но многое было убрано, и про смерть от змеи из черепа коня и про хазар, но добавлено о уже прошедших событиях или тех, что вот вот планируются.

— И княжича Игоря к небу подняв, Олег вопрошает Перуну, дай силу и хвалу... — продолжал Витек.

Олег же за все время после прибытия к сплошь странному, и местами чудесному,

Славграду, проявил действительно яркую эмоцию. Слезы ручейками стекали по щекам великого воина, особенно про эпизод, когда умирающий Рюрик просит защитить своего сына Игоря и стать во главе всей дружины.

Да, Солдат и иные с ним сейчас шли по лезвию ножа, страшась реакции Олега. Была опасность, что какие-то события, описываемые в песне, или больше сказании, могут быть восприняты князем не однозначно, но пока все говорило об обратном. Да, летописи, по крайней мере, Повесть, не сообщали напрямую, кем являлся Олег, как погиб Рюрик, куда делась жена первого конунга рождающейся Руси. Была проведена немалая работа с пленными варягами банды Снора, они рассказывали свои версии событий. Стало понятно, что Рюрик умирал долго, был ранен в ногу и без качественной обработки раны начался «Антонов жар». Он передал бразды правления в руки Волга, или Олега, или Хельги — представители разных племен по-разному и князя звали. Были и те, кто сразу же попробовал на прочность Олега, была резня, в которой князь победил своих явных противников. Были и неявные, как тот же Снор, но Олег таких отправлял с поручениями подальше от себя и княжича.

— Лепо сие, — вытирая слезы, произнес Олег, повернувшись к Солдату.

Игорь поклонился и принял протянутый рог с вином из рук князя. Этот рог когда-то привез в качестве сувенира из поездки в Грузию Большой, теперь он как нельзя лучше подошел для пиршества.

— Сказывай о Сноре, треба виру принять, — уже серьезно сказал Олег и подал знак своим сопровождающим, которые резво стали выходить «на перекур».

«А вот и следующий этап встречи, который нужно пережить» — подумал Игорь и, дав знак и горожанам покинуть чертоги, начал свое повествование с переводом от Умника, иногда и Лиды, которая не ушла, и Олег не стал настаивать на этом. Никто ничего не скрывал, даже больше, Олегу предоставлялись свидетельства и бывших пленным, того же Карпа, привели и сжавшихся варягов, которые так же дали свидетельства. Но князь своего терять не хотел, признавая, что захваченные корабли, оружие, да и убитые бандиты — собственность Олега и заплатить придется. Был смысл отдать оружие варягов, которое еще не все пошло на нужды города, но вот корабли очень нужны в самое ближайшее время подобное городу не построить.

— Рекли мне о снеди, что кнеди твоя несли дружине моей, — начал проявлять милость Олег после того, как обосновал право требовать большой виры за убийство Снора. И плевать князю было, при каких обстоятельствах погиб его человек.

Так что Олег оценил то количество еды, которое передали дружине князя. Получалось досыта накормить не менее двух тысяч человек.

— Аще дасть мне дань по черной кунице от дыма, — Олег запнулся, так как и понятия не имел, сколько дымов в этом городе.

Получалось, что не меньше двадцати, это количество тех строений, что увидел наблюдательный князь, но каждый дым был многим больше, чем обычные полужемлянки, в которых обычно жили люди, да и не увидел всего Олег. А длинное и, по местным меркам, огромное здание школы вообще рушило княжеские понятия обложения данью.

— Миша, передай Рогу о дани, — распорядился Солдат и Умник, молнией выбежал из чертогов.

— Аще дай мне сию деву во служение, — продолжил торг Князь.

Игорь, увидев согласительный кивок Лиды, почувствовал некую обреченность. Сейчас

он отчетливо ощутил, что не хочет отдавать девушку. «Да она с ума сошла!» — подумал глава Славграда.

— Прости, князь в роду нашем дева решает с кем быть, — волнуясь и даже не думая подбирать старорусские слова, произнес Игорь, но князь, привыкший к множеству наречий в своей дружине, да и большую схожесть сказанного со словенским языком, все понял.

— Коли порядитесь меж собой, то разую тя, князь, — высказалась Лида и так томно, многообещающе посмотрела на Олега, что и Солдат слюну сглотнул.

Между тем, пока происходил этот разговор, в чертоги вносили дань, что приготовили для князя.

Начался торг по принципу «колым-приданное» что даст род, что простит Олег. Нет, это была не свадьба, и князь особо подчеркнул, что Лида не станет его женой. Между тем, он покупал у рода девушку, и по обычаям, если та не взята боем, Олег должен откупиться.

Однако, дань Олег не простил, что было понятно, дружина не примет такого. А вот корабли Снора отдал, тем более, что их никто и не видел, значит и разговора в войске не будет. Выторговал Солдат и пять коней, которые были в войске Олега, но в относительно не большом количестве. Получилось добиться и обещания, что, в случае взятия Киева, Олег станет посылать к Славграду торговых гостей, в основном с тканями и маслом. Князь так же пошлет посыльного в Ладогу, чтобы те организовали для продажи пару кораблей скандинавской руды сразу же после того, как лед сойдет.

Игорю же предписывалось принять сто десять воинов во главе с сотником Волькомиром. Тут Солдат попытался сопротивляться. Принятие такого количества профессиональных вояк сулит проблемы, но Олег оставлял гарнизон и в Смоленске и оставит в Любече уже очень скоро, остаться без верных княжьих воинов в Славграде, лидер Руси не мог. Так что Игорь видел своей задачей или ассимиляцию этих ратников, ну, крайним вариантом всегда остается зачистка и бегство, чего очень хотелось бы избежать. С другой стороны, прокормить еще сотню человек должно получиться, а опытные воины, при потенциальных угрозах, окажутся к месту. Тем более, что дополнительно Олег оговорился, что Главой остается именно Солдат, пусть тому и не стоит обольщаться на этот счет.

— Благо, что не стал речь бляди, а поведал о Сноре, — проговорил князь после того, как были оговорены основные условия договора.

— ??? — недоуменно посмотрел на Умника Игорь, но тот лишь пожал плечами, не поняв семантику слова «бляди».

— Кривды не было, — прояснил Олег, уловив заминку у странных людей, пришедших на уже почти его земли откуда-то издалека и странно разговаривающие.

«Бляди — это в смысле «чуши», «чепухи», откровенную ложь» — прояснил для себя так заинтересовавшее слово Солдат.

— Хорошо, что не стал говорить скверную ложь, а все рассказал об истории со Снором, — довел до Игоря смысл сказанного князем Михаил, но глава Славграда и так догадался о смысле и уже успел похвалить себя, что не стал юлить и множить сущности в общении с князем.

Игорь сидел с бутылкой шампанского, уже к слову, третьей, и наблюдал, как в его город возвращаются жители. Повезло с погодой, и не было дождя или серьезного ночного холода, все же лето, поэтому для тех, кто прятался от неопределенности с визитом Олега Вещего, уход из города стал затянувшимся пикником.

— Дай, граф, — к Солдату подошел Степан, хромая на левую ногу и без подобострастия к целому графу, взял у того бутылку шампанского и стал жадно пить алкогольную шипучку.

Сегодня титул звучит, как издевательство, но еще вчера ночью, нетрезвый Солдат кичился, что стал первым графом на Руси.

— Сильно болит? Надолго выбыл из строя? — спросил Игорь у лучшего фехтовальщика города, но, как оказалось, не всей Руси.

— Нормально. Но вот то, что загордился и считал, что моя дестреза, венгерская школа современного фехтования, советская школа, не справится с фокусником... Обидно, но есть над чем работать, — ответил Степан и рассмотрев вокруг землю, решил присесть рядом с Солдатом.

Игорь сидел на сырой земле, а осмотрительность Степана связана с тем, что весь центр города просто утопает в многочисленных человеческих выделениях. Кого тошнило, кто опорожнялся, не стесняясь окружающих прямо возле места, рядом с которым и пировал. «Туалет? Не, не слышали». Правда, поставленные два домика для справления своих нужд были постоянно заняты. Очень много человек, которые очень много ели, но, самое главное, пили, вот и результат в виде такого органического «удобрения».

— Ну да, этот Волькомир оказался тем еще фокусником, — произнес Игорь и посмотрев на не выпускающего шампанское из рук Степана, стал открывать еще одну бутылку, уже последнюю, что Солдат взял из запасов магазинного склада.

Мужики оказались во все времена таковыми, и вчера в разгар пиршества действовала формула «алкоголь, женщины, добрая драка». Еще когда Игорь рядил договор с Олегом, князь дружинники начали цеплять колкостями горожан. Большой, Рыгор, Козак, как и другие люди двадцатого века не всегда понимали, что их целенаправленно ангажировали к драке, но вот Карп просто кипел от негодования. Появившиеся в поле зрения девушки, призванные разрядить обстановку, не сильно повлияли на ситуацию, от чего горожане уверились в спланированной провокации.

А после, когда из чертогов вышли Олег с Солдатом и Умником, начались бои. Князь акцентировал внимание, что теперь и горожане его люди, поэтому без смертей. Но стремление показать удаль молодецкую поддержал. Скорее всего, Олег намеривался продемонстрировать силу, ловкость и умения своих воинов, чтобы славгородцы прониклись.

Первому войти в круг Олег предложил Игорю, при этом он ранее интересовался у главы города, считает ли тот себя воином. Тогда еще почти трезвый старший сержант ГРУ, с большим трудом, но избил очень неплохого рукопашника из свиты князя. Красивый «фонарь» на левом глазу еще несколько дней не сойдет с помятого лица Солдата.

Когда же свою схватку выиграл и Большой, раздосадованный князь выкликнул некоего Браслава и тот схлестнулся с Рогом. Мастер спорта по боксу не смог сломить молодого, юркого парня, который оказался настолько выносливым, что загнал Рогова. Эту схватку можно было считать ничьей. Но дальше пошли неудачи. Павел-Козак знатно отхватил, так,

что теперь лежит дома с заплывшими гематомами глазами. Шишону сломали ногу, лицо Карпа было алым от крови, рука отсушена. Складывалось впечатление, что все остальные воины города никчемны. Когда же выходил на поединок Арнольд, его вызвал один из свиты Олега, Солдат даже закрыл глаза, чтобы не видеть этого позора. Но... в этот раз подражатель Шварценеггера удивил. Арнольд с таким остервенением бил своего визави, что пришлось Игорю вмешиваться.

Последним же боем стала схватка Волькамира и Степана. Олег представил своего сотника, которого собирался оставить в городе и предложил попробовать того на прочность. Игорь хотел слегка подправить надменное лицо дружинника князя и поэтому вызвал Степана. Предполагалось драться на не заточенных мечах.

— Я обязательно научусь вертеть мечем и щитом, как этот сотник, — словно обиженный ребенок сказал Степан.

— Да, он не пустил тебя даже на расстояние удара клинка, а потом эта взрывная атака... Как ты еще умудрился отбиться? — сказал Игорь и громко, разливая напиток, открыл бутылку с шампанским.

— Позорно отбил, он же мог мне ногу отсечь, но только обозначил удар плашмя, отсушив ногу, — пожаловался Степан.

— Ну и ты его задел в итоге, — попробовал поддержать парня Солдат, но тот только отмахнулся и сделал очередной глоток игристого полусладкого.

— Как там вообще твой отец и Большой? — спросил граф.

— Жрут водку, да рефлексируют, в принципе, как и мы с тобой, ваша светлость, — уязвленный фехтовальщик залиvisto рассмеялся, чем вызвал улыбку и на лице Игоря.

— Правильнее будет «ваше сиятельство», ну а ты, виконт, скорее — «ваше благородие», — поддержал шутку друга Игорь, вот только насколько это шутка, если титул даровался князем?..

Когда начались поединки для выяснения у кого больше и толще харизма, Олег, тогда еще будучи трезвее многих, начал расспросы Умника, пользуясь либо отсутствием Солдата, либо увлеченностью того схватками. Миша же нашел «свободные княжеские уши» и лил туда потоками информацию. Впрочем, сведения были, по мнению Умника, исключительно в рамках легенды.

Да, пришлые — один из родов полумифической Скифии. Да, пришли из-за большого озера, что Байкалом зовется. Там они встретились с воинственными кочевыми племенами, что были стократно большим числом, чем род. Да, потом они пошли на Запад, но и тут встретились с воинственными уграми, будущими создателями венгерского государства. Эти племена действительно в это время должны кочевать на Запад и скоро пройдут южнее Киева. Олег, если история пойдет схожим путем, даже проиграет битву уграм и откупится от них. И вот в кровопролитной и отчаянно жестокой битве, где всего полутора тысячам «байкальцам» противостояла вся мощь степных лучников, полегли многие воины. Остались только те не многие, почти все подростки, которые смогли воспользоваться заслоном славных ратников князя Постала (производная от фамилии Игоря — Посталовский) и уйти дальше. После долгих скитаний дети стали крепнуть и Солдат, сын Постала решил пойти под руку Рюрику, потом князя Олега.

Захмелевший Умник самозабвенно рассказывал историю героизма и чудесного спасения детей, когда их родители умирали, завоевывая лишние минуты для бегства своих горячо любимых чад. Неискушенное разными шоу, кинематографом, да и книгами,

восприятие Олега просто заваливало князя мыслеобразами. Будущий князь киевский даже прослезился в какой-то момент. И на эту эмоционально удобренную почву и легла идея о том, что в Европе-де во Фракии карлы называют своих наместников, которые им подчиняются, но и сами могут вершить суд, графами.

Олег тогда махнул рукой и провозгласил Солдата графом. Что ему, конунгу Руси, хоть султаном назовись, только чтобы дань платил, да в ином наряд не нарушал. Вот и стал Игорь именоваться граф Солдат Посталовский. И только для ближних — Игорь, чтобы не было непоняток с именем сына Рюрика.

— Слушай, а давай тебе титул виконта дарую? А что, виконт Степи-пан Рогов, звучит? — делая очередной глоток игристого вина, отшучивался граф. «Виконт» поперхнулся шампанским, а Игорь продолжил лицедейство. — Виконт, а не подскажите где это ваша виконтесса Власта Горынична Рогова, да графиня, свет ее очи, Светлана Посталовская?

— ХЗ, — коротко, но емко ответил «благородный идальго».

Сегодня ничего не хотелось делать, только напиться и спать. Правда, нужно перестелить постель. Игорь отдал в пользование Олега свой дом, куда ближе к рассвету его повела Лида.

Девушка уверенно взяла князя тогда за руку, томно посмотрела ему в глаза и как будто заворожила. Мужественный, жесткий средневековый правитель, словно теля пошел вслед за попаданкой из будущего. Игорь же в какой-то момент, обуреваемый непонятно откуда взявшейся ревности, было рванул вслед, но мощная рука, вдруг оказавшегося рядом, Большого остановила парня. Тогда кажущийся глуповатым, но на самом деле, очень житейски мудрый бывший гомельский бандит сказал:

— Себя погубишь, девку и всех людей. Я разговаривал с Лидой, она и вправду в городе с ума сходит. Амбициозная девица, а ты выбрал Свету. Она и второй бы пошла и третьей женой, но ты ее грубо отшиваешь. Вот и решила она в княгини выбиться. Девочка обещала помогать, если у нее все получится. А я думаю, что получится. Лида собирала опыт постельного общения с мужчинами, откуда только могла, много общалась с Алексеем и Михаилом, выжимая у них все, что те знали об истории периода, много говорила с аборигенками. Не мешай девке свою судьбу выстраивать.

Слова Большого остановили Игоря от необдуманных действий, но сейчас, когда Лида уже отправилась на флагманском драккаре участвовать в покорении Любеча и Киева, Солдату было противно думать, чем и как занималась некогда бывшая его любовница в постели, его постели. Эмоции были настолько противоречивы, что Игорь постарался задавить невесту из-за чего возникшую ревность, но спать в доме, пока там не перестелют, отказывался. Ну, и жену дождаться очень хотелось, забыться в ее компании обо всех странностях с сердечными делами, ну или это эмоции мужланского собственника.

— Сидите, бухаете? — к Игорю и Степану подошел Шишон в сопровождении своего «пажа» Крота.

— Держи! — протянул свою бутылку Солдат, и бывший предводитель деревенских хулиганов отглотнул шипучки, сразу же поморщившись — ночью ему разбили губы и вроде бы как выбили пару зубов.

— Как тебе такая пьянка, многим отличается от гуляния на деревенских плясках? — усмехнулся Степан.

— Если бы раз в неделю такие пьянки в деревне были, то уже через месяц в ней не

осталось бы жителей, поубивали друг друга, — ответил Шишон, который так же был опробован на стойкость в дружинной сотне, что пиновала у подножья города, рядом с озером.

— Смертей нет и то хвала Перуну, — высказался Солдат и все непроизвольно посмотрели в голубое, безоблачное небо.

Между тем, парней никто не трогал, и не потому, что тут присутствует и граф, и виконт, и рыцарь Шишон. А потому, что все понимали, чего стоила эта встреча с властью имущими создателями Древней Руси.

— О, Катерина идет к нам, сейчас люлей станет вставлять, почему ее Павлик битый в доме валяется, — высказался Степан, а Шишон с Кротом быстро попытались уйти, отлично зная норы этой женщины.

— Эй, Шишон, коней то добрых князь дал? — вслед молодому мужчине, у которого образовались «срочные дела» крикнул Степан.

Ответа не последовало, а знаний Солдата, точнее их отсутствия, хватало только для того, чтобы понять, что это не клячи, а боевые кони, пусть и где-то в годах. Но послужить пару лет смогут, как и потомство дать. Главнее же было то, что коней князь дал десять, больше ранее обещанных, сторговав еще два славгородских клинка из монастыря.

— Вы что, гады, творите? Сами вон сидите тут синееете от советского игристого, а Паша чуть ли не помирает... Если с ним что случится, я... я... — запнулась, захлебываясь в своих эмоциях выговаривала парням Катерина.

— Катерина, по-другому нельзя было, — строго с металлом в голосе говорил глава города. — Все попали под эти игры. А как еще в дружине князя может быть? Они и между собой удаль показывали и нас на прочность проверили. Вот взял бы Козак твой, струсил и что?.. А я скажу, что... Спросили бы где его женщина, он не достоин ее, нужно забрать бабу в поход, да показать бабе настоящего мужчину. А твой сражался как лев, но доказал, что... короче все что нужно и доказал.

Катерина взмахнула руками и быстро развернулась, чуть ли не побежав обратно в свой дом. Видимо, женщина много нелицеприятного высказала нетрезвому и побитому мужу. А тут вот что получается, это он отстаивал ее честь, чтобы какой немый противный дикарь не взял ее по праву сильного. Вот и побежала жена организовывать достойный ее героя уход и комфорт.

— Красиво ты ее, учишься на эмоциях людей играть, — сказал Степан и протянул свою уже почти уже опустевшую бутылку, чтобы стукнуть ею о шампанское Солдата.

— Фирма веники не вяжет. И от нас угрозу убрал и Козаку помог. Катерина сейчас вокруг него курицей-наседкой кудахтать будет, — отпив игристого вина, сказал Игорь.

— Да, только без нее, когда и Вера побежала к своему Карпу, некому порядок навести с работягами, — обратил внимание на не другую сторону «психологической обработки» Катерины.

Игорь только пожал плечами, выказывая, что именно сейчас ему все равно.

— О, наши женщины идут, да еще на волокушах тащат... Вроде бы, Володю Кащина, — Степан указал рукой с бутылкой в сторону бывшей школы.

— Может, поможешь? — выкрикнула Света за метров пятьдесят от места распития Игоря со Степаном благородного напитка будущего.

Парни с лентой приподнялись и не спеша пошли в сторону трех девчонок с волокушами и лежащим на них Кащиным. Состояние было, как говорила бабушка Игоря «агульная»

млявость и абьяковость да жищя», означаящая полное безразличие к происходящему. Сошедшее напряжение от встречи с князем Олегом, да расслабляющее изрядно выпитое шампанское потакало только к нескоротечному разговору, но не к решению серьезных задач.

— Графиня Светлана, виконтесса Власта, — Степан нашел в себе силы для лицедейства и изобразил подобие книксена, но из-за резкой боли в ноге, чуть не упал.

— Какого черта, помогли бы! — взъярилась «ее сиятельство графиня».

— Рассказывай! — не обращая внимания на эмоции своей суженной, сказал Солдат.

— Этот придурок, — Света показала на, постанывавшего на волокушах, Владимира. — Ночью, когда я пыталась уснуть, да еще мучилась неизвестностью что происходит в городе, а еще и токсикозом, пьяный приперся, и... Начал объясняться, что он с первых дней учебы в универе влюблен в меня и готов на все. Меня тошнило, и я просто послала его на хрен, тогда этот... начал меня лапать, и даже снял с себя штаны. Вот...

Света запнулась, удерживая неуместную паузу, когда Игорь мог подумать, что угодно, но слово взяла Татьяна, поняв опасность недосказанности:

— Нет, он ничего не сделал, а Света как-то сломала идиоту ногу. А мы с Властой были рядом и вытянули его из палатки. Тогда он начал драться и пришлось извращенцу морду набить.

— А опосля, тать сия, бежал, и мы его искали, — подхватила эстафету рассказа Власта.

— И поэтому у него одна нога сломана, а вторая со стрелой в бедре, а еще нос сломан, фингал под глазом, — усмехнулся Степан. — Смотри, граф, какие у нас с тобой бабы боевитые, аж жуть. Не, я изменять не стану, а то прострелит Власта еще чего так нужного.

Шутливый тон подпившего фехтовальщика разрядил обстановку и все улыбнулись, кроме Светы.

— Игорь, так что теперь со мной и с Вовой? — опасливо спросила Света.

Девушка вдруг осознала, что глава города может убить этого влюбленного идиота. Так же бурлящие внутри женского беременного организма гормоны начали рисовать картину, где Игорь отрекается от нее, обвиняя в измене. Она же в последнее время все реже с ним ласковая, внимательная, а он мужчина, ему нужно женское внимание, а вокруг, как коршуны все бабы города и из будущего и аборигенки. Пусть где-то на краю здравого смысла Света и понимала всю абсурдность своих выводов, но эмоции брали свое и она расплакалась.

— Ты чего плачешь, как будто у вас и вправду что-то было, — в полушутливой манере спросил Игорь. Он не верил в то, что его любимка вот с этим... Вовой, или все же... Да, нет же.

— Нет, ты охренел? — взбеленилась Света.

Солдат не ответил, он думал, что можно сделать в такой ситуации. Вова, насколько знал глава Славграда, неплохо себя зарекомендовал в керамической мастерской, начинал производство кирпича и руководил тремя аборигенами подростками от соседей. Вполне себе, по складывающейся иерархии города, был перспективным женихом. А сейчас в городе возможно уже не праздные девчонки есть, которые скрашивали одиночество княжским дружинникам. Вот и следует не наказать, а «наградить» парня, пусть растит байстрюков. Впрочем, ему и не обязательно знать, что ребенок будет не его, а одна из девушек будет пристроена.

— Женим Вову, прямо сегодня и женим. Поручаю выбрать из девушек, что были недавно куплены, подыскать самую смазливую и выдать ее замуж за этого страждущего любви. И сделает это... — Солдат сделал заговорщицкую паузу. — Власта и Степан.

— Но, граф, — начал было возмущаться, но был перебит главой города.

— Граф я или где! Повелеваю, а уже потом будете и сами любиться.

— Пусть Ведана проведен обряд на капище, — сказал Игорь и быстро, чтобы больше не слышать возражений, пошел в сторону своего дома, не забыв прихватить за локоть Свету.

Уединится с любимой женой, было очень нужно, чтобы отошли переживания по поводу отъезда Лиды. Ночные эмоции грузом висели над подпившим парнем, так что Игорь спешил выбить клин другим клином, особенно используя некоторое чувство вины Светы.

— А почему граф? — спросила Света.

— Потому, что и ты сама уже графиня. Цени, ваше сиятельство, растем, так и герцогами будем, — сказал новоиспеченный аристократ, и впился поцелуем в губы своей ненаглядной. Лекарство подействовало и все тревоги ушли.

* * *

Лида смотрела на север, там, где уже как два дня назад осталась прежняя жизнь, и теперь постепенно таял образ удаляющегося места впадения Сожа в Днепр, рядом с которым и был Славград. Смотрела, впрочем, без какой-то тоски. Она сделала свой выбор еще раньше, когда был убит Николай, и рухнули все надежды на то, что она займет достойное ее положение в рождающемся обществе строящегося города. Тогда, сразу после переноса в прошлое, после той кровавой ночи, Лида, назло всем, но больше всего Игорю Посталовскому стремилась взять лидерство в среде напуганных попаданцев. Но не получилось. Прежде всего, виной стал слабохарактерный Николай. Это он на лекциях был принципиальным и казался мужественным, на раскопе всегда жестким лаборантом. Но на деле... Труслив и слаб.

Лида не винила себя в смерти ее Коли, хотя главной причиной, почему не умеющий драться и вообще рохля, Николай поперся в ночном сражении на врага, была девушка. Она тогда поставила условие, что уйдет к любому, у кого есть характер, если бывший любимый преподаватель не измениться. И подарила мотивацию парню, показав и страсть и нежность в вечном постельном единорстве мужчины и женщины, в котором Лида неумолимо становилась настоящей мастерицей. Вечером же, когда началась атака варягов, Николай не колебался в решительности, мчась на встречу прорывавшемуся с тыла врагу. Но бесстрашие молодого мужчины, лишь несколько раз за свою жизнь заучки, учувствовавшему в дворовых потасовках, и то в качестве мешка для отработки ударов, пошатнулось, когда Николай увидел смерть в бою одного из студентов. И он, обуянный страхом, побежал, но был убит в спину брошенной сулицей.

Ну, а после Лида жила, копила знания, училась языку, оттачивала и совершенствовала свои навыки ублажения мужчин. Среди ее любовников даже был Шишон. Но мимолетные связи были тайной девушки, а ее объекты тренировок неизменно молчали. Одни потому, что имели женщин, как Алик, другие потому что безмолвие было главным условием повторения приключений. Это в археологической экспедиции всем было дело до личной жизни каждого, после переноса подобные забавы оказались далеко не на переднем плане и второстепенными новостями. Кто с кем? Да какая разница, если завтра рано вставать и идти на изнуряющие работы.

Кто она сейчас? Понятно, что походная девица для похоти князя. Лида не обольщалась и пока даже не примеряла образ княгини. Психологически девушка была даже готова к

некоторому унижению, которое и последовало, когда огромная по местным меркам армия встала на ночёвку перед решительным рывком к Любечу.

Олег потребовал Лиду к себе, при том, что вокруг костра собралось немало близких к князю воинов.

— Мя супружня! — провозгласил Олег, и воины разразились чем-то похожим на улюлюканье.

Лида знала, что слово «супружня» не означает провозглашение ее женой, это что-то вроде по мягкому варианту «моя походная жена», ну а немягкому Олег провозгласил девушку перед своими воинами его шлюхой, правда только ее, ни какую-то другую девицу, но ведь шлюхой.

Лида не повела и бровью на такое определение своего статуса, она уже звериным чутьем чуяла, что этот сильный мужчина поддается на ее чары. Видела, какое удовольствие он получает от ее ласк, как он на них податлив, как откровенен с ней. Уже тогда, после первой их ночи в городе, который в один момент приобрел имя Славград, Лиде удалось смягчить Олега и даже уговорить того оставить корабли разбитых варягов и продать еще коней горожанам. Это была ее победа.

Но после побед часто на эйфории случаются поражения, как это было и в первый вечер вне общины, вне защиты Посталовского. Князь указал ей возлечь с ним прямо на глазах ближних воинов. Это было сказано Олегом без тени смущения, как необходимое мероприятие. Пусть, мол, позавидуют мои воины, какая у меня есть игрушка, и как я с ней расправляюсь. И она легла. Показательно спокойно улеглась на траву, чуть приподняла подол платья и расставила руки.

Олег не ожидал таких действий девушки, вероятно, он рассчитывал, что Лида покажет все свои умения, что продемонстрировала в городе, но его «супружня» не отказала «супружняться», но и не стала той, о которой весь день думал князь, все ожидая вечера для близкого общения. Неловкие, неуверенные движения Олега, недоумение в глазах чаще всего безэмоционального человека, но князь не отступил... Под улюлюканье своих воевод и приглашенных к главному костру дружины сотников, Олег сделал то, что должен.

Князь тоже был заложником традиций и дружинного братства и не мог отступить, как не мог он пока и взять в жены Лиду. Пусть и была у Олега жена в Новгороде, но бездетная, он мог взять еще одну и объявить своей. Но что это за женитьба? Кто такая Лида? Нет за ней важных людей, которые помогут делу жизни Олега — создание своего государства. Только строящийся городок, пусть и еще до конца не осознанными чудесами, это не поддержка в делах.

— Я стану значимой, я приеду в Славгород в сопровождении сотен воинов и погощу там несколько дней, чтобы встречали с хлебом-солью, чтобы Посталовский поклонился, а Кручинина прислуживала мне за столом, — говорила сама себе Лида, после того, как встала с травы и гордо, даже надменно, рассмотрев всех присутствующих при ее позоре, ушла на корабль.

Она не плакала, она сильная, но вот только слезы сами текли по щеке. Хотя начинал накрапывать дождь и скорее всего это он причина появившейся на щеках влаге.

* **

— Эй, Солдат, открывай свой дворец, — в дверь настойчиво стучали.

— Да, что-то мы и вправду загулялись. Почти сутки из дома не выходим, — сказал Игорь и стал одеваться на выход.

— А что нам графьям? — сказала Света и призывно потянулась, демонстрируя свое идеальное соблазнительное тело.

— Не надо, пожалуйста, не устою и еще останусь на часок. Мы лучше в обед сходим гольшом покупаемся и еще пошалим, — сказал Игорь и накинул простынь на обнаженную жену.

— Иди, шалун, да и мне пора уже. Сегодня тренировка, да и проверить тех вояк, что нам достались от князя на меткость и ловкость требуется. Амазонки наши уже наверняка опускают самоуверенных самцов, возомнивших себя лучниками, — Света еще раз вытянулась, встала и открыла шкаф, выбирая трусы, которых в экспедицию набрала нелогично много. Зато сейчас у нее проблем нет, как у некоторых девчонок, что уже шьются.

— Ну, кто что скажет? — начал расширенный Совет Игорь.

— Могло было быть и все намного хуже, — первым решил выразить свое мнение Рыгор. — Только побитые морды, ну и пару ребер сломанных. Так, нормально после танцев в клубе.

— Не скажи, в клубе так не мутузят, — отозвался Шишон, также вошедший в Совет, показывая себя неплохо в последних событиях.

— А теперь давайте по делу, — прервал Солдат начинающееся словоблудие на тему «как я провел лето». — Нужно серьезнее. У нас есть чужеродный элемент, их нужно и разместить и приучить к нашим порядкам и много чего. Нелегко было обжиться с извергами, но получилось. Прости, Горыня твоя община была чужда нам, но на сей день, родом стали.

Горыня встал и поклонился.

— Тут я должен высказаться, — подал голос чаще молчащий Артур. — Тем более, что мне, инвалиду и остается, пока вы все бегаете да морды бьете, наблюдать. Тут нет Михаила, а зря, он, как эксперт мог бы поправить меня. Но есть Алексей, думаю, и он справится. Так вот, нам от князя достались в подарок кривичи, все с характерными височными кольцами. Есть среди них двое со странными украшениями в виде кругляшек с зерном.

— Зернистые височные кольца — это характерный признак дреговичей. Причем они так же недалеко от нас должны жить может в пятидесяти-семидесяти километрах, — встрял Алексей.

— Так дреговичи же не воинственные, сидят на своих полесских болотах-дрыгвах и мало с кем общаются, — проявил свои знания и Солдат.

— Ну, во-первых в этом мире полностью миролюбивым быть просто не возможно и болотники-дреговичи свои ополчения иметь должны, во-вторых западный путь в варяги, что через Полоцк, Витебск, Усвяты, идет частью и через их земли, а речной путь в Европу, точно через них. Так что мог кто-то прибиться к формирующимся варяжским ватагам, — продолжил лекцию Алексей.

— Это не столь важно. Они есть и нам приходится с этим считаться. Уже хорошо, что не скандинавы какие, а славяне, большей частью кривичи. Их предводитель показался мне вполне адекватным молодым, но ранним, — модерировал совещание Солдат.

— Как и многие тут, как и ты, — вставил свою реплику Большой, с лицом «китайского пчеловода» — опухшим с узкими глазами от немерено выпитого вчера.

— Я продолжу, — Артур обвел всех взглядом. — Волькомир и еще сорок шесть человек отправились вверх по течению. Я смог узнать, куда они уехали, подослав к пока не идущим

на контакт бойцам одну женщину из извергов. Так, сотник с частью воинов отправились в Смоленск, где ими были оставлены жены и некоторое имущество.

— Может и не будут нахлебниками, привезут чего ценного, — подал голос Рыгор.

— Предположительно привезут два десятка женщин, с десятков детей, из имущества может быть не больше пяти коней, и максимум козы, — Артур поражал своей сверхспособностью добывать и анализировать ситуацию. — Так что будут они на нашей шее, но частично. Из тех, кто остался утром группами пошли в лес, на охоту, оставив только десятков самых молодых в лагере. В город пока не заходят.

— Хороший знак. Если добудут чего нужного, то есть шанс пополнить наши чуть похудевшие запасы, но могут же истребить наших бобров, или туров, мы это добро оставляли на размножение, — резюмировал Игорь. Ударив ладонью по столу, глава продолжил. — Я сам с ними поговорю. Из того общения с князем я понял, что эти бойцы вполне дисциплинированы, по крайней мере мне представляли троих из сотни и те перед Олегом приносили присягу. Правда это было по такой жуткой пьяни, но, думаю, это в норме существующих понятий.

— Пред князем речяху слово, яко пред богом, к Перуну хвалу возводили? — спросил Горыня.

— Да, что-то говорили, не особо помню. Думал, что спокойно перепью всю эту братию, да и пил не так, чтобы... но, куда там... — сокрушенно сказал Игорь, вызвав понятливые улыбки собравшихся.

— Ну, буде, работать нужно, лето, дождики пошли, должны грибы появится, ягоды созревают. Яблоки, что с нами перенеслись, созрели, виноград в огородах, вишня, — обработка нужна, — направил Совет в вектор хозяйствования Рыгор.

— Закончить строительство стены и пандусов к ней, начать строительство еще одних ворот, строить дома, мастерить печки-буржуйки, да всего и много, — продолжил перечисление Игорь. — Но сейчас Совет больше стратегический, после завтрака собирайте совещание по хозяйству с привлечением Катерины, бабы Клавы, Ольги, Веры, тебя Рыгор, Зайца пригласите. Еще Бойко и Врана: по охоте поговорить. Да и вообще плохая мука у нас получается из ржи, нужно нормальную мельницу мыслить и срочно, кот Васька со своими подругами кошками не справляется с грызунами на складе.

— А еще скажи своему Рексу и Фреке, чтобы волчью стаю отвели от города, бабы и детишки не могут в лес идти, да и работники перестали бревна на строительство носить, — высказался Рог.

Действительно волчица с Рексом став вожаками стаи периодически приводят ее к городу. Волков там не много, с десятков, да и не нападают они на горожан, возможно, и пришли, почуяв напряжение последних дней на защиту. Но это Солдат не чувствовал в этих животных угрозы, а остальные, особенно бывшие студенты панически боялись. Так что нужно было что-то делать. И Игорь, как это не безумно не звучит, решил наладить контакт с хищниками, пойдя к стае в сопровождении волчицы и Рекса. Да, в этом путешествии в прошлое многое, если не все было безумным.

— Попробую проблему решить, — Игорь сделал паузу и выпил кваса, настоянного на ржи. — Итак, стратегически планируем... Князь предупредил, да и соседи говорили, что хазары по осени, как урожай уже собраны, частенько бывают тут.

— В то лето были, мы береглись в лесе, — сказал Горыня.

— По мнению князя, хазары для таких нужд вряд ли привлекают больше пяти сотен

воинов, чаще меньше. Им могут помогать радимичи или древяне, первые сюда прийти должны, так как варяги жгли поселения радимичей, ну а мы можем ассоциироваться у иудеев-грабителей с варягами. Тем более, что такой лакомый кусочек, как Славград могут захотеть откусить и радимичи. Так что еще смотрите, придется нам гомельчанам биться с предками с Гомля.

— Слушай, граф, а почему это ты, такой сиятельный решил выбрать свой вариант названия города, — возмутился Большой, который на Совете чуть ли не храпел, но дремал точно. — Хитро, ничего не скажешь, назвать город Славградом перед князем, чтобы уже точно не изменить название.

— Ну, так я же граф. И если мне не изменяет память, то твой вариант названия этого замечательного города был «Мухосранск». Seriously? Ты хотел жить в Мухосранске? — сказал Игорь.

— Так, товарищ Большой сегодня с бодунца сурового, а годы уже не те, да и жены обрадовали... — начал было говорить Рог, но посмотрел на своего друга и, дождавшись разрешения от Большого продолжать, Рогов поведал. — Обе его жены беременны, причем утверждают, что произошло это в один день. А Ведана сказывала, что возможно и двойня.

— Можем! — отреагировал Большой, но в его голосе прозвучали нотки обреченности. — Граф, может поход какой нужно организовать, на год, а лучше на два. А давай Царьград возьмем, там, я читал, в цирке всякие извращения показывают, на стриптиз насмотримся. Мне «во» как нужно в поход на пару лет уйти.

Большой приложил ладонь к горлу.

— Ты уже насмотрелся, вон скоро жены родят от таких смотрин, — сказал Рыгор, и все рассмеялись.

— Все, харэ ржать, кони! — отсмеявшись, Игорь взял себя в руки и призывал к тому же остальных. — А по поводу похода... Думаю я, что после важнейшей встречи с князем, можно небольшое путешествие и организовать. Все жалились, что соли у нас хоть и много, на вяления и засолку рыбы уже жалко ее тратить, что приходится выбирать между солением овощей или мяса. Так давайте соли наберем. Рыгор ты же говорил еще недели две назад, что смог бы навести на соль, что возле Мозыря по Припяти имеется, работал там и сможешь найти соляные выходы.

— Думаю, что смогу. Выходов там нет, но есть места, где соль залегают не сильно глубоко, — ответил Рыгор.

— Я в Киев на ракете ездил за колбасой, так Припять впадает в Днепр намного южнее, за Любечем, могут быть проблемы с тем городом, — высказался Шишон.

— Предложения по решению проблемы соли? Да так, чтобы пару тонн сразу, но не покупать, иначе только на своих соленьях и жить будем, все остальное продавая для жратвы, — задал задачу Игорь, на которую ни у кого не нашлось ответа.

Началось обсуждение плана в черне. Предположили, что большую половину приставленной князем сотни, использовать в мероприятии. Да так постараться, чтобы убрать из сотни холостых, молодых да энергичных, чтобы женщин временно обезопасить. Да и в походе можно будет по-простому пообщаться, сблизиться. Ну, и обязательное участие со стороны горожан. Можно собрать три ладьи и даже попытаться наладить торг с Любечем, который вроде как самый близкий к нам город.

— Вообще нестыковка тут, в Любече археологи не наши пластов девятого века, только середины десятого. Да и это один из родоплеменных центров северян, а те, ну пока Олег не

пришел, платили дань хазарам, — «включил» преподавателя Алексей.

— Сам себе противоречишь, Любеча нет, но Олег туда идет. Значит, он есть, может и будет завоеван, тогда и торговать не с кем будет, пройдем мимо, да и все, — включился в исторические дебаты Игорь.

— У извергов Рыси, соседей, мае быти люди от Любечи, северския, — прояснил ситуацию Горыня.

— Вот и узнать у них всю информацию и решать, но соль нужна. А я знаю три больших залежей этого первостепенного ресурса в радиусе тысячи километров — Мозырь, Галич, Бахмут. Последний в Диком поле и сложно добраться, Галич сильно на западе и хз где там искать эту соль, так что остаётся Мозырь, которого еще нет, но есть древляне, дреговичи. Так что планируем хорошо и снабжаем город стратегическим продуктом, — подвел итог Игорь.

Сам же граф подумал, что хазары в этом году разъяренные будут, сильно их пододвигает Олег. Северян отваживает, радимичей пощипал, нужно готовится к осаде и серьезному противостоянию. И почему летописи молчат о карательных экспедициях конных иудеев-работоторговцев? Или именно за эти экспедиции Вещий Олег и шел «отомстить неразумным хазарам».

* **

Между тем, вести о действиях князя Олега опередили все сборы сведений о древнерусском городе Любечь от соседей. Оттуда вверх по течению шли немногочисленные вырвавшиеся из города беженцы на лодках-однодерёвках, которые греки называли моноксилами. Восемь таких лодок прошли мимо города в ночи и вызвали тревогу в Славграде. Но, вопреки ожиданиям, они прошли мимо, явно ускорив работу гребцов.

«Не хотят к нам и не надо, хотя люди еще нужны, заселять сельские общины вокруг города нужно» — подумал тогда Игорь и с удовольствием, усилив только дозоры, полез под одеяло к любимой женушке.

Через три дня соседи горожан обнаружили во время охоты четыре семьи беженцев и даже попытались их продать Славграду. Это потом выяснилось, что приобретение хорошее и даже можно было и потратиться, а тогда Игорь пригрозил заморозить контакты на месяц из-за хитрозадости соседней общины. Вообще, Солдат видел, что изверги Рыси становятся каким-то паразитом на теле Славграда. Да, помощь, выгодная торговля продуктами от охоты и реже собирательства, те же работники, даже уже с десятков смешанных семей в городе обживаются, но люди на болоте занялись перепродажей орудий труда, полученных из мастерских города, как и особенной еды другим общинам, зарабатывая на посредничестве неплохие барыши.

Благо, что одним из клиентов Рыси был живущий дальше к юго-востоку северянский род и там решили разузнать откуда у ранее захудалых извергов с болот есть то, что не в состоянии создать они. Тогда старейшина рода прислал своих людей для торговли. Получалось, как говорили экономисты «диверсифицировать» экономику и закупить мясо, икру и даже льняные ткани у других поставщиков. Засуетился тогда Рысь, считая себя уже монополистом в торговле с богатыми, но глуповатыми горожанами, начал цену сбивать, да охотнее отправлять своих общинников на заработки в город, что и нужно было.

Любечь же был взят Олегом на щит после кровавого боя. Горожане закрыли ворота или

«что там» у них было, спрятались за частоколом и послали вестников в другие роды и города племени с просьбой о помощи. И даже кто-то отозвался на зов, но все разрозненные отряды по прибытию получали грандиозный отлуп от князя, пополняя число рабов. Конечно, слава и честь доблестным северянам, решившимся воевать с несоизмеримо мощным противником, но глупо... Если нет возможности собрать все силы в кулак и ударить, то всегда можно было договориться, как это сделали некоторые представители их же элиты, что после взятия города Олегом, смогли остановить сбор северянского ополчения для войны и умаслить князя отступными.

Люди же бежали от разорения и огня, что принес князь. И многие, а северян было немало, не найдя поддержки у своих же соплеменников, уходили на относительно необжитые места, чтобы основать свои общины извергов.

Эти события стали откровением для фанатов истории Михаила и Алексея, Многое не написал летописец, не хотел, видимо, киевский монах, писавший под пристальным взглядом князей Владимира и Ярослава, порочить память славных предков правящей династии.

Но с другой стороны, мог ли князь Олег пройти мимо города, который стоит на берегу Днепра и способен контролировать часть торгового пути, будучи данниками хазар? Не мог, это политика, жестокая, средневековая, но вместе с тем открытая и предельно прагматичная.

* **

— Ну, и зачем нам в городе такое количество людей? — спорил Игорь с «женской партией» из бабы Клавы, Катерины, Веры и поддерживаемой их «графиней».

Выбрала Света время для встречи с женским хором выгодно, когда рано утром, выспавшийся, но получивший вместе с сытным завтраком еще и порцию любви и нежности супруги, Игорь пребывал в удовлетворенном состоянии. Да, Солдат ощутил прилив сил и жажду действий, мысленно позавидовав самому себе, что у него очень даже не плохой тыл. Света оказалась не белоручкой и уже вполне сносно готовит некоторые блюда, беря уроки кулинарии у Катерины. Сиятельствам была выделена изрядная доля кофе (три банки индийского растворимого, что было половиной от всех запасов), чая, хороший дом для пока еще только двоих. Чем не жизнь? Но эта нега и довольствование своей жизнью нарушил приход женского актива.

— Игорь, зайчик, — Света попробовала ластиться к мужу.

— Не надо, — строго ответил ей глава города и аккуратно, но безапелляционно отодвинул девушку.

— Да, Солдатик, ты прав, но не по христиански сие, — вставила свои «три копейки» в разговор баба Клава.

— И это мне говорит христианка, которая участвует в ритуалах на капище, — парировал воззвание к христианской морали Игорь.

— Так христиан-то токмо пять человек, а язычников уйма, — привела, по мнению Игоря, не совсем убедительный аргумент баба Клава.

— Да и ваша, Клавдия Ильинична, подруга Видана, також язычница, вот и обогащаетесь от нее смесью суеверий и религиозных предрассудков, да отца Андрея с ума сводите. И был уже разговор по религии, сам спину гнул Перуну, чтобы не быть белой вороной, но принять всех не вмочно, — сказал строго Игорь.

Еще вчера под стенами города появилась группа из двадцати трех человек с детишками,

в основном женщины и подростки, только с двумя мужиками, да и те были уже в годах. Пусть эти люди и прибыли на весьма неплохом кораблике, который сильно в размерах уступал драккару, но был не однодеревкой и даже с парусом, пусть у них были по местным меркам неплохие одежды, но Славгород не резиновый. Было бы больше мужиков среди прибывших, так можно было основать для них поселение и пусть занимались там земледелием, в городе предполагалось собрать много посевного материала, но кто там работники — мальчишки десяти лет? Или женщины, которые, судя по виду, не были ни разу землепашцами?

— Ну, найди ты бабам тем мужиков, в чем проблема? — не унималась баба Клава.

— Кого? Там две молодницы то и есть, остальные уже явно под сорок или старше, да все с детьми по два, три, — отбивался от нападков Солдат.

— Игорь, все же складывается. Вот смотри... Двух девиц можно отдать за парней из общины Рыси, каких смышленных детишек отрядить в школу, учим же уже помаленьку детишек грамоте. Да и Рыгор с Зайцем у нас неприкаянные, пусть берут себе баб, да обихаживают, — привела свои доводы Катерина.

Игорь задумался. В принципе, очень даже разумно было бы создать удаленную рыболовную артель в шести километрах вверх по течению. Место там было облюбовано и опробовано ранее, действительно хорошее, да и с общиной, что уже как пару недель обосновывается на постоянной основе на месте старого селища извергов Горыни, будет рядом. Таким образом решаются частично и вопросы безопасности, где на горынинском поселении полтора десятка молодых парней, частью пришедшие из общины Рыси и женатые на горожанках, частью из некогда купленных рабов и рабынь, да пару парней-студентов.

Получалось тогда отличная конфигурация, где горыниское поселение во главе с многоопытным Враном, или самим Горыней, который уже намекал на желание возродить старое поселение, занимается охотой, собирательством, огородничеством, да десяток ульев поставит, а рядом промысловая добыча рыбы. При том, в месте, где можно поселить новую общину есть не только река, но и многочисленные ручьи и пару заливов. Рыбы должно быть очень много и не нужно истощать водные угодья возле города. Да и лебедей оттуда уже пробовали, уток, опять же много. Был и ещё один момент — скорость течения одного из притоков. Установка водяных мельниц или пилорамы лучше всего вероятно на этом притоке у будущего поселения. Так что Рыбацкое может стать не только центром рыбной ловли, но и промышленным.

— Добро, бабоньки, на вас уговорить Рыгора помочь, но постоянно жить там пока у него не получится. Уговорить и этих пришлых людей, да расспросить, а то одежда не самая дешевая на них, потом, Катерина оставляет Веру на хозяйстве, берет мужиков сколько надо, да пилы с топорами и везет их срубы хоть какие делать, да заказ на новые буржуйки. Клавдия Ильинична принимает экзамен у новых поселенцев по санитарии и гигиене, Ольга осматривает детей и взрослых на предмет болезней, Карп осуществляет временно безопасность. Рыгор отвечает за взаимодействие с горынинскими общинниками, — накидал поручений Солдат.

— Но... — попыталась было возразить Катерина.

— Что, но?.. Как говориться — инициатива «того-сего» инициатора. Хотите быть все такие правильные и пушистые, будьте, но придется поработать, — парировал любые попытки возражать Игорь и демонстративно сел за стол, где стояла чашка остывшего кофе. Аудиенция у графа закончилась.

— Охрентеть не встать! — восхитилась Света, когда просительницы из женского актива в озабоченности вышли из дома.

— Что-то ты часто стала ругаться, а с виду такая приличная девушка, — усмехнулся Игорь.

— Это так, от восхищения, — Света присела на колени к мужу и обняла его. — Вот смотри! Они пришли, подговорив меня, чтобы ты просто принял заблудших женщин с детишками и накормил сырых да убогих. В итоге — новое важное и нужное поселение с рыбным промыслом появляется. Они же служат сигнализацией в случае появления чужаков на реке. И что еще важнее, ты при этом ничего не делаешь, все перепоручил. И ведь и доброе дело, вроде как, и польза для всех. Молодец, не зря я влюбилась в тебя.

— Две проблемы только — уговорить Рыгора и соль, нужно очень много соли, чтобы перерабатывать большое количество мяса и рыбы, — сказал задумчиво Игорь и приподнял подол легкомысленного сарафана жены.

— Все решится. Ну, а в остальном, граф, я не против и поблагодарить Вас за мудрые решения, — сказала Света и быстрым движением избавилась от одежды, представ перед парнем изумительно притягательной и желанной.

* **

Лида уже видела, как меняется ее положение в этом уже не столь чуждом обществе сильных и грубых мужчин. Она смогла переломить ситуацию. Пусть не сразу, пусть и была унижена, но смогла. Девушка чувствовала, что Олег начинает прикипать к ней. Так, после жестокого взятия Любеча и небольшого похода по окрестностям этого славянского города племени северян, князь не возжелал иную женщину, а поспешил уединиться именно с Лидой. Олег уже понял, что те плотские наслаждения, что способна дать странная молодая женщина из еще более странного Славграда, она дает только наедине и столько, насколько он ей уделяет внимания.

Князь не мог позволить себе быть рядом с Лидой, тем более, чтобы она говорила с ним о делах, или, не дай боги, советовала. Поэтому он всегда вел себя подчеркнуто строго и безразлично. Но наедине, этот жестокий мужчина, с мощным тренированным телом в многочисленных татуировках, становился мягким и иногда даже угодливым. Это были неуклюжие ухаживания, не привыкшего к проявлению своих эмоций, правителя. Даже первый подарок, который получила Лида — одна, золотая, коряво выделанная, сережка, был преподнесен небрежно. Олег просто бросил ей под ноги массивную сережку после очередного страстного акта любви. Девушка, не чинясь, подняла подарок и низко поклонилась.

Через две недели после ухода из Славгорода, Лида даже впервые прочувствовала, что значит быть женщиной власть имущего мужчины, пусть даже и не женой. К ней, к которой в первый день относились пренебрежительно, пришли два воеводы князя и просили Лиду повлиять на Олега не идти самому на пристань Киева, не подвергать опасности ни себя, ни княжича.

Тогда Лида растерялась, она очень хотела помочь воеводам, упрочив таким образом свой статус в глазах этих сподвижников Олега. Однако, не сделала этого, и такое решение так же стало правильным, пусть и не осознанным поступком. Князь знал о разговоре своих воевод с Лидой и ждал, что та попытается влиять на княжеские решения. Олег даже хотел,

чтобы та, с которой ему очень хорошо, оступилась, сделала ошибку и тогда дева познает гнев княжеский. Но... Лида, подарив снова очередную «дозу наркотика любви», только говорила приятные и ласковые слова. На вопрос же, что она думает о плане захвата Киева, и знает ли о нем, девушка спокойно ответила:

— Твои вои шумны в речах своих. Так, ведаю я, по правде глаголишь, князь. Не роду Дир и Аскольд княжего, токмо ты и Игорь, князи и каганы Киева, — ответила тогда Лида.

Олег задумался о словах девушки, ему льстило, что она сравнила шурина Рюрика с хазарским каганом, которому варяги некогда и сами клялись в подданстве. Да и то, что Лида с полной уверенностью называет Олега княжьего рода, так же было важным. Он-то всего-то дядька для Игоря, мать которого была сестрой Олега. Князь понимал, что его власть держится на силе, но не на законе. И тут Лида говорит о «правде» — законе. Так может изменить эту правду, не сейчас, а когда заставит все племена вокруг дать платить и даст бой хазарам?

Возле Киева основное войско Олега остановилось и вперед вышли четыре ладьи. Неприметные, без резных морд дракона, полные какими-то грузами и ящиками. Вот только одетые в богатые одежды люди на этих кораблях были сплошь поджарые и с воинственными лицами, противоречащими тем образам торговцев, что они отыгрывали. Эти ладьи и пошли вперед с большим отрывом от других. Уже у города часть воинов Олега сошли на берег, намереваясь притаиться у Киева, и при необходимости взять город в осаду, если хитрость не сработает. Другие же корабли, числом два десятка шли следом за пятью ладьями, отставая и захватывая все суденышки, что попадались по дороге, чтобы как можно меньше сведений попало в город. Были и те из воинов, кто уже проник в Киев и уже два дня ведет себя как купцы или отряды варягов, которые ищут выгодный контракт для найма.

Олег, одетый, как торговец, талантливо играя немощного, опираясь на палку и постоянно крехтя, подошел к носовой части ладьи, когда та швартовалась у одного из причалов. Незамедлительно к новым кораблям, в сопровождении десятка воинов, подошел служба-мытник, требовав налог, для чего тому было необходимо знать о количестве товара, как и его ассортименте.

— Время течет, а люди не меняются, — очень тихо проговорила Лида, когда увидела, как Олег, еще более усердно отыгрывая щедрого торговца, дает пять дирхем и стеклянную бусину таможеннику.

— Гостье есмы, идем в Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придета Аскольд и Дир к роду своему, к нам. Хвор я, невмочно ийти, — громко провозгласил Олег и дал еще пять серебряшек таможеннику.

Потом из ладьи, на которой и произносил свои слова Олег, что после могут попасть и на страницы летописей, выкатили две больших бочек с медом и одну с пивом. Олег предложил всем людям на пристани угоститься хмельным напитком в ожидании Дира и Аскольда. Между тем, среди публики у реки были и люди князя, которые подогревали интерес к происходящему, обвиняя нынешних хозяев Киева, что те не чтут свой род, не спешат к родичу, который такой щедрый и может быть еще щедрее. Подымался гвалт и все чаще слышались недовольные крики в отношении киевских правителей, что те игнорируют таких замечательных родичей, и все более радостные, когда с ладьи выкатывали очередную бочку с хмельным.

Проигнорировать шум, как будто у реки идет бой, Аскольд не мог и был бы уже на пристани, но Дир, будучи сильно набожным, молился в церкви вместе с епископом

Лаврентием, присланным недавно патриархом Константинопольским Фотием. Аскольд так же крестился, но не был сильно уж ретивым в новой вере, как и воины его дружины, совершившие обряд крещения, прежде всего, чтобы удачно торговать с греками, ну и за те дары, что постоянно присылал патриарх. Фотий уже считал, что языческий Киев под божьим благословением и под волей императора и Фотия, как его верноподданнического наставника.

Дир же не столько молился, а больше торговался с отцом Антонием, сколько вина, масла и тканей пришлет патриарх в следующий раз, как к нему подбежал Блудка — десятник из дружины, который уже давно был в роли толи порученца, толи денщика или адъютанта.

— Яко смел ты, zde, у церкви базланить, — обвинил Дир своего посыльного, что тот осмелился кричать в церкви.

— Гости глаголят, князь, тя, бают родичи твои, — поведал в подобострастном поклоне Блудка о том, что Дира требуют купцы.

— Беремя сие градом правити, — пожаловался Дир стоящему в безмолвии отцу Антонию на бремя правления Киевом.

Когда уже быстрым шагом Дир направлялся к воротам, ведущим из города к пристани, увидел Аскольда. Соправитель, а некогда подельник и соратник в предательстве заветов и указаний Рюрика, был озабочен. Лицо Аскольда выглядело уставшим и тревожным.

— Яко с буйвы придыха, — отреагировал Дир на угрюмость соправителя, смыслом «краше в гроб кладут».

— Тати главтуютъ шляхи у Києва, дружина ушла изловити. У Києве ратных велми мало, — сказал Аскольд, больше занимающийся военным делом, чем его соправитель.

Один из бывших доверенных лиц Рюрика сообщил своему товарищу, что на дорогах у Києва появились разбойники, и Аскольду пришлось отравить большую часть дружины, чтобы изловить банды и наказать. Дело это было вполне в рамках событий вокруг большого города. После неудачного похода на Византию, Аскольд и Дир как будто заперлись за городскими стенами и только и делали, что собирали таможенные сборы, да удачно торговали, частью откупаясь от хазар, а частью находясь под защитой эллинов, с которыми каганат ходил в союзниках против арабов.

— Вкускую томишься, — ответил Дир, что Аскольд зря волнуется.

В сопровождении небольшой группы из двух десятков телохранителей, правители Києва вышли на пристань, ориентируясь на выкрики толпы. Народу было много, халявная выпивка делала чудеса и могла собрать чуть ли не половину города в одном месте, вторая же половина придет просто из-за любопытства. Вот и на пристани, пусть не весь город, ремесленникам, строителям было чем заняться, но большая часть его собралась.

Дир и Аскольд даже не заметили, как вокруг них толпа людей становилась все плотнее и плотнее, причем те, кто еще только что кричал, вдруг становились суровыми и не многословными. Вот уже и окружены самозванные правители Києва-града, а с невзрачной ладьи, держа ребенка в руках, спрыгивает молодой, сильный мужчина, явно не болезненного вида, а напротив, здоровее и Дира и Аскольда, которые все меньше внимания уделяли тренировкам.

На то, чтобы убить телохранителей самозванных правителей града Кия понадобилось времени не больше минуты. Лучшие лучники, что прятались в княжьей ладье за ящиками и под материей не могли оставить и шанса на сопротивление, тем более, что ратники из других ладей уже выскакивали на ставший таким узким причал.

Только сейчас, когда Дир и его соправитель были окружены, Аскольд узнал в торговце Олега, шурина их конуга Рюрика, но было уже поздно.

— Вы неста княжа, — грозно прокричал Олег, поднимая на вытянутые руки княжича Игоря. — Ни роду княжа, но аз есмь роду княжа и се сын Рюриков.

Сразу после этих слов не менее пяти ножей пронзили изнеженную плоть некогда грозных воинов, первых крестителей не Руси, но своей дружины, торговцев и авантюристов Дира и Аскольда. И, если первый соправитель, упал и не подавал признаков жизни, то Аскольд попытался сделать шаг в сторону Олега и Игоря, все еще находящегося на руках князя. В последний момент бывший варяг хотел выдернуть из ножен свой меч и даже не для того, что бы убить Олега, а чтобы иметь возможность попасть в валгаллу на пир Одина. Но не вышло у крещенного Аскольда извлечь оружие: стрела опытного лучника из племени веси впиалась прямо между глаз бывшего соправителя Киева.

В то же время последний десятник из ближней дружины, раненный в ногу, отбивался от трех варягов, которые теснили храброго воина. Спротивляться уже не было смысла, вся дружина полегла, попав в грамотную засаду, но когда у славных воинов Руси был выше вопросов чести здравый смысл?..

Лида стояла на помосте, который был проложен от княжьей ладьи к пристани, и с горделивым видом истинной княгини наблюдала за всеми событиями, не вмешиваясь, но и не прячась от потенциальной опасности. Олег сам разрешил ей быть рядом, но девушка не лезла вперед, она не спешила оглашать на весь окольный город Киева о том, что готова стать княгиней. Пусть вначале князь смирится с такой ролью девушки.

— Идем в детинец, Лада мя, — проговорил Олег, повернувшись в пол-оборота и отыскав глазами Лиду.

«Лада» — так он меня называл только в моменты страсти» — подумала попаданка из будущего и, опустив немного глаза в пол, в знак смирения и покорности, последовала за своим князем.

Организованный отряд более, чем из трех сотен ратных, большей частью уже сменивших купеческое одеяние на брони, обступил четырех человек и двинулся в сторону детинца, следом бурлящим потоком шла толпа киевлян. Четыре человека — это сам Олег, его ближний воевода и иногда дядька для княжича, Хвост, Лида и княжич Игорь, которого девушка даже недолго пронесла, пока дядька-воспитатель сына Рюрика не забрал трехлетнего мальчугана в свои сильные словенские руки.

Подходили к Киеву грозные драккары, ладьи, от которых нескончаемыми ручейками стекались к городу грозные воины, пугая своим присутствием горожан и гостей города. Уже были посланы отряды для захвата и охраны складов с зерном и иным богатством, под охрану же брались и все важные места в городе, в том числе и миссия от патриарха Фотия. Олег хотел избежать большой крови и разрушений в своем городе. Проводился тщательный контроль на реке, корабли отпускались, но только, когда проходили досмотр, всем суднам предписывалось узнать волю князя на свое отбытие.

А к вечеру в детинце были собраны наиболее знатные люди Киева, его купцы, важные ремесленники, два руководителя отрядов наемников, эллинские купцы, представители от иудейской хазарской общины, которая тут так же была. Жрецы главного капища Киева.

Олег с ними говорил, обещал, что притеснений не будет, что станет защитником города, побои учинять горожанам не станет, но всячески хочет торговли. А закончил свою речь на этом импровизированном вече, которое князь назвал тингом, сакраментальными словами:

— Киев есть мать градов русских.

А после был пир, не менее бессмысленный и беспощадный, чем это было в Славграде. Олегу наливали, подводили разных девиц, но он только потребовал усадить по левую руку от себя Лиду, с которой скоро и пошел в бывшие палаты Диры, наказав войнам вести себя достойно. Польщенная же таким вниманием и общественным признанием Лида ночью показала все, на что была способна в плотских забавах и даже больше.

* **

Вести о том, что Олег взял Киев без особых потрясений и уже принялся устанавливать свои порядки пришли в Славград через месяц, когда уже заканчивали сбор урожая на переброшенных из будущего огородах, и совершались последние приготовления для отправки экспедиции за солью. Поэтому новостью номер один стало именно послание от Лиды.

Бывшая командирша не передавала писем, но передала более важное для города. Это были три козы, две коровы, пять отличных лошадей и мешок соли. Знала Лида потребности города.

— А молодец, хорошо поработала под князем, что такие вот подарки дарит, — взыграли чувства у Светы, которая на третьем месяце беременности, когда еще не сильно, но начинает изменяться внешность.

Каждый маленький прыщик на лице «графини» вызывал у нее раздражение, которое перекидывалось и на окружающих. Как не старалась будущая мама сдерживать свои гормоны, но чаще всего попадало Игорю. Парень стойчески переносил эти издержки беременности, полагая, что он самый близкий для Светы человек и кому, как не ему быть тем самым громоотводом для перестраивающегося организма женщины. Но тут Солдат не сдержался и высказал:

— Дура ты, девка, реально уже много сделала для города, для нас, ничего не требует взамен, а то, что она спит с князем, то для всех польза и для нее в первую очередь, не завидуй, или боишься, что придется кланяться княгине Лиде, да угождать?

Вот вроде бы не так уж и грубо высказался Игорь, не сильно то и оскорбил, но Света заплаканная уже бежала к Катерине, до этого заявив, что уходит из дома и парень может, наконец, как он того и желал, приводить табунами баб на случку, ей, ведите ли, все равно.

Так что сегодня Игоря даже не радовали новости, а они сплошь были хорошими.

Прибыл Рыгор для отправки в поход за солью, и отчитывался о проделанной работе, ну и привез копченой рыбы, что в две телеги не влезли, да все прямо на подбор — от двух до трех килограммов осетра, форель, маринованное мясо раков, сомы и огромные караси. Было и два десятка копчено-вареных уток. И все это только на склады города с обменом на овощи, себе община оставила так же немало.

У Малки и Рыгора, наконец, что-то наметилось, даже вместе приплыли в город. Она месяц игнорировала потуги мужчины. Не пугало женщину, что может остаться с тремя детьми одна, а Рыгор занимал высокое место в иерархии горожан, можно сказать, бароном был. Когда же мужчина проявил внимание к детям и не только Малки, но и остальным, что стали членами рыболовной общины, и построил для них не полуземляную времянку, а добротную избу с большой печью, сердце матери начало таять.

Малке было сложно забыть своего мужа — сотника и практически главного воина в

Любече. Она любила его, пусть он и был жестким с ней и требовательным к детям, пусть редко был с ней, как с женщиной, особенно после рождения третьего ребенка, но это был ее муж. Малка видела, как погиб сотник Бреслав, хотела побежать к нему, но отец, силой увалок ее и внуков на ладью и поспешил вверх по течению Днепра, так как внизу корабли Олега отлавливали всех беженцев, чтобы те не плыли к Киеву и не сообщили в город сведения о князе.

Хорошие результаты есть и на соседнем с Рыбацким поселении, которое уже прижило название Горынич. Там устроили практически промышленную заготовку мяса. Поселенцы проредили табун диких небольших лошадей, взяв при этом пять жеребят, да четырех кабанов и двух лосей добыли. Да и засеянные у поселения поля дадут неплохой урожай.

Горынич стали налаживать контакт с извергами-северцами, что бежали от бесчинств Княжьей дружины. Они решили обосноваться вверх по течению в километрах семи-восьми от поселения, на другом берегу Днепра. Те сами прибыли в Горынич и попробовали торговать. Может, хотели и силой забрать чего, но тренирующиеся бойцы рядом с поселением, да частокол остудили прыть гостей и те предложили обменять оружие на еду. Предлагали три боевых топора, но взамен чуть ли ни телегу рыбы, и еще мяса с зерном. Их и культурно послали, кузнечные мастерские работали в две смены, выдавая огромные количества изделий, как по меркам этого времени, и очень мало, по понятиям попаданцев. Да и по весне планировалось ставить в Рыбацком еще кузню, а в Горыничах лесопилку с водным колесом. Чем могли удивить гости? Но общение началось, а как его сделать взаимовыгодным, можно и позже решать. Между тем немного мяса и рыбы соседям дали.

Еще одной новостью стало долгожданное вливание общины Рыси в агломерацию Славграда. На старейшину надавили его же общинники, которые видели преобразования в городе, что и года не прошло, а жизнь на холмах стала в разы комфортнее, чем на болотах за годы. Тем более, раз в неделю, по субботам, в чертогах и на свежем воздухе под навесом были танцы и разного рода посиделки. Тут и песни пели, и молодежь знакомилась, и мужчины пробовали новые наливки и медовуху. Воскресенье было объявлено условно выходным, поэтому в субботу расслаблялись. И тогда и от болотников и из Горыничей и даже из Рыбацкого приезжали люди, чтобы получить свою долю развлечений. Тем более, что кроме гитары Витька, через раз играл Рыгор, но в остальное время можно было услышать и «Миллион алых рос» и «Молодость моя Белоруссия» — умельцы починили граммофон и даже изыскали к нему два десятка иголок.

Был еще один старый аппарат, в разломанном виде по частям найденный в шкафу «пионерской комнаты» школы. Рог, становившийся все больше министром промышленности и ремесла, обещал тайком починить, чтобы общественность не знала. Игорь думал подарить механический проигрыватель Лиде, если представится возможность, с несколькими пластинками. Вот последнего добра было у всех полно. У Катерины под сто пластинок, в школе, да и у бабы Клавы штук пятнадцать, пусть и репертуар разный.

— Все, Солдатик, подсчитали, сахара не хватит на варенье. Даже банки еще есть, а сахару мало, — прибежала с самой большой, как ей казалось, проблемой Катерина.

— Меда много, — неуверенно сказал Игорь.

— Мед не заменил, — Катерина села на стул у стола, где глава поселения высчитывал количество продуктов и их средний расход для определения устойчивости ситуации с продовольствием. — Много сахара забрал Рыгор на свой самогон.

— И Павел, на свой самогон, — парировал Игорь.

— Ой, да сколько там Паша взял, так на свои нужды, — стушеввалась городской завхоз.

— Ой ли, — усмехнулся Солдат. — Скоро собирать урожай сахарной свеклы, успеем к последним ягодам. А так, варенья и компотов заготовили на две зимы даже с этим количеством людей.

— Да видела я тот сахар, черный какой-то, весь слипшийся комом, — отмахнулась Катерина.

— Ты не строй тут барыню капризную. На пару тысяч километров и такого сахара нет ни у кого, а из свеклы так и вообще нет, — Игорь пододвинул чашку с цикорием женщине и та сделал глоток. — Катерина, когда Светка вернется? Что это за капризы на пустом месте? Да и глупости с хождением на тренировочные площадки к воинам. Она там задницей пытается крутить перед Волькомиром, чтобы я ревновал.

— Мы бабы такие, нас ценить нужно. А солдатики новые нормальные, кто без жены себе аборигенок ищут, боятся наших из будущего, — Катерина рассмеялась. — А тебя так и вовсе побаиваются парни. Я их тайком подкармливаю. То вареница дам, то мяска лишнюю порцию, вот они и увидели во мне мамку. Это же еще дети, им по шестнадцать-двадцать лет, а уже воюют. А ты, зверюга, им устроил мордобой, всех побил. Никто не позарится на Светку. Видел, какую цацу привез из Смоленска Волькомир? О, девка и в теле, и румяная, да и дите у них вот-вот будет.

— Так, когда вернется Светка? — нетерпеливо спросил Игорь.

— А ты подарочек какой подари, да глазки от стыда спрячь, что, мол, осознал всю вину, — Игорь пытался возражать, но женщина подняла руку не дав высказаться парню. — Да что вы молодые то на пустом месте проблемы делаете. Баба брюхатая, у нее внутри ураган, поэтому ты всегда виноват, вот и повинись.

— Ладно, давай про воинов говори, — смирился Игорь.

Столько информации вываливала Катерина, что Игорь в какой-то момент даже подумал ее назначить особистом вместо Артура. Оказывается, Волькомир был десятником и отправился в кривичские роды набрать себе дружину, чтобы поднять статус у князя Олега. Пришел он туда, получил по своей физиономии и был выгнан. Вот только молодежь прознала, что их соплеменник собирает бойцов, и Волькомиру пришлось даже жесткий отбор учинять. И это сотник сам создал пусть и не великолепных индивидуальных бойцов, но слаженное подразделение. Два года понадобилось, что бы создать действительно хорошую сотню. А тут ребятки познали действительно серьезные тренировки — в день по две, да и помощь в работах по строительству.

Катерина знала всех по именам, кому какая девчонка приглянулась, что они сильно переживают от невозможности участвовать в субботних вечерах, что их Волькомир не отпускает, а сам с женой ходит, да и десятники ходят, а парни всегда на дежурстве.

* **

Два драккара были готовы к походу. Восемьдесят бойцов отправлялись за солью.

По сути, это была авантюра, но оправданная. Залегание соли под Мозырем, как помнил Рыгор, самое малое пятнадцать метров. При том, еще нужно попасть в нужное место, да и не нарваться на техническую соль, которую будет сложно очистить. Но, это шанс для города, иначе в следующем году Славград либо разорится на покупке главного консерватора, либо придется сильно уменьшать рацион питания, что скажется и на качестве воинов, да на всем.

Ведь истинна: мы то, что мы едим.

Уходили Большой, Бойко, Бушуй, Степан, Шишон, Костя, Алик, Арнольд и еще ребята — бывшие студенты, а сейчас бойцы славгородской дружины, были пять бойцов из некогда выкупленных рабов. Еще был Волькомир и выбранные им пятьдесят пять воинов, пять парней перешедшие из общины Рыси должны были заниматься готовкой и вообще контролировать припасы. Рвались в поход и девчонки та же Власта и Татьяна, но все лучницы-валькирии были беременны и получили такой категорический отказ, что даже опешили и не стали препираться.

Корабли выглядели величественно и грозно. Развивающиеся большие полотнища флагов с ярко нарисованным солнцем были хорошо различимы издалека. Четыре скоростных многозарядных арбалета по типу китайского чо-ко-ну стояли по два на корме и носу кораблей, два больших арбалета, которые пускали с веревкой и без нее гарпуны и были способны пробивать корабли противника и дальше либо их приближать при помощи ручной лебедки, либо топить. Ну и немного динамита, бутылок с зажигательной смесью. Так что отбиться от трех, может и четырех кораблей противника флот Славграда был способен.

Сами воины были на четверть вооружены новыми клинками из стали по индийской технологии или просто моностальными. Меч стоил, может, не многим меньше, чем сам корабль, но хороших мечей вместе, с саблями по типу русской века шестнадцатого, было двадцать два. Еще была огромная секира Большого, остальные вооружены боевыми топорами и трое что-то вроде алебард, которые только пробуют изготавливать. Было ровно десять лучников и еще готовых к использованию пятнадцать арбалетов колесцовой натяжки тетевы. Треть бойцов были в кольчугах, которые смастерили из мотков проволоки из будущего, другие в бою могли одевать ватники с нашитыми металлическими пластинами. Так что по местным понятиям — богатенькие бойцы.

— Может и я с вами, а то вроде вместе тренируемся, а как в поход, так нельзя? — сделал последнюю попытку Игорь, но нарвался на строгий взгляд Большого.

На всех совещаниях, где исподволь Солдат предлагал свою кандидатуру, пусть и простым ратником, но дать ему отпуск от всей рутины по управлению городом. Но, пусть и глава и граф, но Игорь встречался с жесточайшим непониманием со стороны Совета.

— Не, ты следи за перунятами, — Большой похлопал Игоря по плечу.

— Какие, нахрен, перунята, опять за свое? — осклабился Солдат, но Большой только пожал плечами.

Это на последнем Совете бывший гомельский бандит, а ныне ратник Большой, предложил сделать для детей организации типа октябрят и пионеров. И даже выдал проект с уставом таких организаций, которые назвал перунята, как замену октябрятам и внуки Перуна, как пионеры, сын Перуна — комсомолец. И серьезно пытался защитить свой прожект, не понимая, почему такое важное дело, как патриотическо-военное воспитание молодежи в городе пускают на самотек. Нет, идея не плоха, но Большой зацепился за названия те же «перунята» звучат как анекдот.

— Рыгор, если поймешь, что по времени добраться до соли не получается, быстро возвращайтесь. Не воюйте ни с кем, — давал «ценные указания» Игорь.

— Это хорошо, что ты, парень уже вжился в роль лидера, но мы не трамвайной ручкой деланы. Да с таким вооружением на реке можем и до Царьграда дойти. А соль я найду, ориентиры из валунов, озер и проток хватает, даже с поправкой на тысячу лет, — успокоил Солдата Рыгор и увидел, как спешит к пристани Малка. — Пришла-таки, голуба моя!

Игорь знал, что Рыгор осознавая терзания женщины, дал той время подумать. И, если она придет провожать его в поход, то значит, что готова стать его женой по возвращении с путешествия. Нервничал сорокадвухлетний мужик, но сейчас расцвел, когда увидел бегущую со стороны главных ворот в город, Малку.

Тармач был сыном бека Аарона и родился в Самкерце, что стоит на море, носившем некогда название Таматарха. Отец, как и все влиятельные хазары, был иудеем, как, впрочем, и сам Тармач, но дал своему сыну исконно хазарское имя.

Тармачу не повезло, он был третьим сыном влиятельного в Сакерце бека и не мог претендовать на многое. Он даже не мог осуществить свою мечту и выйти в море на корабле. У его отца, как и вообще у хазар, было мало собственных кораблей, он пользовались больше греческими или русичей, редко собственными, поэтому Тармачу не досталось после смерти отца судна, да и мало чего досталось. Старший брат Васиф по-родственному повел себя, и дал десяток опытных воинов, хороших коней, оружие и арабского серебра, чтобы Тармач смог создать свой отряд и найти себя на огромных просторах каганата.

Прошло уже четыре года, когда пятнадцатилетний Тармач ушел из отцовского дома на север, чтобы собирать дань с диких людей, которые зовут себя по-разному, но все говорят на языке, что зовут словенским, среди них были и иные — угорские племена. Порой сложно было определить где роды веси и мурома, а где вятичи.

Это было выгодным занятием, особенно для охочего на женские прелести молодого парня. Даже когда Тармач был лишь заместителем командира отряда, он первым выбирал себе женщин для утех, так как старший был уже не молод, да и со странностями в выборе себе объектов для утех. Иногда это были совсем уж молоденькие девочки, которых Тармач даже не воспринимал, как женщин.

Это и погубило старика. Год назад по осени, когда по обычаю и устремлялись отряды верных сынов Хазарии к славянским и угорским племенам, чтобы собираться дать после сбора урожая, Старика Булхана убила мать одной изнасилованной девочки, которая также оказалась в числе рабынь, что отряд сопровождал на невольничий рынок в Итиль. Женщина смогла развязать путы и ночью проникнуть в шатер Булхана, где зарезала его, а потом и себя.

И вот Тармач предвкушал свой поход в земли словен, когда только он будет принимать решения и выбирать, кого оставить в рабстве, а кого, попользовав, одарить милостью остаться в своем роде. Да и серебро, и железо, и украшения, как и шкуры пушных зверей, теперь будет распределять именно он. Много придется отдать кагану, но тот, кто собирает дань никогда не останется ни с чем. Тармач ещё не встречал бедного сборщика дани со словен.

Сегодня Тармач, как и вчера и позавчера, занимался тренировками своих воинов и принимал пополнение. Уже две с лишним сотни воинов скопилось под его рукой, и нужно было этот большой отряд привести к покорности и слаженности. Тем более, что среди воинов оказались и аланы, и с десятков армян, и грузины, выходцы из Хорезма, даже словене. И, если аланы были слаженным отрядом и конные, то остальные инородцы пехотинцами и только учились сражаться подразделениями.

Вот и нужно было наладить взаимодействие конных с пехотой, которая стала остро необходимой в противостоянии с некоторыми русичами-бунтовщиками, которые очень мало используют конный бой и чаще разбегаются по лесам после первой атаки. Конные не всегда могут в дремучих лесах изловить разбойников, и приходится держать в отряде и пехоту. Тем более, что было несколько случаев, что приходилось брать приступом огороженные поселения, а катапульты и иные осадные механизмы тащить за собой было невозможным.

Уже после тренировки, где молодой, но горделивый командир чуть до смерти не забил одного из грузинского десятка, что тот, нарушив строй, помешал конным лучникам отстреляться. И теперь командир одного из десятка отрядов, что стояли у реки Воронеж, ожидая осени, отдыхал в своей хижине — не большом круглом сооружении из глины и крышей из камыша и соломы.

— Говори! — примеряя на себе роль командира и даже повелителя, произнес Тармач, когда его отдых прервал прибывший с докладом сотник первой сотни.

— Господин, вести пришли от радимичей и северян. Они говорят, что не станут давать кагану дань, ни черную куницу, ни дев молодых, ни мужей, ни серебра, если тархан, или сам каган не решит их проблем, — сказал сотник и проследил за реакцией командира, тот бывал сильно вспыльчив, мог и нож метнуть в принесшего дурные вести.

Радимичи, как и северяне были зоной ответственности Тармача, вернее старика Булхана, но тот убит, и нельзя было показать свое бессилие в решении проблем, иначе парень так и будет ходить в подчинении, а он сын бека, пусть и третий.

— Дальше говори, не бойся, гнева не будет, буду размышлять, — поморщившись, сказал Тармач.

— По Борисфену от Новгорода пришел конунг Вольга, по дороге взял Смоленск, не кривичи нам дань и так не платили, но он взял и Любеч и Киев, — продолжал сотник доклад.

— То мне известно, каган не станет воевать, пока не станет, Киев. Это важный город, в котором есть и иудейские общины и ромейские. Там место, где можно торговать, и многое сбыть из награбленного, как варягами, так и нами. А ещё ромейский император просит пока не сильно ссориться с русами, ему выгодна торговля с ними. Так что Киев не тронет каган, пока не заручится поддержкой ромейского императора, но тот стар и тоже не станет вмешиваться, — рассуждал вслух Тармач, ему нравилось чувствовать себя политиком, вершителем судеб. Парень был уверен, что мог бы справиться и с должностью визиря.

— Все так, господин, но племя северцев не станут платить нам дань, если Вольга будет по весне ходить к ним в полюдь. А радимичи уже говорят, что дань прежнюю собрать не смогут, так как варяги сожгли много их лесных общин, который и били пушного зверя, — вернулся сотник к докладу.

— Врут, конечно, — Тармач усмехнулся. — Может одно, ну два поселения и сожгли варяги, больше вряд ли, но радимичи решили преувеличить урон и оставить себе часть того, что наше по праву.

— Вы мудры, господин, — польстил своему командиру пожилой воин.

— Я сын бека, иначе быть и не могло, — не заметил скрываемого сарказма Тармач. — Но ты еще что-то хотел.

— Вы еще и прозорливы, — произнес сотник и немного поморщился, понимая, что уже перебарщивает с лестью. — Нам еще сообщают, что у границы расселения радимичей появился большой город. Больше разрушенного Любеча, но много меньше Киева. Они располагаются на границе зон не только радимичей, но и северян, неподалеку от дреговичей, которых мы не смогли обложить данью из-за расселения на болотах и еще древлян. Важно, что город толи основан Вольгам, то ли кем иным из рода Рюриковичей. Там наместником конунга является некий Сол-дат.

— И что? — спросил Тармач, не улавливая к чему ведет, много на себя берущий, десятник. Не нравилось командиру, когда он не понимает ситуации.

— Это центр влияния, контроля, место сбора для войск. Город почти замыкает радимичей в реках Сож и Ипать без выхода на торговый путь к эллинам. Еще некоторая часть северян обосновала там свои общины, и собираются снабжать город продуктами. У них есть немало ремесленников — кузнецы, гончары точно хорошие. Все в странной обуви, сложной для производства, есть и те, кто в сапогах. Не менее, трех варяжских кораблей... — докладывал сотник, но почувствовал резкий перепад настроения командира на последнем слове и сделал паузу.

Многомудрый сотник первой сотни Иосиф, пусть и не был знатного происхождения, но был иудеем и умел учиться, слышать и анализировать, да и воином был отличным, даже в свои почти пятьдесят лет. Ранее Иосиф был постоянно при командире Булхане, много подчеркнув у того мудрости для себя. Пусть погибший командир и был с извращенным вкусом к утехам, порой чересчур, но был и умным, прозорливым военачальником, что впору было вести в бой большое войско. Этот же мальчишка не был лишен мудрости, но его разум затмевали его слабости. Достаточно было найти светловолосую пышногрудую красавицу из числа рабынь, как мальчик становился полностью управляемым и внушаемым. Сегодня же Иосиф использовал иной прием, прекрасно зная о страсти Тармача к морю и мечте стать капитаном корабля.

Сам же десятник был уверен, что внезапно появившийся город может стать большой костью в горле для хазар. Нет сомнений, что мощь каганата сотрет с лица земли и Славград, и Новгород, и Киев со всей Русью, если в этом будет смысл, и не станет препятствовать император ромеев. Но проблему с городом у впадения Сожа в Днепр решить необходимо собственными силами, может, только с привлечением охочих людей из числа тех же радимичей.

— Корабли у них есть, говоришь? — мечтательно сказал Тармач. — Нам нужен этот город, и мы будем в своем праве покарать за смерти наших данников и рабов. Найми, сотник, еще отряды, только не хазар, аланов или бродников. Мы вначале возьмем город, а уже после пойдем к радимичам и северцам за данью. Дикие племена будут устрашены нами и соберем дани больше уговора.

— Вашей мудрости нет границ, господин, — проговорил сотник и с поклоном вышел из хижины командира.

Уже на улице, Иосиф смотрелся в пасмурное небо и выдохнул. Если бы он, заслуженный сотник был хоть какого-нибудь знатного происхождения, то обязательно стал бы командиром тех двух сотен хазар, пяти десятков аланов и сотни пехотинцев. Но нет, нельзя, да и этот отпрыск знатного бека был направлен по протекции тархана. Второй же сотник, близкий друг Иосифа и вовсе был из болгар, но не волжских, а тех, что расселились в империи. Так что мальчика придется терпеть, он меньшее зло. Не станет Тармача и тархан или, не дай Яхве, сам каган, пришлет мудрого и опытного командира, а Иосиф уже сдает понемногу, возраст сотника уже не предполагает долгих переходов и битв.

«Правильно сделал, что послал людей в Итиль для вербовки инженеров. Как этот малец думает брать крепость? Сотней пехотинцев? Или лучники должны воспарить над стенами города на своих конях? Мальчишка, там же стены, а не воткнутые в землю палки, как в других поселениях» — думал по дороге к своей хижине Иосиф.

— Ты мудро сдеял, что глаголи мне о граде том, житно жити станешь, — выжимал из себя славянские слова Иосиф, обращаясь к северцу, который и прибыл с докладом к сотнику.

Еще пять лет назад сотник пощадил этого убогого человека, когда тот, привезя дань от

своего рода, спрятал молодую девицу, чтобы та не оказалась в рабстве, вопреки договоренностям между хазарами и северцами. Под угрозой лютой смерти, дикарь сам предложил приносить сведения сотнику обо всем, что случается в его племени и у соседей. Вот и пригодился. Пообещав предателю своего рода богатую жизнь за раздобытые сведения, сотник солгал. Он пустит молодых воинов через некоторое время после ухода словенина, порезвится и отыскать трусливого северца, чтобы обязательно убить, пусть молодые потешатся.

* **

— Из-за острова на стрежень, на простор речной волны, vyplывают расписные, острогрудые челны, — кричал, не попадая ни в одну ноту Большой, стоя на носу драккара.

— Острогрудые... Вот сколько эту песню пел, не задумывался, а тут воно как... — проворчал Рыгор, цепляясь за слово из песни про Стеньку Разина.

— А ты, Рыгор, не переживай Малка же прибежала провожать, так что вернешься с соляных приисков, да как ей... — Большой неприличным жестом показал, что именно должен сделать Рыгор, но сразу же, не обращая на смущение и попытки возразить от влюбленного моховца, начал задирать Волькомира. — Эй, кривич, а у вас бабы в поселении острогрудые есть?

— Аз есмь Волькомир, не треба речь мя кривичем, — осклабился сотник, а Большой непроизвольно взялся за подбородок, ощущая фантомные боли.

Во второй день речного похода Большой своими подначками вывел на драку Волькомира, специально того спровоцировав. В понятии бывшего гомельского бандита, любая крепкая дружба начинается после пьяной драки.

Большой не так часто посещал тренировки, не запуская себя, больше тренировался соло, всем рассказывая, что он не строевой боец, а скорее вольный боевой охотник за воинами. Отчасти это так и было, строй Большой держать не любил, да и не умел, но своей двуручной секирой, немного переделанную в кузнечной мастерской по запросам бойца, управлялся угрожающе ловко и даже профессионально. Так что был грозным противником как одиночный воин.

Между тем, Волькомир, как только появился на тренировочной площадке и был бит в рукопашной схватке Солдатом, для понимания у кого харизма больше, да для мотивации, стал самым целеустремленным учеником. Тренируемый молодой воин, и до этого знавший некоторые ухватки и приемы, впитывал, как губка, все техники, которые давал и глава города, и профессиональный боксер Рог. Да и Арнольд, увлекавшийся восточными единоборствами немного, но привнес в систему обучения боя без оружия.

Поэтому, когда Большой все же добился «дружеской драки» с Волькомиром, получил-таки по своей бороде, да и по ребрам прилетело. Пусть Попаданец и добавил массой и опытом таких поединков, но перегибать палку в шутках об Волькомире, зарекся. Пусть после драки и не случилось большой и светлой дружбы между двумя мужчинами, но уважать они стали друг друга, точно.

— Выплывали, расписные, Стеньки Разина челны, — продолжил демонстрировать художественную самодеятельность Большой. — Эх, сейчас бы какую княжну, да острогрудую, да вот так ее за борт, — высказался Большой, полной грудью вдыхая воздух.

— А что, двух жен уже не хватает? — поинтересовался Рыгор.

— Что ты понимаешь, жены — это другое, они у меня милашки. А вот так княжну, да за борт, как Стенька Разин... Это же воля казацкая, раздолье бескрайней русской души, — Большой задумался. — Вот обустроимся немного, и пойду на Дон казачить, да басурман бить.

— Эт вряд ли, нет пока нужды воли искать, чем не воля вольная в городе? А нет — иди на поселение и вообще считай никакой власти над тобой, только честь и слово даденное. А на Дону сейчас, наверное, хазары сидят, или еще какие бандиты нерусские. Нужно этот Дон еще отбить у них, — вмешался в разговор Алик.

— Отобьём, студент, и Дон и Волгу-матушку, дай срок, — ответил парню Большой.

Это был уже шестой день похода. Два достаточно быстроходных корабля, да по течению, да чаще с попутным ветром, ходко прошли то место, где была Любечь. Несмотря на недавний разгром, в городе уже были люди, отстраивали сгоревшие срубы. В бинокль можно было не только различить человеческие фигурки, но и посчитать веснушки на лице одной молоденькой девушке, которая была одной из крайне малочисленных представительниц прекрасного пола на городище. Остальные же были мужиками, которые укладывали бревна и разгребали завалы. Однако, при приближении кораблей, все разбежались, устремляясь в лес. Драккары теперь для этих людей — зло, пусть и с красивым, ярким солнцем на стяге.

Отдых и расслабленность сменилась монотонной тяжелой работой, когда корабли, ниже по течению от Любеча, не сильно далеко от Киева, вошли в Припять. Течение на этой реке не было сильно быстрым, не таким, каким в Березине, но не уступало сожскому, точно, да и ветер перестал помогать. Так что с опущенным парусом, в две смены, за дело взялись гребцы. Оказалось, что люди Волькомира более сноровисто загребают воду, и при своей смене преодолевают куда большее расстояние, чем коренные славгородцы, пусть те и казались и выше и сильнее. Так что сделали смешанные смены и перераспределили места за веслами.

На втором корабле были подобные проблемы, но Карп, командующий командой на том драккаре, быстро смекнул что к чему и наладил работу сразу, так что корабль Карпа бывало обходил флагман маленькой, но гордой, а с некоторыми юмористами, еще и веселой, флотилии.

— Становище ладить треба, — сказал Волькомир, когда Костя сломал свое весло, а запасное осталось только одно.

— Угу, — скупно ответил Большой, осматривая в бинокль окрестности.

— Что там? — спросил Рыгор, заметив резкую смену настроения бесталанного вокалиста.

— Да кусты, будь они не ладны, странно шевелятся, вон там и там, — Большой указал пальцем, продолжая что-то высматривать.

— Зверь? — высказал свою догадку Волькомир, так же всматриваясь в указанное направление.

— Боюсь, что это самый злой и страшный зверь, — Большой сделал паузу и продолжил. — Человек, точнее люди и немало. Передвигаются вслед нам.

— Уже, — Рогов посмотрел на ручные часы. — Шесть часов и максимум часа через два нужно будет приставать к берегу, это не по течению идти, отдых нужен.

— Волькамир, чьи это земли? — спросил Большой.

— Не ведаю али древляне, али дреговичи, — пожал плечами сотник.

— Али волыняне, але северяне, али ацтеки с апачами. Взять бы языка, да узнать чего хотят, — бурчал Большой.

— Дай биноклей, — попросил Волькамир.

Большой нехотя отдал оптику кривичу, у которого и без прибора было феноменальное зрение.

— Дреговичи, числом... — сотник запнулся, считать он умелкратно хуже, чем дрался.

— На перстах длани, — посоветовал Рыгор использовать пальцы рук для определения числа.

Волькамир продемонстрировал трижды обе ладони с растопыренными пальцами, а после подумал и добавил еще пять пальцев.

— Тридцать пять, вряд ли хорошо вооружены, против явно опытных бойцов, других на драккарах не водится, ну, если только Волькомир, — не удержался от «шпильки» Большой, но сотник толи не понял, толи не услышал его. — Они смертники или полные придурки?

— Не прав ты, — философски заметил Рыгор. — Вот пример. Если мясник да еще с тесаком за поясом несет сочный кусок мяса мимо собаки, она разве не заинтересуется, не пойдет следом, в надежде. Может кусочек отвалится, или положит мясник мясо в доступном месте, а сам уйдет...

— Да понял, не дурак, а был бы дураком, так не понял, — перебил Большой увлекшегося аллегорией Рыгора.

— Сигнал тревоги! — скомандовал Волькомир, используя лексикон славгородцев.

Быстро был поднят флажок черной материи, и второй драккар ускорился, сокращая образовавшееся приличное расстояние от флагмана.

— А ведь мы, Ящер меня подери, в патовой ситуации. Пристать на ночевку не можем, подкрадутся по темну разбойники, бед наворотят. Или нужны такие дозоры, что большая часть ребят не выспится, а завтра вообще мало пройдем. Да и не пристать нельзя, — рассуждал Большой.

— Так давайте остановимся в удобном месте, типа пляжа, тут такие попадаются, да исполчимся, пусть знают, что мы о них знаем, — влез в разговор Алик.

— Вот и не по чину тебе, десятник лезть в разговор взрослых дядек, но резон тут есть. Как думаете, генералы? — после некоторой паузы, взятой на обдумывание предложения парня, спросил Большой.

— Волькомир не все понял, и потратили еще минуту для объяснения предложение десятника кривичу.

Еще меньше времени ушло на принятие решения. Быстро поменялась смена гребцов, чтобы все были более-менее отдохнувшими. И теперь все, незанятые галерным трудом гребцов, включая Большого, Волькомира и Рыгор, как командиров освобожденных в этот раз от работы, высматривали удобное место для остановки, да чтобы на нужном берегу Припяти.

И такое место через минут сорок обнаружилось. Песчаная поляна, с плавным спуском в реку и пусть и окруженная кустами и деревьями, но на расстоянии пятьдесят-сто метров. Из драккаров, под прикрытием арбалетов и лучников на палубе, быстро стали выпрыгивать воины и спешно исполчаться, образуя стену щитов.

— Мир вам, люди добрые! — прокричал Большой, когда уже как минут пятнадцать ничего не происходило, между тем присутствие чужих людей рядом ощущалось.

— Знатно прячутся, — заметил Рыгор, поудобнее перехватывая двустволку. — Может пальнуть в кусты?

— Карп, что делать будем? — спросил Большой у стоящего рядом славгородского сотника.

— Воев слать у древы неможно, посекут, — высказался Карп.

— Волькамир, а ты что мыслишь? — взял на себя роль модератора Большой.

— Коли не выйдут дивые, огнем жечь гай, — предложил сотник жечь деверья и кусты, если дикие не выйдут на переговоры.

В это время из-за ствола серебряного тополя, самого большого дерева из тех, что были у реки, послышалась возня, и после раздался зычный голос:

— Аз есмь Лесьяр, сие мя зень.

— Меня зовут Лесьяр, это моя земля, — перевел Бушуй слова, что кричал из-за укрытия незнакомец.

Перевод со старославянского языка перестало быть нормой, люди из будущего уже неплохо знали местные наречия. Но когда дело касалось переговоров, где каждое слово может иметь отдельное значение, лучше иметь переводчика, роль которого часто играли либо Умник, но он остался в Славграде, либо Бушуй, чьи знания языка будущего были неплохи, пусть и меньше, чем знания старославянского у Михаила.

«Отцы командиры» переглядывались между собой. Если общее руководство экспедицией было за Рыгором, то ответственным за военно-охранную составляющую похода назначили Карпа с заместителем в лице Волькомира. Отдельной статьей в иерархии шел Большой, но загонять его в рамки субординации было опрометчиво, порвет те рамки и выкинет.

— Ну, кривич, прости, Волькомир, будешь отвечать, али сядем жрать? — в своей манере высказался Большой, определяя переговорщика.

Волькомиру понадобилось время понять и осознать сказанное этим берсеркером, так было проще для восприятия сотника, ибо берсеркеры всегда отделены от отряда, они сами отряд. Поэтому Волькомир нарушил образовавшуюся тишину:

— Пошто, аки тати кастиша збиратися? — выкрикнул вопрос Волькомир, подавшись вперед стены щитов.

— Почему, как бандит... э... собираешься... э... сделать плохо, — с трудом перевел смысл сказанного сотником Бушуй, а Большой впялился в кривича и с упреком покачал головой.

— Ниже, ночесть узрели челны, яко град Любеч жгли, бысте там, маты деяли? — отозвался «голос»

— Наши говорят проще, — высказался Большой, щурясь при попытках уловить смысл сказанного.

— Он говорит, что еще прошлой ночью нас увидели и спрашивает ... э... — запнулся с переводом Бушуй.

— Он спрашивает за то, делали ли мы беду, в Любече, у нас такие же корабли, что и у тех людей, которые захватывали тот город, — пришел на помощь Бушую Рыгор.

Такие переговоры длились еще минут двадцать. Вопросы, краткие ответы, типа «это наша земля, уходите», «а мы не уйдем», «нет, лучше уходите». Большой уже чуть рот не порвал, зевая, когда договаривающиеся стороны договорились. И, на удивление попаданцев, начались торги.

На поляну вышли под сотню человек и явно специально показались еще с десятков лучников, которые заняли позиции в зарослях, но без наложенных на тетиву стрел. Люди из

будущего согласились с определением Волькомира, когда тот назвал преследующих славгородцев людей дикарями. Длинные даже не рубахи, а какие-то балахоны из грубой льняной ткани, никаких доспехов, большинство вооружены копьями, реже у кого кроме копья был боевой топор, мечей вообще не было. На ногах перемотанные веревки, что-то похожее на чешки, — других ассоциаций у людей позднего СССР эта недообувь не вызывала. В сравнении с речными путешественниками, они были сущими оборванцами, но настроенными предельно серьезно.

— Нет, Волькомир, нам нужна соль шкуры, ткани, если они такие, как на них, только на тряпки брать, — возмутился Большой, вклинившийся в торговые переговоры, которые от славгородцев вел многоопытный в таких делах Вран.

При помощи переводчиков, а так же мата, но не старорусском значении слова «беда», а искрометном ругательстве, все вокруг быстро освоились и уже разница в наречиях не мешала. И, если тот же Рыгор спокойно разговаривал с одним из дреговичей, а это были представители этого племени, то Большой ярко и громко выражал свои эмоции, мешая Врану вести переговоры.

— Полпуда соли, пятнадцать шкур черной куницы и козу и лося, — озвучил цену за одну лопату и четыре боевых топора Бушуй.

— Лось — это хорошо, но соли мало, — сделал свой вывод Большой.

— Это у нас соли было много, а тут она сильно дорога, и пока ее не копают и не варят. Отдадим одну лопату, сильно не обеднеем, выкуем, — прояснил ситуацию для товарища Рыгор.

— Так добро разбазарим, и будет нам не «выкуем», а «выкусим», и что именно выкусим понятно, — бурчал Большой, но возражать сделке не стал.

Остаться на ночь решили на той самой поляне, где собирались воевать. Пусть дреговичи и поклялись богами, что чинить пакостей не станут, но к охране отнеслись серьезно. Большая половина всего отряда в разное время будет нести охрану ночью. Тем более, что товар дикие болотники обещали принести не раньше, чем к полудню и время поспать в тенике деревьев у воинов будет, да и рыбу половить получится. Так что и запасы пополнятся.

Несмотря на все предосторожности, ничего дурного не случилось, пусть Вран, как, возможно, самый опытный воин-охотник и говорил, что около лагеря были соглядатаи. В целом же, союз родов, который и представлял Лесьяр, уже давно занимался торговлей на Припяти, дежуря на реке, поселения же их находились где-то поодаль от водной артерии, в полесских болотах. Когда дозорные видели корабль, то быстро сообщал в род о гостях и уже там решали, что именно делать. Скорее всего, если торговцы казались местным диким слабым противником, то могли и пограбить. Нет, то вели торговлю. Для славгородцев же болотники собрали всех воинов, кто хоть как мог держать оружие в руках. Дреговичи знали от немногочисленных беженцев, которые прибывались у берегов Припяти, прежде всего из Киева, подельники Дира и Аскольда, реже из Любеча, что с севера пришло много воинов, и они сжигают все поселения и убивают всех людей по Днепру. Вот и испугались, что корабли принадлежат именно тем людям, и злыдни пришли убивать родичей. Когда же уверились, что это не так, то занялись вполне понятным для себя делом — одурачиванию в торговых отношениях пришлых гостей.

Хорошего железа у дреговичей было не много, несмотря на то, что болотная руда у них была в достатке, но мастеров хороших очень мало. А тут продают лопату, непонятно зачем выделанную из хорошего металла, да и отличные боевые топоры. Род станет сильнее, значит,

больше сможет заработать на торговом пути.

Припять являлась так же частью того самого пути в греки, только западной его веткой. Из Варяжского моря корабли входили в Двину, потом волоками в Припять и по течению в Днепр. Тут не было больших городов, как Смоленск, если только Полоцк у Двины на реке Полота, но путь был, может даже более удобнее, чем через озера и реки с многочисленными волоками у ильменских словен.

Торг прошел успешно. Уже к десяти часам утра пришли дреговичи и принесли все нужное и даже больше того, хотели сторговать еще забитого кабана на два ножа. И им предложили ножи, но диких изделия не устроили. Они видели на представителях командного состава лучшие ножи, а не те, которыми можно только кусок вареного мяса отрезать. Предложили же им трофейные, и не самые лучшие. Между тем, обострять договаривающиеся стороны не стали и сошлись на трех ножах все тех же маленьких, но добавили к ним пять стрел. Такая цена за пусть и большого убитого некогда хрюкающего зверя была завышена, но имело место желание в будущем не терять контакты для торговли с этим союзом родов. Та же соль, которую те где-то брали, шкурки. Поэтому, когда за принесенные сверх уговоренных десяти шкурок черной куницы и двадцати беличьих, почти без торга славгородцы расплатились серебряными арабскими монетами. Болотники не особо стремились брать серебро, предлагали им за все отдать часть дирхем, что были в походной казне, но пусть торговля и в эти места пришла, серебро не съешь и им битву не выиграть.

Уже через четыре дня после торговой сделки с дреговичами Рыгор стал присматриваться к местности. Появилась так называемая в будущем Калинковичско-Мозырская гряда — наследие последнего ледникового периода. И тут, на подошве, для этой местности, высоких холмов и залегала соль.

Еще день понадобился, чтобы найти и предполагаемое место будущей соледобычи, из-за некоторого несоответствия рельефа, озер, проток и ручьев, пришлось потратить больше времени. Потом вырубить кусты и деревья у берега Припяти, чтобы затащить туда корабли и хоть как-то их замаскировать. В это время под общим командованием Врана, две группы разведчиков отправились на поиски следов пребывания человека. Не меньше недели придется прожить соляной экспедиции, и безопасность была на первом месте.

Палатки были к месту, как и одна большая армейская, поэтому тратить много времени на бытовое устройство лагеря не пришлось, и началась работа. Забили два шурфа пять на пять метров. Капали пятью сменами и продолжали работы даже при потемках не менее, чем до одиннадцати вечера при свете факелов. Уже скоро пришлось значительно расширять раскопы, так как спускаться в них оказалось невозможным, даже с использованием лестниц. Грунт в ведрах на веревках вытаскивали из шурфов, и продвижение вглубь становилось все более медленным.

На пятнадцати метрах все же стала попадаться порода, где можно было различить соль, но все же там больше было земли, чем ценного ресурса, а еще столкнулись с проблемой грунтовых вод, но повезло и в какой-то момент, на семи метрах, количество воды начало уменьшаться. Между тем, радости и целеустремленности в работах прибавилось, когда стало понятно, что с местом угадали.

На шестой день изнуряющих больше своей монотонностью, чем сложностью, работ, Рыгор дал команду выгружать белые и матово-серые камни для ее отправки в Славград. Галит, как называл моховец, выгружаемую породу, казался Рыгору неплохим, и он даже хотел было выстроить баню для выпарки соли, которую сначала хотел растворять в горячей воде и

процеживать от примесей, но этот порыв был задавлен.

Какое-то напряжение начало царить вокруг. Сильно на шумели, пусть людей и не было видно в округе. За все это время только один корабль, типа драккар, был замечены на Припяти, судно шло со стороны Киева. Волькомир предположил, что это скорее все были варяги, которые отбывали от Олега, выполнив свою часть наряда, который заключили на поход и захват Киева. Между тем, попасть в поле зрения таких наемников, уже не обремененных условностями договора, не хотелось никому.

* **

— Переведи этой змее, что свою жизнь он сможет выкупить через виру мне, Торгейру и брату убитого его людьми Сигурда Лысого, Эйстейну Железной Голове. По праву сильного и во славу Тора, и отца его Одина, я назначаю виру в десять дев, а еще в сто шкур черной куницы, или сто серебряных кругляшей, или десяти коней, — горделиво говорил молодой викинг, вступивший в право командовать командой гребцов одного корабля после смерти в бою под Любечем ярла Свена, бывшего ранее именем Бетотур.

— Он говорит, что вначале Сигурд Лысый с Освельдом Длинноруким напали на ег людей и убили четверых, и не по правде давать виру за защиту, тем более такую несправедливо большую, — перевел Акке, чья мать была словенкой и успела выучить сына своему языку, пока тот не ушел в пятнадцать лет в первый свой поход.

— Тогда я уничтожу весь его род, дев заберу в рабство на время перехода до Полотеска, там продам. Оскоплю его, чтобы новый род не начал, а так, пусть живет и здравствует, — Торгейр зловеще рассмеялся и Акке, который презирал молодого командира за то, что тот получает удовольствия от чужих мучений, скривился.

Отряд Торгейра сильно измелывал после взятия конунгом Хельги Любеча и Киева. Прежний ярл отряда Свен пал. Можно было сказать, что в бою, так оно и было, Свен пал с мечом в руках, но сраженный стрелой не северцев, а выпущенной уже сейчас убитым Сигурдом Лысым по сговору с Торгейром. Поэтому новый ярл, пусть титул еще и не утвержденный тингом, не жалел о смерти своего подельника. Теперь все концы в воду и никто не знает, как именно погиб бывший уважаемый всеми ярл.

Торгейр был племянником ярла Бьерна, который выбрал в свои заместители Свена, что сильно давило на психически неуравновешенного нынешнего ярла. Некогда отец Свена спас жизнь Бьерну и стал его названным братом, несмотря на то, что был не свеем, как Бьерн, а полабом словенским. Уже после смерти своего побратима, Бьерн взял на себя обязанность воспитать сына друга, подростка Бетотура, а старшую дочь верного соратника выдал удачно замуж в Бирке.

Будучи в священной дубовой роще Упсалы, ярл Бьерн перед богами испросил разрешения считать Бетотура своим сыном и приемником, так как своего сына не имел. Боги выразили согласие и нарекли словенина Свенном, который и стал после смерти Бьерна ярлом и повел две сотни варягов в Гардарику на служение Рюрику.

Когда же Свен был убит, команда взбунтовалась, не желала видеть своим предводителем Торгейра, который отличался излишней жестокостью даже в среде суровых варягов, получая удовольствие от мук жертв, как иные от женщины. Тогда случился раскол и бывшие побратимы, сидящие в одном ряду гребцов на драккаре, устроили свару. Случилось это уже в Киеве. Вот и пришлось Торгейру уходить, оставив большую часть добычи. Все свеи

и даны пошли с ним, а иные, — кривичи, полабы, собры, латгаллы, остались служить Хельге.

И тут, такой повод проявить себя, как предводитель, вернуть истинную воинскую славу, чтобы боги в Вальгалле обратили внимание на своих будущих собутыльников. Торгейр решил полностью истребить род Лесьяра и переговоры о вине только для развлечения, так как унижение людей так же было приятно предводителю викингов.

— Он говорит, что может снабдить нас важной информацией, если мы не станем убивать его род, даже готов участвовать в каком-то деле, что сулит огромную добычу, — перевел слова Лесьяра Акке.

Торгейр думал достаточно долго, подобный процесс он не любил, предпочитая хитрости бога-обманщика Локки, прямолинейность и силу Тора. Перед ним стоял на коленях избитый Лесьяр, еще шесть его человек были связаны и ждали своей участи. Торгейр же пребывал в предвкушении мук, которые он доставит этим людям. С другой же стороны, перед хорошо вооруженными, богато одетыми в дорогие порты и красные сапоги, эти дикие казались нищими. Что с них взять? Два драккара Торгейра, что остались после разделения большого отряда, итак были груженные и солью греческой, что ценится на Севере, и тканями, серебром, пятью конями, оружием. В оплате и при дележе трофеев конунг Хельге был справедлив и дал много, даже сверх договора. И сейчас грабить этих оборванцев, перегружать корабли? Если только девы будут полнобедрые, да и то перед волоками убить их придется.

— Что он предлагает, если добыча будет вдвое больше, чем я могу взять с его рода, то пощажу и даже поделюсь с ним, — соврал Торгейр, усмехаясь, что Локки так же обратил внимание на его, раз послал в голову мысли о хитрости.

И Лесьяр рассказал о двух драккарах, где все в твердой обуви, бронях, с мечами и дорогими луками, что есть у них и ткани и даже лопаты сделаны не из дерева, а из хорошего железа. И многие там молодые, пусть и видно, что воины. А еще они что-то капают глубоко в земле и грузят это в мешки, перегружая свои корабли. И всего-то находятся за излучиной реки в пятнадцати полетах стрелы.

— Скажи Освельду Длиннорукому, чтобы пришел ко мне, — скомандовал Торгейр, и Акке отправился искать лучших разведчика и охотника отряда, понимая, что ненавистный ярл хочет напасть на тех, о ком рассказал дикий.

— Злыдень, живота лишу ты, — проворчал Акке на словенском языке, обещая убить Торгейра.

Парень не ушел из отряда с другими только с желанием мести. Нынешнего командира отряда он ненавидел по-юношески маниакально. Акке недолюбливал Торгейра и раньше, иногда тот подтрунивал парня, что мать Акке шлюха или рабыня, погибший ярл Свен пресекал такое, чтобы не допустить убийства в отряде, но Акке пять раз не побоялся выйти без оружия против Торгейра. Как итог — у него нет мизинца, который был откушен безумцем и Акке всегда был на грани смерти после таких поединков. Торгейр был отчаянным воином, бесстрашным и впадал в состояние, схожее с берсерком в любом бою, поэтому часть команды, которая чтит только храбрость и личные боевые качества, но не ум, пошла за маньяком.

* **

— Пошто сумна, любя, али не добры пир? — обратился Олег к Лиде.

— Люб, аки и ты, великий князь словен и славны конунг варягов, — витиевато ответила девушка, лстя своему мужчине, постоянно играя словами, определяя его титулы.

Лиду пригласил на пир князь только после того, как это мероприятие уже вошло в стадию «эх, цыган бы сейчас». Вот только цыган для расширения и без того широкой русской души еще не использовали, да и не знала Лида, где сейчас представители этого народа. Но что она знала уже хорошо, так это то, что внутри Олега бушуют эмоции, и причиной этому она, странная девушка из странного Славграда.

Три дня Олег не появлялся в большой и просторной горнице Лиды, три дня князь избегал ее. И девушка, долго думая об этом, теперь понимала почему. Сильнейший воин и предводитель иных сильных мужчин, боялся той привязанности к девушке, которую уже испытывал. Не предполагая, какую обиду и унижение князь несет для Лиды своими поступками, он овладевал иными женщинами на глазах славгородчанки, он требовал, чтобы та присоединялась к иным девам и обихаживала своего господина, как это она умеет. Но не получал в таких случаях и части того наслаждения и страсти, которые испытывал наедине с Лидой.

Олег страшился показать свою слабость перед женщиной, которых у него, как у прославленного предводителя, должно быть много. Тем более, что его жена должна успеть прибыть в главный город на Днепре еще до того, как вода покроется льдом и за ней уже отправлен один из самых быстрых кораблей с данью для Новгорода в триста гривен серебра, как и обещал Олег и чтобы не появилось еще одного авантюриста, который соберет тех же варягов, что еще недавно были с князем, и ударит на Киев.

Женился же еще тогда будущий князь на дочери знатного боярина Новгорода, одного из немногих, кто некогда поддержал Рюрика в его противостоянии с предводителем восставших против варягов новгородцев Вадимом. Это был выгодный брак, освещенный богами и позволивший Олегу снарядить свой большой отряд не хуже, чем были оснащены самые удачливые викинги. Пусть теперь князь был в своем статусе на голову выше и сильнее любого боярина и торговца, пусть тесть уже умер, и Богумила больше предпочитала проживать во Пскове, где у рода были земли, но терять связи в Новгороде и Плескове-Пскове, было нельзя. Положение Олега пока еще было не прочным.

Зыбкая ситуация была вызвана многими факторами. Зыбко, что хазары не приведут свое войско под стены Киева, при том, что держать в городе большое количество воинов для Олега невозможно из-за ограниченности и продовольствия и возможности расселения даже двух тысяч дополнительных наемников. И это без учета оплаты услуг убывающим наемникам и безопасности внутри города. Зыбко и в том, что греки могут, и уже угрожают, что это сделают, полностью перекрыть торговлю по Днепру. Море под ними, нижнее течение реки под ними. Да и от греков идет много полезного для Олега и создаваемого им государства. Зыбко и то, что власть Олега зиждется на его славе воина, личной силы и удачливости, но в меньшей степени на родстве «пятая вода на киселе». Кто он Игорю? Дядя, да еще по материнской линии.

Воз и маленькая тележка проблем у князя, а тут еще душевные терзания. Ну не может дать князь всего того, чем, вероятно, и сам желает, одарить Лиду. Не может он и отказаться от многочисленных женщин. Да и банально боится того, чего еще никогда не испытывал, размывая свои чувства и эмоции на многочисленных женщинах, с которыми приходилось проводить время для очередного доказательства своей мужественности. Кто сказал, что князьям легко живется? Есть такие? Так живите, словно скоморохи, под разными личинами,

но никогда под своей собственной.

— Глаголи ме, Лида, яко мыслишь о Славграде? Боярин, али яко аз нарек граф, Солдат, вяще выти, аще дал ме? — спросил князь только через минуту любования девушкой.

«Скажи мне, как думаешь о Славграде, боярин, или как я его назвал граф, у Солдата, многим больше продуктов, чем дал мне?» — быстро в уме перевела Лида слова князя. Она так делала часто, особенно при общении с Олегом. Любой нюанс в словах важен, подтекст, иносказание. Поэтому лучше перестраховаться и проговорить сказанное в уме.

— Так, мой князь, — произнесла Лида, покорно склоняя голову.

— А возможно выть торгати в Славграде? — спросил Олег, любясь той, которая его приворожила, вот только волхв и советник Гавран так и не может победить это колдовство.

«Выть — еда, Олегу нужны продукты» — подумала Лида.

— Так, великий князь всея Руси, мыслю снесь Солдат мает, — произнесла девушка и, резко выпрямив голову, стрельнула глазами в сторону князя.

Она знала главную проблему заготовки продуктов в общине попаданцев и прибившихся к ним — соль. Рек, проток, озер там много, и кишат они рыбой. Лес достаточно богатый, пусть охота уже не так много приносила мяса, но оно было. Большое количество уток, чуть меньше диких гусей, — хватало у Славграда всего. Но главное, что получилось собрать два урожая, а яблок, слив и груш просто очень много и сухофруктов уже хватит на годы.

— У Киеве голодьба буде, — пожаловался Олег и неожиданно даже для себя произнес, чего на самом деле хочет. — У истопку поидешь с мя?

— Яко речешь, господарь, — ответила Лида и многообещающе улыбнулась.

Может князь и вызывал ее, чтобы сказать о надвигающемся голоде в Киеве, спросить не может ли продать продуктов граф-боярин Солдат, но все же он ее хочет и прежде всего, ищет повода для встречи, вот и в баню позвал. Не выдержал Олег больше трех дней разлуки, призвал Лиду к себе, и девушка готовилась сделать все возможное и даже больше, чтобы князь не разочаровался в своем выборе.

Последний раз, когда князь призвал славгородскую красавицу, Лида испортила княжье развлечение, готовые на все две девушки были обнажены и ждали Олега. Лида же была одета, но одежда была такова, что только возбуждала фантазию и стимулировала интерес мужчины. Ведь мужики часто просто теряются, если видят голую, податливую женщину, это становится не интересным, теряется состязательность. Мужчине нужно раздеть глазами, пофантазировать, а потом уже кульминация. И вот, когда зашел Олег, чтобы устроить себе приключение с тремя женщинами, невольно смотрел только на Лиду. Ну, а попаданка пережила и это унижение, в очередной раз продемонстрировав князю, что встреча тет-а-тет более приятна, чем хоть десяток девиц на одной шкуре.

Что касается ситуации с продовольствием, то проблема вырисовывается действительно серьезная. Нет, не сейчас, пока в Киеве достаточно всего, но после смены власти даже поляне не спешат выказывать всеподданические чувства. Выжидают. Олег же не может покидать город, чтобы элементарно его не лишиться, так как далеко не всех пособников прежней власти выявили и нашли. Кроме того, немало продовольствия «странным» образом оказалось на складах представительства ромеев и их христианской миссии, представителей Хазарского каганата. Торговцы платили серебро, чтобы прикрыться именем империи и кагана. Там и много товара, что можно было обменять на продукты на зимовку, там и сами продукты.

Ну, и «вишенка на торте», как сказали бы попаданцы из будущего, — это отказ в

торговле вообще с Русью со стороны греков. Что это означает? Да то, что власть Олега над Киевом отсчитывает, если и не дни, то месяцы. Все, что делал князь, все, в чем его поддерживали разные силы из Ладоги и Новгорода, даже в Смоленске, это уклад на торговом пути, безопасность и порядок. А в случае, когда торговли вообще не будет, сметут и Олега и княжича Игоря. Последнего может и оставят, чтобы делать свои дела под его именем.

Обо всем этом Лида знала, как и все заинтересованные люди в городе. Киев ждал решений и действий нового князя, от чего будет зависеть и поддержка Олега со стороны активных горожан. При этом, не советуясь с князем, Лида уже сходила в византийское представительство, где перекрестилась, прочла «отче наш» и «символ веры» — выучила не без помощи бабы Клавы, поговорила. Девушка поняла, что греки блефуют, наводят страхов и набивают себе цену. Отец Антоний, являющийся одновременно и миссионером и торговцем, совмещая должности военного атташе и просто авантюриста, не был готов к разговору, почему и сказал больше, чем хотел.

— Истаиша тя, Антоний, колгота с князем, — пригрозила Лида, что потенциальная ссора с князем будет иметь печальные последствия для Антония.

И христианин понял, чем грозит для него все то, что может последовать за действительным прекращением торговли на Днепре, а девушка исподволь помогала прийти ему к нужным решениям. Лида училась быть мудрой, читала все, что перенеслось в прошлое, выуживала любую информацию ото всех источников, кроме только Игоря Посталовского, кому до сих пор маниакально хочет доказать... что-то... Сама не знала, что именно.

«Пять коней и два пуда соли — это от меня, сэкономила на хозяйстве. Тут считать никто не умеет, так что рай для коррупционера и казнокрада. Еще князь собирает соль, что есть. Днепр у Киева не прокормит горожан, вы же можете выловить много, и сетями, и даже динамитом. Если что, то и картошку передавайте, я найду ей применение. Важно еще меда и воска. Если есть уже налаженное производство оружия, то несколько хороших мечей, чтобы умаслить некоторых упертых баранов, иконку еще нужно. Так же, если есть кто желающий ко мне, якобы в слуги, то жду. И не бойтесь приезжать и торговать сейчас самое лучшее время, потому как торговли вообще нет. Еще важное, у хозар ходят слухи, что по осени наказывать вас придут. Они уверены, что в городе не больше полторы сотни воинов из неопытного молодняка. Надеюсь, это не так. Писала тебе, граф-боярин Солдат, Лида — дева рода Славграда» — сочиняла письмо девушка из будущего, когда уже были готовы две ладьи отправиться в такой, как оказалось, родной город, Славград.

* **

Игорь заслушивал доклад от главы комитета городской безопасности, КГБ для Артура было привычным, и вот такая игра слов была оправдана желанием самого комитетчика.

— Завербовал троих человек из окружения Рыси, и теперь мы знаем о любом проклятье, которое он шлет нам, — усмехнулся Артур.

— Может, уже пора оправить идиота в его болотный рай или ад? Надоел, что горькая редька, — перебил особиста Солдат.

— Я уже думал об этом, тем более, этот гад уже думает, как угодить радимичам, если те с хазарами придут, предлагал показать тропы к городу со стороны его общины, — Артур зачерпнул в деревянной кади кружкой воды и сделал несколько жадных глотков. — Нельзя

так пить, зачем меня позвал пьянствовать с людьми Олега вчера?

— Так уже как бы вечер, пора бы отойти! — опешил Игорь, он то огурцом.

— Извини, неправильный опохмел, Казак принес свою новую наливку, чуть оторвались от дегустации, — промямлил Артур и вновь зачерпнул воды.

— Ты хоть успел проработать в направлении Лиды? — спросил Игорь и комитетчик кивнул.

Вчера рано утром, еще в потемках главу города разбудили неприлично громко, что проснулась и Света и проявила себя, загнув трехэтажного мата с проклятиями и угрозами в отношении осмелившихся посягнуть на ее сон. Солдат даже по-другому посмотрел на свою жену, как-то уже было затерто в памяти, что девушка уже убивала.

Оказалось, что оставшийся городской гарнизон уже поднят по тревоге, как того и предписывал недавно утвержденный Устав. Две больших ладьи входили в расширенную протоку и направлялись в озеро. Таможня не подымает тревогу, значит ситуация вполне нормальная и прибыли не враги, ну или не явные враги.

На самом деле это были два корабля от Олега, и тот отправил ладьи для торга. Ситуацию прояснили письма от Лиды, в которых она подробно описывает ситуацию в Киеве, слухах о Славграде и его графе. Девушка смогла подкупить одного из хазар, и тот рассказал, что именно должны делать сборщики дани, если вышла такая ситуация. Но заявлений о необходимости объединения хазарских отрядов или запроса в каганат о помощи, не было, поэтому больше чем три сотни карателей не будет. Однако, те могут привлекать и податные племена для решения своих задач и чтобы данников повязать кровью. И тут Олег предлагает через Лиду помощь, чтобы город оплатил наем части олеговой дружины и вместе с наемниками разбили вероятный карательный отряд каспийских завоевателей.

Хитро получалось, город платит Олегу за то, что тот решает руками города свои же задачи по противостоянию с хазарами. И тут важно, с чем на Совете согласились все, кроме «женского клуба», что нужно громко продемонстрировать в регионе, что Славград может постоять за себя и сам, что с городом нужно считаться. Да и вероятные трофеи очень не помешают, тем более, если хазары будут уже с данью. Сложнее может быть, если еще и радимичи захотят половить рыбку в мутной воде и усилят хазарский отряд своими воинами. Но от идеи взять ограниченный небольшой отряд в наем не отказывались. Для чего решено было дожидаться возвращения Волькомира, как и всей соляной экспедиции. Этот сотник уже понял реалии городской общины, в которую был поставлен Олегом в качестве обозначения княжеского присутствия в городе, при этом, не меняя власть в Славграде. Волькомир должен знать и указать на нужный отряд, взяв который в наем оборона города усилится, а не ослабнет из-за угрозы уже от наемников.

— А для этого уже в двух ближайших поселений радимичей есть наши люди, как и в Гомле, будет... — отвечал Артур на вопрос, как мы сможем заблаговременно узнать о нападении.

Ждать же гостей с обнаженным оружием стоит не ранее середины-конца сентября, когда урожаи будут собраны, или в процессе. Скорее всего, даже к началу октября, так как хазарам придется вначале прийти к радимичам, или северцам, а уже после к Славграду. К этому времени придут из соляного похода воины, подучится молодежь, оставшаяся в городе, достроятся оставшиеся двое ворот с башнями, произведется больше арбалетов и катапульт. Так что набега уже не боялись, как-то страх постепенно уходил из людей будущего, постоянно бояться сложно, и ко всему привыкаешь. Поэтому шла планомерная

работа.

С людьми князя горожане расторговались ко всеобщему удовлетворению. Соль пришлась в пору, так как созрел уже второй урожай, пригождались и княжеские кони, которые уже частью планировалось отдавать и в сельское хозяйство, облегчая работу единственным двум пахотным коням. Прислал Олег и ткани, но в основном льняную, мало греческой порчи.

В ответ князь получил свой корабль, практически полностью груженный зерном, если бы использовали славгородцы свои меры, то определили восемь тонн зерна. Князь же пользовался эпитетом типа «дохрена». Другой же корабль был загружен овощами, в том числе и картофелем, копченой рыбой и вяленым мясом. Такое количество припасов могло способствовать прокорму полтора тысяч киевлян на месяц или больше, если экономить.

Игорь прекрасно понимал, что продешевил, как он понимал, зерно ценилось в этом времени очень сильно, тем более, что урожай собирать еще рановато, это попаданцам так повезло с рожью. Пшеница, ячмень и овес, как и многое другое, посаженное уже после переноса в прошлое, только созревают, но и они дадут больший урожай, чем могли бы в двадцатом веке. Погода стояла просто идеальная для сельского хозяйства, а почвы еще первоначально богатые, да еще и сдобренные удобрениями из пепла и органикой.

К Олегу отправилось и изрядное количество лука и чеснока, в том виде, в котором его просто нет, отправились и кабачки с патиссонами, найдут применение и этому. Тыква, горох, свекла, маринованные бочковые огурцы, мед.

Зачем нужно было так всего и много отдавать? Тут славгородцы преследовали свои корыстные интересы. Перестройка в СССР некоторых товарищей подвигала изучать все никак не загнивающий капитализм. И для того же Михаила-Умника было уже понятно, что реклама — двигатель торговли. Так говорил его отец, которые открыл немаленький кооператив по пошиву одежды, своего рода, частное ателье, а сам Аарон Борухович Штейн для души промышлял ювелиркой.

Поэтому, для того, чтобы в будущем попаданцы могли удачно продавать дары со своих огородов и полей, нужно к этим дарам народ приобщать. Для чего в одном из писем Лиде, так сказать, коллективном, от Совета города и просили девушку способствовать популяризации овощей, предоставляя примерную таблицу, сколько ожидается еще урожая, сколько можно продать в Киев, и что в первую очередь нужно Славграду.

Вообще, Артур взялся за фактор нахождения рядом с князем Лиды, серьезно. Ей отправлялись рекомендации по поведению, некоторые вещи, которые девушка может использовать для улучшения своего положения «при дворе Олега». Предполагалось, что такого изощренного соперничества и интриг, которые были при дворах правителей в XVIII века, в Киеве не будет. Были изготовлены десять небольших зеркал из одного из трюмо, сладив годные оправы. Эти диковинные вещи частью передавались Лиде, чтобы умаслить нужных людей, тех же греков. Так же была изготовлена пробная партия стеклянных браслетов, которые должны были бы стать в двенадцатом-тринадцатом веке главным женским украшением. Пусть и их покажет, чтобы интересующиеся лица подумали о торговле со Славградом.

— А не решат они, что проще нас взять на щит, что столько добра от сюда идет? — спросил Солдат.

— Вот в том числе и для этого, нужно небольшое, но деятельное усиление военного присутствия от князя. Да и нам прохлаждаться нельзя, усиливаться, — ответил Артур, потом

задумался и, решаясь, продолжил. — Теперь о не очень хорошем, но нужном. Первое, Малка, которая так попала в душу Рыгору, смотрит замутненным взглядом на Рога. Это может стать причиной для ссоры внутри Совета между очень нужными людьми. Да Рогов уже нашел себе женщину с двумя детьми и вроде как у них период страстных отношений, но мало ли. Нужно ненавязчиво поговорить и тебе, Игорь, я тут стану лишь раздражителем. Второе, более трагичное — вчера нашли девушку-студентку голую в кустах у озера в километре от города, там что-то вроде небольшого пляжа. Следов побоев нет, она добровольно пошла на свидание с кем-то, но есть след от укуса змеи. Скорее всего, Марина, так зовут девицу, была пьяна. Версия — пошла на свидание и после или во время купания голышом получила укус гадюки. Сам укус смертельным быть не должен, но она была накачана алкоголем и одно на другое и как следствие — смерть. С кем была, выяснить не получилось.

— Почему не доложили? — взъярился Игорь.

— Хотел по горячим следам выяснить, не получилось, скорее всего, кто-то из попаданцев из будущего, так как аборигены относятся к крепкому алкоголю со страхом. Есть предположение, что это мог быть Киря — Кирилл Иваненко, житель Мохова девятнадцать лет, женат на Ждане из поселения Горыничи, восемнадцать лет, двое детей от прежнего брака. Но у него алиби, пусть и не отрицает, что к Марине присматривался, но после случая с изнасилованием в первую ночь в этом времени, даже и мыслить не мог.

— Разбирайся, — скупно ответил Игорь и добавил. — И не любитя им в городе, все норовят куда-то сбежать.

Между тем, это был не первый случай, когда приходилось хоронить горожан на образованном кладбище в полутора километрах от города в остатках дубравы. Первак, прибившийся из общины Рыси, погиб при охоте на кабана, что привел свою семью под город, когда другая семья была убита и съедена еще в начале существования города. Хвала — девочка из Рыбацкого, племянница Малки, утонула. Вовчик Малинин, полный парень, который так и не смог найти себе достойного занятия, и был на подсобных работах, между тем так и не похудевший, погиб — на него упало бревно со строящейся башни на юго-востоке крепостной стены. Так что смерть ходила рядом и все разговоры про технику безопасности и охрану труда, имели только ограниченное влияние на умы.

— Ну, и предпоследнее, — Артур усмехнулся. — Катерина не рассчитала свои силы и ударила палкой девку из общины Рыси, что подрабатывала на полях. Та деваха умудрилась испражняться возле пищеблока. Челюсть вынесла негоднице, сейчас та в лазарете.

— Мда, и смех и грех. Как бороться с санитарией, наверное, уже только так, выносить челюсти, — Игорь замотал головой, чуть ли не расписываясь в бессилии побороть нечистоплотность. — Давай последнее.

— К твоей жене собирается целая делегация, в составе в основном из женщин и поддерживающих их мужиков, чтобы та не артачилась, а перестала волжбовать, привязывая тебя только к ней. Мол, такой воин и правитель города не может ограничиваться одной женой. Или, по крайней мере, должен поделиться своим семенем с женщинами из других родов, — Артур в голос рассмеялся. — У них уже очередь, кого ты будешь пользоваться.

— А чего к Свете, не ко мне? — озадачено спросил Игорь, понимая, что смех смехом, но проблема серьезная.

Да и не хочет он никого. Света более чем устраивает, несмотря на беременность, страсти и любви ему хватает, излишнюю энергию тратит на административные дела и

тренировки, куда ему гарем, не нужен он.

— Так говорю же, тебя считают околдованным. Вначале думали, что слаб ты, как мужчина, — Артур сделал паузу, ожидая закономерную реакцию Игоря после таких слов, потом продолжил. — Потом кто-то ушлый послушал, как ты ...э...любишь свою жену и пошли уже другие сплетни, которые только увеличили желающих понести от тебя ребенка. Да и много мужиков ушло за солью, пока они были, уж не знаю, кто и как, но особой проблемы недолюбленных баб не было.

* **

— Чего-то мне муторно, — произнес Большой, озираясь вокруг.

— Да все уже, загрузили много породы, даже вон и поохотились, порыбачили сетью. Еды хватит на всю дорогу назад, если только во время первой стоянки докоптим все, что добыли сегодня, — успокаивал и себя и Большого Рыгор.

Он тоже был в напряжении, но объяснял свое состояние легким волнением перед отъездом. Миссия прошла успешно, и пусть Рыгор и гнал такие мысли из головы, но слишком успешно все было.

— Алик, Алик? — звал десятника Большой.

— Да? — через минуту парень подошел к кораблю под погрузкой.

— Твой десяток на охране? — дождавшись положительного ответа, Большой предельно серьезно, что с ним было только во время опасности, продолжил. — Усиль бдительность, выстави два-три секрета в кустах.

— Так у меня людей всего-то на два-три секрета, — озадачено, проникаясь тревогой Большого, сказал Алик.

— Выставляй, я пойду, поговорю с кривичем и Карпом, — Большой похлопал по плечу парня и направился ко второму кораблю, куда уже готовились залазить воины.

— Вшс-шс, — лицо Большого ощутило резкий ветерок от пролетевшей мимо стрелы.

— К бою! — проревел попаданец, перехватывая свою огромную секиру в руки.

Вокруг уже слышались крики и боли и призывающие к обороне. Стрелы все еще свистели вокруг, но находили все меньше жертв. Тренировки и муштра позволила быстро воинам Славграда оцетиниться, пусть и выставить прочную стену щитов все еще не получалось.

— Твою мать... Танька, прости не уберег, — вначале краем глаза, а потом и повернувшись все телом, не обращая внимание на смертельный свист стрел, Большой увидел Алика, которому стрела попала прямо в лоб, не оставляя шанса выжить.

Между тем, два сотника — Карп и Волькомир — вышли вперед, в направлении наиболее активных лучников врага и стали творить чудеса, или демонстрировать технику, недоступную многим и многим, как в этом мире, так и в будущем. При помощи щита-капельки и мечей, сотники сбивали все летящие в них стрелы, позволяя быстрее выстроиться в стену щитов за их спинами другим воинами.

Уже через полторы минуты боя сделали свои первые выстрелы многозарядные по китайскому образцу чо-ко-ну, но усовершенствованный умельцами в городе. Арбалетчики на кораблях стреляли скорее «в ту степь», но вынуждали врага периодически прятаться, опасаясь, скорее, шального болта. Заряжались камнями и катапульты, которые так же дали залп через три минуты, когда стена щитов была уже прочной и уже лучники и арбалетчики

во всю вполне успешно занимались «контрбатареиной борьбой».

Складывалась патовая ситуация, когда погрузиться на корабли без потерь не могли славгородцы, ну, а взять теперь их не представляется такой уж и легкой задачей. Тем более, что уже в сторону окружающих кустов полетела одна бутылка с зажигательной смесью, недолёт «зеленки», где было немало сухих деревьев и палок, продемонстрировал возможности и Торгейр задумался.

— Переведи этому трусу Лесьяру, чтобы послал своих воинов в атаку, — сказал Торгейр неизменному переводчику Акке.

Акке, понимая, что складывающаяся ситуация — это шанс отомстить и убить ненавистного Торгейра, перевел слова предводителя отряда варягов словами пренебрежительными и обидными для любого воина, унижая достоинства отряда дреговичских воинов. Акке ждал, что Лесьяр разъярится и начнется свара между двумя отрядами, что ослабит викингов, и он сможет, убив Торгейра, сбежать, но ошибся. Дрегович многие оскорбления просто пропустил мимо. Да, мы не воины и не многие не знают своих отцов, это нормально, да, мы трусливы, чего бежать на стену щитов и еще под стрелы.

— Ладно, — поняв по-своему отказ Лесьяра, который, впрочем, и не отказывался, но крутил головой в отрицании, Торгейр решился. — Скажи ему, что мы следом отправимся.

Толпа старых знакомых дреговичей высыпала на поляну неожиданно. Славгородские воины не ждали, что именно эти торговцы-разбойники решаться на нападение. Они же видели, что тут, на кораблях воины, вооруженные на порядок лучше их. Однако, с задержкой в двадцать секунд из зарослей стали выходить уже другого порядка враги. Это были прожженные воины, большая часть из которых провела не одну битву, некоторые бывали еще в походах Рагнара Кожанные штаны. Так что эти противники были серьезными.

Когда дреговичи оказались на расстоянии метров тридцати от стены щитов славгородцев, в атакующих отправилось не меньше тридцати сулиц, разряжали свои запасы болтов корабельные арбалеты, разрядились небольшие катапульты камнями. Потери отряда Лесьяра сразу стали просто огромными, больше половины бегущих больше охотников, чем воинов, остались на песчаном берегу Припяти. Зычным и испуганным голосом предводитель дреговичей, пожелавший легкой добычи, но лишил свой род сильнейших мужчин, стал призывать соплеменников отступить. Кто-то успел развернуться, некоторые по инерции продолжали свой боевой путь, пытаясь врезаться в стену щитов.

— Торгейр, это ты привел сюда свой вик? — закричал на свейском наречии Волькомир, узнав многих из наступающих викингов.

— Вечно проигрывающий бой, Волькомир? Ты ли это, словенский трус? — послышался голос в крайней линии вражеской стены щитов, от чего мог возникнуть вопрос о том, кто именно является трусом.

Больше разговоров не получилось. Вражеские лучники, видимо являясь намного лучшими, чем дреговичские, стали выискивать щели в стене щитов и отправлять туда смертоносные подарки. При этом шквал болтов из кораблей не принес результата, как только уменьшение активности вражеских лучников.

— Давай! — прокричал Большой и три бутылки с зажигательной смесью полетели в наступающую стену викингов.

Одномоментно за большим, пользуясь растерянностью врага, выбежал Рыгор, с двустволкой, заряженной крупной дробью. На расстоянии метров десяти дуплетом разрядилось ружье, и Рыгор поторопился уйти за дружественную стену щитов.

Враги бросали горящие щиты, кто-то хватался за лицо, в которое попала дробь, стена щитов противника распалась и те, угрожающе рыча, словно впавшие в безумие, рванулись на славгородцев.

Первые четыре викинга пали, попав под новый залп с корабельных арбалетов, но остальные, многие из которых уже были раненые, кто от выстрела дробью, кто от стрел и болтов, врезались в строй обороняющихся. Стена щитов долго не продержалась, и начались индивидуальные схватки. Вот Бранко берет на щит удар, который был устремлен увлеченному боем Бушую, вот Большой своей секирой прорубает кольчугу врагу и пытается вытащить застрявшее в теле викинга оружие. Выстрел и один воинственный свей падает, получая чуть ли не в упор заряд дроби, еще выстрел и двое противника, получая ранения, сбивают с ног Рыгора, но на выручку моховцу устремляется Шишон и Константин. Первый получает удар топора по щиту и отлетает на полтора метра, Костя же успевает сделать выстрел из своего пистолета и, попадая в грудь, смертельно ранит обидчика Шишона, однако, получает не увиденную им сулицу в плечо и заваливается на спину. Степан, обильно залитый кровью, скорее всего, чужой, наносит удар шашкой с низу вверх, разрубая тонко заточенным кончиком клинка кольчугу противника, а вторым ударом, уже сверху вниз, разрубает тому грудную клетку.

Громкий рев рога, заглушает и звуки боя, и стоны раненых, побуждая обратить на себя внимание. Все викинги, что еще могли передвигаться, пятятся назад. Некоторые из них получают арбалетный болт в спину, но большинству врагам не мешают покинуть место побоища. Песок на поляне становится алым и размягчается, обильно удобренный кровью.

— Пи... — прорычал ругательство тяжело дышащий Большой.

Он так же был ранен, сулица врага вскользь прошла по правому бедру, но не чувствовал боли от раны, но сокрушался от увиденного. Поляна была услана не только врагами, но и союзниками. Алик убит, Костя получил ранение и срочно нуждается в обработке раны, или истечет кровью, Шишон... нет, вроде бы шевелится и пытается привстать.

— Стена щитов! — кричат Карп с Волькомиром, а Большой с Рыгором затаскивают парней за построение, чтобы попробовать хоть кому помочь, вовремя перевязать рану и спасти жизнь.

Противник так же не спешит возобновить боевые действия, отступив на шестьдесят-семьдесят метров, у них потери в количестве больше. А в отряде Лесьяра остался только он и еще два родича, все в разных степенях ранены. И уходить у дреговича нет и мысли, ему теперь одна дорога — погибнуть на поле боя, иначе не сможет смотреть в глаза старейшинам, своим женам, сыновьям.

— Поединок три на три! — кричит все тот же голос из-за стены щитов врага.

Это был Торгейр, спрятавшийся за своими воинами и теперь судорожно думающий, как поправить свой авторитет. Сейчас, пока бой еще не закончен, никто разбираться не станет, почему ярл не был впереди воинов и не успел к сражению с непокорными словенами. И то, что Торгейр оказался и сам под ударом, никого не волнует. Да, предводитель отряда устремился, пусть и не в первых рядах, в атаку, но сразу же почувствовал угрозу сзади. Развернувшись, Торгейр успел принять стрелу на щит и устремится на предателя Акке, который неожиданно оказал активное сопротивление и был не без усилий, оглушен щитом. Торгейр не убил предателя, он очень жаждал сделать его смерть наиболее мучительной и точно без меча в руках, чтобы по ошибке, а боги могут ошибаться, Акке не попал в валгаллу.

— Что он хочет? — перевязывая молодого воина кривича, который получил неглубокое

ранение в левый бок, спросил Большой.

— Боя троя, а трое, — ответил Волькомир, знающий свейское наречие, потом на том же скандинавском языке обратился к оппоненту, выясняя условия поединка.

Торгейр ужаснулся, когда понял с чем он остался после этой схватки со словенами. Викинг считал, что нападение будет обычной прогулкой, неожиданность, отвлечение словен на отряд Лесьяра и неотвратимый натиск опытных воинов. Ничего не могло было противостоять плану Торгейра, с чем согласились и его десятники. «Это хорошо, что я разделил с ними ответственность» — подумал предводитель отряда.

Торгейр понимал, что очередная атака будет последней и плевать, сколько воинов врага он и его люди убьют, отряд просто перестанет существовать и это при хорошей добыче в походе конунгу Хельги. Да и хотел еще Торгейр пограбить этих диких и глупых дреговичей, которые стали помогать ему, но сами ослабли. Поэтому, чтобы и сохранить остатки отряда и чтобы восстановить свою подмоченную репутацию, нужен поединок. Выходить против того же Волькомира один на один, опасно, кривич знал все или многие хитрости Торгейра, в последнем тренировочном поединке в стане Хельги, словенин почти одолел викинга. И сейчас это была лотерея с большим риском. А вот три на три, а Торгейр видел, что еще два лучших воина его отряда боеспособны, можно. Это были великие воины, которых опасался и сам предводитель, они главные претенденты на лидерство после знатного по происхождению Торгейра.

— Что думаешь, Рыгор? — спросил Большой сидящего раненого товарища, когда моховец упал, по нему серьезно потоптались, возможно, сломали пару ребер, но в сравнении с другими, ничего страшного.

— Волькомир предлагает тебя и Степана? — спросил Рыгор, осматривая своего товарища. — Но ты ранен.

— Да, можно было Карпа, но тот ранен сильнее — плечо и левая нога, — отвечал Большой, осматривая Бранко.

— Большой, клич, Бушуя, отхожу я, — прохрипел Бранко и Рыгор, посмотрев на умирающего, покачал головой «не жилец».

Бушуй был без единой царапины после боя, во многом именно потому, что его опекал многоопытный, но уже не такой быстрый, как в лучшие годы, Бранко. Они были из одной общины и старый воин часто опекал Бушуя больше других, учил и охоте и бою, в этом была своя тайна, которую знал только Бранко.

— Живи, ты сын мой, — на последней воле хоть что-то сказать перед смертью, прохрипел Бранко, как только увидел склонившегося над собой сына.

Да, это был его грех, очень красивая была мать Бушуя, давно уже покинувшая этот мир. Горислава не любила Бранко, но тот сходил с ума от красоты некогда богатого купца в Новгороде, который был на стороне восстания Вадима и был казнен. Мужем же Гориславы был ближний друг Бранко, умерший на охоте шесть лет назад. Когда Бранко совершил насилие над Гориславой, хотел жениться на ней, вызвать на поединок своего же друга, но многомудрая и еще более красивая женщина расценила иначе — она никому ничего не сказала. Когда же родился Бушуй, то Бранко сразу понял, что это его сын, тем более родинки на правых руках отца и сына были одинаковы.

— Давай, парень, битва не закончилась! — Большой хлопнул по плечу парня, по щекам которого текли слезы. — А я отомщу, обязательно отомщу. Рыгор, дайка пармидола уколоть из твоих запасов, чтобы нога работала.

Пока происходила сцена прощания Бранко со своим сыном Бушуем, Волькомир торговался с Торгейром о условиях.

Согласились на следующем. Если побеждает Торгейр, то все имущество, кроме одного драккара, и какого именно, решать викингу, так как один из его кораблей был хуже словенских, достается победившим. Оружие так же достается остаткам дружины Торгейра, за малым исключением для самозащиты, но без каких-либо броней.

Если же проигрывает Торгейр, а тот, было, понятно, даже не рассматривает такой вариант, то условия схожи, за исключением того, что славгородцам достанется две трети добычи викингов, чтобы оставшиеся в живых смогли добраться до Полотеска не с пустыми руками.

На бой Большой, Волькомир и Степан выходили с суровой решительностью. Большой сильно беспокоился за сына своего товарища, Рог младший, здраво рассудив, попросил не опекать его в бою, чтобы не мешать и не ослаблять всю группу.

Напротив славгородцев стояли два «гнома» — низкорослых мужиков лет под сорок, с огромными плечами и лицами сплошь во шрамах. Третьим же был достаточно высокий для людей этого времени молодой мужчина, он то и имел самую цельную кольчугу, шлем, был практически не вымазанным в крови, в отличие от всех других бойцов.

Когда поединщики произнесли клятву богам, образовался круг, наполовину из викингов и частью воинов Славграда.

Тактика, которую выбрали ведущие Велькомиром бойцы была рассчитана на присутствие в группе огромного Большого, который возвышался над противником на голову, а то и на две. Принцип многих подобных поединков заключается в быстром натиске, ударе по щиту, если противник среагирует, поломку щита и новый круг подобных действий. Вот и должен был Большой сломать эти щиты.

Оказалось, что не так все просто, противники, грамотно и профессионально амортизировали мощные взмахи секиры по их щитам, чуть пропуская по умбону инерцию ударов. Однако, в таких действиях противника увидел «окно возможностей» Степан. Фехтовальщик провернул финт, который больше подходил для рапиры или шпаги, но был крайне сложным в сабельном исполнении, однако клинок попадаца самым кончиком, но добрался до бедра одного из «гномов», подрезая тому артерию. Теперь дело времени, противник умирает, но способен сражаться.

На профессиональный выпад, провести который и в голову не могло прийти воинам-викингам, имеющим абсолютно другую технику боя, среагировал Торгейр. Он пытался поймать Степана на откате от сложно выполнимого финта, но пападанец перекрутился по земле, пропуская мимо себя меч викинга, тот втыкается в землю и Волькомир резко выбивает оружие из руки Торгейра. В это время, размашисто, но очень утомительно машет секирой Большой, отвлекая на себя одного из противников и косясь на происходящее рядом.

Вдруг «гном» ныряет под очередной пролет секиры и бьет щитом по животу Большого, а когда тот, на мгновение теряется, пытается гиганта рубануть по голове. Попадая по шлему, «гном» рассчитывал если не убить, то оглушить и свалить с ног неудобного большого противника. Однако, непомерно рослый пападанец выдерживает удар и проводит прямой удар ногой. «Гнома» не спасает щит и тот отлетает, взмывая над землей, прочь, косвенно задевает своего собрата.

И тут все заканчивается. Волькомир, чуть подраненный в районе локтя, силой, наотмашь, рубит своего оппонента, который уже и так немного растерялся от потери крови,

а тут еще и товарищ по оружию падает рядом, задевая щитом. Степан же резко в два прыжка подбирается к стремящемуся встать после «полета» викинга и отрубает тому руку, кольчуга не помогает, а только делает разрез рваным.

Торгейр пытается провести свою атаку, но ему остается только обороняться. Когда же викинг решает сжульничать и кидает жменю кроваво-красного песка в глаза Большому, временно выводя того из строя, получает неодобрительные возгласы из толпы, что окружала поединщиков. Перед богами те поклялись честно сражаться. Но, если бы Торгейр победил, не нашлось бы викинга, который бы обвинил своего предводителя, так как боги часто поощряют хитрость в бою, но только в случае победы, а она уже не возможна. К умениям Торгейра, но не к его чести, нужно было отметить грамотную оборону от двух нападающих на него воинов. Практически минуту трое отличных бойцов кружили друг вокруг друга, пока оправившийся Большой, пользуясь увлеченностью викинга не ударил того плащмя своей секирой.

— Вижу отца своего и мать свою, они зовут меня, — читал Торгейр отповедную песнь, готовясь к смерти.

Под одобрительные возгласы оставшихся викингов, Волькомир дал меч в руки уже стоящему на коленях Торгейру, чтобы воин ушел в валгаллу.

На удивление людей из будущего, которые сразу после поединка порывались продолжить сражение и добить оставшихся противников, но Волькомир, заручившись поддержкой раненого Карпа, резко воспротивился таким действиям. Видите ли, не по правде, не по чести, урок учинили, то есть договорились, и все, нельзя.

Еще всем уже без разбору хотелось поквитаться с теми родами дреговичей, которые мало того, навели викингов, описывая слабость и уязвимость славгородцев, так еще и участвовали в битве. А когда Большой узнал, что первые стрелы были пущены именно людьми Лесьяра, то уже хотел учинять геноцид его роду, потому что именно первый выстрел убил молодого жизнерадостного и правильного пацана Алика.

— Охолони, Большой, ведаю о беде твоей, також беды мають и иншая, пусчай вороги возьмут селища болотных, — увещевал Большого Карп.

Отправиться получилось только через четыре дня. Пока справили тризну над погибшими, пока викинги сходили в три поселения дреговичей, взывая виру, по их понятиям там тоже что-то должны были им болотники. Потом окончательный дележ трофеев и рабов, уход вниз по течению. При том, что и оставшиеся викинги отправились теперь в Киев, им-то уже особо не с чем идти к Полотеску-Полоцку. Да и как таковой дружины уже нет, осталось двадцать семь воинов, среди которых еще легко ранеными половина, тяжелые-то умерли, им первую помощь никто не оказывал.

Итогом соляного похода стали девять человек убитыми, среди которых Алик, Бранко, было бы еще больше, значительно больше, немало еще лежащих воинов, но выживших из-за действия антисептика, трав и мазей Веданы и бабы Клавы, ну и бинтов, уже почти закончившегося стрептоцида, других лекарств. Были ранены и Костя и Большой и Рыгор, Карп, проще сказать, кто травму не получил.

Еще трофеями стали двадцать семь юношей и два десятка девушек, которых выкупили у викингов, ну якобы выкупали, чтобы не множить проблем, когда эти юноши станут мстить, живя уже в Славгороде. Ведь только несколько человек знали о договоренностях со свеями, что те приведут и девиц покрасивше, и парней работоспособных. Жестоко? Вот и Большой спрашивал себя, а не превратился ли он в омерзительную тварь, способную не стать на

защиту детей и стариков. Кто он? Да, дреговичи, именно что эти рода, как оказалось, вполне паразитировали на соседях и на торговом пути. Наслышались славгородцы по дороге домой и о массовых человеческих жертвоприношениях Стрибогу, что уничтожались все торговцы, если только попадали в ловушки людей Лесьяра. Но сильно ли легче после таких откровений.

Рыгор меньше предавался душевным терзаниям. Его психика оказалась более гибкой, чем даже у бывшего бандита Большого. Тем более, что он не был ни к кому настолько лично привязан, как Большой к Алику. Поэтому именно моховец и записывал в блокнот весь прибыток, который везется аж на трех драккарах и одной ладье дреговичей. Десять тонн солесодержащей породы, чуть более полутора тысяч арабских монет от Торгейра и части общей добычи викингов. Три больших отрезков отличной греческой ткани, вино и оливковое масло, четыре козы, три пахотных кобылы, пудов шесть ячменя, столько же овса и под десять пудов ржи, семь свиней, кур так же всех не порезали, а везли с собой.

На ладьях было просто не протолкнуться. При том, что гребцы, в основном рабы, несмотря на почти попутный ветер и течение, были на своих местах. Все спешили домой, задержались в походе больше планированного времени на восемь дней, вот хотя бы два дня и спешили нагнать.

— А давай этого назовем Зевс, ну, пожалуйста, — Света захлопала ресничками, применяя свой женский прием, который всегда обезоруживает Игоря.

— Давай, но ты же не собираешься всех щенков оставлять себе. У нас Рекс есть, а вот этих малышей нужно раздать, — сказал Игорь и, увидев, как наливаются влагой глаза жены, поторопился ее утешить. — Ну, ведь все останутся в городе, а у нас появится свой щеночек.

Игорь погладил округлившийся живот жены и сам с тоской оглядел пятерых щенков волкопсов, или собаководков, никто не знал, как правильно называть породу. Была опасность приводить потомство Фреки и Рекса, при том, что, скорее всего, волчицы уже нет, так как Рекс привел своих детенышей один, а волки ушли от города. Опасность заключалась в непредсказуемости союза волка и собаки. Будущие звери могут быть как предельно для собак умными и послушными, так и, напротив, не поддающимися дрессировке больше волками.

— Любимка, мне нужно идти, Совет сегодня, есть новости, нужно обсудить, — сказал граф-боярин супруге, и хотел было ретироваться, но нарвался на серьезный взгляд Светы.

— Я буду на стенах, рядом с Властой и Таней, все трое беременных, но можем быть нужными, — сказала-отрезала «боярыня».

Игорь ничего не ответил, он мог бы запереть Свету, даже приставить к ней воинов, чтобы не пустили на стены, но так он разругается с женой. Да и бог с ней, помирятся, но, в то время, как весь город готовится к обороне, задействуются все силы, все люди, использовать свой административный ресурс так явно, нельзя. А вот приставить двух воинов, чтобы при необходимости прикрыли, если нужно, то и своими телами, оказалось не сложным.

— Здравствуйте! — поздоровался Солдат, входя в чертоги, где уже были собраны все необходимые люди.

Совет встал. Ушел в прошлое вопрос о том, кто главный, кто, чем занимается. Сейчас люди определились с родом занятий, со своими умениями и возможностями. Вряд ли среди здравомыслящих попаданцев из будущего были те, кто сильно хотел на место главы города. Но и Солдату приходилось каждый день доказывать, что «право имае». То в устроенном турнире всех побиваху, по крайней мере, в рукопашном бое и третье место в фехтовании, то примет суровое решение и сам приведет приговор в исполнение. Чаще такие вот приговоры были тщательно подготовленным спектаклем, но аборигены уважительно смотрели в сторону своего Сол-дата.

— Начнем с агентурных данных, Артур, — Игорь дал слово комитетчику, который, наконец, развернул свою деятельность.

— Два дня назад татарва, в смысле, хазары, прошли Гомий, они обходят Чернигов и движутся вдоль Сожа в нашу сторону. Учитывая их состав, лесистую местность и слабую мобильность, предполагается, что они появятся не раньше, чем через два дня. Состав: две с половиной сотни непосредственно хазар, шесть десятков алан, хз в чем разница, одинаковая экипировка, морды разные, три сотни всякого винегрета в виде касогов, грузин, и еще черти знает кого. К этому интернационалу присоединились три сотни радимичей из, что примечательно, верховьев Ипути, ближайшие к нам соседи, пусть и встречают приветственно хазар, но не стремятся вливаться в войско. Идут они с обозом, даже рабов

тащат, видимо стремятся, после взятия города, уйти на стыке расселения северцев и радимичей, так быстрее к реке Воронеж, где у них базы.

— Где они будут проходить, известно? — спросил Большой.

— А тут и гадать-то не надо — через татарский брод. Ну, он, наверное, так сейчас не называется, но уже существует. Это в пяти километрах южнее места, где был или будет Лоев вниз по течению. Там в пятнадцатом-шестнадцатом веках крымские татары за ясаком, как к себе домой бегали, поэтому и Лоев, как крепость построили, — Артур поглядел в сторону Михаила Штейна, но обратился как будто ко всем. — Извините за экскурс в историю, спасибо за терпение, что не перебили.

Игорь усмехнулся, он видел, как Умник ерзал на лавке от желания вступить в дебаты по поводу роли татарского брода.

— Я вернулся вчера оттуда. Не афишировал свой отъезд, сам хотел посмотреть на место этого брода, — Солдат чуть не засмеялся в голос, когда у всех глаза стали недоуменные. — Что меня нет целый день, даже больше, а жизнь идет, работа кипит. Вот и я хотел посмотреть, как это, отдохнуть от всех и ведь получилось. Но... важнее другое — там можно сделать засаду, серьезную с частью оставшегося динамита. Да издали обстрелять, потом быстро удрать. Думайте, рассчитывайте силы, удрать от опытных конников сложно, может завалы какие сделать, или ряд засад. Только нельзя, чтобы хазары повернули, победа должна быть грандиозной, иначе все на зуб пробовать будут, сточимся. Рог с Карпом ответственные за засаду, подумайте, может использовать корабли, но там серьезный риск сесть на мель, фарватер зигзагом идет. Тем более, что к осени Днепр слегка обмельчал.

— Чем мы располагаем, Волькомир? Сказывай! — обратился Солдат к старшему сотнику.

Так получилось, что после соляного похода, когда ранение Карпа дало осложнения и пришлось провести что-то вроде даже операции с очисткой раны, Волькомир оказался единственным из командования, кто был способен тренировать и готовить воинов к решающей битве. Тем более, варяг Акке привел остатки некогда грозного хирда Свена, с частью которого столкнулись участники соляного похода. Акке прибил к победителям сразу после сражения, объясняя, что его казнят, так как тот пытался убить ярла. Почему то тогда, Большой просто вынул греческую золотую монету и дал викингам выкуп за Акке. Как чувствовал бывший бандит, что парень придется к месту. Акке же держали на веревке, в качестве гребца, только в городе отпустили.

Сто десять реально отличных воинов, которые, лишившись сильного предводителя, быстро обнаружили, что все разных племен и народностей. Эсты максимум, но были готовы идти дальше по жизни с латгаллами, ильменские словене с кривичами, весь с муромой, отдельно были четыре франка и даже три араба, взятых, видимо во время походов Бьерна Железнобокого в Северной Африке, или еще более ранние приключения викингов в арабской Севильи.

Вся эта сборная солянка прозябала в Киеве, безумно быстро тратя средства, которые заработали во время похода князя Олега. Акке, найдя всех, дал надежду, но с переходом под руку Волькомира. И все пошли, особенно когда узнали, что даже греки хотят большой торговый караван послать в Славгород, что там чудеса повсеместно и сами боги хранят горожан, ну и так далее про молочные реки и берега кисельные, да макаронное дерево.

— Итого, у нас полных три сотни ратных без учета некоторых нестроевых факторов, как Артур, с ограниченным, — Игорь посмотрел на комитетчика и повторил с нажимом, зная,

что осталось шесть десятков патронов к тигру. — С ОГРАНИЧЕННЫМ количеством боеприпаса. Также у нас конница, какая-никакая, но есть — полтора десятка. Коней еще десятков, это я о возможности засады. Есть еще ополчение, практически из баб — три отличных лучницы, два десятка арбалетчиц и пожилых арбалетчиков. Из техники, кроме нашего сюрприза, кстати, нужны репетиции спектакля, есть двенадцать малых катапульта и пять больших, готовы колеса для поджога. Готовы мы и на длительную осаду. Весь урожай собран и пусть озимые часть посажены, но за городом мало чего нас держит.

— Может, все же пошлем к Олегу за помощью? — спросил Алексей.

— Мы проанализировали все данные из истории, — Игорь кивнул в сторону Умника и демонстративно в сторону самого Алексея, что так же принимал участие в тех разговорах. — Данные из свидетельств воинов так же анализировали. То, что мы уже планируем сделать, должно быть наголову выше ожиданий от обороняющейся стороны, у нас все простреливается из катапульта, отличные бойницы, рвы, частоколы, на опасных участках колючая проволока, готовы уже волчьи ямы на предполагаемых участках атаки, фашины, пропитанные смолой для поджигания по периметру. Что еще мы не придумали, что упустили, чтобы разбить в пух и прах, забрать дань с радимичей и потребовать еще у них виру, когда Олег с них дань пойдет требовать в следующем году. А он пойдет, так как есть некоторое понимание.

Увлечшись своей речью, Игорь чуть не рассказал собравшимся про деятельность Лиды рядом с Олегом, что она смогла убедить князя идти уже в следующем году к радимичам, северцам и древлянам. Не откладывать и начать именно с песчанцев, тем более повод серьезный — нападение на княжеский город. Ну а силы, что были собраны в Славграде, примут в этом мероприятии деятельное участие. Армия не может сидеть без дела, в этом мире воины должны быть на самоокупаемости.

* * *

Тормач, третий сын бека, одного из важнейших людей Таматархи, гордился собой. Под его началом собралось поистине сильное войско, которое достойно и кагана. Ну, может не самого кагана, но его визиря, точно. Почти тысяча человек шло, чтобы покорить зарвавшийся город. Это был ответ князю Олегу, чтобы тот не зарывался и не посягал на земли, что платят дань непобедимым хазарам. Даже арабам, ну пусть и при помощи ромеев, не удалось потеснить каганат, куда там диким русам.

Плохо было только одно, что одновременно было и великолепным, — медленное передвижение, особенно для хазарских конных, привыкших к быстрым переходам и практически жизни в седле. Но такова ноша дани, а она велика. Вятичи и радимичи, узрев усиленный отряд, спешили не только дать все положенное по договору, но и сверх того, чтобы задобрить командующего грозного войска. Поэтому много повозок плелись за передовым отрядом, много рабов еле передвигали свои ноги. После этого похода Тормач сразу станет уважаемым человеком, даже по меркам Итиля, но купит дом он в Саркеле, а уже через три года, во главе торговой флотилии, отправится к империи и дальше.

— Господин, до нужного нам брода полдня идти, вон там, — старший сотник Иосиф показал рукой. — Сож, что еще звали Нирея, впадает в Борисфен, или как словене зовут Днепр.

— Так это там ненавистный город, который нам нужно взять? — спросил Торчин.

— Да, господин, — Иосиф склонил голову, не слезая с коня. — Дайте приказ, чтобы аланы исследовали брод на предмет засады. Там очень удобно напасть на нас.

— Сотник, ты опять навязываешь мне свои решения? Подумай же, как могут полторы сотни городских необученных воинов, недавно бывших крестьянами, организовать засаду. Да я воздам хвалу Яхве, если эти словене, или кто они там, настолько глупы, чтобы подставится под удар нашего войска, — Тормач вскинул руки к небу.

В армии хазарского сборщика дани и уже почти бека, если все удастся, были радимичи, которые принесли много информации о городе. Пусть данные немного и различались, но ясно было одно, город действительно укреплен неплохо, но есть участок стены, к которой даже не построили лестницы, нет бойниц. Так же одни из ворот так же являются слабым местом обороны. У горожан есть оружие, которое они, скорее всего, купили у греков. Оно похоже на греческий огонь, но этого оружия очень и очень мало. Так же в городе мало продуктов, так как отправили много продовольствия в Киев, которому требовалось пополнение складов.

В некоторые данные не верил Иосиф, но Торчин воспринимал его, как необходимый раздражитель, так как старший сотник постоянно критиковал молодого предводителя войска. Были моменты, когда сын бека уже хотел отправить сотника охранять хижины у реки Воронеже, или вообще в Саркел, но постоянно как то хитрый старый воин обходил гнев командира.

К вечеру растянувшаяся на километры змея из повозок и людей вышла из ненавистного леса. Этот переход Тормач запомнит, как он думал, на всю жизнь. Тем более, что с десятков людей были потеряны в ходе перехода через лес, как и четыре повозки, за что уже лишены головы четыре радимича и два грузина, больше для острастки, чем за проступки.

— Иосиф, что говорят аланы, которых ты послал проверить противоположный берег реки и сам брод? — задал провокационный вопрос Тормач, даже сам не предполагая, насколько он поставил в неловкое положение многомудрого сотника.

Если сотник признается, что он, вопреки воле командира, действительно посылал конных аланов пройти брод, то попадет под гнев, ежели не признается, то покажет себя некомпетентным, да и может подставить все войско. Дело в том, что кони аланов почуяли других коней. Да, такое было уже в лесу, где кони чуяли своих диких братьев, но тут, на переправе такие сведения заслуживают внимания. Между тем, никаких следов людей не было.

— Позволь послать людей, господин, чтобы проверили все тщательно, — попросил Иосиф и понял по реакции Торчина, что тот действительно не знает, что брод уже разведан.

— Зачем? Мы уже здесь, пусть первыми идут аланы, так и разведают, потом дадут знак нам, — принял решение Торчин.

Аланы перешли брод вполне нормально, только двух коней снесло течение, и те выходили в стороне от основной группы. С телегами такого произойти не должно, они будут перетянуты веревками между собой. Да, намокнут, но страшного в этом ничего нет, почти ничего.

— Аланы уже на том берегу, давайте команду выдвигаться пехотинцам, замыкающими идут хазары, — скомандовал Торчин.

В какой момент и откуда прилетели камни, никто не понял, да и все были отвлечены другим — мощным громом, который прогремел на противоположном берегу. Потом навесом прилетели порядка двух десятков стрел, отчего Торчин поморщился, так как в засаде участвовало мало человек. Это не все войско, и при той неразберихе и панике, которая

началась после взрыва, нападающие могут уйти. Аланов он уже списал в потери, а они, между тем смогли частью уцелеть и видели, что в засаде было всего-то десять человек и использовали они недостойные истинного воина механизмы, представляющие собой маленькие луки на палке.

* **

— Чтобы я еще раз сел на коня? Да ну на... Седалище разорвано в хлам, — высказался Большой, как только въехал в юго-восточные ворота, возвращаясь из устроенной засады на хазар.

— Ты хоть понял, что сказал про свое седалище? — рассмеялся Рог, встречающий диверсантов.

— Ну... это... я же фигурально, — стушевался и резко покраснел Большой. — И вообще у меня две жены есть. Да нормальный я!

— Ну, да! Нормальный такой пацан с разорванным седалищем, — не унимался Рог, больше уже гогоча от по-детски растерянного лица.

Когда же Большой сделал пару шагов, раздвигая ноги, еле переминаясь и кряхтя, словно беременная женщина перед схватками, смех уже не только Рога, но и многих встречающих героев, перерос в сущую истерию. Кто-то смеялся от вида Большого, многие смеялись потому, что это же делали остальные. И у всех истерика была связана с нарастающим напряжением перед противостоянием.

— А ну, хорош ржать! — скомандовал Солдат, но сам не смог подавить новый порыв смеха, когда Большой присел на бревно и раздвинул ноги, приподнимая их.

— Пошли вы! Как теперь сражаться то, почему я поехал засаду устраивать, ведь только пытаюсь учиться ездить верхом? — сокрушался Большой.

Выбор же главного организатора засады был прост. Дело в том, что нормально обращаться с динамитом могли только Большой и Козак, но последний стал главным «катапультистом-артиллеристом» города, так как в свое время в ВДВ, как он говорил «войсках дяди Васи» отлично освоил принципы стрельбы навесом из миномета. Такой опыт подходил к существующим реалиям опосредованно, но лучше хоть что-то. Тем более, что таблицы, как и маркирование на веревках делений по натяжению механизмов, составлял Умник. А потом они много стреляли, благо снарядового голода не ощущалось — собирай по округе камни, да и только.

Проблемой стала доставка и бегство по завершению акции внушительной тушки Большого. Два самых сильных коня были выделены теперь уже убежденному пехотинцу. И только благодаря заводной лошадке у Большого и появилась вообще возможность убежать. Пять уцелевших всадников устремились в погоню, но попали в первую же ловушку, из десятков приготовленных заранее для войска хазар и решили не испытывать судьбу.

В придумках ловушек участвовали чуть ли не все горожане. Пришлось даже что-то вроде штаба организовывать с «экспертами» в лице Карпа, Большого, Рога, Козака ну и умника, без него никуда, тем более с его знаниями и в этой области так же. Теперь для хазар прохождение леса станет еще одним испытанием, где нужно будет обследовать каждый метр пути.

— Думаю, что первый штурм начнется не ранее завтрашнего утра, — резюмировал Игорь, после доклада Бушуй о численности, составе и организованности войска противника,

Большой «включил» обиду и «выключился» из процесса.

Еще раз посмотрев, как бережно одна из жен Большого, Белка, намазывает лечебной мазью, под общее веселье, «стегно» и «седалище» своего супруга, который не постеснялся снять принародно штаны, Игорь отправился отдыхать. Прошлой ночью он поспал пару часов, следующей, может так случится, не поспит вовсе.

— Солдат, нужно поговорить, — предельно серьезно, без реакций на всеобщее веселье, сказал Артур, приковыляв на своих костылях. Он чаще передвигался при помощи клюки, но тогда скорость передвижения комитетчика была значительно ниже.

— Говори! — потребовал Игорь, отведя Артура чуть в сторону.

— Сигнал был со стороны озера, это мои разведчики из стана врага, ранее мы условились о том, что они пошлют в воздух стрелу с красной материей. Группа реагирования уже послана за ними, — докладывал Артур.

Не разглагольствуя боле, Солдат в сопровождении одноногого контрразведчика и безопасника, отправился в сторону, откуда должны были показаться радимичи, которые ранее были куплены и завербованы Артуром.

— Торчин лаетя вельми, — еще не отдышавшись, говорил лазутчик, — Вои ропщут, Иосиф — сотник мудры, брани не желает, а сын бека у брезги вждати сечи.

Кроме состава скорее интернационального войска, чем хазарского, разведчик-радимич поведал про обстановку в командовании, где Торчин, так звали командира карательной армии, очень обозлен и на вполне удавшуюся засаду и на то, что десятка три его воинов получили серьезные травмы или вовсе «задвухсотились» от воздействия подготовленных «подарков» в виде ловушек. А «у брезги вждати» означало, что хазарин Турчин сильно жаждет напасть на рассвете.

Была и другая информация о том, сколько рабов в полоне, сколько возов с ячменем, сколько рухляди, из которой знали лазутчики точное количество шкурок куницы, лисы, белки, были даже соболи, которые пошли в подарок самому Турчину от старейшин вятичей.

— Спасибо, Артур, хорошо все организовал, информация была как минимум из двух источников, — хвалил Солдат заслуженного городского инвалида.

— Трех, — поправил Игоря Артур.

— Ну а что до просьбы этого радимича, я скажу всем, чтобы словен по возможности не трогали и даже в мегафон прокричим им сообщение, что мы не враги. Но это полумеры, большего допустить просто нельзя, иначе подставим своих воинов, что многим хуже, — задумчиво сказал Игорь.

* * *

Как только появились первые признаки рассвета, многонациональная пехота под командованием хазарина Тормача стала выдвигаться на позиции, с которых предполагалось совершить быстрый рывок к крепости в участке стены, который должен был быть менее защищен. Да и ров там казался не таким глубоким и широким. Были уже подготовлены и лестницы и сбитые из палок щиты, железные кошки на веревке, шесты, на которых умели подниматься касоги и грузины. Кроме того, за спинами штурмовиков в ряд выстраивались хазарские лучники, должны поддержать атаку пехоты градом стрел. Пусть и не прицельно, но пристрелявшись, отличные конные лучники могут бить чуть выше остроконечной стены, чтобы не дать возможности для обороняющихся организовать системное сопротивление. Да,

часть пехоты поляжет при штурме. Но чего считать иноплеменников?!

— Что за порочные духи? Иосиф что это? — возмутился Тормач, по обыкновению спрашивая старшего сотника.

Лицо командующего было в чем-то липким и теплым. Да, это была кровь, но, если не считать небольшой царапины на щеке Тормача, образовавшейся из-за попадания части разлетевшегося черепа, командующие не пострадали. Чего не скажешь о старшем сотнике Иосифе, чья голова имела аккуратную дырку во лбу, но значительно большее отверстие на выходе.

— Как? Иосиф, что происходит? — недоуменно крутил головой Тормач, пытаясь периодически очистить лицо рукавом, но надетая кольчуга только раздражала кожу.

— Господин, Иосиф погиб, рабы применили какой-то сильный арбалет, я слышал о таких, — фантазировал Иезекия, сотник второй сотни, который оказался рядом с командующим.

— Вперед! Я хочу лично содрать кожу с Сол-дата. Пять девственниц и сотня серебряных монет тому, кто приведет ко мне его! — истошно, периодически давая петуха, переходя на чуть ли не ультразвук, кричал Тормач.

А воины уже были в семистах метрах от стены города, откуда и собирались начать молниеносный, как они думали, штурм. Еще сотня пошла в обход вдоль крепостной стены, чтобы при начале штурма, когда все жители города отправятся защищать атакуемый участок стены, они должны незаметно залезть на стены и ударить.

Колоны, быстро превращающиеся в толпу, выдвинулись вперед, постепенно ускоряясь и теряя строй. Первыми бежали воины, которые собирались перекинуть через ров мостки, следом за ними штурмовики с шестами и кошками, те, что несли лестницы, отставали, но ненадолго. Далее медленно передвигались щиты, чтобы при необходимости, атакующие могли укрыться от стрел.

Тормач, с подрагивающей от волнения губой, наблюдал за разворачивающейся драмой. Еще полчаса назад он был рядом с величием и признанным беком, сейчас же он уже думал, что делать. Хазарин смотрел, как, не добежав до рва, передовые воины упали в ямы, с натканными заостренными кольями, многие по инерции продолжали бежать. Кто-то сталкивал своего союзника в эту почти сплошную, не считая небольшого участка в направлении ворот, вдоль периметра волчью яму.

Когда же наступающие все же остановились, сгрузившись в плотные локальные скопления в волчьих ямах, в воздухе появилось множество камней, которые обрушились на растерявшихся штурмовиков, ранив и убивая многих из них. Даже та половина воинов, что была в шлемах, не была защищена от камнепада. Восемь катапульт, выпускающие по десять-двенадцать камней в приличный кулак размером, разили точно по пристрелянным участкам, еще две были готовы и настроены на направления, куда должны убежать паникующие прихвостни хазар для еще большей сумятицы.

— Труби отбой, Иезекия, ты слышишь? — кричал Тормач, но сотник не отвечал, он уже был мертв и лежал в луже собственной лужи крови.

Командующий так увлекся своими терзаниями во время боя, что не заметил и как прокусил до крови свою все еще подрагивающую губу, и как комитетчик Артур только с третьего патрона, но пристрел еще одного ближнего офицера Тормача.

Третий сын бека, уже предполагая, в какую сложную ситуацию он попал, тем не менее, не был трусом, только по неопытности он растерялся, да и потому, что привык слушать,

пусть и не слушаться, Иосифа. Оказывается, этот ненавистный старик был для него дорог. И только память о старшем сотнике заставила действовать Тормача.

— Назад, все назад! — прокричал он, устремляясь на своем коне к месту повального избиения его воинов. — Лучники огонь навесом по стенам, зажигай стрелы!

В этот момент чуть более крупные камни ударили по выстроившимся в линию и уже начавшим стрелять хазарам, поставили точку в штурме. Козаку пришлось менять натяжку спускового механизма на больших катапультах и теперь они ударили по линии лучников, пусть и не идеально, так как те выстроены были в линию, а не скоплением, но с десятков хазар и пять лошадей были сметены камнепадом.

Тормач прекрасно понял, что так город не взять, нужно думать, но пока только спасение.

— Отступить! — еще раз закричал командующий, коривший себя за то, что не додумался взять рог у убитого Иезекия, который сменил Иосифа, но все они уже погибли.

Побитая армия, которая ранее наводила ужас и на вятичей, и на мурома, и радимичей, возвращалась в лагерь в двух километрах от города, зализывать раны. Пятьдесят семь убитых, сто восемь раненых. И это еще не было непосредственного контакта с защитниками города, который вот так разрушали мечту Тормача. Но он либо возьмет этот город, либо погибнет тут, такого позора, особенно после всего бахвальства перед знатными беками и после внимания со стороны самого кагана, он не может жить после поражения.

Вот только забыл Тормач по причине своего внутреннего терзания, что отряд радимичей был отправлен в обход периметра стен. Да и не мог подумать командующий, что при неудачном штурме, те решаться на атаку.

* * *

— Ну, девочки, и как это понимать? Оставили нас тут, а сами уже и камнями кидают по хазарам! — возмущалась Света, рассматривая очередную стрелу из своего колчана.

— Так и мужи нашия не бранятся, — степенно ответила Власта, всматриваясь вниз со стены.

— Жух! — просвистела стрела.

— Ой! — крикнула Света, сразу ощутив, как наконечник стрелы черкнул ее по правой щеке. Боли не было, но испуг появился.

— Тревога! Атака! — прокричала Таня и больше высунулась за стену, пуская куда-то вниз стрелу.

Ответом на выстрел девушки стала вражеский выстрел, и лучница с испугом, быстро сменяющимся на лице фатальной решимостью, рассматривала застрявшее древко в правом плече.

Сразу шесть лестниц были приставлены к стене, и несложно догадаться, что по ним уже лезли штурмовики.

Быстрее всех сообразила Власта и взяв камень, кинула его в направлении ближайшей лестницы. Камень, ломая ступени лестницы, задел кого-то невидимого, который, закричав, упал мешком вниз. С других направлений уже бежали воины, уже разворачивались в ближайших бойницах многозарядные арбалеты.

— Бежим! — прокричала Света и, подхватывая Таню, которая, морщась от боли, пыталась натянуть свой лук, устремилась в сторону бежавших к месту прорыва мечников.

— Ай! — вскрикнула Власта, она бежала последней и ей в левую ягодицу угодила стрела.

Но ратники под командованием Шишона, с десятком Константина, уже настигли девушек и прикрыли их щитами, с другой стороны набегал десяток Врана и два десятка из сотни Карпа. Все поняли, что совершают ошибку, так как рискуют попасть под «дружественный огонь».

— Лягай! — скомандовал Вран, первым поняв, что десятки Шишона и Константина готовятся дать залп из арбалетов, а из соседней бойницы, чуть возвышавшейся над стенами, уже сделали пристрелочный выстрел из многозарядного арбалета.

Времени для того, чтобы большая половина вражеской сотни забралась на стену, понадобилось минуты две замешательства обороняющихся, но радимичи, обнаружив, что их уже встречают, не спешили атаковать, медленно, но уверенно растекаясь по стене и давая время остальным ратникам забраться на стену. Тут, по представлениям раннесредневековых воинов было сложно работать луком, а вот копья, чем в большинстве они и были вооружены, лучше всего, да и длинными кинжалами, когда места для копий уже не станет хватать.

— Залп! — прокричали почти одновременно и Шишон и Константин.

Четыре арбалетчика, разрядив свое оружие, споро уступали место второй четверке и сами быстро перезаряжали. Да, луками было бы чуть сложнее работать, но чуть позже. А сейчас, в образовавшуюся паузу, когда парни перезаряжали свои арбалеты, выстрелили Власта и Света, Таня так и не могла натянуть лук, плечо ныло нещадно.

— Залп, второй! — вновь скомандовали десятники, когда такие же приказы последовали от союзников.

Радимичи уже так заполонили пространство на стене, что опасности промахнуться и попасть по своим уже не было.

— По ногам бейте! — в мегафон прокричал бежавший к месту хватки Солдат. — Это радимичи.

Атакующие уже изготовились к схватке, закрылись щитами, но пребывали в растерянности. Они-то были уверены, что на главном участке стены идет жестокая сеча и все защитники заняты в ней, поэтому и выставили здесь баб. А тут так много быстро отреагировавших воинов и страшные механизмы, уже скосившие с десятков соплеменников.

— Волькомир на вылазку и лестницы порушь! — раздавал команды Солдат.

Уже уменьшенная сотня радимичей оказывалась в западне. Можно было попробовать отстреливаться из луков, но у них только пять луков, уж больно дорогое это оружие, если лук правильный.

— Вои, радимичи! Вскую вяще мрети, идете в полон, живота хороняша! — прокричал в мегафон Солдат, когда уже воины, выйдя в неприметную калитку в стене, раскидали лестницы штурмовиков.

— Зачем более умирать, идите в плен, жизнь сохраняя, — пролепетала себе под нос слова мужа Света, а потом поняла, что может остаться со шрамом на правой щеке, где еще сочилась кровь, закричала. — Убейте их!

— Отставить! — моментально и жестко отреагировал Солдат, узнавая голос жены, а потом уже тихо и только для себя добавил. — Моя ты валькирия!

Радимичи сдавались на волю победителя, уже лепеча, что они не причем, и только выполняли наказы старейшин.

Победа была воспринята горожанами с большим воодушевлением. Все были уверены в

том, что теперь хазары уйдут и все задачи решены. Но командование не разделяло желаний отсидеться, которые доминировали в сознании всех славгородцев, кроме воинов. И Солдат, да и все из военного Совета видели, что наступает «окно возможностей». Враг деморализован, в бинокль отчетливо были видны и слезы хазарского предводителя над телом пожилого офицера. И то, что уже не менее двух десятков, скорее всего, тех же радимичей удирали по лесам от войска, из которого, как будто, выдернули стержень.

— Ну что по плану Б? — спросил граф-боярин присутствующих.

— Предлагаю не мешкая. Они не спали ночь, теперь уставшие кто спать собрался, кто девок мять, кто за ранеными ухаживает. И не разберутся, что происходит, как уже лагерь весь разрушим, — высказался Рог.

— Большой? — обратился Игорь к неудачливому всаднику, который все никак не мог найти положения сидя, чтобы не было больно.

— Да! — больше простонал, чем ответил Большой, но в этот раз получил уже не смешки, а сочувствие.

— Козак, Умник! — обратился уже артиллеристам-катапультистам Солдат. — Сможем подвести большие катапульты и дать залп синхронно с подходом машин?

— Придется очень сильно посчитать и перепроверить, я так понимаю, что у нас одна попытка? — спросил Павел-Козак и не дождавшись ответа продолжил. — Не достанем, нужно на метров шестьсот подвести катапульты.

— Не вариант, долго, а на транспорте не протащим, — задумался Игорь.

— У нас два трактора и прицепы к ним. Одна большая катапульта поместится, обвязать, чтобы на ухабах не упали можно, сгрузить быстро так же, тем более, что еще человек десять будут в прицепе. Потом отцепляемся, делаем залп и кидаем эти машинки, убегая за стены, — предложил изменения в плане Козак.

— А можно водрузить щиты на прицепы и поставить туда лучших лучников, которые бы расстреливали врага, пока он деморализован. А потом уехать дальше и продолжить стрелять, — высказался и Большой.

— Ох и авантюра все это. План должен быть всегда простым, но действенным, а не зависеть от синхронизации действий множества людей. Мы же ориентируемся больше на суеверия. Но любые простые планы, которые уже предлагали и наши словенские военачальники, предлагают и наши большие потери, чего нужно избегать, — Игорь ударил себе по коленям. — Все за дело, на подготовку три часа и выступаем, время меняется только по итогам наблюдения. Пусть они расслабятся.

* **

Тормач пытался что-то придумать — нужно побеждать, нельзя возвращаться ни с чем. Да, богатая добыча уже есть, полностью собранная дань и, в принципе, он бы и вернулся. Но там, в городе всего-то полторы сотни воинов, как он думал ранее.

Сразу после неудачной атаки в лагерь пришел словенин с дарами — принес сорок шкурок куницы и пятьдесят арабских серебряных монет. Звали его Рысь, и он являлся старейшиной какого-то рода, что знал с городом. Этот проходимец просил не убивать некоторых людей, если те не умрут при штурме, на кого он укажет. За это предлагал выдать всю информацию, которая может повлиять на исход сражения.

Так, по данным Рыси, в городе не сто пятьдесят человек, а больше двух сотен. При этом

много молодняка, сильными могут казаться только с три десятка самих горожан и еще чуть больше наемников. Конницы вообще нет, он никогда не видел ее. Лучников мало, да и откуда они, если молодняк, русы, как и иные словене, хорошо владели луком, но не с мальства, как хозары. Командует же дерзкими горожанами некий Солдат — хороший боец, но в походах не бывал. Запаса болтов на арбалеты, как и самих арбалетов, мало, сам Солдат рассказывал ему об этих проблемах. Да и с продовольствием вообще никак. Солдат сокрушался соседу, что все отдал князю Олегу, сам хотел купить мяса и зерна.

План начал складываться воедино, когда объявились четыре хорезмийца, которых ранее Тормач принимал этих людей за слуг своего старшего сотника Иосифа, тот часто с ними разговаривал. Да, третий сын бека, видел хорошие одежды на этих людях, но и Иосиф должен был заработать за свою жизнь много добра. И вот эти люди являются инженерами, которые могут и специализируются на постройке осадных орудий.

— Эх, Иосиф, я был не справедлив к тебе. Но я отомщу. Сейчас уже строится мощный таран, завтра начнут строить катапульты, которые и огнем метать смогут. Дело времени, чтобы победить, тем более, что еды у нас много, большую дань взял я, — разговаривал сам с собой Тормач, не обращая внимание на странное тарыхтение, что слышалось за пределами его шатра.

Крики, ржание коней, стоны людей, которые начались, когда командующий самостоятельно налил себе очередной кувшин кваса, единственный напиток, который он любил у диких словен.

— Что происходит? — выбегая из шатра, успел задать вопрос Тормач, но был сражен арбалетным болтом в незащищенную броней грудь.

Умирая, третий сын бека, видел море и себя на корме большого корабля.

Не видел командующий, как погибает его армия. Как расстреливают со странных конструкций на колесах его воинов, как выстраиваются две с половиной сотни обученных ратников в стену щитов и медленно, но уверенно, поддержанные лучниками горожан, зачищают лагерь, отрезая хазар от их лошадей. Не увидел Тормач и то, как сдавались в плен все иноплеменники, и как до последнего сражались его храбрые воины, большей частью не успевшие надеть брони, и мало приспособленные к сражениям в пешем строю.

— Будешь ругать или разведешься, что молчишь? Хочешь сказать, что мы и не женаты вовсе, даже не расписывались, нашел себе уже красотку, тут же любая с радостью пойдет с тобой? — первое, что сказала Света, когда Игорь зашел в лазарет, чтобы навестить ее и поинтересоваться здоровьем.

— Я очень рад, что с тобой все в порядке, — скупой ответил Солдат и уже собирался уйти, дел еще очень много, а тут разборки на час.

— В порядке? Да? У меня шрам на щеке и кончика уха нет, — выкрикнула Света, когда Игорь уже был в дверях.

— Ну, это у нас для симметрии, ты безухая, я безухий будем семьей безуховых, а сына Пьером назовем, — ответил Игорь улыбаясь.

— Я не безухая! — прокричала вслед Света.

— А я сына никогда Пьером не назову, — уже себе под нос пробурчал Игорь, направляясь к озерным воротам, где развернулся настоящий центр по приему беженцев.

В той, кажущейся, уже прошлой жизни, Игорь Посталовский видел подобные центры беженцев. Такие же оборванцы, худые и изнеможенные люди, с такими же уставшими и обреченными глазами. Они стояли на границе с Такжикской ССР и просто хотели, что все, что с ними происходит, закончилось. Некоторые люди уже были готовы и на фатальное решение своей судьбы, но были слишком религиозны, чтобы не наделать глупостей.

— Ну, что тут? — спросил граф-боярин у Катерины, которая возилась с исписанными бумагами.

— Тебе как? По людям, тварям или по трофеям? — спросила уставшая женщина.

— По тварям мне должен Артур доложить, давай по людям и трофеям, — ответил Солдат, вглядываясь в лица людей, которых разделяют на группы, полностью голых уже гонят в растопленную баню, а Вера и другие девушки дихлофосом обрабатывают то, что одеждой зовется.

— Оба-на, а это что за фрукт? — наигранно удивленно выкрикнул Игорь, когда в одной из колонн пленных увидел Рысь, понуро шествующего впереди связанного десятка.

— Корень, пошто тот тать не у особой вязне? — спросил Солдат у одного из десятников сотни Волькомира.

Корень, не задавая вопросов, сноровисто отвязал Рысь от связанного общей веревкой десятка.

— Ведай, блядник, злыдня на твой род, — пригрозил лгуну и предателю кары на его род Игорь, ухватив того за подбородок и крепко сжав.

— Не погуби, виру дам, мя живота лиши, токмо не род, — взмолился Рысь.

«А вот это мы еще разыграем покрасивше, да с прибылью» — подумал Игорь, вспоминая разговор с Артуром, который уже давно предлагал убирать Рысь и присоединять общину в агломерации Славгорода.

— Давай, Катерина, а то отвлекают тут всякие, — обратился уже к заместителю главы города по хозяйственной части, которую все зовут больше ключницей Катериной.

— Ты бы не губил всех болотных, у них много добрых людей, а мальчишки с девчонками вообще хорошо обживаются, — попросила жена Паши-Козака и, дождавшись кивка Солдата, начала свой доклад, часто подсматривая в тетрадь и какие-то листы,

исписанные разными подчерками.

Триста пять коней, боевых и вьючных. Побитых еще пять сотен, так что туши коней разделяются и в ближайшее время, чтобы никто не жаловался, что в каше одна конина, ночи уже прохладные и в ледниках мясо вполне пролежит, но часть на тушенку. К этим коням прилагается под сотню телег с разным добром, Катерина посокрушалась, что еще не все учтено. Телеги есть и в неплохом состоянии, тем более, что мужики подшаманят и в хозяйстве такое добро пригодится.

По рухляди всего много. Черной куницы собрано почти три тысячи, белки чуть больше, лисы тысяча, есть мех нутрии и бобровый, немного соболей и даже десять горностаев. И это без того, что захвачены так же уже сшитые сорок три шубы, да овечьи тулупы.

— Я прострочу, нормально будет, а то там швы так себе, под пьяную руку бабы шили, — сделала отступление Катерина.

— Давай отвлечемся, и скажи, как мы готовы к зиме? Все будут одеты? — задал важный вопрос Солдат, который уже неоднократно подымался самой Катериной, а Вера так вообще паниковала, что одна зимняя одежда будет на три человека.

Ключница полистала свою общую тетрадь, и, что-то подсчитав в уме, сказала:

— С учетом уже готовой одежды, у нас пятьсот всяких курток, тулупов, ватников и шуб, ну, если те ватники, что вы забрали на свои доспехи учитывать. Пошить можем еще чуть меньше этого, но нитки станут дефицитом, даже мои запасы тают. С обувью и штанами сложнее, намного. Была бы шерсть, так попробовали валенки катать, но чего нет, того нет. Тебе и Светке найдем, да и мужикам нашим, а так, не очень.

— Вот она, коррупция, — усмехнулся Игорь, но отказываться от удобной зимней обуви, несмотря на то, сам имеет берцы, не стал.

Катерина еще предлагала утеплять даже кроссовки или туфли шкурками, но и это не решит проблему.

По провизии, которую забрали в качестве трофеев так же все хорошо, можно даже было успеть продать в Киев что-то, лучше с обменом на ту же обувь, хоть какую. Город и так по расчетам был готов пропитаться год, без учета возможных новых поселенцев, а тут еще всяко-разное в виде чуть ли не дикорастущего овса, ячменя, репы, меньше ржи.

Ну и люди. Часть решено было отправить домой, по желанию, после прохождения фильтрации. Мужикам, которых привел Акке, нужны жены, чтобы меньше бедокурили. Они вроде бы пока были дисциплинированы, но это пока, без женской ласки мужики начнут звереть. Так что смазливых девок, которых везли на рабские рынки Итиля, надо оставлять. С мужиками так же. Даже до зимы еще очень много работы, к примеру, нужно пробить сухопутные дороги к поселкам Горыничи, куда решил переселиться и сам Горыня, и создать еще одно кузнечное производство, к Речному, к болотникам, которые так или иначе, но станут частью сельской округи города. Но всех оставлять в городе никак нельзя. Радимичей, что были пленными, частью предполагается отдать в роды, чтобы они собрали выкуп для своих соплеменников и выкупили их.

Оружия досталось так же очень много. Только сложносоставных луков хазар больше сотни с огромным запасом стрел. Мечи и короткие кривые степные сабли, кистени, копья и кинжалы, метательные ножи и короткие дротики, разного качества брони, в основном кольчуги. Славгород может теперь неплохо экипировать тысячную армию и не стоило продавать все это.

Большим приобретением, как оказалось позже, стали арабы-инженеры, или кто они там

по национальности, но по виду, так сущие арабы. Эти ребята, правда, без особого выбора, решили перезимовать в Славгороде и горят желанием поделиться своим опытом.

Сложным впоследствии стало определение будущего для интернационала. В живых осталось кавказских, в основном, ребят меньше двух сотен. Этих товарищей частью, без их особого желания, отвезли вниз по течению Днепра, когда был отправлен небольшой караван в Киев и там отпустили, дав незначительные продуктовые наборы. Были и те, кого оставили. Даже случаи, когда за отдельных мужиков приходили просить вдовы женщины. Всех же христиан, а и такие были, в основном из грузин и армян, выпросил себе батюшка Андрей, с подачи бабы Клавы. Теперь и у них есть паства.

Так что работы много, но город теперь устойчив, зиму перезимует, а в новом году будут новые успехи, обязательно будут.

— Пошли, Волчек, — обратился Игорь Посталовский, глава Славграда к щенку-волкопсу, который всегда находит своего хозяина и редко от него отходит. — Нарвем цветочков и мириться к мамке Свете, а то отлучит она нас. Тебя от миски, меня от постели.

— Р-р-р, — ответил Волчек, у которого никак пока не получается лаять.

* **

Киевский князь Олег сидел в просторной горнице и заканчивал свой ужин. Он не мог оторваться от белого хлеба, пусть и не особо свежего, но пшеничного, славгородского, и то, что Лида называла «сгущенка». Почему-то князь был уверен, что такое лакомство не подают и к столу Василевса.

Вчера пришли два корабля из Славграда и князь опешил. Олег и не предполагал, что этот городок, который он всерьез думал, походя разграбить, стал чуть ли не единственным помощником для становления князя в городе. Да, Олег торгует с Сол-датом, а не просто забирает, но город по правде отдал дань, а торг такой больше на пользу князю, чем городу. Или он чего-то недопонимает. Но не может же быть там урожая больше, чем на распаханых полях.

А еще он благодарен был Сол-дату за Лиду. Было время, когда Олег считал, что дева его околдовала, он даже участвовал в специальном обряде, который проводил сам главный волхв Новгорода и приближенный советник князя Гавран. И именно волхв, проанализировав ситуацию, сделал предположение, что Лида, как жена могла бы быть в каком-то смысле полезной.

Из доводов, которые приводил Гавран, было то, что приданного за Лиду город может дать уже изрядно, да и придет на помощь если что. И это могло бы вызвать усмешку на лице правителя Киева, но до того момента, как пришли новости о сражении у стен Славграда. Сол-дат не только отбил, но и захватил просто огромное количество скарба. Его люди даже привезли двух вождей радимичей, которые так же участвовали в набеге, но были разоружены. И получалось, что в следующем году можно будет успеть привести к покорности и северцев и радимичей, что в планах было значительно позже, но половину этой работы сделал граф-боярин.

Вот и получалось, что такое стремительное развитие города при том, что он станет под защитой Олега, может принести много полезного. Князь уже знал, что греки собираются по весне отправить большой торговый караван к Славграду и планируют хорошо сторговаться. А греки, они хитрые и не упустят свою выгоду.

Что же касается Лиды, то только одно препятствие в том, чтобы она стала княжеской женой — ей была уготована роль второй жены, отнюдь не главной. Но проблема решилась сама собой, и князь был даже рад такому стечению обстоятельств. Через неделю после приезда в Киев, Богумила заболела и умерла.

А в то время, как князь и создатель древнерусского государства в разговоре с волхвом решался предложить стать женой перед богами Лиды, чтобы никто другой этого не сделал, были уже просители у князя, сама интриганка предавалась любовным утехам с одним из воинов из ближнего круга Олега — Торстеном Секирой. Любвеобильный, но глупый викинг выполнил поручение Лиды и отравил Богумилу. Он так же уже труп, но чуть позже, та отравка, что девушке приготовила Видана еще в Славграде, действует безотказно, но не сразу. И то, что вонючий «гном», хвастающийся своей мужской силой, но сильно уступающий и князю, и Игорю Посталовскому, выпил сладкого вина, произведенного в Славграде, решило его судьбу. Свидетелей оставлять нельзя!

* **

— Добрая зима, Горыня приезжал к Власте, говорил, что не было еще такого, чтобы в морозы никто не умер, было тепло в домах и еды в достатке, — сказала Света, любясь сыном, усердно вкушающего молоко матери.

— Да, хорошо поработали, не все, но кое-что успели, — ответил Игорь, пребывая в глубокой задумчивости.

— Ты как будто не со мной, что опять случилось? — спросила еще более похорошевшая женщина у главы Славграда.

— Все хорошо, любимая, я пройду! — Игорь встал, одел валенки, соболиную шубу и, не дожидаясь ответа, вышел, и уже во дворе позвал Волчка. — Ну, пошли, прогуляемся, опять не спится.

Уже второй день Игоря тянет на место, где все начиналось, которое считается проклятым, где некогда был лагерь археологов.

Вчера ночью, разбуженный богатырским криком сынули Богдана, когда Неждананья со Светой начали колдовать над мальцом, он пошел прогуляться.

Яркое свечение в стороне некогда лагеря археологов ослепило глаза. Именно оттуда они перенеслись из 1990 года на более чем тысячу лет назад. Было странно, что дозоры никак не реагировали на странности, больше похожие на северное сияние. Подходя к воротам у озера, внизу холмов, граф-боярин понял, что дозорные спят мертвецким сном. Глава города даже зашел в «дежурку», чтобы удостовериться, что воины действительно спят. Нужно было резко разбудить и хорошенько так пропесочить, а потом поднять по тревоге весь гарнизон и уже остальным бойцам поведать, по чьей причине они лишились сна и отправляются на внеплановую тренировку. Однако, вопреки своему, Игорь этого не сделал, а лично, с большим усилием, открыл калитку в воротах и пошел в сторону бывшего лагеря археологов.

Сияние усиливалось, послышался волчий вой, но рычание и грозное «р-р-гав» Волчка, волшебным образом прекратил призывы волков, которых тут уже давно не было видно. Вой прекратился и рассеялся туман, внутри которого появлялись всполохи молний, то выстреливая из дымки, то, напротив, устремляясь внутрь тумана.

Шаг, еще один шаг и Игорь уже внутри ярких вспышек и обласканный протуберанцами, которые кроме странного чувства спокойствия и неги, не причиняли неудобств.

— В трудную минуту, бог создал институты, Адам студентом первым был... — услышал Игорь звуки, доносящиеся из мутной пелены, буквально в десяти метрах от себя. Это были слова знакомой парню песни.

Сердце кольнуло, и Солдат чуть не развернулся, чтобы бежать от этого места как можно дальше, но усилием воли и, вероятно, ласковым молниям, с успокаивающим воздействием на бывшего студента-историка заочного факультета, он остановился.

— Так выпьем за гуляющих, за ничего не знающих и сессию сдающих наобум, так выпьем за гуляющих историков-студентов ГГУ, — шепотом, но очень громким, пел, или пытался это делать, попадая в ноты только изредка, явно нетрезвый человек.

Шаг, еще шаг, сигнальная лента, обозначающая территорию лагеря. И тут пелена растаяла, проявляя место и людей, голос которых только что слышал Игорь.

За костром, который размещался ровно на том же месте, что и тогда, десять месяцев назад, в день переноса, сидели человек пятнадцать. Молодые парни, но разновозрастные, как показалось Игорю. Лица их были счастливыми, как и те лица студентов-археологов, что только что приехали на раскопки в июне 1990 года. Была гитара, на которой играл крупный, если не сказать толстоватый, лысый и бородатый парень, скорее мужчина, возрастом казался старше многих присутствующих. Рядом с ним сидел еще один худощавый, особенно в сравнении со своим соседом, археолог, тот был в одних шортах, в отличие от одетых в кофты остальных собравшихся у костра. Да и вид у этих шорт был... странный вид, Игорь бы такие не надел.

Да, Солдат понял, что это те самые студенты-археологи.

Выделялся еще один большой человек роста за метр девяносто, крупный, который зачем-то обнимал опору от навеса над костром. Скорее всего, чтобы не упасть, так как парень был изрядно во хмели, и держался за вкопанную опору, периодически расшатывая ее.

— Все, а то шеф проснется, будет нам всем. Итак, вечные штрафники, постоянно на закопах работаем, задрало уже тупо землю кидать, — высказался один из парней, крутя в руках странную шуковину с кнопками.

— Зато какие штрафники! Лучшие! — вдруг воскликнул большой человек, с абсолютно добрыми глазами и так засмеялся, что Игорь мог поклясться, что такого громкого смеха, он никогда не слышал, даже от смехохотливых варягов.

— Саша, тихо, весь лагерь разбудишь! — сказал бородатый гитарист, подкуривая сигарету от горящего полена.

— Ну, что, еще келихколы? — спросил парень в шортах и начал проводить какие-то манипуляции, наливая две жидкости в одну большую эмалированную кружку.

— Я начну! — громко сказал большой парень, обивавший опору, и выхватил чашку, жадно вливая в себя ее содержимое.

— Э, Жарик, дай-ка сюда, — сказал парень в шортах и уже сам сделал два больших глотка, быстро перехватывая банку с тушенкой у одного из студентов.

Игорь сделал еще один шаг, попытался дотронуться до стоящего недалеко от костра стола, но пальцы прошли мимо, не встречая препятствия.

Вдруг парень в шортах резко распрямился и пристально посмотрел прямо в глаза Игорю, потом повернул голову и обратно взглянул, потер глаза и опять посмотрел.

— Старый, я бородатого мужика в белой шубе вижу с мечом, шуба расстегнута, шейная гривна серебряная, — испуганно говорил парень, отставляя кружку, из которой только что пил, на стол, но, при этом, не отводя глаз.

— Ага, а я викингов на драккаре видел, это все алкашка стремная, пойду-ка я спасти, Яна, небось, заждалась, — сказал бородатый, которого звали Старым.

— Все, Дима Шима допился! Ха-ха! — разразился новой порцией громopodobного смеха большой человек, к которому обращались Саша-Жарик.

Не обращая внимания на происходящее, Игорь вдруг понял, что сделает он еще один шаг и прорвется на новый уровень реальности, он сможет остаться в этом мире, вполне возможно, его мире из которого он вместе с другими людьми попал в прошлое. «Отец» — вспомнил Игорь своего главного человека той жизни, и сделал уже тот самый шаг, но сразу же всплыли образы Светы, Богдана, Кости, Катерины и Павла, Тани, Рыгора и Большого, Бушуя и Карпа, все лица славгородцев вдруг пронеслись перед глазами. Образ города. Вдруг и очень отчетливо Игорь осознал, что сделал уже столько всего, что не смог бы в том, ушедшем мире, что бросить все и уйти он не сможет.

— Удачи, пацаны! — сказал Игорь и развернулся в сторону города, своего города, славного города с большим будущим, постепенно теряя связь с две тысячи восьмым годом и его обывателями.

— И тебе, мужик! — ошеломленно сказал Дима Шима, но образ растаял в дыме от костра, и парень выдохнул. — Так, нужно вмазать. Есть там, в кружке, чего?

Конец книги, может быть...

Посвящается памяти великого человека и выдающегося археолога Макушникова Олега Анатольевича.